

ІРИНА РЕВА

ВОЇНИ ДНІПРА

ЦІННОСТІ, МОТИВАЦІЇ, СМИСЛИ

УКРАЇНСЬКИЙ
ІНСТИТУТ
НАЦІОНАЛЬНОЇ
ПАМ'ЯТІ

Український інститут національної пам'яті
Дніпровська міська рада
Агентство розвитку Дніпра
Дніпропетровський національний історичний музей
імені Д. І. Яворницького

УДК 821.161.2'06-92-94:355.422АТО(477.6)''2014/2015''(092)

В65

Рекомендовано до друку науково-методичною радою
Інституту історії Дніпра, протокол № 26.10.2017 р.

В65 **Воїни** Дніпра: цінності, мотивації, смисли / упоряд. та авт.
передм. І. Рева ; Укр. ін-т нац. пам'яті. – Київ : К.І.С., 2020. – 358 с.

ISBN 978-617-684-260-6

Книга містить спогади одинадцяти дніпрян, учасників російсько-української війни на Донбасі, які служили у складі Збройних сил України та добровольчих підрозділів у 2014–2015 рр. Це транскрибовані аудіозаписи напівструктурованих проблемних інтерв'ю, записаних у 2017 році, в яких ідеться про будні військової служби, цінності та життєві засади бійців. Розповіді доповнені фотографіями з особистих архівів героїв книги.

Для всіх, хто цікавиться історією російсько-української війни на Донбасі.

УДК 821.161.2'06-92-94:355.422АТО(477.6)''2014/2015''(092)

Відповідальний редактор *Тетяна Ковтунович*
Редактор *Тетяна Небесна*
Дизайн, верстка *Володимир Даниленко*
Фото на обкладинці *Ірина Цвіла*

Видання здійснено коштом
Українського інституту національної
пам'яті і не призначено для продажу

ІРИНА РЕВА

ВОЇНИ ДНІПРА:

цінності, мотивації, смисли

Київ
2020

ЗМІСТ

- 6 У СВІТЛІ ДІОГЕНОВОГО ЛІХТАРЯ
- 14 «ТЕПЕРЬ МНЕ НЕ СТЫДНО, КОГДА ПРИХОДЯТ ВОЕННЫЕ, КОГДА ПРИВОЗЯТ РАНЕНЫХ» (інтерв'ю з начальником медичного пункту 3 ПДБ 25-ї ОПДБр Артемом Проваловим)
- 29 Зі спогадів командира взводу 25-ї ОПДБр Максима Шевченка про військового лікаря А. Провалова
- 30 «ПІСЛЯ ЦЬОГО Я ПЕРЕСТАВ ЗНЕВАЖАТИ ВІЙСЬКОВИХ КОМІСАРІВ» (інтерв'ю з командиром взводу 93-ї ОМБр Андрієм Антоновим)
- 46 «...ЭТО ЧЕТЫРЕ ОБЕРЕГА, БАБКИ В СЕЛЕ УЖЕ ЗАГОВОРИЛИ, К ВЕЧЕРУ ЕЩЕ ДВА БУДУТ...» (інтерв'ю з оператором АСУ ПВЗ 93-ї ОМБр Віктором Байдачним)
- 74 «ОН ГОВОРИТ: "МЫ НЕ ХОТИМ ВОЙНЫ". Я НА НЕГО СМОТРЮ: "НУ, И Я НЕ ХОЧУ ВОЙНЫ..."» (інтерв'ю з кулеметником 25-ї ОПДБр Ігорем Гондарем)
- 116 «НАМАГАВСЯ БУТИ КОРИСНИМ ТАМ, ДЕ ПЕРЕБУВАВ» (інтерв'ю з начальником клубу 93-ї ОМБр Віктором Шевченком)

- 132 «Я ВОЕВАЛ В 2 КМ ОТ СВОЕГО ДОМА... ДУМАЛ, ЧТО БУДУ ОСВОБОДИТЕЛЕМ СВОЕЙ РОДНОЙ ЗЕМЛИ» (інтерв'ю з заступником командира батареї з виховної роботи 93-ї ОМБр Андрієм Макаровим)
- 154 «ЧТО-ТО ПРОИЗОШЛО, КАКОЕ-ТО ЧУДО: ТАМ, ВНУТРИ, ЧТО-ТО ОСТАНОВИЛОСЬ...» (інтерв'ю з бійцем полку «Дніпро-1» Віктором Савченком)
- 182 «У РОСИЯН ДУХУ МАЛУВАТО. БО ВОНИ НЕ ЗА СПРАВУ, ВОНИ САМІ ЦЕ РОЗУМІЮТЬ» (інтерв'ю з бійцем полку «Дніпро-1» Дмитром Бойком)
- 200 «Я ДО ПОСЛЕДНЕГО НЕ ВЕРИЛ, ЧТО ТАМ ТАНК БУДЕТ ЕХАТЬ» (інтерв'ю з командиром відділення 25-ї ОПДБр Анатолієм Лебідєвим)
- 252 «СТРАШНО БЫЛО... ЗА НИХ. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, СТРАШНО» (інтерв'ю з механіком-водієм 74-го ОРБ Василем Гулою)
- 296 «ВІН МЕНІ ПОТІМ ПРИЗНАВСЯ: ВІН МЕНІ НЕ ДОВІРЯВ, ТОМУ ЩО Я З ДОНЕЦЬКА» (інтерв'ю з командиром 13-го ОМПБ Анатолієм Родіоновим)

У СВІТЛІ ДІОГЕНОВОГО ЛІХТАРЯ

Грецький філософ Діоген із Сінопа, який жив у IV ст. до н. е., одного разу засвітив ліхтар удень і ходив із ним по залюднених вулицях, повідомляючи здивованим перехожим, що він «шукає людину» – справжню Людину в зіпсованому суспільстві. Проводячи у 2017 р. інтерв'ю з учасниками російсько-української війни, я помітила, що в розповідях військовослужбовців часто зустрічаються фрази «справжня людина», «гідна людина», «людина прямої дії». У буденних розмовах цивільних громадян такого не почуєш, радше навпаки – говорять про те, що люди навколо нечесні, корисливі й не заслуговують на довіру.¹ Вочевидь, у безпосередній близькості від лінії фронту, де кожна хвилина може стати останньою, людина має можливість піднятися над буденним світом і досягнути справжні (без лапок та іронії) цінності, істинні смисли людського буття.

Книжка, яку ви тримаєте в руках, складається з 11 транскрибованих аудіозаписів напівструктурованих проблемних інтерв'ю з учасниками російсько-української війни на Донбасі, які проходили службу в зоні бойових дій у 2014–2015 рр.² Інтерв'ю записано в 2017 році, коли авторка цих рядків працювала науковим співробітником Інституту історії Дніпра КП «Агентство розвитку Дніпра» Дніпровської міської ради. Вибірка респондентів формувалася шляхом опитування учасників бойових дій та волонтерів із міста Дніпро: їм пропонували порекомендувати для запису військового, якого, на їхню думку, можна було б охарактеризувати словосполученням «гідна людина». У нас не

1 Головаха Е. Феномен «аморального большинства» в украинском обществе: постсоветская трансформация массовых представлений о нормах социального поведения / Евгений Головаха // Україна – 2002. Моніторинг соціальних змін. – К.: Ін-т соціології НАНУ, 2002. – С. 460–468; Головаха Е. Соціальний цинізм і аномія в українському суспільстві: загальна динаміка і останні зміни / Євген Головаха // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. – 2014. – Вип. № 1. – С. 49–56.

2 Я вдячна керівництву та співробітникам Дніпровської міської бібліотеки, а також патентно-технічного та краєзнавчого відділів Дніпропетровської обласної універсальної наукової бібліотеки, на базі яких проведено більшість інтерв'ю.

було завдання виявити кращих із кращих. Ми шукали просто гідних людей, щоби побачити, хто вони – громадяни, які ризикували життям заради свободи та незалежності нашої держави. З'ясувати, які їхні цінності та життєві засади. Запитати, хто були їхні батьки, діди, люди, які впливали на їхнє формування як особистостей. Дізнатися, чим українські захисники займалися до війни...

Із одинадцяти опитаних військовослужбовців лише двоє (комбат і механік-водій) до весни 2014 року мали досвід участі в бойових діях, та ще один був контрактником – для нього це був перший рік військової служби. Решта респондентів до війни працювали в різних галузях – двоє інженерів, перекладач з німецької, лікар-хірург, троє приватних підприємців, менеджер із продажів... Наймолодшому респонденту на момент початку російсько-української війни було 23 роки, а найстаршому – 58. Але всіх їх об'єднує особливий набір особистісних якостей: загальна небайдужість, активна життєва позиція, відповідальність, повага до державних законів, налаштованість на зростання та розвиток (особистості та суспільства загалом), прагнення бути чесними із собою та світом, здатність до діяльного співпереживання стражданню ближнього, патріотизм та готовність до самопожертви заради відновлення справедливості у світі. *«Видя вот эту ситуацию, просто понял, что... полный капец. 14-й год, мы знаем о том, что территория России... уже на границе собрана группировка, которая действительно в таких условиях может спокойно дойти... куда угодно, хоть до Польши. [...] И я решил, что надо хотя бы вот в этот момент заткнуть эту дырочку, постараться хоть как-то что-то сделать»*, – пригадує обставини, за яких прийняв рішення піти на фронт добровольцем, десантник 25-ї бригади Ігор Гондар. Хоча він і не мав за плечима досвіду служби в армії – у мирному житті пан Ігор працював інженером.

Як ми вже сказали, до засадничих цінностей героїв цієї книжки і взагалі військових, які свідомо пішли захищати Україну, належить поняття «справедливість». Наші сучасники, особливо представники старшого покоління, схильні нарікати, що у світі немає справедливості. Одвічна проблема людства. Страх перед хаосом буття психологи-практики вважають одним із найбільших екзистенційних випробувань, які повинна здолати особистість, реалізуючи свою суб'єктність. Адже в зовнішньому (об'єктивному) світі, у світі дикої природи справедливості немає: сильніший поїдає слабшого незалежно від того, чи гідно той прожив своє життя. Справедливість – філософська категорія, створена людиною для впорядкування власного життя за законами цивілізації. Отже, джерелом справедливості у світі може бути лише сама людина, яка вірить у те, що від її зусиль щось залежить, і здатна не лише теоретизувати, а й діяти заради

творення справедливого світу. Тобто суб'єктна людина – така, яка має власне світобачення, почувається господарем своєї долі та суддею власних учинків. *«Ты сам судья своих поступков. Ты эти поступки делаешь, кроме тебя самого в мире нашем может кто-то тебя осудить, это правильно, но если к самым истокам прийти, то ты сам себе судья, и ты решаешь, как ты будешь поступать»*, – говорить 26-річний десантник Анатолій Лебідєв.

Саме суб'єктність є тим ресурсом, який атакує в людині гібридна війна. Бо суб'єктність передбачає наявність особистісних та колективних смислів, а також сформованої системи цінностей, передбачає здатність розрізняти добро і зло, своє й чуже, правду й брехню. Коли людина втрачає уявлення про справжні смисли, охоплена сумнівами, вона одночасно втрачає спроможність дії до самостійної дії. Адже здатність діяти рішучо й активно народжується з відчуття правди за собою. Ми бачили це на прикладі Євромайдану. Потужне відчуття несправедливості (коли в ніч на 30 листопада 2013 року озброєні беркутівці побили студентів та коли Росія анексувала український Крим) змусило багатьох громадян особисто втрутитись у розвиток подій, власним коштом приїхавши до столиці, щоб захистити гідність українського народу, зневажену представниками «умовно своєї» влади та недружніми діями сусідньої держави. *«Після того як побили студентів, я вже... Це була остання крапля того режиму для мене. Навіть не те, що в Європу там той дубоголовий не підписав, а це було так, ніби тебе без згоди тягнуть назад до совка...»* – згадує події осені 2013 року учасник Євромайдану, а пізніше комбат 13-го ОМПБ Анатолій Родіонов.

Після розпаду СРСР ідеологічний конструкт «єдиного й неделимого радянського простору» почав руйнуватися, завдаючи удару по самооцінці носіїв імперської російської ідентичності – їх покинули, не прийняли російської культурної та політичної зверхності, якою пишалися мільйони десуб'єктизованих (тобто таких, які не досягли в житті особистого успіху, висновуючи уявлення про свою цінність із відчуття приналежності до «великого» народу) радянських громадян. Тож сучасна російсько-українська війна для носіїв імперської російської ідентичності – це війна за відновлення втраченої самоповаги. Точніше – за відновлення ілюзії величі...

Для досягнення своєї експансивної мети російське керівництво використовує слабкі місця – неусталеність національних та державотворчих цінностей у житті пострадянських суспільств, спираючись на «вільні радикали» – уламки радянських, комуністичних, імперських смислів. Такі дії руйнують життя звичайних людей, свідомість яких не виробила чіткої системи координат («усі погані», «моя хата скраю», «мені все одно») та алгоритмів взаємодії з іншими членами

української спільноти й не може дати відсіч абсурдним навіюванням російської пропаганди про створення фантомної держави ЛНР/ДНР, яка не має власних ресурсів, щоби себе утримувати. Людям без внутрішньої системи відведена неприваблива роль «сліпих» вояків, «гарматного м'яса»... *«Ми ходили рейдами між селами на кордоні між державами [Азербайджан та Вірменія], бачили, як жили люди до війни. Спільні сім'ї між армянами та азербайджанцями, дуже працелюбні народи... ВОНО [гібридна війна] почалося, і ми бачили, до чого це призводить, бачили нестиковки між тим, що говорять політики, і реальністю... Народ скрізь однаковий – прості люди скрізь однакові. В мене добрі друзі лишилися як в Афганістані, так і в Азербайджані»,* – згадує про свою участь у вірмено-азербайджанському конфлікті в 1988–1994 роках у складі російської 104-ї повітряно-десантної дивізії кадровий російський офіцер, а згодом учасник російсько-української війни, комбат 13-го ОМПБ Анатолій Родіонов. Шлях гібридної війни пройшли колишні радянські республіки Грузія, Азербайджан, а тепер проходить і Україна.

Можливо, тому, що гібридна війна атакує насамперед смисли, демобілізовані українські військові, повертаючись з війни, часто зауважували в себе нову потребу – знайти себе, бути собою. Самотождність, справжність – ці споконвічні цінності, про які писали українські філософи ще у XVIII–XIX століттях, оприявнює сучасна війна. Вона оголює найпотаємніші закутки душі, безсоромно виставляє на огляд чесноти і вади. А мобілізованих солдатів війна вирівнює у майновому та соціальному планах, і тоді ієрархію статусну змінює природна ієрархія, зумовлена реальними потенціалами особистості. *«В человеке есть два человека: внешний и внутренний. Когда мы идем в гости, мы одеваем на себя самое красивое, что у нас есть, для того, чтобы быть другому человеку приятным, и в общении, и во внешнем виде. Но... когда ты находишься в такой ситуации, когда тебе некогда подготовиться к встрече, когда ты раздражен или когда ты не успел покупаться, ты плохо выглядишь, а война – это именно такое место, где ты находишься постоянно в своем кругу. Причем когда тяжело и трудно, тут проявляется «внутренний» человек – кто ты есть на самом деле. На самом деле добрый такой, улыбочивый, или ты на самом деле очень такой агрессивный и недовольный всем... Настоящий человек – тот, у которого внешнее и внутреннее совпадает»,* – говорить заступник командира батареї 93-ї ОМБр Андрій Макаров.

Війна вимірює особистість найбільшим страхом усього живого – страхом смерті. На цих «терезах» переважаються усі цінності, і стає зрозуміло, чим людина може пожертвувати в критичній ситуації, а чим ні. Кожен, хто пройшов горнило війни, повертається додому з

уявленням про «справжні» та «несправжні» речі. Нерідко можна почувти історії про те, як, повернувшись із фронту, чоловік змінив свої звички, спосіб життя, погляди, ставлення до рідних.

До справжніх цінностей військові зараховують: любов та здоров'я рідних, а також саме життя в його найзвичайніших буденних проявах; можливість повною мірою реалізувати свої внутрішні, закладені Богом, природою, батьками потенціали; можливість знайти свою «сродну працю», про яку писав український філософ Г. Сковорода. Люди, які пройшли випробування смертю, цінують відвертість, щирість у стосунках – коли не треба «прогинатися», плазувати перед начальством, не треба вдавати із себе когось іншого, не треба брехати й терпіти те, чого не хоче й чому опирається душа. *«Уволился в конце концов с фирмы, на которой 15 лет работал. [...] Поменял одну работу. Вторую. Поменял одну, полгода поработал и понял, что я могу поменять опять. Потому что там было некомфортно. Я мог терпеть, но зачем терпеть? Я быстрее стал принимать решения»*, – розповідає про своє усвідомлення швидкоплинності життя, яке не варто витратити на «трудові подвиги», що не дають ані відчуття смислу, ані задоволення, боєць 93-ї бригади Віктор Байдачний.

Соціальні психологи кажуть, що саме невідповідність життєвого вибору, який роблять люди, обираючи професію не за покликом серця, а керуючись матеріальними розрахунками та уявленнями про престиж, є причиною такої глобальної проблеми нашого суспільства як професійна некомпетентність.¹ І тому ми часто зустрічаємо продавців, які неохоче спілкуються та відповідають на запитання, лікарів, яких нудить від пацієнтів, журналістів, які не вміють і не хочуть мислити... До певної міри ми зараз живемо в суспільстві втрачених можливостей, бо свого часу не зуміли бути справжніми. *«Сначала я мечтал быть ГАИшником, потом разочаровался в этом. Хорошо, что не пошел в свое время. Хотел быть следователем, много кем хотел...»* – зізнається боєць полку «Дніпро-1» Віктор Савченко, який до початку російсько-української війни протягом багатьох років займався підприємницькою діяльністю, але демобілізувавшись у зв'язку з важкими пораненнями, отриманими під Іловайськом, став поліцейським. Якби хоча б частина людей із розвиненим почуттям справедливості, які мріяли про роботу в правоохоронних органах, але пішли працювати не за покликанням, дослухалися до голосу серця, можливо, не було би сумнозвісних подій у райцентрі Врадіївка, коли працівники

¹ Алікіна Н. В. Проблемний перебіг життєвих подій та вибір самозахисту / Наталя Алікіна // Особистісний вибір: психологія відчаю та надії / За ред. Т. М. Титаренко. – К.: Міленіум, 2005. – С. 158.

міліції згвалтували та побили місцеву мешканку, а їхнє начальство намагалося «зам'яти» справу. Цей випадок став однією з останніх крапель у переповненій чаші народного гніву напередодні Євромайдану. Можливо, якби правоохоронна система України діяла як належить, взагалі не дійшло би до Майдану. А можливо, якби українці уміли «своїм життям до себе дорівнятись»¹, не було би й війни...

Усе, що відбувається, має свої причини, і невідповідність життєвих виборів наших співгромадян має пояснення в минулому. Опитувальник, яким ми користувалися для проведення інтерв'ю, складається з трьох блоків. Запитання першого блоку стосуються родини, предків та формування особистісних якостей респондентів. Другого – досвіду, пов'язаного з Євромайданом та війною. Запитання третього блоку спрямовані на з'ясування актуальних цінностей та поглядів співрозмовника. І якщо поглянути на відповіді, що розкривають родинний досвід респондентів, побачимо, який жахливий шлях пройшло наше суспільство за минуле століття. Колективізація, репресії, Голодомор, Друга світова війна, голод 1947-го року та пізніші репресії, війна в Афганістані... «Бабушка со стороны... отца, их там раскулачили-раскуркулили, забрали хату, такое было. [...] Много умерло от голода из ее братьев и сестер», – пригадує розповіді бабусі Віктор Байдачний із 93-ї бригади. «По бабушкиным словам, из того, что я помню, примерно... треть села было на кладбище. То бишь умерло. Семья выжила, потому что дед работал на сахарном заводе мастером. Мог, допустим, украсть там птаку...» – ділиться родинним досвідом виживання механік-водій 74-го розвідбату Василь Гула.

Закономірно, такий досвід змінив наше суспільство, заповонивши колективне несвідоме страхами (страх голоду; страх «висунутись», тобто проявити ініціативу; страх покарання за критику влади тощо), породивши подвійні стандарти та підмінивши в частини співгромадян українську національну ідентичність конструктом «радянська людина» з певним набором життєвих засад, як-от: прагнення «сильної руки», недовіра до підприємців («куркулів») як до народних визискувачів, зверхнє ставлення до селянської праці, схильність за найменшої нагоди цупити державне («колгоспне») майно – продукти, дефіцитні товари, спирт і т. ін., підлещування до посадових осіб, надмірна «сором'язливість» частини етнічних українців, що проявляється у намаганні заперечити, приховати свою українськість, тощо.² Тож не дивно,

1 Слова Мавки з драми-фесрії «Лісова пісня» Лесі Українки.

2 Детальніше про це див.: Рева І. По той бік себе: соціально-психологічні та культурні наслідки Голодомору та сталінського терору / Ірина Рева. – Вид. 2-ге, перероб. і доп. - К.: К.І.С., 2019. - 272 с.

що людина, яка мріяла бути поліцейським (або військовослужбовцем, або займатися наукою), не йде за покликом душі, а вирішує стати стоматологом, виходячи з міркувань, що лікар завжди матиме шматок хліба. Не дивно, що нащадок репресованих не хоче балотуватися в народні депутати, ув'язнувши в тенетах упередження «Влада – брудна справа». Але звідки ж тоді взятися у владі нормальним людям?

На щастя, наслідки історичних травм не тривають вічно. Дослідники кажуть, що їхня дія поступово слабшає, важкий колективний досвід переосмислюється протягом трьох-чотирьох поколінь, після чого суспільство може розвинути двома шляхами: або прийняти деякі моделі поведінки та світоглядні засади, що були спричинені травмою, як норму, або позбутися їх як таких, що не є природними для здорового соціуму.¹ Нині наше суспільство перебуває на роздоріжжі – ми повинні зробити світоглядний вибір, визначитися з цінностями та моделями поведінки. Активна громадянська позиція чи «Моя хата скраю»? «Я є господарем своєї долі» чи «Моя доля – іграшка в руках олігархів (фатуму)?» «Держава – це народ, а влада – наймані працівники, свідомі своєї суспільної місії» чи «Україна і чесна влада – поняття несумісні»?

Добірка інтерв'ю, яку ви тримаєте в руках, має сприяти здійсненню такого вибору, бо в книжці наведені спостереження та переконання людей, які зробили світоглядний вибір або перебувають у діяльному стані самовизначення, самооновлення, творення власної системи життєвих координат. Наведені тут інтерв'ю є повноцінними документами, оскільки вони не проходили літературної обробки (транскрибовані тексти суттєво відрізняються від літературно відредагованих, із якими читач стикається щодня в газетах та на вебсайтах), а є лише відтворенням аудіозаписів інтерв'ю з невеличкими скороченнями. Тексти були скорочені в тих випадках, коли респондент відволікався від предмета розмови або вдавався до надмірної деталізації, – з метою економії часу читача. Тривалість інтерв'ю в реальному часі становить від двох до восьми годин, тож ми отримали значний обсяг матеріалу, тоді як завданням даного видання є не лише фіксація спогадів військових, а й презентація мотиваційної бази, світосприйняття, цінностей та моделей поведінки людей, які, на думку оточення, гідно проживають своє життя. Також вилучені цифрові та інші дані, що є військовою таємницею.

1 Найдюнова Л. Голодомор: страждання, спричинені політичною технологією / Любов Найдюнова. – Режим доступу: http://www.nbu.gov.ua/portal/soc_gum/ppp/2009_9/Naidenova.htm, Рева І. Психолог Тетяна Воропаєва: Наслідки геноциду поширюються на чотири покоління. 15.11.2013 / Ірина Рева. – Режим доступу: <http://tyzhden.ua/Society/93979>

Місця, де упорядником було скорочено або вилучено текст, марковані позначкою [...]. Звичайною трикрапкою марковані фрагменти тексту, де думка респондента залишилася незавершеною, а також місця повторів (якщо респондент уже згадував певний епізод, повторно ми його не наводимо) або фрагменти, з яких було вилучено кілька слів, що не служать для вираження думки, а виконують суто допоміжну функцію (підтримання розмови, пригадування, пошук точного формулювання тощо). Наприклад, у фразі «забув... зараз-зараз, зачекайте» останні три слова є допоміжними.

Фрагменти тексту, де траплялись обмовки, якщо респондент звернув на них увагу й навів правильне формулювання, одразу подаються у виправленій формі. Якщо респондент не помітив своєї похибки, виправлення подається у квадратних дужках із приміткою «респондент обмовився». Також у квадратних дужках подаються виправлення й уточнення, зроблені упорядником або респондентом під час ознайомлення з транскрибованою копією свого інтерв'ю. Деякі інтерв'ю подано в редакції самих респондентів, що зазначено в кінці книги. У відповідях одного респондента, на його прохання, окремі просторічні вирази замінено літературними.

Звертаємо також увагу на те, що слова «сепар», «сепаратист» ми беремо в лапки, тому що під цим поняттям розуміється бойовик сформованого російськими інструкторами незаконного збройного формування, яке діє за вказівками керівників з Росії. Мирних мешканців окупованих територій, незалежно від їхніх політичних уподобань, респонденти так і називають – «мирні мешканці», «місцеві мешканці».

Наостанок хотілося б зауважити, що між поняттями «гідна людина» й «ідеальна людина» є принципова відмінність, як між транскрибованим і художньо обробленим текстами. При цьому гідна людина орієнтована на ідеал – на справедливість, розвиток, дію та відповідальність. І наведене в збірнику живе мовлення, власне, і має на меті показати красу і справжність внутрішнього світу реальних людей. Красу, яка не зникає під усепроникним світлом Доігенового ліхтаря.

Ірина РЕВА, науковий співробітник
Дніпропетровського національного історичного музею
імені Д. І. Яворницького

А. Провалов (праворуч) після поранення

**«ТЕПЕРЬ МНЕ НЕ СТЫДНО,
КОГДА ПРИХОДЯТ ВОЕННЫЕ,
КОГДА ПРИВОЗЯТ РАНЕННЫХ»**

Інтерв'ю з начальником медичного
пункту 3-го ПДБ 25-ї ОПДБр
Артемом Проваловим

Розкажіть про своїх батьків. Хто вони за професією?

А. П. Папа и мама оба инженеры. Папа работал на ЮМЗ в конструкторском бюро, начальник группы. Мама на Станкостроительном работала, начальник вычислительного центра была. Сейчас пенсионеры. Папа работает, занимается оформлением... [святкових заходів]. Он с ЮМЗ ушел, когда все это развалилось. А мама сейчас в книжном магазине работает... [...]

Звідки родом ваші батьки?

А. П. Батьки здесь жили. Их родители... По маминой линии жили в Санкт-Петербурге до этого, у меня там большинство родни. И папины родители тоже с России...

Чи була у вашому житті людина, яка найбільше вплинула на формування вашої особистості?

А. П. Родители ж, наверное.

Може, згадаєте якусь подію, яка, ви відчуваєте, вплинула на вашу подальшу долю?

А. П. Как бы и нет... То, что в медицину пошел, тоже родители... После 9-го класса сказали: «Определяйся, и будем поступать либо в юридический [лицей], либо в медицинский. Или сам выбери себе, что ты хочешь». Говорю: «Давайте в медицинский». Проучился в медицинском [лицей]. Поступил в Медакадемию. [...]

А власні мрії у вас якісь були? Ким ви хотіли бути за професією, коли були підлітком?

А. П. ...Вообще хотел быть программистом. Я изучал эти все... языки программирования. Пытался изучать. И даже пытался поступать в Лицей информационных технологий, но туда я не поступил, и потом все это дело забросил.

Як ви переживали Євромайдан? Внутрішньо, зовнішньо?

А. П. Зовнішньо... Туда не їздив, на Євромайдан... [...] Смотрел по телевизору. Смешанные чувства: правильно это или неправильно, и итог тоже получился такой... тоже не все понятно. Наверное, правильно.

Що саме, ви вважаєте, було правильним?

А. П. Что народ все-таки вышел, перестал сидеть дома, чего-то захотел. Показал свое мнение... [...] Смешанное чувство. Больше, наверное, правильно. Склоняюсь к тому, что это правильно было. [...]

В Дніпрі на мітинги не виходили?

А. П. Я не виходив.

А чому? Якщо ви вважаєте, що десь це, швидше, правильно...

А. П. Я не знаю. Работаю, работаю. Дети, семья, работа...

Скільки у вас дітей?

А. П. Двое уже. Второй уже после того, как вернулся с АТО. [...]

Мені чоловіки, у яких народилися діти після повернення з фронту, розповідали, що на війні приходить усвідомлення скінченності життя і виникає бажання продовження себе в дітях...

А. П. Нет. Такого не было. Комбат говорил: «Так, приедешь – обязательно, чтобы ребенок был второй. Наказую». Хорошо. Когда родился, я позвонил: «Наказ выполнено – дитина є». [Сміється.]

Як на фронт потрапили?

А. П. В военкомат пришел... А! Вызвали в военкомат. Я пришел. Говорят: «Надо идти». Говорю: «Я ж врачом, хирургом». – «Да». – «Точно? Врачом, хирургом, надо?» – «Да, хирург нужен вообще». Ладно. Пошел за вещами.

Як викликали? Повістка прийшла чи подзвонили?

А. П. Позвонили. У нас есть военный стол. Позвонили. Сказали: «Вас вызывают в военкомат». Вызывают – пошел.

Ви ж розуміли, куди ви йдете?

А. П. Тогда не совсем. Тогда ж все только началось. Я вообще думал: «Побуду там, посмотрю, что оно к чему. Может, автомат дадут, постреляю». Я рассчитывал, что через неделю и вернусь... Потом думаю: «Еще неделя, и домой». А потом оно все так затянулось, затянулось и... домой нескоро получилось. Я не думал, что боевые действия будут. Я думал – приеду, посмотрю, как оно, военная жизнь. Медицина как у них военная... Гораздо сложнее оказалось.

Як ви сприйняли анексію Криму?

А. П. Крым до сих пор жалко. Конечно, негативно, потому что они... Да и крымчане тоже «молодцы»: «Ура-ура, Россия!» Россияне... там пропаганда такая идет, что... Негативно. Очень негативно. Жалко Крым.

У вас у батька коріння в Росії й у мами. Як ви це сприймаєте – війну України з Росією?

А. П. Я вважаю... Я – українець. [...]

Родители у мене не розговаривають на українському, я теж на українському так... багато слів з пацієнтами стараюсь українською. Такі фрази, які часто повторюєш, стараюсь українською. І родители: «О! Ты українською розговариваєш...» Вони теж тільки за Україну.

Євромайдан вони підтримували чи ні?

А. П. Теж так, смешанные у них чувства. Вроде и правильно, что вышли, а вроде и нет... И к чему привело это все...

А с другой стороны, если бы молчали [українські громадяни], теж не известно, к чему бы это все привело.

Батьки не розповідали, чи були серед ваших предків репресовані?

А. П. Бабушка пережила... блокаду. [...] Много братьев, сестер поумирали. Она единственная выжила.

Вона в Ленінграді жила?

А. П. Да. Пережила. И без ноги была, на mine подорвалась.

Репресованих не було?

А. П. Не рассказывали.

Розкажіть про свій військовий шлях. Де стояла ваша військова частина? Де позиції розташовувались?

А. П. [...] Куда батальон, туда и я. [...] На первой или на второй броне. Мне комбат сказал: «Я – начальство, ты – со мной». И вот мы с ним на первой, на второй броне ездили. Где были? В Краматорске дольше всего стояли. На аэродроме.

Як лікар, можливо, ви можете мені розповісти... В аеропорту коли були наші частини заблоковані, там був такий період, коли і голодно було, і холодно було...

А. П. Холодно – да, было.

Як переживали це? В плані «піраміди Маслоу»: коли в людини базові потреби не задоволені, відбувається зміна свідомості... Ви як лікар такого не спостерігали?

А. П. ...Сказать, что голодали, такого не было. Вода... Такое было на некоторых выездах, что и 5 дней, и 7 дней нет возможности... даже умыться просто. А так все время что-то варили... Такого не было, чтобы по несколько дней не ели. [...]

Якщо не говорити про бойові дії, що вам запам'яталось з АТО?

А. П. [...] Интересно было, на вертолетах когда летали. Он же низко летает. Я вообще первый раз на вертолете летел. Он летит метров 5–10 над землей, чтобы не сбили. И вот эти провода или что там... лесополосы... он так пролетает, поднимается и опускается. Вжик-вжик. [...]

Опишіть ситуацію, коли ви відчували, що багато що залежить від вас.

А. П. Ситуация была, когда в Шахтерске стояли. [...] Мы на высоте стояли, не в самом городе. Там какая-то высота, вокруг терриконы, а между – город. И вот мы там держали ту высоту. [...] Там в определенные периоды бомбили... Все в окопах сидят, ну и я ж в окопе сижу. И по рации передают, что наших ранило – там, на другом аж конце, бежать надо. Все сидят в окопах, а я между этими окопами бегаю. Раз затихло – беги, доктор! С рюкзачком, как сайгак, побежал. Слышу, кричат: «Падай! В окоп!» Я в окоп... прыгнул... Потом добежал уже до наших, там помогал уже.

Мені розповідали, що американські медики, коли навчання на якомусь полігоні проводили, то вони говорили, що під час ведення бою медична допомога не надається. Треба закінчити бій, заспокоїти ситуацію, а потім уже збирати поранених. Щоб не збільшувати втрати. Якось так...

А. П. Это ж их учили. Нас не учили. У нас бой, не бой – помогали. В Шахтерске когда было, именно на поле боя все. Там летят мины, бегаешь, потом «скорая помощь» уже подъехала. Кого перевязал, кого загрузил, кого там уже [в машині] завязал. Кого уже не успел, ничего сделать не можешь... Нас еще этому не учили, поэтому всем надавали [допомогу], не дожидаясь... Как дожидаться? Он кровью истечет, пока дождешься. Надо хотя бы минимально... жгут какой-то наложить, придавить.

У Шахтарську – скільки вас там було?

А. П. Там же артиллерия стояла, и мы потом приехали. А те, кто были до нас, уехали.

Скільки вас приїхало?

А. П. Там же еще с другого... С нашего батальона... я уже точно не помню... человек 50, может... Где-то так.

Саме десантників?

А. П. Угу... Там в основном артиллерия «укрывала», а мы там, полу-

чается, сидели, прятались. И периметр охраняли. А артиллерия наша стреляет по ним, если вычислят. Эти по нам стреляют. До этого еще так, более-менее... Это первый раз было так, что прямо рядом, в десяти метрах, там эти «Грады» падали...

Які ваші там були обов'язки?

А. П. ...По большей части перевязывал. Жгут наложил либо снял. Многие жгут накладывали там, где он не нужен... ранение, где артерии не проходят... Я знаю, что они там не проходят, я жгут снял, рану обработал, повязку наложил. И, при возможности эвакуации, отправляем. Было, что осколки доставал. Из подбородка... мы доставали, когда были еще в Краматорске на аэродроме. Мина упала, и пацану прямо в подбородок, и так глубоко в кость... Тогда мы его под местной анестезией разрезали и доставали. Руку сшивал, когда запал в руке взорвался у солдата... Посшивали максимально, как смогли. Таких больших, полостных, операций не было.

Це ж ви в полях все робили?

А. П. Да. Я был один практически. У меня были там еще... Дали двоих, но они... медицинского образования у них нет, они как санитары. И то они не поехали, сказали, что там страшно... В АТО не пошли.

Як ви вирішили їхати в АТО? Вибір же якийсь був – їхати, не їхати? Не всі ж їхали.

А. П. Сказали: «Поедешь?» Я сказал: «Поеду». Первый раз. Потом думаю: «Уже в следующий раз не поеду», – когда уже вернули обратно. Потом офицерское собрание каждый вечер. И опять выезд. У меня спрашивают. Думаю: «Скажу “Не поеду”». И так страшно, а там еще... Пацаны говорят: «Поедешь?» Я говорю: «Та я не очень хочу». Они: «Ой, Док, как же мы без тебя?» Я говорю: «Ладно, пишите. Я поеду». А в следующий раз уже махнул на них рукой. Причем они еще молодцы... Краматорск... Когда уже центр АТО переселился в Краматорск, когда уже город наш стал, зачистили, все. И начали на вертолетах такие выезды. На день, на два. На пять суток. Я только с выезда приезжаю. И говорят [іншим бійцям]: «Так, ты был, ты остаешься, отдыхаешь. Вместо тебя тот поедет на следующий выезд. Ну и ты, Док». Я говорю: «Та я ж только приехал с выезда». Говорят: «Нас много, доктор один, поэтому...» И на каждый выезд. [...]

Були пацієнти, які чимось вразили вас?

А. П. Вразили, знаете, чем интересным? Вот профессия доктора... я

после этого еще больше гордиться стал. Вначале, мы приехали только в Краматорск, то такие отношения натянутые немного были [з бійцями]. Грубить пытались. Потом, под конец, когда уже прошли неделя-две, то уже на «вы», «товарищ доктор». Все хорошо, без всяких... [...]

ОН СКАЗАЛ:

**«Я – ОФИЦЕР. ДЕД МОЙ – ОФИЦЕР.
ОТЕЦ МОЙ – ОФИЦЕР. Я НЕ СДАМ АВТОМАТ...»**

З місцевим населенням вам доводилось спілкуватися?

А. П. Доводилось. В Углегорске... Они ж тоже попали под это все... И я их лечил. Они ж тоже попали... Когда в плену был, с місцевими общались...

Ви в полоні були? Цікаво. Розкажіть.

А. П. С місцевими общались в Краматорске. Я понял, что все они неадекватны. То ж второй раз в Краматорск мы прилетели на вертолете. А в первый раз мы ездили на БМД. Должны были занять этот аэродром, он не наш был. И в городе мы запутались. Спросили у местных, они нам показали дорогу, «короткую» [іронічно]... Когда проезжаешь, нелестные отзывы... Потом мы остановились, и нам дорогу перегородили бабушки, тети с детьми, и буквально за 10 минут собралось полгорода вокруг наших БМД: «Вы дальше не поедете! Мы только Россию сюда пропустим, вы нам здесь не нужны!» Получается, на них не поедешь... А только все начиналось. У нас даже к автоматам не у всех были пристегнуты магазины...

А потом прибежали люди в военной форме, стрелять начали, в воздух. Потом окружили. И потом поехали в Славянск. В Славянск нас привезли...

Вони вас оточили і конвоювали до Слов'янська?

А. П. Получается, да. Народ не пустил. Вооруженные люди прибежали. Там на крышах уже и снайперы сидели. [...] Нас никто особо и не обучал ничему на то время, поэтому никто не знал, что делать. [...] Боялись стрельнуть лишний раз. Это все было только-только, по-

этому все боялись, что за это будут какие-то последствия. Тем более, все ж мирные были [солдаты], никогда не воевали. Потом к каждому водителю БМД приставили автомат, и поехали.

В Славянск нас привезли. В Славянске в актовом зале всех посадили. «Стрелков» вышел, сказал: «Хотите – переходите к нам... [...] Кто хочет уехать до дому, вот 100 долларов, купите себе цивильную одежду, пойдете там кроссовки, кофту какую-нибудь купите, джинсы... Вот вам на расходы. Так что, кто хочет, подходите...» Потом сказали: «Если вы не сдадите оружие, мы вас здесь всех расстреляем». Так стали по периметру. В итоге все автоматы подавали. Пистолеты... Сказали: «Нам такой пистолет не нужен, заберите себе». Пистолет Макарова никто не брал. Пистолет остался. Я ж говорю, это только начало было, поэтому тихо-мирно все решилось.

Уже практически выпустили... Получается, БМД у нас забрали, те, на которых мы приехали, оружие они забрали... Сказали: «Все, мы сейчас вам подгоним автобус и вывезем в чистое поле». Вышли мы на улицу. А некоторые с автоматов бойки снимали. Уже не воспользуешься автоматом – он бесполезен. Уже на улице стоим, «Стрелков» выходит, говорит: «Некоторые не подавали с автоматов бойки». Говорит: «Через полчаса не вернете бойки – наша угода скасована». В таком плане. Я понял, там какая-то суматоха, но все равно не подавали бойки, и нас все равно отпустили.

А як відпустили? Як вас забрали звідти?

А. П. Высадили где-то в каком-то поле нас. А потом приехала... [Розмову перервав телефоний дзвінок.] А потом наши приехали через полчаса и забрали нас на машине. Через день разбирательство началось: «Чего вы сдали автоматы? Так нельзя делать». На вертолет посадили, отвезли нас в часть. Прокуратура вечером пришла, и начали: «Пишите объяснительную. Почему сдали автоматы... Почему там это...» Я думал, еще и посадят. В результате ничего там такого не было, даже командиру, который с нами был. Никаких санкций не последовало. Потому что, действительно, ситуация такая была... А прокуратура была, и объяснительную писали, и не одну. [...] Потом выдали новый автомат. Пистолет остался. Жизнь наладилась.

Супротивник повівся нормально. Про таке явище як «стокгольмський синдром» знаєте?

А. П. Когда любить начинают своего... [заручники починають сердечно ставитись до терористів, які їх захопили].

Коли є загроза життю, і потім полонені відчують якусь вдячність за те, що їх не вбили, вже зовсім по-іншому починають сприймати...

А. П. Нет, вдячності не відчуваю.

А серед інших бійців, які були з вами?

А. П. А среди них оказались такие потворы, что попереходили на их сторону... А потом еще писали смс-ки [тим], хто з ними дружили, тем, хто были в части, они потом писали: «Сдавайтесь. Вы все гады. Мы здесь такие хорошие. Мы вас поубиваем, если не сдадитесь». При чем и офицеры некоторые попереходили.

Багато таких було?

А. П. Нас полный актовый зал был. А их человек пять или даже до десяти перешло, солдат и офицеров... Некоторые офицеры отказались даже автомат сдавать [представникам гібридної армії]. Его под дулом автомата вывели, мы думали: «Хоть бы не застрелили»... Вывели из этого [з актової зали], когда он сказал: «Я – офицер. Дед мой – офицер. Отец мой – офицер. Я не дам автомат, убивайте меня». И его с автоматом отпустили.

Я коли з іншими бійцями спілкувалася, мені розповідали, що серед десантників військові з різних регіонів були. Були і з Донбасу також дуже достойні люди. З вами такі служили?

А. П. Мы в Краматорске стояли, а хлопчик из Краматорска был. У него семья в Краматорске живет. Он там все улицы знает. И он за Украину стоял. В Краматорске. Ему звонила родня, он звонил...

А ім'я його можете назвати?

А. П. Он погиб. Крамар [прізвище]... Спортом занимался, бодибилдингом или чем он занимался... Такой интересный хлопчик. Много у него планов на жизнь было. Погиб он...

Як він загинув? Що з ним трапилось?

А. П. После меня он уже... Я уже ушел. Он был контрактник.

Де ви іще в «гарячих точках» були?

А. П. В Дебальцево.

Розкажіть про Дебальцево. Що там відбулося?

А. П. Когда мы были, мы стали рядом с Дебальцево. И туда ездили город защищать. С автоматами прошлись по всему городу. Раз, два прошлись.

У чому полягала зачистка?

А. П. Найти осередки «сепаратистов». Может, какие-то склады их найти. Ничего толком и не нашли. Прошли, все. Город наш. На этом успокоились, и в итоге отошли оттуда. Потом, когда отошли, он оказался не наш. [...] Просто я уже столько ездил, я уже цепочку [загубив]... Мы сначала зачистили. Потом уехали оттуда... А по нас из Дебальцево начали стрелять. Минометом вести атаки. Потом мы опять возвращались в Дебальцево.

Це які місяці?

А. П. Вот по месяцам точно не скажу сейчас. Потом где я был? В Дзержинске был. Там мы стояли. Сказали: «Вы едете на сутки. Даже ничего с собой не берите». В итоге мы там двое-трое суток пробыли. Но оттуда вышли, вроде все нормально. И тоже непонятно. Вроде заняли этот Дзержинск. Нацгвардия стоять не захотела, уехала. А мы тут должны стоять... И мы там несколько суток пробыли, в Дзержинске. Шахтерск. Углегорск. И Краматорск.

Вот в Краматорске нашли склады.

З боєприпасами? Розкажіть.

А. П. Вроде как по наводкам нашли, и тоже некоторые... А! Вот разница, когда встречаются... Когда в Краматорске в плен взяли, насколько [населення] настроили против украинской армии... А в этот раз, когда начали давить, со стороны Славянска начали давить [українська армія], короче, они оттуда все ушли, с Краматорска.

«Сепари» озброєні пішли?

А. П. Да. И тут уже мы, когда ездили зачищали, те склады смотрели, если какие-то осередки остались... То народ наоборот воспринимал: «Вы ж от нас не уезжайте, вы ж нас не покидайте. Мы только вам верим...» И тут один какой-то вышел, пьянющий мужик, и начал рассказывать: «Что вы приехали? Нам и так было хорошо». Ему морду набили местные даже.

Цікаво. Ви сказали, що ви місцевих лікували...

А. П. Тоже после того, как в Углегорске... В подвале они прятались, и там их ранило, двоих. Ребенка, несильно. Какого-то мужика. Я им перевязки поделал. Все. Тут – бабушки: «Ой, доктор есть! Тут у меня давление скачет. А тут у меня то плохо...» Таблетки пораздавал им.

Армійські таблетки, які для армії ви отримували?

А. П. Ну да. Да.

Ви кажете, «по наводкам» у Краматорську знайшли... Це наводка від кого – від місцевих мешканців?

А. П. Та від місцевих.

Тобто там були не тільки бажаючі «руського міра»?

А. П. Потом, когда они [російські гібридні війська] там простояли месяц уже и больше, то они поняли, что это не так все хорошо, как обещалось. Они уже украинскую армию приветствовали с распротертыми, как говорится, объятиями.

Я з нашими військовими спілкувалася, вони казали, що на початку АТО місцеві просто шарахались від української армії, думаючи, що там бандерівці якісь їдуть, що вони будуть убивати місцеве населення, що їх зараз бомбити почнуть, якісь такі страхи. Ви з такими стикалися?

А. П. Ні, не стикався. Не было. Еще в самом начале, когда ездили... Так в некоторых селах, наоборот, слышали, что едем мы, бабушки выбегали, папуночки кидали, кульки с чем-то, хлеб кидали... «Ребята, кушайте!» Это, получается, несколько сел так проехали. А в одном селе стали, наоборот, дорогу перегородили: «Мы вас никуда не пустим! Вы нам не нужны!» Их немного было, человек пятнадцать. Мы их так порасталкивали да и поехали дальше. [...]

Ви після війни сильно змінилися?

А. П. Вообще, по-моему, не змінився. [...] То, что я там был... Теперь как-то мне не стыдно, когда приходят военные, когда привозят раненых... Так бы, наверное, стеснялся, неудобно б было, правильно? Не служил... Сейчас как-то не стыдно...

Як батьки сприйняли те, що ви пішли в АТО?

А. П. Та как... Плохо, конечно. Я ж им до последнего не говорил. Я что все нормально рассказывал, что я на полигоне, мы здесь тренируемся, что я в Черкасском, что я никуда не уехал, «не волнуйся»... Я только уже потом, когда раненый, рассказал.

«Я ВСЕ ВРЕМЯ ДУМАЛ: “ВСЕ РАВНО Я ВЫЖИВУ...”»

В и були поранені?

А. П. Меня комиссовали по здоровью.

Як ви отримали поранення? Розкажіть, якщо можна...

А. П. Можно, конечно. В Углегорске... Мы в город зашли, получается, в Углегорск, и сначала столкновения там... Они на нас, мы на них. В общем... грохот, стрельба... Непонятно, откуда они идут, непонятно, куда мы движемся... По крайней мере, мне как врачу не очень понятно... И потом там вроде какое-то небольшое загишьё было, а там кафешка такая была, и ступеньки. И пацаны там на ступеньки сели, я рюкзачок свой поставил... там медикаменты... Говорю: «Так, хлопцы, я в туалет схожу». И буквально я отошел на пять метров, и тут взрыв, получается, мина упала. И я пока встал... потом, чувствую, по лицу течет кровь и крики истошные... Там кричат... и там кричат... Я еще одного [солдата] поймал... думаю, может, я не чувствую... Говорю: «Смотри на лицо. У меня там все нормально? Череп?» Он: «Не-не. Здесь посекло, там посекло, а так вроде нормально». А потом смотрю, уже и здесь кровь... И получается, той миной около восьми человек убило. И самое интересное: я подошел к рюкзачку, где я стоял, там, где на ступеньках сидели наши ребята, практически все погибли... Рюкзак мой весь в дырках, и там, где я стоял, дыра в стене осталась. Буквально за несколько секунд, пока я отходил...

Ці кілька секунд урятували... Коли людина переживає страх смерті, вона потім трішки по-іншому ставиться до життя. Скажіть, у вас таке було?

А. П. Меня много раз спрашивали. Ну, не знаю, так же ставлюсь. Я не замечаю, чтобы я в чем-то поменялся. Наоборот, могу какую-нибудь глупость сделать, и можно сказать, что я контуженый, мне простительно. [Смійється.] Я не чувствую, чтобы я как-то менялся, глобально пересмотрел свои взгляды на жизнь. Вроде нет, все так же.

Хто для вас у житті є антигероєм? Який тип людей ви вважаєте «неправильним»?

А. П. Подлый, наверное, который. Исподтишка когда... так, не прямо... из-за угла, исподтишка... Противно... Когда прямо скажет, так оно...

Простіше і правильніше. Так. А на війні з таким стикалися?

А. П. С подлостью? Вроде нет. Все было довольно-таки... нормально.

Не вспомню такого случая, чтобы сказать: был такой подлый человек, который что-то сделал. Все вроде вполне корректно себя вели. Не было такого. То, что некоторые не ехали в АТО, а отсиделись в этом, в ППД... Есть выбор. То уже не подлость, просто сказали: «Не поеду. Вот не хочу я, и все». Один был... товарищ, водитель, говорит: «Не поеду. Вот не хочу я ехать». Поехал, и его... убило. Как после этого осуждать тех, кто говорит: «Не хочу, не поеду»?

Як ви себе примушували робити те, чого боїтеся, чого тіло не хоче? Є у вас якийсь рецепт?

А. П. Да. Я принимаю принципиальное решение, и делаю это. Сказали бежать. Страшно, да. Но потом думаешь: «Та ладно, я побежал, а потом будь что будет». И все, и побежал. А пока ты раздумываешь: «А что? А как?»... Там разберемся. Принять принципиальное решение. Принял и – роби.

Яких людей ви по життю поважаєте? Вважаєте, що це достойні люди? Які в них повинні бути риси?

А. П. Конкретно каких-то людей или взагалі?

Ви можете не називати людей, мене цікавлять саме риси. Але якщо є кого назвати, людині буде приємно. Можна з військових, можна взагалі. Мене сам образ цікавить. Людина, яку ви вважаєте правильною в цьому суспільстві.

А. П. Из военных наш командир батальона, я считаю, достойный человек... Несмотря на всю строгость, не самодур. С юмором человек. Как бы да, строгость есть, потому что должность заставляет, но, тем не

менее, справедливый. Интересный. Несмотря на то, что он военный, – и в шахматы умеет играть, и книжки читает, и интересно поговорить с ним. Человек, с которым интересно просто пообщаться. Не только по службе, а и на отвлеченные темы.

Розвинена особистість. Цікаво. Під час інтерв'ю з військовослужбовцями на запитання «Ким ви хотіли бути, коли були підлітком?» я часто чую відповідь, що люди мріяли взяти на себе важливі для суспільства обов'язки – стати правоохоронцями, військовими, депутатами. Але їхнє життя склалося так, що вони зайнялися іншою справою. Хоча Україні зараз бракує чесних та відповідальних людей саме в цих сферах. Через те і Майдан стався. Суспільство нереалізованих можливостей...

А. П. Обставини не позволили достигчь... По большей части, просто человек... Работает он на какой-то фирме и рассказывает: «Вот я так хотел стать психологом...» А что ты для этого сделал? «Да ничего. Хотел...» Какие обстоятельства? Ты поступал в вуз? Ты что-то делал для этого? Ты читал какие-то книжки? «Нет, я просто хотел стать психологом». Для этого ж надо что-то делать...

Тобто це повинна бути людина дії?

А. П. Да. Принял принципиальное решение, значит, надо к нему стремиться. А не так, чтобы сказать: «Обстоятельства не позволили»... И не пытался даже.

Скажіть, будь ласка, а от ви зараз продовжуєте якимось свою місію захисника? Там ви захищали честь свого народу, свою землю, справедливість, мирне життя. Чи берете ви участь у діяльності якихось громадських організацій? Може, якимось інакше?

А. П. В громадських организациях... нет. Сіжу здесь, людям помогаю, да и все... Больше ничего такого... не роблю, на данный момент.

Які дії супротивника викликали у вас гнів?

А. П. Та любые действия, направленные против нас. Не гнев, это такое очень сильное чувство, наверное. А так – недовольство, больше злость даже.

Прикмети, забобони якісь були у вас на війні? Може, в інших спостерігали?

А. П. Таких не было. Единственное, знаете, я думал... Я смотрел когда фильмы, до этого смотрел... и все время, даже в самой плохой ситуации, кто-то выживает. В фильмах про войну, про все... И я все время думал: «Все равно я выживу. Почему не я?» [Сміється.]

Скажіть, чи було у вас сформоване ставлення до Степана Бандери, до ОУН, до націоналістів до війни? І чи змінилося воно після війни?

А. П. Особо не было. Слышал, что бенедеровцы были хуже фашистов, там... насильовали, убивали. Это все я слышал. Четкого... правдивого источника я не нашел. Я, в принципе, и не искал его особо. То, что слышал, то и балачки могут быть. Поэтому какого-то мнения «за» или «против» я не сформулировал. Ни потом, ни сейчас. Я потом пришел, я тоже не читал о нем так особо, поэтому у меня нет ни негатива, ни позитива к нему. Я, честно, не интересовался жизнью и деятельностью Бендеры.

І от іще одне запитання. Чи були ви свідком героїчного вчинку?

А. П. Я так и не вспомню... Смелых – да, бесстрашных, но сказать, что этот вчинок героичный... Наверное, нет.

Ви кажете «смівливі, безстрашні». Що це були за люди? Можете про них розповісти?

А. П. Тот же командир батальона наш. Когда мы под Углегорск ехали, впереди блокпост был, и нас начали обстреливать. И он выскочил с БМД, он стрелял в ответ, его ранило. В ногу ранило. [...] Потом здесь оперировали. И он, несмотря на то, что в крови весь, он вцепился в этот БМД и топает рядом с ним. Идет вперед: «Все вперед!» С автоматом. Я говорю: «Все, ложитесь, Николай Дмитриевич. Ложитесь, перевязывать вас уже буду». Нет, вот он еле идет... Потом все уже, не выдержал, говорит... «Все». Улежся... «Перевязывай». Я его перевязывал. А там, кстати, когда обстрел был, автомат же сзади болтается, даже на боку. Я автомат снял и – осколок в ручке автомата такой здоровый. Мы потом его еле вытащили, этот осколок. Я так руками попытался – не идет. Потом плоскогубцами еле вытащил этот осколок.

З комбатом все в порядку? Він живий?

А. П. Да, сейчас в строю. Сейчас уже замкомандира бригады... Вот он – бесстрашный... Не то, что прям бесстрашный – смелый. На первой броне. «В бой! Вперед! Все за мной!» И вот он такой – настоящий командир батальона. И за ним шли, действительно. И он в Крыму еще, по-моему, был.

А що значить «у Криму був»? Він там жив?

А. П. Нет. Когда все началось, он с батальоном в Крыму был.

Він із тих, хто повернувся?

А. П. Да.

Розмову провела Ірина Рева

5.04.2017

Зі спогадів командира взводу 25-ї ОПДБр Максима Шевченка про військового лікаря Артема Провалова

«А ртем – інтелігентна, освічена, з почуттям гумору людина, з якою приємно спілкуватися і мати справу.

Наприкінці липня 2014 р. 25-та бригада у складі декількох підрозділів перебувала неподалік від м. Шахтарська Донецької обл. Місце розташування – на 90 % відкрита місцевість, поле. Бригада оточена з усіх боків. Постійні обстріли з артилерії. Викопати окоп проблематично через склад ґрунту, який насичений кам'яними глинами, пластами каміння.

Почався обстріл – всі намагалися зменшити вірогідність отримання поранення: хтось ховався в окопі глибиною 20 см, хтось просто лягав на землю, хтось застрибував у бойову машину. Однак щастило не всім. У п'яти метрах від мене осколком у голову вбило водія військового вантажного автомобіля. Метрах у п'ятдесяти розірвалася міна з того боку бойової машини, де від обстрілу ховався екіпаж, – майже всі отримали поранення/контузії.

І от коли всі намагалися сховатися від обстрілу, полем (а площа поля немала) бігав Артем (лікар) із важким рюкзаком з ліками на плечах. Намагався надати першу допомогу, кому вона ще потрібна. Організувати доставку поранених до медичного підрозділу бригади, який розташовувався метрах у трьохстах від однієї з віддалених позицій.

Хтось назве це обов'язком військового лікаря. Я би назвав такі його дії дуже відважними. Вартими найціннішої нагороди для лікаря – вдячності від урятованих бійців та поваги людей до його професійного поведіння.

Впевнений, ця історія характеризує Артема краще від будь-яких “по-рожніх” компліментів».

7. 04.2017

«ПІСЛЯ ЦЬОГО Я ПЕРЕСТАВ ЗНЕВАЖАТИ ВІЙСЬКОВИХ КОМІСАРІВ»

Інтерв'ю з командиром взводу 93-ї ОМБр
Андрієм Антоновим та його дружиною
Ярославою Рибалкою

Пане Андрію, розкажіть про своїх предків. Де вони жили? Чи розповідали щось про події 1917–1922 років? Про Голодомор, репресії?

А. А. ...Батько в мене росіянин, а мати з Вінницької області. [...] Це село Гранів... Там таке доволі велике село було. Не розповідали. Просто не розповідали. Якось воно в роду не прийнято було... цікавитись.

Вони були селянами? Бабуся і дідусь?

А. А. Да, да.

А як батько сюди потрапив із Росії?

А. А. Там, у селі... Мати дуже гарно вчилася, і дідусь сказав їй: «Тікай, доню, звідси. Нема тобі тут що робити. Тікай. Шукай, де жити, де навчатися». І вона поїхала до Ленінграду, там якась тітка була... І вона до неї поїхала, там вступила у... технікум, мабуть. Мабуть, технікум. І там з батьком і познайомилась.

А чого дідусь сказав мамі «тікай»? «Тікай із села» малося на увазі?

А. А. Да, тікай із села. Село ж, там що було... Трудодні, панщина оця безперспективна. А вона дуже була така розумненька.

Я.Р. [...] Це правильно батько зробив, що її випхав, бо вона б у селі [в неї було слабке здоров'я]... Їй не можна було на сонці перебувати... Коротше, вона завдяки цьому і вивчилася, і... Потім вища освіта, вони з Андрюшиним татом отримали. Їх направили в Дніпропетровськ, у Дніпропетровську вони на заводі зразу працювали...

А на заводі якому?

А. А. На стрілочному... У 80-ті. [...]

Пане Андрію, ви казали, що ваша дружина на вас дуже вплинула, на формування вашої особистості...

А. А. Вона ж була активістка, піонерка. [Усміхається.] Красавиця... Треба було тримати марку, якісь достойні вчинки робити...

А наприклад?

А. А. Я не знаю. Скільки років уже пройшло...

Я.Р. 25 років, як ми одружені.

А. А. Ми вчилися в одному класі. Я робив фізику, Слава робила українську, писала твори... Я – технар...

А що ви закінчували?

А. А. ДГУ [зараз ДНУ ім. Олесея Гончара], так само. Ми вступили в

один рік, закінчили в один рік. Поженилися в один рік. [Усміхається.]

Так у чому ж вплинула?

А. А. Вона цікавилася... У неї ж батько... [Іван Дмитрович Рибалка – відомий дисидент із м. Дніпра, займався просвітницькою діяльністю, поширював самвидав, перебував під наглядом КДБ.] Всі події, які відбувалися навколо, [сприяли розумінню українських цінностей]... Було там, що ходили, «козу» водили... Коли перший раз ходили, то воно настільки було стрьомно...

Я.Р. Хлопці нас охороняли.

Розкажіть, чому стрьомно. Чому треба було охороняти? Це ви в Дніпрі ж ту «козу» водили?

А. А. В Дніпрі. Воно було настільки не...

Я.Р. У нас була молодь... Там були і від «Руху», і від «Просвіти». Небагато нас ходило...

А. А. Як «білі ворони». Хода «білих ворон».

Як люди реагували на вас?

А. А. По-різному. Більшість так... не дуже.

Я.Р. Люди не вірили взагалі, що ми з Дніпропетровська, що ми тут живемо. Їм подобалися самі колядки, щедрівки... Наш вертеп був... неймовірне дійство було. Причому всі люди інтелігентні. [...] «Коза» була випиляна з дерева. «Зірка» була здоровенна. Вона і крутилася, в ній і іконки були... Це все було реально... як воно має бути за сценарієм, все як у народних прикладах було... Ми, щоправда, і стрілецькі пісні співали, не без того... Просвітницька ідея в нас була.

Це які роки?

Я.Р. [19]88-й, [19]89-й... По-різному люди... Ні, люди на нас не кидалися, але...

А. А. Це вони на вас не кидалися.

А на вас кидалися?

А. А. Були там... Були всякі...

Пробували в бійку лізти?

А. А. Да... Були дуже агресивні. Були всякі...

Я.Р. [Цитує недоброзичливців.] «Бендеровці, приехали сюда... Что вы нам рассказываете? С Западной Украины приехали сюда...» [...]

Тобто пані Ярослава вас певною мірою інтегрувала в українську культуру, я так розумію?

А. А. Саме так. Я дуже поступово... Ці всі ідеї я багато обдумував. Воно пройшло крізь мене. Глибоко, скажімо, я не зміг би прийняти, якби мені просто сказали: «Роби отак, і буде класно»... Ні. Так мене не влаштовує. Пройшов такий довгий період, і воно дуже так органічно все вляглося.

А у вас в родині дідусь, бабуся, які жили в Гранові, вони українською говорили?

А. А. Да, вони говорили українською. Але ж ми там були... місяць-два влітку, і все.

А батьки мешкали в Дніпрі?

А. А. У Дніпрі. Російською... Я і зараз в основному розмовляю російською... І мені зараз навіть складно підібрати слова, бо все ж таки...

А мама на українську не переходила вдома?

А. А. Ні, вона як вивчилася отам, то... Вона була людиною тієї системи. І батько, і вона були людьми тієї системи. Цього й не могло бути...

«СКАЧОК ПОНИМАННЯ ПРОИСХОДИТ, ОТКРЫВАЮТСЯ ГЛАЗА, ТЕБЕ СТАНОВИТСЯ ПОНЯТНО, ЧТО ТЫ МОЖЕШЬ ВСЕ»

Коли ви були підлітком, ким ви мріяли бути?

А. А. Мене техніка цікавила, люба техніка... Ген такий у мене є.

Ген, кажете? У вас у сім'ї хтось технікою займався?

А. А. Дядько займався... До речі, він залишився в «Електросталі», і він там був головним енергетиком, дуже висока посада в нього була. І коли він приїжджав до нас (таке частенько бувало, майже кожен рік він приїжджав), я дуже любив... телевізори, якісь магнітофони – все-все-все. [...] Показував, можна сказати, «магію техніки», і електроніки зокрема. Уявіть: крутите кубік Рубіка – нічого не виходить, аж тут Майстер...

Всередині машини «заховано» центральний пункт звукорозвідувального комплексу

Але стали ви інженером у якому напрямку?

А. А. Розумієте, про інженерів є таке... Можна, я на руском? Есть мнение такое, что инженеры – это люди, которые не способны реализоваться. Они идут в инженеры, чтобы ничего не делать. Это советские инженеры... А вот когда начинаешь работать, от тебя зависит судьба компании, начинаешь искать уже верные решения, которые... Они могут быть очень нестандартные, безумные даже, но эти идеи... они помогают поднять эту компанию. От инженеров зависит очень многое. Если это правильный инженер.

А вот когда я понял, что я инженер... Скачок понимания происходит, открываются глаза, тебе становится понятно, что ты можешь все. От твоей работы зависит работа всей системы... Это очень, очень интересно. Я понял, что я инженер, буквально не больше пяти лет назад. А все это время, когда меня выпустили [мова про закінчення університету]... У меня даже диплом, что я инженер... но это все не то.

Але ви деякий час були приватним підприємцем?

А. А. Спочатку я спробував працювати на К. Лібкнехта [завод], але там не дуже склалося, мене багато що не влаштувало... А тут брат зайнявся бізнесом, каже: «Давай, допомагай...» Почали ми працювати разом. Дуже на той час плідно ми попрацювали, а потім... декілька прорахунків... Це період перед Кримом [мова про анексію Криму Росією навесні 2014 року]... А потім ще пішов на АТО... Коли повернувся, то уже...

Тобто вам після демобілізації свою підприємницьку діяльність «з нуля» починати треба?

А. А. Як підприємець я вже не хочу. Бо підприємницького в мене зовсім мало... Оскільки я зрозумів, хто я зараз, я маю тепер у цьому [як інженер] працювати. [...]

Де ви працюєте зараз?

А. А. Зараз до мене звернулися... обслуговування лазерних систем... Там свої проекти... До речі, от це проблема України – що вона не може просувати свої проекти, свої зацікавлення... в роботу запустити їх. А ми як інженери... ми не можемо знайти, чим займатися... Самі на себе працюємо.

Розкажіть, як ви потрапили на фронт. Повістка прийшла?

А. А. Да, прийшла.

Розкажіть, як усе відбувалося, з самого початку. Як ви пережили Євромайдан?

А. А. Почалося з 2004-го. Тоді всі ми «прокинулися», вперше об'єдналися спільною ідеєю, побачили маячок свободи. У той час Даринці [донька респондента] був рік, і надії загального розмаху резонували з подіями сімейного рівня. Потім, коли це все провалилося, «зек» прийшов, ми його ненавиділи. [...] Прірва зневіри була майже нездоланна... Отже, Євромайдан для нас почався не з вересня, а лише після розгону студентів. Майже не виключали телевізор, дивились. Всередині переживали, але ж щоб піти туди... не знаю, відвагу якусь треба мати... А в нас не було ані часу, ані... можна сказати... чогось не вистачало.

До Києва ви не їздили?

А. А. Ні, ми не їздили. Ми гроші переказували... а так, щоб піти кудись, на якусь акцію, цього не було.

І в Дніпрі ви також не виходили на мітинги?

А. А. Ні, не виходили. І віри такої, повної, не було. Дивилися і дивувалися отому цинізму, беспределу, що творився. І співчували людям. А потім подзвонили... Ми живемо тут не за пропискою, а [повістку] принесли з військкомату за місцем прописки. Мені передзвонили і сказали, що прийшла повістка, я пішов у військкомат. А вони кажуть: «Ми хочемо, щоб ти пішов завтра-послезавтра...» Я кажу: «Ні, завтра-послезавтра я не готовий піти». [...]

А в які ж війська потрапили ви?

А. А. [...] У нас був дуже цікавий такий підрозділ – артилерійська розвідка. Ця артилерійська розвідка дуже складна технічно і дуже... різно... [переходить на російську] Там очень маленькие подразделения, и каждое подразделение, оно кардинально другое. Вот, например, эти американские радары, которые поступили, это именно в наше подразделение... Наши ребята работали с этими радарями. [...]

«Вони дуже полюбляли стріляти зі спальних районів, із кладовища»

Можете розповісти про те, чим ви займалися?

А. А. В общих чертах. В детали вдаваться не буду. Радарами определяли, где падлюка прячется, и передавали координаты, где нужно «поработать». [...] Эта работа началась вовремя. Это был конец января – начало февраля [20]15 года, когда пошло обострение... И в финале россияне смогли закрыть только Дебальцевский котел, отказавшись от наступления по всему фронту. Мы видели, что они стреляют одновременно и отовсюду: они стреляли и с дорог, и с полей... До речі, дуже полюбляли стріляти зі спальних районів, із кладовища, щоб потім, коли туди прилетить щось... щоб сказати, що...

Що погані люди в українській армії.

А. А. Да. Ми бачили. Карта перед нами лежит, ми бачимо, звідки вони шмаляють. Передавали все, а наші вже фільтрували, куди можна стріляти...

А це в яких населених пунктах було, що вони зі спальних районів і з цвинтаря стріляли?

А. А. Околиці Донецька, Ясинувата, край Авдіївки... Ми бачили той сектор весь. І з териконів шмаляли дуже... Коли ми прийшли, ми так от дивилися і не могли повірити, що це можливо. Отак от все світилося... «Северное сяніє». [Посміхається.]

Тобто забезпечення в них гарне?

А. А. У них було сказане. Два чи три тижні... до середини лютого вони казилися. А потім їх покромсали хорошо, то вже там якісь «перемірія»... таке пішло. Простіше стало. [...]

Як склалися ваші стосунки з місцевим населенням?

А. А. Розумієте, там же різні... От ми пройшли... таким рейдом пройшли... Харківська область... Один день вони так подивилися на нас, потім інтегрувалися – все нормально, зав'язалися стосунки. Ми у них молоко берем, вони нам щось приносять... Там не було ніякої ні секретності, ні небезпеки. Тому вони нас дуже так... прийняли. Потім пройшли Степанівку [Донецької області], там вже якісь бої були в нас. Місцеві приходили спочатку: «Забирайтеся звідси. Ви нас вбити тут...» Таке... Спокійно, знову-таки, постояли десь тиждень-два-три. Почали вони ходити... Як ходити... Там, де їм можна ходити, то вони ходили. А де не можна, вони не бачили нічого. А взагалі... Не можна сказати, що потоваришували, але такі... приязні стосунки, все нормально.

Із місцевими?

А. А. З місцевими. Хлопці молоді взагалі почали до дівок бігати. А там якийсь підприємець... До речі, дуже показово, що підприємці ішли на контакт простіше. Чи через те, що вони боялися, що їх бізнес там відтиснуть, чи... «Вам треба? Ми зробимо». Але ми нічого просто так не брали, якщо брали щось, то за гроші. На той час було вже більш-менш нормально, можна було купити все, що потрібно.

Багато хто з бійців про це говорить. Що фермери, підприємці, люди, яким є чим зайнятись у житті, вони гарно ставились до української армії. Їх не тягло так до Росії, не потрібні їм ті «республікі»...

А. А. Більше всього зазомбовані старі люди там. Або... як би сказати... маргінальні. Там, випиває щось або ж потребує красти... Його ж по зовнішньому вигляду видно, що щось воно неблагополучне. Такі, да, дуже погано сприймали. Але навіть такі потім приходили. Я казав своїм, що не треба з місцевими мати будь-які стосунки, які б давали навіть лише надії щось дізнатися... Прийде, сяде, навряд чи він щось

там роздивляється, дивитись-бо нема куди... Прийде, сяде, сидить там, балакає. Сумно йому чи щось таке, а може, просто лячно. Хлопці у цей час і «лікували» їх від російського телебачення.

Вони не були коригувальниками? Після того не починалися обстріли?

А. А. Ці – не коригувальники. Там, розумієте, далеко... Вони взагалі, якби навіть і хотіли, вони б нічого не дострелили... [Переходить на російську мову.] Мы стояли... У нас была «третья линия» сперва. Нас очень медленно интегрировали. [...] Вначале не могли никуда интегрировать, потому что обучить людей... Люди пришли совершенно «сырые», специалистов по этим системам [артилерійської розвідки] не было, и обучить этих людей работе, тем более, что техника [мова про стару армійську техніку] была вся разваленная, раскомплектованная... На нее не было ни документации, ничего... Их обучить было очень сложно. Поэтому вот этот длинный период интеграции, когда мы выполняли какую-то нехарактерную для подразделения функцию охранную [охороняли склади, службові приміщення]... Грубо говоря, мы стояли в лагере и занимались разгрузкой-погрузкой. Было такое, что фуры разгружали. Этих снарядов безумное количество, что пацаны уже падали без сил... Был такой период. И этот период сопровождался непониманием, недоверием. [...]

Це етап такий був недовіри до вищого командування. [...] Ми чули, що колона [українська] йде, і та колона... розстрілюється... Тобто «злив» інформації йде. І оці чутки бентежили нас. Така недовіра була наскрізь – від нашого командування до вищого командування... Таке було: побачили щось – дзвонимо кудись: «Ми побачили безпілотник – чи можна його стріляти?» І там дві години проходить, той безпілотник вже полетів... [Приходить відповідь:] «То не наш. Можна стріляти». «Ну дякуємо, що можна стріляти...» Звичайно, це підривало дуже довіру, і ми якось так згладжували для своїх підлеглих, щоб вони в наших обличчях бачили [підтримку]... що вони не самі, що не відокремлені ми.

Але цей етап недовіри потім завершився?

А. А. Цей етап, він дуже довго продовжувався і пройшов тільки тоді, коли ми всі насправді зайнялися справою. Не коли там стояли, то в тому підрозділі щось охороняли, [то] там виходили патрулювали, щось там таке. А от дійсно коли почали реальне щось робити. Тоді пройшло воно, бо побачили, що є результат, що ми щось робимо все-таки. [...]

А потім з'явилося... декілька людей, які мене заспокоїли... Це, наприклад, Васільевич, такий дядько класний, гаубичної батареї «зампotechом» був. З'явився військовий комісар один, після чого я перестав зневажати військових комісарів. Бо до цього моменту я згадував, як мене відправляли, і там військовий комісар вийшов. У нього така постава, знаєте, наче він якийсь голлівудський актор, цих хлопців направляє такою владною рукою... Яюсь дивно і смішно. Якийсь клоун.

Із якого військкомату йшли?

А. А. ...Путилівська [назва вулиці]. Наче вже там інший військовий комісар, чи того забув я... чи він по-іншому веде себе... Зараз заходиш у військкомат – нормальна людина... А то якийсь такий «фейк» був.

А це військовий комісар, який добровільно прийшов і каже... У нарядях зустрічалися з ним... Серед ночі стояли, на зорі дивилися... Він розповідав: «Приходять батьки [мобілізованого], кажуть: "Треба щоб не пішов". Я кажу: "Як це він не піде? Піде". Кажуть: "А чого ж ти сам не пішов?"» Каже: «От тому я й пішов».

І таких декілька людей було. Хоча б «Тополь» [командир досить високого рангу], який один на один вийшов проти Зеленого Змія та перебив усю горілку в магазині. Звичайно, після попередження й ігно-

рування з боку власників цього закладу. Масштаб цього вчинку мене вразив, адже за спиною стояло понад тисячу людей зі зброєю [і не всі раділи, спостерігаючи за процесом знищення оковитої]. «Соловей» із «Старшиною» більше місяця жили в розтрощеній спостережній башті донецького аеропорту. Башта впала через лічені дні після їхнього відходу, а вони – спокійні та впевнені. Солдат із 9-ї роти, який потрапив у полон. Його вивели на риття окопів, він лопатою укокошив свого наглядача та повернувся у свій підрозділ. Ці люди несвідомо відновили мою свідомість. [Усміхається.] Отакий каламбур.

Під час розмов із бійцями мене завжди вражають такі от історії, коли позиція та дія однієї людини дає опору багатьом іншим, стає «світлом у кінці тунелю».

А. А. Те життя... Тут життя і там життя – вони різні. Навіть коли доторкаються, вони доторкаються через якусь мембрану, вони не проходять одне крізь інше... Коли ми були там, не розуміли, як можна бути тут... Як воно тут усе існує... А тут навпаки: незрозуміло, яким чином воно може існувати [там]... Два життя. Для того життя було досить цієї мотивації, оцих людей, щоб відновити довіру, перспективи побачити якісь, ідеали знову відновлювати... Я думаю, що і для хлопців так само, коли вони побачили, що вони не самі, що їм є на кого зіпертися, знайти підтримку, їм стало легше...

У мирному житті «справжні люди» не менш важливі, але до цього ми ще повернемося. Як командир взводу ви взяли на себе дуже важкий шматок роботи...

А. А. Хлопці, вони знають, що робити, що ми робимо, скажімо так. Їх просто було потрібно підтримувати, налаштовувати. Спочатку в нас не було змоги... До речі, і до кінця [служби] в нас не було змоги ні віддячити, ні покарати... [Переходить на російську.] Куча рапортов, которые мы писали на награждение, все это исчезло в непонятном направлении. Но, тем не менее, мы пытались найти, чем их поддержать, уговорить, что им рассказать такое. А дальше... Каждый знает, что он делает, и работает... Нельзя сказать, что один из строителей важнее другого, потому что он кирпичи кладет в середине дома... Все вместе работали.

Війну одинаком не виграти. Ми – команда. Мої побратими – мої брати. Моя батарея добувала таку інформацію, від якої залежали інші захисники. На війні ВСЕ залежить від кожного конкретно. [...]

Можете розказати смішну історію з ваших воєнних буднів?

А. А. На війні дуже цінується здоровий гумор. Це допомагає вижити. Підколювали один одного, жартували. [...] У мене друг був дуже гуморний... До речі, він юристом був, і він розказував, що серед юристів є хороші люди. І серед суддів є хороші люди, і через це ми дуже часто напівжартом сперечалися...

Він добровольцем пішов?

А. А. На перше квітня [отримав повістку]... Він працював в адміністрації Запоріжжя. Йому принесли повістку. Він думав, що це його розігрують колеги, але він дуже правильний був. Все одно пішов у військкомат, і там уже з'ясувалось, що це не розіграш, що це його майбутня така доля. До речі, дуже порядний такий. От на таких людях воно і тримається.

Із вашого підрозділу?

А. А. Так. Женя Смірнов. Хороший хлопець такий. І от потім трапилося, що ми удвох жили в нашій комірці, один з одним бачилися, і оце жарти постійно були, я його підколював, а він мене... Один раз устаю зранку (чергували так по черзі). Чую щось крізь сон: «У-тю-тю-тю... А-тя-тя-тя...» Прокидаюся... А в нас там... техніка дуже така була капризна, і виходить, що її постійно потрібно було налаштувати... На кінець цієї операції він [юрист] майже асом став, знав цю техніку – як її, з якого боку... А тоді він мене будити не хотів, а вона [техніка] в нього щось заглячила, і він його умовляв, отой апарат: «У-тю-тю... А-тя-тя...»

«НАМ СВОБОДА – ЯК ДОЩОВА ВОДА»

Уявляю, як ви на війні прокидаєтеся під такі звуки... Багато чоловіків, із якими я записувала інтерв'ю, говорили, що воєнний досвід їх змінив у конструктивному ключі. Які зміни відбулися у вас на війні та після війни?

А. А. Майже всі там стали стійкіші. Декілька таких було, що зірвалися вони, повністю деградували, але більшості на користь пішло... Вважаю, що ВСІ чоловіки мають для свого ж розвитку проходити школу захисту, де вони мають навчитися переступати через себе заради інших. [...]

Юрист Євген Смірнов, отримавши повістку на перше квітня, думав, що то колеги його розігрують, але до військкомату пішов

Мабуть, якась розсудливість з'явилася. Яюсь жив, якісь незрозумілі сподівання, якісь страхи, якісь сумніви [були], то просто зараз чіткіше, просто чіткіше [стало]... Для мене світ став простішим, зрозумілішим. І не таким страхітливим, яким видавався до того.

Тобто ви позбулися зайвих страхів?

А. А. Ти розумієш, що воно такої уваги не варте... До війни дуже драгували п'яниці, маргінали... А [потім], особливо, коли тільки повернувся, я на них дивився як на просто нещасних, обділених людей, яюсь трохи акцент... просто акцент сприйняття змінився. [...]

А раніше п'яниці у вас реакцію відторгнення викликали?

А. А. Я переживав через... Коли зустрінеш таку людину, якимось воно на серці негарно, розумієш, що у нас більшість таких людей... І воно якимось гнітило. А потім... Було так і буде так. І нічого з цим не зробиш. Треба просто звертати увагу на те, що гарне, що перспективне, що допоможе розвинути.

До речі, я думаю, ті ж самі п'яниці, вони після того якимось зміняться. Краще, може, стануть. Масштаби змінилися...

Масштаби чого?

А. А. Скажімо, проблем і досягнень. Те, що здавалося таким важливим, глобальним, гнітючим, насправді виявляється нічим. А справжнє щось, воно, може, навіть і невимовне, воно якимось потенційне, – оце мене цікавить.

Якісь справжні смисли?

А. А. Да. Їх помацати неможливо, але відчуваєш, що оте – важливе, а оце – неважливе. [...]

Хто для вас у житті є антигероєм?

А. А. Зрадники, а також люди, які хочуть жити за рахунок інших.

Люди, які хочуть жити за рахунок інших, – як ви це розумієте?

А. А. ...У нас більшість живе за такими принципами. Більшість живе за принципами соціалізму, коли все береться невідомо звідки. Оце мене дратує. І коли люди починають захищати якісь ідеали оті [радянські], вони мене... Коли бачиш, що система побудована по принципу, що це – наші, нашим можна, а комусь не можна...

Красти, наприклад?

А. А. Наприклад, красти. [...] Оця система, вона наскрізь... вона є ще. [...] Те, що в нас так побудовано, що крадій – це престижно, мати якісь [розкішні] автомобілі – це престижно, а звідки гроші на ці автомобілі, це вже нікому не цікаво. А от мене, наприклад, цікавить – звідки ці гроші?

Тобто виходить поверхово: річ визначає якість людини, а не людина визначає якість речі...

А. А. Ви правильно кажете. Саме людські цінності мають бути на першому місці.

І ви як підприємець добре знаєте, що воно нізвідки не береться, оті ресурси, і що розподіляти безкінечно неможливо. Бо треба ресурси десь брати. Зрозуміло. Скажіть, а яку людину ви вважаєте достойною людиною... якщо так пошукати, подумати... у нашому суспільстві?

А. А. Ту, що розвивається, вкладає якісь ідеї, генерує їх, активне життя веде заради майбутнього... Людина, яка прагне покращити себе, покращити людину як вид. Якщо прагне покращити, то це прогресивна людина... От ми такі самі, ми хочемо у цьому напрямку рухатися. Інша категорія – це оті люди, які знають як «треба жити», які всотали хибні та спотворені шаблони, захопили право на дійсність і продовжують гвалтувати мораль, калічити наступні покоління...

Більшість із них уражена... цим вірусом. Вся їхня діяльність іде на те, щоби знецінити, знищити, присвоїти, відібрати... Треба створити таку країну, у якій прогресивна людина буде щаслива.

Я читала одну з публікацій Євгена Головахи, соціолога, то там сказано, що цинізм – це спосіб пристосування людини до нестабільного суспільства. Принципове заперечення будь-яких норм допомагає не впадати в розпач у ситуаціях, коли реалізуватися через нормальні цінності проблематично. Не зумів він бути чесним, працювати і заробляти самостійно, то він буде говорити, що все це – фігня, що треба красти, щоби бути успішним...

А. А. Просто він не оцінює себе, не оцінює свої оті погляди. Він же їх теж має оцінити в контексті всього цього. І тоді він побачить: а чим він відрізняється? А він нічим не відрізняється, він так само вражений цинізмом... Побачив, що в нього не виходить, – і здався, зневірився, і на своєму розвитку він поставив хрест.

Пане Андрію, в одній із попередніх фраз ви сказали: «Ми хочемо у цьому напрямку рухатися». Можете дати визначення цьому «ми»? Ми – це хто?

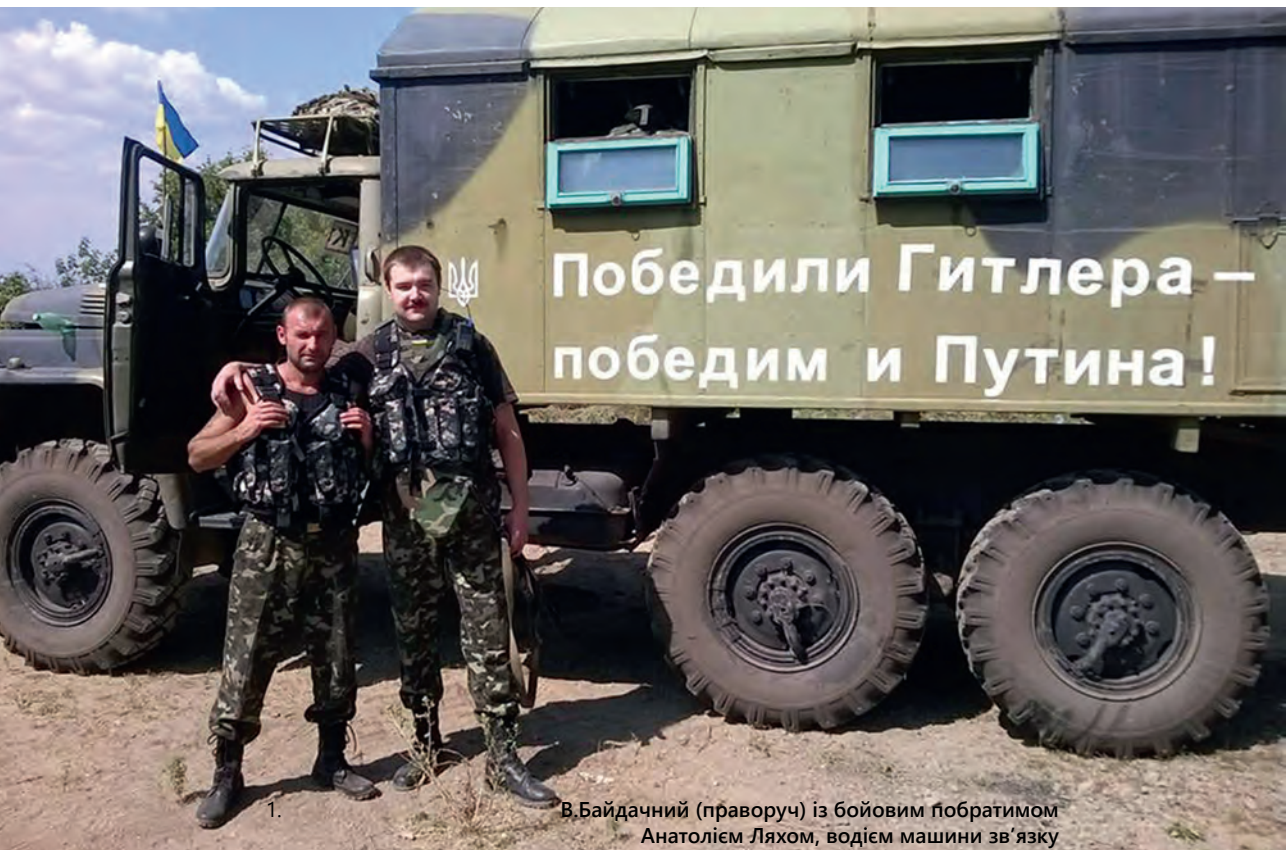
А. А. Ми – це ті, кому цікаво, кому не байдуже. Той, хто торкнувся Творчості, той, хто відчув ейфорію відкриття, розуміння, або навіть тільки побачив Шлях і ще не знає, куди цей Шлях його приведе, вже

не зможе послуговуватися будь-якими догмами. Нас нездоланно вабить Знання, Бог, Загадка, Виклик... і нам Свобода – як дощова вода. Так, загартовані вже відкрили Внутрішню Свободу – їм вже ніщо не завадить. [...] Творчість як спосіб життя можлива в будь-якому віці та відкриває в людині справжнє, її Душу. Ми милуємося з краси Душі...

Розмову провела Ірина Рева

22.02.2017

Інтерв'ю подається в редакції респондента

В.Байдачний (праворуч) із бойовим побратимом
Анатолієм Ляхом, водієм машини зв'язку

**«...ЭТО ЧЕТЫРЕ ОБЕРЕГА,
БАБКИ В СЕЛЕ УЖЕ
ЗАГОВОРИЛИ. К ВЕЧЕРУ ЕЩЕ
ДВА БУДУТ...»**

Інтерв'ю з оператором АСУ ПВЗ 93-ї ОМБр
Віктором Байдачним

Розкажіть, будь ласка, про своїх батьків.

В. Б. Мама у мене... учитель українського мови в школі. Места Дніпропетровська. Отець помер в 1994 році. Був електронщиком, як це називалося тоді. Раніше особливо комп'ютерів не було, були електронщики.

Що знаєте ви про своїх предків? Про дідуся, бабуся, про свій рід?

В. Б. Практично нічого такого особливого. Бабушка з боку... батька. Їх там розкулачили-раскуркулили, забрали хату... Таке було.

А де вони жили тоді?

В. Б. Складно мені сказати. Напевно, де-то в Дніпропетровській області. Я вже не пам'ятаю, якщо чесно, тому що особливо це не обговорювалося. Бабушці [це] не перешкодило бути і ветераном праці, і мати багато державних нагород. Але при цьому вже, напевно, ближче до [19]90-х років, коли ми повзросли з братом, було озвучено, що їх було багато в родині, багато померло від голоду з її братів і сестер. Хтось помер від того, що їв кісточки абрикосові, – така сумна історія періодично вспливає. Потім, в [19]90-х роках, вже після того, як Україна отримала незалежність, вона [бабуся] поїхала в рідне село, тому що були якісь-то компенсації. І хата їх навіть ще стояла, в якій жили люди. Сельсовет їй компенсував повну вартість житла... Така була програма. Я більше ні від кого такого не чув, але факт залишається фактом. [...] Було встановлено, що вона є спадкоємцем, що її незаконно звідти вигнали, і... Варіантів було два: або виселити людей (їм купували сельсовет що-то), або взяти грошима. Вона взяла грошима. На той момент це були мільйони у нас... купонів або чого-то там...

Касательно бабушки по матері, то... Є інформація про прадеда, який був в окупації [німецькій] і... якісь-то сумні історії, що він там був партійним діячем і брав участь в підпольї. Два рази його там майже розстріляли, але так як у нас стояли румуни, а він знав румунську, як-то його там румуни і прикрили від німців. Якась-то така історія була у нас родинна. А бабушка... Сама вона була в евакуації в Туркменістані, фельдшером. Потім приїхали сюди, тут жили. Ніяких таких особливих інтересних історій. Як на мій погляд, нічого такого немає.

Бабуся, яку виселили, вони були кудись вивезені взагалі, чи просто у них хату забрали і...

В. Б. Да, и «свободны». Встали и ушли. Как-то так. Они там скитались, скитались, скитались, как-то она [бабуся] познакомилась с моим дедом, уже под Киевом, когда половина или большая часть родственников, братьев и сестер, умерли. И в итоге они потом осели в Днепрпетровске. То есть, я так помню [з розповідей бабусі]... остался только брат у нее живой... А остальные, их было человек семь детей, умерли – либо от голода, либо отравились вот этими косточками.

Це був голод [19]33-го чи [19]47-го?

В. Б. [...] У меня бабушка одна [19]22 года была, а вторая моложе... я не помню, какого она года рождения. Мог быть вполне и [19]33-й. Потому что тогда ж у нас куркули были, и тогда ж их раскулачивали? В [19]47-м-то уже другая ситуация была. Скорее всего, это в 30-х годах. Как раз им тогда лет по шесть-семь, наверное, было. Как-то так.

«Я ДОСКОНАЛЬНО ЗНАЮ ЗАКОН ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЯ... НЕ БЫЛО НИ ОДНОГО ТОВАРА, КОТОРЫЙ БЫ Я НЕ ВЕРНУЛ»

Хто найбільше вплинув на формування вашої особистості?

В. Б. Все. [Усміхається.]

Може, якусь конкретну ситуацію пам'ятаєте?

В. Б. Нет. Ничего. Сознание кто формирует? Родители. В большинстве это школа. Мы же в школе проводим большую часть своего времени. И что бы ни говорили наши родители... После того, как ребенок уходит в школу, у него... Он общается только с преподавателями и своими сверстниками. Они и формируют его сознание, мировоззрение и все остальное. Корректировать мы можем его... Пять минут вечером, когда мы говорим с ребенком... Возможно, есть родители, которые часами разговаривают со своими детьми, но если они об этом говорят, то, скорее всего, они лукавят. У меня трое детей, и я прекрасно знаю, сколько ты уделяешь времени, когда у тебя один ребенок, когда у тебя двое, и в каком возрасте сколько времени ты ему уделяешь. Как он начал ходить, разговаривать и чем-то себя отвлекать, то у тебя сразу находится куча других занятий, тот же телевизор, книжка или еще

что-либо. И когда ты гуляешь, даже если ты часами гуляешь с ними на улице, каждый занимается своим делом. Какое можно формировать сознание, когда ты гуляешь с ребенком? Конечно, можно сделать какие-то замечания: «Посмотри на то... Посмотри на это... А что ты про это думаешь?» Но все равно, на мой взгляд, школа... это основной фактор.

Чого вас школа найбільше навчила?

В. Б. Приведу пример. Я учился в советской школе. Я был октябренок, потом пионером, до комсомола не дошел, потому что уже все это закончилось. Ничего плохого в этом не видел, кроме того, что там был политический подтекст. После того как Украина стала независимым государством, в городских школах за 26 лет не сделано ничего. Мы берем именно центральный регион, в котором я проживаю, то есть Днепропетровск в частности. Никто не формирует никакую идею национальную или вообще. Американцы учат своих, что они – «пуп земли», россияне учат тоже, что они – «сверхдержава». А мы не учим ничему. На Донбассе учили, что они кормят всю Украину, на Западной Украине... наверное, идеология все-таки какая-то была. У нас ничего. Двое детей у меня ходят в школу. Один в 7-м классе, другой в 4-м, ничего, ни на какие темы мы не разговариваем. То есть у нас там третий год война идет, и... И это во всех школах. Если мы выезжаем на периферию, в какие-то сельские школы, то там, наверное, все-таки идет патриотическое воспитание молодежи. В наших школах не идет ничего.

Так вот. В советской школе мне привили, наверное, все нормальные качества, которые должны быть у человека.

Наприклад?

В. Б. Ну, не знаю... Доброта, уважение к старшим, все, что хорошим считается и сейчас.

Загальнолюдські цінності?

В. Б. Да, наверное, да. Они потом за это заплатились. Эта же школа. В [19]99, наверное, году я у них работал учителем.

Що ви викладали?

В. Б. Информатику. Чтобы вы понимали, что 15 лет назад, что сейчас молодой специалист, который приходит в школу, – это человек либо с заниженной самооценкой, который после окончания вуза не видит себя больше никем, кроме как учителем (туда берут всех), либо

это – волонтер. Потому что, придя с вуза, профильного/непрофильного, ты получаешь минимальную заработную плату, минимальное количество часов, никто тебе две ставки сразу не даст. Уроки у тебя разбросаны так, что ты там живешь, в этой школе, пусть даже у тебя их два [урока] в день, то есть у тебя будет «нулевка» и восьмой... Надо в среднем 12 лет проработать в школе, прежде чем ты начнешь зарабатывать деньги, на которые можно жить. У меня, скорее всего, наверное, это было волонтерство на тот момент. [...]

Так вот, эта школа, в которой я работал, это была единственная школа на правом берегу, которая принимала экстерн. То есть это люди, взрослые дяди и тети, которым надо поступить в институт, для этого надо закончить 10–11-й классы... На тот момент у меня был конфликт с директором. Я ушел в отпуск и с 1-го числа увольнялся, сентября. Но меня вызвали из отпуска, потому что дяди и тети должны были сдавать информатику. Я пришел. Ну, дяди и тети. Что с них взять? Мы договорились, каждый выбрал себе вопрос, и мы договорились, что ты его, этот вопрос, учишь. На следующий день у них был экзамен. Чтобы вы понимали, по списку их было 25, а пришло 12. Я говорю: «А где остальные?»

Нормально все сдали. Я приношу эту ведомость директору. У меня ж были 13 человек, которые не явились. [Директор:] «Ну, ставим пятерки». Я говорю:

– С какого перепуга?

– Ну как?!..

Короче, 4 часа я был закрыт в кабинете директора, она компостировала мне мозг... Как сейчас помню, сын директора школы, по-моему (визитку она мне кидала), и сын начальника обласного. [...] То есть это не дяди и тети. Это дети, которые «золотая молодежь», они где-то тусят, и им надо аттестат, потому что папа им будет диплом покупать. В меня кидали этими визитками. Я им говорю [вчителям]: «Вы ж меня таким сделали? Вы мне говорили... Я ж когда еще в школе учился, вы мне говорили, что я всегда за правду. Все». Я не поставил. [...] Они нарисовали сами, но моя совесть чиста. [...]

Скажіть, ця ситуація з директором, цей конфлікт – що це вам дало?

В. Б. Ничего.

Внутрішньо?

В. Б. Ну, класно мне. Я прав. Чтобы вы понимали, я досконально знаю закон защиты прав потребителя, который был до этого и который вот сейчас. Не было ни одного товара, который бы я не вернул. Не важно – гарантийный срок, не гарантийный, гарантийный ремонт, не гарантийный. До этого был закон, который защищал потребителя вообще офигенно, а сейчас он более лояльный стал к производителю, продавцу, но мне не мешает... Ко мне люди даже специально обращались: «У нас проблема, у нас поломался телефон, его ремонтируешь...» Что-то рассказывают, втирают... [служба ремонту, яка не хоче робити сою роботу] Вот у меня телефон, он поломался, а мне компенсировали половину его стоимости. Я-то могу написать заявление, что я не согласен с 30-дневным ремонтом, и за каждый день просрочки – 1 %. Я знаю, что такое подменный фонд, и если вы мне не дали, то будьте любезны... Меня этому в школе научили. Что надо добиваться своего в рамках установленного законодательства. [...]

«ДО 9-ГО КЛАССА Я МЕЧТАЛ БЫТЬ МАШИНИСТОМ»

Ким за професією ви хотіли бути в підлітковому віці?

В. Б. То, что действительно я хотел... Я хотел бы быть машинистом.

Потяги водити?

В. Б. Да. Я с 5-го класса ходил на детскую железную дорогу, которая в нашем городе чудесном. Которая еще успела покатать меня по Союзу, потом по Украине. Во Львов мы часто ездили. Я хотел быть машинистом... Я знал, что я закончу 9 классов (я ж не учился хорошо, это я потом передумал). Я знал, что я пойду в ж/д техникум, я буду машинистом, что у меня жизнь сложилась. А в 9-м классе у нас появилось черчение, и я понял, что я офигенно черчу. Причем это не только я понял, это поняли все.

У вас хороший учитель був?

В. Б. Да. Для меня там сечение... проекция – вообще не проблема. У нас оно было всего год, потому что это был школьный компонент. Его сейчас в школах нет, хотят – ставят, хотят – нет. Но тогда было.

«Это была команда –
офигенная команда»

Мне очень нравилось чертить, я четко понимал, я четко это видел – что там, как. Вот, наверное, такой склад ума у меня. И я понял, что я пойду в строительный институт, что девять классов мало, надо идти заканчивать, наверное, одиннадцать. Я поднажал по другим предметам, перестал бездельничать... [...] Все решается в 10-11-м классах. [...] У меня брат, наверное, стартонул с 8-го класса – и закончил с золотой медалью. Я стартонул, наверное, с 9-го. И мне было тяжело, потому что мне автоматом нарисовали «четверку» – и накрылась моя золотая медаль. [...]

Меня останавливало одно – я хотел быть архитектором, но я не умею рисовать. Может, и умею, но не так, как мне хотелось бы. Меня успокаивали, что для постройки дорожной развязки не надо рисовать там ничего, но вот у меня были сомнения. [...]

Я хотел пойти в строительный, закончить, быть инженером или кем. А буквально через год, в 10-м классе, когда я заканчивал 10-й класс, я пошел с братом... «День открытых дверей»... по институтам. Он еще не совсем понимал, куда он будет поступать, но, скорее всего, что математика, физтех, куда-то туда...

Сначала мы попали в ДИИТ на «мосты и туннели». Я там увидел – у них появились компьютеры новые. У них там была компьютерная графика, они модели туннелей строили в 3D... Они сразу проводили собеседование. Все, кто пришел на собеседование, по три, по четыре

человека, сдавали в электронном виде это тестирование, которое у них на экзамене вступительном. Брат мой из 180 баллов набрал 162, я из 180 набрал 100, следующий результат за мной был у одиннадцатиклассников – 90, 80... Брат сказал, что ему это не интересно, сразу. Ко мне... за меня вцепились... Я даже пару дней ходил, думал, может, сдать экстерном 11-й класс... Тут меня в институт берут! Тогда ж были эти взятки, вся фигня... «сам никто не поступит»... А тут – такой шанс, тебя берут, ты уже сдал экзамен... И то я набрал мало баллов, потому что у нас переставили «пределы»... они там идут в 10-м классе, а мы их в 11-м учим... Я... ходил, думал...

Пока мы с ним не дошли до другого факультета – прикладной математики ДГУ. Там была кафедра матобеспечения ЭВМ. Я сказал: «Все, мам, я поступаю сюда. Я хочу вот в этот вуз». Была у них отдельная специальность, чисто программиста, но туда было тяжело поступить, большой набор [конкурс]. [...] Я попал именно на кафедру матобеспечения ЭВМ и учился... счастливых десять лет. Меня просто периодически выгоняли... Тогда просто время такое было... И я ж бездельник. [...] Меня, помню, первый раз выгнали на 3-м курсе. Я влюбился... У меня там свои были проблемы. Меня выгоняли. [...] То я восстановлюсь в свою же группу, то на год младше... то еще на год младше... Меня весь институт знал. [...] Но я ни о чем не жалею. Я десять лет проучился. В итоге уже здоровый дядя заканчивал в 2006 году. [...] Я сам написал офигенный диплом, подтянул туда реальные данные, которые по работе у меня были... система прогнозирования... Офигенно закончил. Правда, на пять лет позже, чем все. Как-то так.

А далі? Як ви пережили 2004-й рік? Євромайдан?

В. Б. [...] У нас был такой товарищ Ющенко, были события, в которых все участвовали. Я в них участвовал как обычный житель страны, не очень владеющий политической ситуацией, понимающий, что есть «плохие» и «хорошие» в каком-то понимании обычного жителя Украины. Очень радовался, что были перевыборы, что у нас Ющенко. Но когда этот человек... взял и президентско-парламентскую республику превратил в парламентско-президентскую [...], имея большинство «Партии регионов» в парламенте... [...] У нас ни один политик рекламы [передвыборных обіцянок] не выполняет. А он взял все это слил.

И тогда... Вот были события в 2013 году... Я четко сказал: «У нас народ не готов». Ни к чему не готов. В пригородах Парижа убивают турка

– весь Париж горит. У нас десятки людей гибнут на таком мероприятии [Євромайдан] (назовем это так) – и всем пофиг. [...]

Тобто ви в Євромайдані участі не брали?

В. Б. Смотрите, какая была ситуация. Такое было... желание было поехать, но... У меня, например, экономическое положение на тот момент было не фонтан. То есть взять, подорваться, поехать в Киев, уплатить за билеты туда – обратно... не походить на работу столько-то дней... мне было, наверное, тяжело. У меня поехал туда товарищ, который потом в 25-ке служил, мой одноклассник. Мы все время общаемся с ним. Он сам фотограф-любитель. Он поехал туда, когда уже пошли ожесточенные сопротивления, противостояния, и... Он вернулся через два-три дня. Я говорю: «Игореха, а чего ты приехал?» А он мог себе позволить [перебывати там]. Он говорит: «Ты знаешь, когда поехали БТРы против нас, а у нас были камни, я понял, что мне там делать нечего».

Оружия у него нету. Где-то там кто-то бегают с винтовкой, стреляет в кого-то. «Просто быть “мясом”...» – говорит. Он вернулся. Но при этом ему не помешало одному из первых, на порядок раньше меня, пойти в 25-ю бригаду и исполнить свой долг до конца. [...]

«ЗНАЯ СОБЫТИЯ В ГРУЗИИ НЕ ПОНАСЛЫШКЕ, Я ЗНАЛ, ЧТО ВОЙНА БУДЕТ»

Як ви потрапили на фронт? Ваш товариш пішов добровольцем...

В. Б. Смотрите. Началось все у нас, наверное, в конце февраля – начале марта [20]14-го. Мой товарищ «крутился» возле «Свободы», возле Кирилла Дороленка, еще где-то. Он принимал участие в каких-то таких... назовем это мероприятиями. Он мне позвонил и говорит: «Витя, ты ж все равно дома сидишь, на работу на два часа ходишь. Давай так: я тебя запроважу, надо помочь Жовтневому военкомату развезти повестки». Тогда были сборы. А чтоб вы понимали, военкомат... [...] Там было четыре сотрудника на несколько корпусов... Не было ни охраны, никого. [...] И он говорит: «Надо помочь развезти повестки. Меня там попросили, военком...» Приехали. Там были еще ребята, свободовцы в основном, там какие-то националисты...

[замислився] представители вот каких-то таких слоев, патриотически настроенных. Они брали эти повестки... Женщины были, девушки, которые в районе своего проживания вечером их разносили. И тогда я ужаснулся. Чтобы вы понимали, из ста повесток, которые у нас были, пятьдесят не имело отношения к людям вообще никакого. [...]

Очень запомнился случай в конце Победы, ближе к Кодакам, к этой Кайдацкой крепости, частный сектор... До меня раздавали повестки спецпризначенцам, там практически стопроцентная явка была. А мы разносили... У меня повестки были: прапорщики, младшие лейтенанты взвода материального обеспечения. Это те люди, которые сидят в тылу. И я помню такой большой земельный участок с забором, трехэтажным домом. Мы туда докричались-дозвонились, вышел этот мордатый прапорщик лет 25, 30, может быть, максимум... Его жена крыла нас матом и кричала: «Вы б сами туда поехали!» Куда «туда»? Еще ж ничего не было. На десять дней, это были сборы на десять дней! [...] И так проходит время... Мне товарищ говорит: «Я ухожу». (А тогда только объявили мобилизацию.) – «Куда?» – «В 25-ку». [...]

Я говорю: «Игорек, я тоже хочу. [...] Договорись с военкомом». Он: «Я не могу. Я прописан в этом районе, а ты в другом. Тебе надо в свой военкомат».

Я пошел в свой военкомат, меня там девушка на входе на какой-то бумажке записала: «Да, мы вам перезвоним». Свободен. Проходит время, он приезжает в 25-ку, попросил привезти ему какие-то вещи. Я с его братом сел, поехал. [...] Привезли ему бинокль красивый, зарядки, такое. Тогда вот эти заборы ломали в 25-ке мордатые дядьки, десантники, блин. Голодающие. Типа нету формы, ничего. Он идет в «дубке» новом, дешевом, и в берцах новых. Я говорю: «О! Так вам выдают? А то по телику показывают, что ж... полная». Он: «Вообще выдают, но я себе купил». Я говорю: «Чего?» – «38-го размера не было». В десантную бригаду 38-й размер не передавали.

Он уехал. У них кипиш был. Бригада работала хорошо, было много контрактников в ней. Их по тревоге подняли. «ЗУшки» выкатили, потому что в зоне ответственности 25-й бригады российские войска подошли к границе. Их подняли по тревоге. Они такие были снаряженные, более-менее действующая воинская часть. И он уехал в АТО. Потом был клич у нас, что возрождается, создается Национальная гвардия. [...] И телефоны были указаны. Я позвонил по этому телефону. Суббота была, товарищ капитан берет трубку, говорит: «Веришь,

вчера уходил домой, все было нормально. Щас пришел, все звонят – что хотят, понятия не имею. Где вы это читаете – ничего не знаю. Я тебя записываю...» Я ему: «Товарищ капитан, вы поймите: я не строевой, у меня четыре диагноза, по которым я не годен. Но если у вас полная ж..., я готов...» (У меня там и грыжа, и одна, и вторая...) – «Хорошо». Мне никто не перезвонил.

А потом я пришел в свой военкомат опять. «Хочу ж, – говорю, – долг Родине отдать». Они завели меня к товарищу полковнику (он сейчас Центр допомоги городской возглавляет). Он так посмотрел, говорит: «Что ты хочешь?» Я говорю: «Ну как? Родина в опасности». А зная события в Грузии 2008 года не понаслышке, потому что у меня жена грузинка, родственники грузины, я был в Грузии после этих событий, и я четко знаю... Видел людей, у которых танки во дворе стояли... Я четко знал, чем это закончится. Я знал, что полномасштабная война будет. Что нас втянут в этот конфликт на двадцать лет.

Я говорю: «Так и так, Родина в опасности...» Рассказываю ситуацию про Грузию, говорю: один к одному, мы потеряем часть территории. Говорю, если мы промолчим, они заберут все или сколько захотят. «Хорошо. Я тебя услышал. Я бы и сам пошел, но у меня инсульт... Если ты пройдешь медкомиссию, мы тебе все делаем». Я на следующий день прошел медкомиссию. Очень боялся, что ее не пройду. И когда люди кричат, что «не было медкомиссии! Нас туда загнали!»... Была медкомиссия. И любой, кто хотел закосить, мог закосить. [...]

Я прошел эту медкомиссию, сказал везде, что я здоров. Мне выдали бланк, я к этому полковнику. Он мне говорит: «Смотри... Ты ж понимаешь, что я тебя услышал. Что если мы партизанскую войну будем вести... (Я ему втирал фигню всякую.) Что ты автомат в руках не держал... Чтобы ты пострелял, это надо на сборы было ехать... Сейчас мобилизация. Ты понимаешь, что ты туда на год можешь попасть по закону?» Я говорю: «Понимаю». Он говорит: «Дай Бог, сейчас Президента выберем и все устаканится, но мало ли...» Я говорю: «Я понимаю».

Это, опять же, к тем, кто кричал, что «нас загнали сюда на десять дней, мы ничего не знали!» Мне четко и ясно было сказано. Я четко понимал, что такое мобилизация, что происходит. Что это может быть на год. Но тоже не думал, что это на год. Он говорит: «Куда тебя? Сейчас в 25-ку набор идет... 93-я и транспортная...» Он говорит: «Давай в 25-ку». Я говорю: «Какая 25-ка? Если как мой товарищ – они три дня

побыли и ушли в АТО, – я готов. Но щас же вроде как время есть, набирают ребят... Если там сейчас две недели полигона... Чтобы я там сдох... или у меня кишки вывалятся...» – «Нет, сейчас их будут гонять». Я говорю: «Я думаю, я не потяну». А товарищ мне из 25-ки говорит: «Ты либо сдохнешь, либо нет. Чего переживаешь?..»

Он [полковник]: «Есть 93-я... Это механизированная бригада». Я не понимал, что это такое... «И транспортная часть есть. Это в поездах ездить... Для детей богатых родителей. Год отслужишь вообще на раз». Я говорю: «Нет, я в транспортную не пойду». Он говорит: «Ты пойми, у тебя такой ВОС (військово-обліково... короче, специальность моя), что ты везде катишь». [...]

Приехали в 93-ю бригаду. [...] Распределяют, куда ты должен попасть. Я: куда попасть? В пехоту. Другого ж понятия у меня нету. Дайте мне автомат, и я пошел. Сидит товарищ майор: «О! Так ты ж математик... Это там интегралы... вся фигня... Может, тебя в артиллерию?» Я как представил себе стокилограммовый снаряд, который нужно тягать... Я говорю: «Не, товарищ майор, артиллерия – не мое. Я плохо учился. Не надо». «Ну ладно. Связист так связист». И пишет мне: «оператор АСУ». [...]

І що було далі? Як вам в армії повелося?

В. Б. Всех же что-то [до чогось] готовили. Эти машины [19]60–[19]70-х годов, что-то «разворачивали». Они ж все служили, они что-то видят. У меня как-то эта специальность непонятно какая. У меня типа есть командир отделения, еще два оператора, водитель и электрик. И мы ничего не делаем. У нас ни машины нет, ничего. То есть мы приходим, нас пытаются какой-то фигней нагрузить. «Где? Что?» – «Успокойтесь». Там с товарищем капитаном раззнакомились, он ходил радиостанции на танки ставил, и он нас забирал. И мы сидели ему на кнопки нажимали, а он в танках лазил, потому что он профессионал, он там настраивал эти радиостанции, ремонтировал. А мы просто вымораживались сидели. И вот нас построили на плацу, он проходит, а мы: «Товарищ капитан! Спасите нас!» Он такой: «Товарищ полковник, а можно мне одно это отделение?» – «Да, забирай». Мы: «Фух!» Как таковой подготовки не было ни фиги. Вообще никакой.

Кормили? Да нормально кормили. Кашка-какашка и все остальное. Но, единственное, что я веселился... Меня там потом вся часть знала воинская... Я кричал: «Где мой двойной паек?» Говорю: после роста 1 м 85 см будьте любезны... Они там начали рассказывать, что полу-

торные... По фиг. И вы б видели лица этих теток на раздаче... тогда ж уже солдатики не трудятся, уже типа нанимают фирму... которые всем ложат по две сосиски, а мне три и по два масла. То ж я ее семью объедаю, понимаете? Аж губы трусились. [...]

Вообще, конечно, все довольно печально. Но казарма у нас была хорошая. Ухоженная. Другие были разбитые, а у нас... Все зависит от командира. И нас готовили... морально, в основном. Они в войну никто не верил, из 120 человек, которые со мной были. Они все пришли на 40 дней... Я пытался объяснить, что 40 дней там только собирают, а по закону год. Но потом приехал товарищ генерал... и сказал: «Ребята, 2 мая домой...» 40 дней же заканчиваются. Как? Генерал даже не понимал, что такое мобилизация. О чем еще говорить? [...]

2 мая мы вышли [щоби зайняти військові позиції]. 25-ка уже там была, «развернутая», они там катались. Стали мы на границе Донецкой и Днепропетровской области. [...] В АТО никто никого не гнал. И когда говорят, что вот, я доброволец, меня передергивает от этой фразы – все пацаны, которые в АТО, они все добровольцы. Насильно туда никого не загонишь. Нас когда построили, нас выбрали 44 человека – это люди, которые все пошли туда добровольно. В моем отделении заболели все. Кто-то ножки растер, у кого-то температура поднялась... [...]

Я с отитом там мучился очень жестко, потому что на меня формы не было. Я забыл рассказать. У меня такой рост... Про белье мы вообще молчим. «Дубок» на меня маленький был, но я его носил. Берцы, слава Богу, были, а бушлата не было. Когда я приходил, все ходили в рубашках в апреле месяце, а 4 мая лужи замерзали. У меня не было бушлата, я ходил в своей черной куртке, и когда приезжали товарищи генералы, я очень... из тысячи человек я очень бросался в глаза. И там все нам отдавали страшные приказы: «Одеть бойца до конца дня». Но... И шапки на меня не было – на голову они не налазили. Было очень холодно. Я болел отитом все время. У меня были с собой лекарства, я знал, куда еду, в принципе. Не было там от уха ничего в медпункте, в медроте. А когда я начинал умничать, мне колоди укол, чтобы я рот закрыл. Я говорил: «Колите. Мне все равно что. Я что, закосить хочу? Мне надо, чтоб у меня ухо не болело». Месяц я мучился, пока мы не ушли.

«Я – СВЯЗИСТ, ВСЕ ИДЕТ ЧЕРЕЗ МЕНЯ... ВООБЩЕ ВСЕ»

Получается, мы ушли, стали на границе Днепропетровской и Донецкой области. Ушли мы, 44 человека связистов, комендантский взвод, тоже человек 40, наверное. И была создана структура, но не по войне, не по той штатке, которая была. Называлась «ДПУ» – «Допоміжний пункт управління». Вообще на тот момент это был и штаб бригады как бы. Он не назывался «командный пункт», он был «ДПУ». И мы с ним должны были обеспечивать связь. За два дня до выхода приехал товарищ полковник проверять готовность. Сказали, что мы не готовы, но мы все равно поедем. У меня ни машины, ничего нет, все поболели. Он говорит: «А кто АСУшники?» – «Вот мы АСУшники». – «А что ты заканчивал?» – «Прикладную математику». – «А кем работал?» – «Та кем я только не работал! У меня там такая трудовая книжка с 14 лет...» Он: «А спутник освоишь?» Я говорю: «Товарищ полковник, я все освою. Но надо же время. Вы хоть дайте его посмотреть». – «Там разберешься». Вручили мне всю эту аппаратуру – и вали, короче.

А «спутник» в якому смислі?

В. Б. Спутниковая тарелка. Модем спутниковый, устройство с шифрованием. У нас вся военная связь... ее много... разной. [...] Голимые радиостанции «Моторола». [...] «Пелена», есть такая штука, секретная, сверхсекретная. И «Гном», такое устройство, которое у меня с компьютера шифрует, потом [інформація] уходит на спутник, и там кто-то принимает, и тогда уже расшифровывает. [...]

То есть надо поставить «спутник» [антену], этот спутник найти. Без компаса, без нифига. Еще белая тарелка со счастливой надписью, которую видно за 15 км. [...] Потом нас перекинули в Харьковскую область, на границу Харьковской и Донецкой. Ехали мы туда через Донецкую область. В лучших традициях збройних сил мы заблудились и чуть не приехали прямо в Славянск. [...] А «сепары» ж тогда ездили в Харьковскую, туда, в сторону Изюма, они почти до Харькова доезжали. Было очень много блокпостов. Из сотрудников милиции, из местных жителей с охотничьими ружьями. Грамотные, продуманные, потому что эти люди уже прочувствовали, что это такое.

Тобто це їхні, «сепарські», блокпости?

В. Б. Наши. Наши! Там колонна идет техники, они не боялись ее стопануть. Допустим, там 30 машин...

Так це де? В Донецькій області?

В. Б. В Донецкой, да. При этом не было там збройних сил. Там были захвачены все практически населенные пункты на тот момент. Если карту посмотреть, там везде уже «референдумы» прошли. А это люди [місцеві мешканці]... Там все было круто. Выходил ночью... когда уже знакомилась... Там сотрудник, допустим, сержант милиции, в форме, местный житель с ружьем, обрезом. Они так грамотно стали, что не понятно, из каких кустов по тебе будут стрелять...

Виходить, там також була самооборона?

В. Б. Конечно.

А це які села?

В. Б. Мы заезжали через верх Донецкой области, там есть трасса... [Шукає карту на смартфоні.] Вот Добропілля... Вот мы заезжали так... Александровский район, и доперлись почти вот сюда, до Славянска. Где-то вот здесь мы свернули и ушли в Барвинковский район. Мы развернулись вот здесь, на границе, и вот аж до Добропілля все было наше, наши блокпосты.

И у нас вот этот штаб... там стоял, в Харьковской области, 3-й батальон 93-й бригады. И мы стали рядом. [...] Я один [забезпечував зв'язок], а там должен быть командир, старший лейтенант, минимум два оператора, водитель и электрик. То есть пять человек минимум. По факту был водитель, который далек от этого всего, электрик, который был совсем в другом месте, и я. [...] И я круглосуточно там сидел. Тогда уже не было проблем с «развертыванием», четко было понимание того, как это делается. То есть мы очень быстро «разворачивались».

Потом мы зашли в Донецкую область, в этот же район. Уже ниже стали к Добропіллю спускаться. Блокпосты ближе к Славянску подходили. Пошли первые «гумконвои»...

Російські?

В. Б. Да. Мы в вооруженных столкновениях не участвовали до мая месяца, конца, когда на наш блокпост выехали танки, «сепары», и расчленили его. [...]

Тогда, на тот момент, чтоб вы понимали, к нам приезжало очень много проверяющих на батальон, на блокпосты товарищей полковников. За

«Я, наверное, когда мне будет нечего делать, издам книгу телеграмм нашего генерального штаба»

званиями ехали в АТО. И был такой случай веселый. [...] Я ж связист, то есть все идет через меня. Вообще все. То есть я все вижу. Приходит телеграмма: «Приедут 6 товарищей полковников на 6 блокпостов – проверять. Обеспечить средствами индивидуальной защиты». Чтобы вы понимали, каски от [19]40 года до [19]62-го – у нас такие каски, ни бронежилетов, ничего нет. Были ребята, которым родственники купили пару бронежилетов, и мы их давали тем ребятам, которые ехали на блокпосты налаживать там связь. А занимались вообще дурным делом – мы там по 10–20 км тянули «полевку», шнуры телефонные. А потом местный за фаркоп зацепил – тум, оно улетело... И вот так каждый день... Но надо. «Моторолы» [радіостанції] «моторолами», но надо еще провода потягать.

А можна було обійтися без цих дротів?

В. Б. Конечно.

...И такая телеграмма. Я принес в штаб, они там поматюкались... И пацанам же рассказал. Мы к вечеру такие четыре «мотанки» [ляльки-мотанки] принесли. У Толика, водителя, такая толстая красная нитка была. Накрутили ниткой красной. Я прихожу в штаб с какой-то телеграммой... Прихожу, ложу на стол, говорю: «Товарищ полковник, вот, мы с ребятами сделали». Он: «Шо это?» Я говорю: «Ну, там же товарищи полковники приедут. Это четыре оберега, бабки в селе уже заговорили. Два к концу дня будут». Они там ржали... А какие средства индивидуальной защиты мы могли им дать, кроме оберега?.. [...]

А фото цих оберегів є?

В. Б. Та какие фотки? Я выходил из автомобиля [у якому розташовувалося обладнання для зв'язку]... выходил где-то днем на пять минут – душ принять, часа в три (они мне воду грели специально... никого не пускали в душ)... и где-то ближе к одиннадцати. Потому что нужно опять смыть [піт], потому что оно налипаєт. [...]

Зависит очень много от коллектива, который возле тебя. У меня как было? Я из машины не вылазил, но я знал, что через семь минут, когда мы отчитываемся, что у нас связь есть, я выхожу с машины вздохнуть воздухом, и у меня уже будет душ собран, туалет, уже кто-то есть будет готовить. Вот он готовил есть, человек там все время... Я ел оливье, я ел картошку фри. Там до аэропорта было 10 км, понимаете? Я купался два раза в день. И пофиг – стреляли или не стреляли. Если ты хочешь, можешь выкопать этот душ, хочешь ходить грязным – ходи. Это все зависит от того, что за люди рядом с тобой. Это была команда – офигенная команда. Если с ней [знову іти на фронт], то вообще никаких вопросов. [...]

Перший обстріл пам'ятаєте?

В. Б. Мы когда с ребятами собираемся, мы вспоминаем и хохочем со всего этого дела. Во-первых, все остались живы. Страшно было, капец. Какие там окопы? Никто ничего не копал. Приехали, стали [пізніше уточнення респондента: «за Артемовском по трассе на Дебальцево в составе рейдовой группы»], «развернулись». [...] Все это [обладнання] было в машине закреплено, и у нас время до того, как мы подымали все средства связи, занимало ровно семь минут. [...]

Но где там те танки ездят? Какие там «сепаратисты» с автоматами? Нафиг нам этот блиндаж? Серьезно никто не относился к этому. [...] Это было число... начало июля, скажем так. [...] Первый раз, когда по нам начали стрелять, мы все забились под фургончик, который у нас был. 17 человек залезло под фургончик. А почему под фургончик? Потому что водитель (он сам из села), он говорит: «Пацаны, жара такая... Вон сено лежит... я прокопаю на полштычка, сеном... и буду там спать. Потому что в фургоне жарко». И он прокопал, рассеял сено... и – все в единственную ямку, которая есть. И помню, все тулялся под этот фургон. И я, такой, за колесо, помню, заполз. [...] Дырки вот такие в дисках колес. Кажется, что вообще его [колеса] нет...

Сразу выкопали окопы. И тут второй обстрел, буквально через полчаса. И уже более точный. Я – в окоп [розрахований на трьох людей], а

там пацанчик стоит из моего подразделения. Сашка. «Сепар» у него кликуха была. Стоит, на меня смотрит. Я ему: «Саня, вылазь, сейчас пацаны прибегут! Мы все не влезем. Беги в свой окоп». Он: «Не, я не побегу. Далек. Хочешь – ты беги в мой». Я говорю: «Ты чего?» И все так быстро происходит. Короче, я прыгаю. Пацаны прибегают. Как-то мы влезли. Потом порасширяли [окоп]. Вот это был первый обстрел. Мы каждый раз смеемся. Вспоминаем, кто что делал... Там капец классно было.

И это, кстати, большой плюс, потому что мы, в отличие от других волн мобилизации, входили в боевые столкновения постепенно. Это то, что запомнилось.

І що було далі? Коли почалися справжні бойові дії?

В. Б. Потом мы проехали туда, на порядок вперед. Люди там офицерские были. Мы через село ехали – там вообще не думали, что мы доедем туда. Они попрятали детей, позабирали с улиц. Капец. Откуда мы там взялись? А мы хорошенечко в тыл зашли, за Горловку заехали, получается, туда вниз, к Дебальцево, и наши блокпосты пошли вперед. И тогда началось такое, похожее на реальные боевые действия. Потому что у нас каждый день боевые столкновения. К нам [до зв'язківців] оно не долетало, но постоянно где-то что-то было. [...]

Было четкое [взаимо]понимание с ребятами, которые работали на других узлах связи высшего командования. Если мы звонили... Допустим, пропала связь, лег сервер, они его поднимают, системщики знают, одного за другим «клиента»... Если я звонил на мобильный, говорил: «Таня, надо. У меня ж...а, нет связи с блокпостами», – то они все бросили и занимались чисто мной. Потому что я... Если мы можем ждать, то мы ждем... Я мозги не компостировал, я четко понимал, что у них за проблема. Тут мне помогло мое образование. Хотя я не был никогда ни системным администратором, ни полноценным программистом, но я понимал, о чем они говорят. [...] И с этим же спутником носились, и были [проблеми] с ним, которые никто не мог решить. У меня был опыт, мы там помогали соседним подразделениям, я говорил, как надо делать... Начальники связи: «Да оно ничего не происходит». Я говорю: «Подождите». Бросали трубку. Потом звонит: «Все, работает». – «Я ж вам сказал...» – «А почему так?» – «Я не знаю, почему так, но так надо». Потому что это опыт. Потому что много переезжали, и я его приобрел.

А потом, получается, прошла 25-ка мимо нас, проскочила на Дебальцево. У меня товарищ, на ротации они как раз были, второй раз туда поехали. В Шахтерск. А нас вернули, мы обошли и стали четко между Горловкой и Донецком. И там уже была полная ж...а: по нам херячили с «Градов», со всего. Причем с первых же дней. Окружали там много раз. Оно как бы базовый лагерь, но все равно там... ничего веселого. Потери стали нести. Такое, нехорошее место было. Начальник штаба был там хороший, Романюк, у нас. Наверное, благодаря ему мы все и живы. То есть, опять-таки, это батальон, мы там не должны были быть. Но у нас забрали ДПУ, все штабные уехали в штаб, переделали опять структуру. КП стало КП, оно ушло в тыл. А мы остались как бы на передовой, на усилении. [...]

Потом нас стали обстреливать, жестко причем... с трех сторон... с четырех нас даже фигачили в первый день...

А це ви де тоді стояли?

В. Б. Мы стояли... [Пригадує.] Новобахмутовка? Новобахмутовка. И впереди наши блокпосты. И... стреляли жестко, и он [начальник штабу Романюк] принял решение отступить. А у меня была плохая связь. Это я потом карту увидел, почему она плохая. Потому что я стал, передо мной гора была 20 м, а мы отступили на 1,5 км. [...]

Он взял меня... У нас командира тогда не было, он поломался, БТР, они остались в Артемовске. То есть мы там... нас мало очень стало. И я с ним поехали. Мы выбрали другое место для дислокации, не посадку, а там разрушенная ферма. Я посмотрел – там выше место, связь лучше. Мы отступили на 1,5 км. И у всех штабных с ОК «Південь» была истерика: «Как это? Вы отступаете!» А то, что там по нам не стреляют и никто не видит нас... и связь здесь лучше? А связь – это все. Если мы блокпосты не слышим, нафиг мы туда их посылаем? Ребята ж без поддержки остаются. И он принял решение. [...] Мы отъехали, отступили, быстренько «развернулись». И основную часть времени, до ноября, стояли именно там.

Но тогда ж задача была какая? Ставилась задача – полная блокада Донецка. Не было ни коридора, ни фига, через что-то они выезжали, местные жители. А так все было – блокада. [...]

А які у вас були стосунки з місцевим населенням?

В. Б. А мы ж никогда практически в населенном пункте не стояли, непосредственно в нем. Я первый раз вышел надолго, что попал в на-

селенный пункт, это у меня был День рождения. [...] Я вышел туда [у населений пункт] просто пройтись, просто подышать. С пацанами. Мы ходили с оружием все. Были местные жители, которые нарывались серьезно... но в основном по пьяни. А так отношение было нормальное. [...]

А потом, 4 ноября... Все уехали, а мы остались, потому что мы должны были передать... я не помню... или 37-му, или 39-му батальону все это дело [систему зв 'язку]. [...] Приехали, ходят такие без охраны товарищи полковники. Приехали ихние связисты, уже к ночи. Давай «разворачиваться». Ничего не собрано. В коробках лежат компьютеры, они там что-то разворачиваются... Мне приходит на мою машину команда, что через 15 минут обстрел 1-го блокпоста, есть разведданные. Я говорю: «Докладывай своим, у меня ж нет канала...»

Що значить через 15 хвилин обстріл?

В. Б. Есть разведданные. Разведка работает вообще офигенно. То есть приходят секретные данные разведки. Там координаты... То есть человек ходит по лагерю [супротивника] и снимает все координаты на GPS. Если они там выезжают на позиции, им дали команду накрыть, допустим, 1-й блокпост. Человек – хоп – нашим перекидывает: «В час дня накроют 1-й блокпост». Их предупреждают. Попадут, не попадут – то такое дело. Но ребята уже хотя бы будут понимать. [...]

Гумор на війні допомагає зняти емоційне напруження. Пригадайте смішну історію з часів вашої служби?

В. Б. Я, наверное, когда мне будет нечего делать, издам книгу телеграмм нашего генерального штаба. Я – связист на всех секретных видах связи, и я нигде не расписывался, что обязуюсь не разглашать, и знаю, что такое военная тайна или там государственная. У меня нету допуска, не оформили на меня допуск. Потому что те, кому было оформлено, они не поехали, а туда потом ехать мне оформлять его уже желания ни у кого не было. Поэтому я издам книгу телеграмм... Типа «Отстреливайте собак-минеров». Помните «В бой идут одни старики»? Когда эта овчарка стоит с антенкой, у нее мины, и она под самолет лезет. [...] Брошюрка на 40 листов, с фотографиями и рисунками собак... И это нужно довести до личного состава.

Или телеграмма... Пекло, капец, я таю сижу, техника не выдерживает... А он пишет: «В связи с тем, что жарко, проверить работающие кондиционеры в машинах, до такого-то числа, такого-то време-

ни устранить неисправности, если есть, и о готовности доложить». Я даже в штаб не относил. Ну что это такое? Какие кондиционеры?! Ты что, издеваешься? Там вентилятора нету. Может, у него... в новой машине связи они там есть. Но в этой нет. Вообще ни в какой нету. [...]

Еще была история, когда меня товарищ генерал «разжаловал». Приехала Нацгвардия к нам. Мы создавали видимость атаки Ясиноватой. И все они такие модные, красивые, на «кугуарах» приехали. [...] Начальник штаба пришел ко мне, говорит: «“Шнур”, выйди, вот это наши коллеги. Надо, если что, помочь. Познакомьтесь». Я подхожу: «Шнур». Он мне: «Подполковник такой-то». Я такой: «Рядовой Байдачный, дежурный узла связи». Он: «Валера». Хорошо. Валера, Витя. Познакомились. Я взял связиста 3-го бата... Они не знали, какое у меня звание, они думали, что я капитан. Пока меня мой электрик не вломил. [...] Они: «Как ваше звание?» Я говорю: «У нас нет званий, мы все тут друг перед другом равны». Но потом... Они ж знают, что я рядовой. Я говорю: «У вас что-то в жизни поменялось из-за того, что вы узнали, что я – рядовой?» Они говорят: «Нет». [...]

Короче, помогли им «развернуться», все. У меня было две антенны, на которых ретранслятор давал сигнал на «Моторолы», а у него одна. Дешевая. И он подбегает, говорит: «У меня проблема. Там наши бои ведут под Ясиноватой, нету связи». Я говорю: «Товарищ полковник, тут же местность такая, где-то перекрывает...» Он: «Там написано “до 40 км”...» Тут бывает, 5 км, и антенна [хороша], и все, а оно – нет, потому что непрямая видимость. Такая вот связь у нас. Он: «Твои работают радейки, а у моих нет. Наши пацаны берут у твоих радейки, чтобы докладывать генералу». Я говорю: «Так антенны все. У тебя одна маленькая антенна, а у меня две больших». У меня на прием и на передачу, а у него на прием-передачу одна... Он: «Ты можешь генералу это сказать?» – «Легко!»

Подхожу, говорю: «Товарищ генерал, по поводу связи...» Тот: «Да? Вы специалист?» Говорю: «Так и так, у вас же одна антенна...» Короче, у нас идет с ним диалог, я не помню уже подробностей, но... А начальник штаба стоит и улыбается с этого – он же знал мой уже характер. Я строю диалог так, что, мол, у нас «Моторола» хоть и стоит 2000 евро... Вообще она 300, но кто-то в армии на этом зарабатывает («Думка», по моему, или как-то называется эта контора), и вам самое г...о купили, как и нам, но мы им умеем пользоваться, а вы – вообще, еще хуже. И вам надо две антенны, а не одну... А он типа: «Нет, у нас такие пере-

довые средства связи...» И я такую фразу бросаю: «Вы так их защищаете... Такое чувство, что вы в доле». Его там разорвало на британский флаг. Он кричал, что я рядовым уйду на дембель, последним. Что он меня разжалует. Что он доберется... и вообще капец. Я такой стою: куда ты меня разжалуешь? Ну куда ты меня разжалуешь?! [...]

Была еще другая история такая. Получается, я в машине один и круглосуточно. Связь – постоянно приходят телеграммы по «открытой», «закрытой»... постоянно какие-то проблемы. Постоянно ты в движении. Сначала было очень тяжело. Я знал, что у меня будет шумовая болезнь, я буду кидаться на людей... Там же пропеллеры работают охлаждающие, много их, и оно шумит... Но потом я как-то втянулся, этот этап у меня прошел. Я привык. Но у нас были... еще одна секретная связь... Они потом ушли в тыл, но к ним приходили телеграммы через мою закрытую связь, но расшифровать могли только они их. И она приходила ровно в два часа ночи. А два часа ночи – это такое время, когда ты уже... вроде можно уже и поспать чуть-чуть, перекемарить. А я как-то с одним открытым глазом спал, у меня по лампочкам было видно, что работает, что не работает. Я мог проснуться как-то – в мозгу что-то выработалось, какая-то фигня.

И тут приходит в два часа ночи телеграмма. Я им пишу: «Их здесь нет». Второй день. Приходит телеграмма, я пишу: «Их здесь нет». Приходит на третий день телеграмма. Я: «Их здесь нет». А мне: «А где они?» Я пишу: «На Марсе». А «Марс» – это второй батальон, их позывной. Узел связи «Марс». У меня была там «Обложка» или «Капсуль», а у них – «Марс». Они: «В смысле?» Я говорю: «...“Марс” – у пацанов второго бата. Туда все». Пятый день, опять приходит в два часа ночи телеграмма. А у меня была все время боязнь проспать – могли прийти какие-то разведданные или цели для артиллеристов, у них на тот момент не было своей связи... И у меня были две колонки, я из дома привез, и девочки мне из штаба бригады дали такой аудиофайл, типа «Тум-тут-тум! Сова, вставай, Медведь пришел!» И когда приходила телеграмма, там все просыпались. Потому что я боялся проспать. А было такое, что вырубает, вообще....

И только это [тільки заснув]... «Тум-тут-тум!» Включаешь монитор – опять к ним эта телеграмма. Я им пишу: «Если вы еще раз сюда пришлете телеграмму, я вас... не уснете». И отсылаю. Посидел 5 минут, выдохнул. Пишу им: «Извините. Но вы достали. Дайте ж людям поспать». И отсылаю второй [лист].

Проходит 45 минут... А вообще положено... Тот, кто отсылает телеграмму, он подписывает звание, посаду и телефон обратный военный. Я не писал. И вот это... которому я отправил, оно 45 минут искало телефон мой. Нашло. И звонит мне. «Байдачный! Что ты пишешь? Майор такой-то». Я говорю: «Чего вы кричите?» [Майор:] «Ты что, офигел?» Я говорю: «Вы задрали. Я русским языком вам объяснял, что не надо сюда это слать». – «Ты что, написать не мог?» Я говорю: «Я писал». Орет и орет: «Кто там старший?» Я говорю: «Я тут сам. У меня нет старших». – «Кто там командир? Сюда его, к телефону!» [...] Я говорю: «Товарищ капитан отдыхает. Я его будить не пойду». – «Сюда, я сказал!» – «Я еще раз вам говорю: я его будить не пойду. Он отдыхает в это время. И хорошо, ну придет он, ну поорете вы на него, а что вы мне можете сделать? Ничего. Я не сплю, вы что, не понимаете?» – «Я тоже третьи сутки не сплю!» Я говорю: «Майор, я полгода не сплю, а ты – третьи сутки». Он: «В смысле?» – «Я тебе еще раз повторяю: я полгода, как уехал, я полгода еще не спал ни разу нормально, а ты мне тут втираешь» Он: «Все. Чтобы такого больше не было». И положил трубку. [...]

Були забобони у вас якісь на війні? Ритуали, прикмети...

В. Б. Единственный забобон, который мне привили в армии, который у меня сейчас остался, это – нельзя желать «Спокойной ночи». [...] Для меня, если мне кто-то говорит: «Спокойной ночи», – это как нарушение традиции какой-то. То есть я не верю, что что-то плохое произойдет, но мне неприятно, что человек нарушил традицию. [...]

Розкажіть про страх. Ви навчилися якось із ним по-іншому поводитись на війні?

В. Б. Смотрите, страх... он... печальная штука... Не было такого, чтобы страх сковывал, конечно. Бывают люди (я таких встречал), которых сковывает. Это очень печально. Страх постоянный. [...] Потому что ты владеешь информацией из первых уст, ты четко знаешь все подозрения на обстрелы. [...] У меня машина 1,5 м над землей, прикрыта с двух сторон стеночными и накрыта сеткой. Все.

Вона трошки вкопана була у вас?

В. Б. Нет, вообще не вкопана. 1,5 м над землей. И я четко понимаю, что если что-то начнет, даже миномет, падать, капец. Мне копнули потом окоп прямо возле машины. [...]

Было тяжело. У моего водителя было два инфаркта. Один был там,

мы его прозевали. Вторым был, как он оттуда приехал. Он до сих пор не оформил инвалидность, оформляет. Все там ему мозги компостируют. Он держал все в себе. [...]

Я еще раз подчеркну, что я не строевой, у меня очень много всяких диагнозов, например, грыжа в спине. Меня несколько раз в год перекашивает. Сейчас у меня тоже болит спина, например. А там, блин, у меня ни разу нигде ничего не болело. Пока я был в воинской части, там отиты были. Когда мы вышли, я ничем ни разу не болел, но как только меня демобилизовали, я слег на месяц – на полтора: у меня было воспаление легких жесткое, с жидкостью, со всей фигой. Которое просто с банальной вирусной инфекции перешло в бронхит, а потом в воспаление легких. [Усмивается.] Как брат сказал, нельзя с холодного окопа сразу в теплую квартиру.

«У НИХ ВОЗВРАЩАЛОСЬ ТО, ЧТО ЗАЛОЖЕНО БЫЛО В ШКОЛЕ И РОДИТЕЛЯМИ»

От ви там побували, пройшов уже певний час. Як вас змінив досвід війни? Змінив якість?

В. Б. Был как был, ничего не поменялось. Единственное, что поняли все люди, ребята, которые служили, поняли, – что жизнь, она одна, и достаточно короткая. У меня все кончилось тем, что я сейчас развожусь с женой. То есть очень много разводов. Но, тем не менее, очень много людей, которые были не женаты, они женились. Были люди, которые были в разводах, и ты смотришь... То есть он же с тобой общается, вспоминает... И вот к концу он уже: «Все, я возвращаюсь, назад с женой схожусь. Вот то хорошее, что у меня было, наверное, его нужно вернуть». А у меня наоборот. [...] Уволился, в конце концов, с фирмы, на которой 15 лет работал. [...] Я делал все, чтобы меня уволили, но меня не увольняли. И в итоге я уволился. Поменял одну работу. Вторую. Поменял одну, полгода поработал и понял, что я могу поменять опять. Потому что там было некомфортно. Я мог терпеть, но зачем терпеть? Я быстрее стал принимать решения. [...]

У меня взгляды кардинально ни на что не менялись... Понимание того, что жизнь, она короткая – вот это да, пришло. Что что-то может быть лучше. Что что-то можно менять... то, на что ты раньше не ре-

шался. Более уверенный, может, становишься. Что, в принципе, все от тебя зависит. [...]

Розкажіть про вашу нинішню діяльність. Мені сказали, що ви займаєтесь розподілом землі...

В. Б. «Розподіл» – это неправильно. [...] На тот момент, когда я болел воспалением легких, я занялся вопросом оформления земельных участков.

Для бійців?

В. Б. Для себя. Чтобы вы понимали, еще с июня [20]14 года, когда инициатива была земельных ресурсов в том, что ребята могут реализовать свое право, я четко понимал, что это право гражданина [будь-якого, а не специфично участника АТО], и они хотят помочь нам его реализовать. [...] Была даже телеграмма, в которой было написано указать, кто хочет получить участок под застройку. Мы – единственное подразделение, которые написали, что мы хотим получить участок под застройку, под садоводство, под дачу и под гараж, и под ОСГ. Я просто сделал такую же табличку, только я ее расширил, и себе поставил все пять плюсов... Мне говорят: «Что это?» Я говорю: «Там же пять участков, я хочу все пять».

Я поднимал вопрос замполиту бригады, замполиту сектора, говорю: «Вы понимаете, что вы сейчас собираете информацию у ребят, кто хочет участок под застройку, а они все из сельской местности? У них уже давно это право реализовано. Если... предположим, что где-то эта земля будет выделяться, вот их посчитают и не дадут, а где-то кому-то будут давать под садоводство. Скажут: “А вы ж не записывались туда...” Выдайте информацию правильно». Они типа: «Не морочь голову, пиши и все...»

Я вот занялся оформлением земли. Я вник в закон, там ничего сложного нет. Понял, что садоводства право у меня реализовано – я приобрел садоводство от бабушки, дачу. А другие права – нет. И я нашел участок. [...] Я его сам искал, ходил по разным органам государственным, держкадастр, районный, областной... и, скажем так, вырвал этот участок. С жалобами на Киев. В хорошем месте, на берегу Орели, в 25 километрах. У меня был критерий, чтобы не дальше, чем 25. Начал пытаться это с ребятами делать. [...] И вот с Ваней Начовным познакомился, на курсы мы ходили по программированию.

И он мне звонит, говорит: «Слушай, там эфир будет на 51-м канале. По поводу земли. Придут рассказывать областная администрация и областной держкадастр, как все хорошо. Ты же сказал совсем другое. Ты мог бы пойти?» Я не хотел... Но я еще общался с Одесской областью и по-

нимал, как ситуация там идет – на порядок лучше, чем у нас. И накрутил себя, короче, и пошел. Перед эфиром все это выдаю. Он говорит: «Ты не перегори». Я говорю: «Я не перегорю. Я на работе уже всем рассказал три раза». А там же как: вопросы, они вялотекуще начинают рассказывать, как у них все это идет... Доходит до меня очередь – и все, эфир закончился. Я им выдал, как оно у них реально происходит. Где они раздают землю и что вообще и как. И потом вышли мы, еще в студии час разговаривали. Потому что тема была не закрыта.

Ну, и мне в конце типа: «Иди к нам работать в Державний кадастр» [Д. Ю. Коцарь]. «Ага, – говорю, – чтобы вы на меня всех собак повесили? Обойдемся». И вышли. Тогда он [В. О. Юрченко] был глава юруправления облдержадминистрации. Он: «Та давай, серьезно...» Так как мне моя работа не очень нравилась, и Ваня: «Давай позанимаемся, поможем пацанам»... Возможность не работать официально у меня есть, поэтому я оттуда уволился, пришел: «Давайте попробуем». [...]

Сделали «Единое окно», рабочую группу. Стали разбираться в процессе. [...] И мы разработали уникальную систему, которой нет [більше ніде] в Украине, когда ребята, никуда не ходя... за два-три месяца им разрабатывают проект. В некоторых случаях это дольше по объективным причинам, но в любом случае бойца не трогают. И за бюджетные деньги, за областные, им делают проект. Вот это – наша победа, оно работает. И когда я приходил [осінь 2015 р.], создавалось «Окно», было до конца доведено где-то 400 проектов, через год их уже было 3,5 тысячи. То есть за два года они сделали 400. За год, по факту за три месяца лета, было 3,5 тысячи. То есть процесс идет. Сейчас новый этап, у нас уже 9 тысяч человек имеют разрешение на приватизацию, но оформлено порядка 4 тысяч проектов. [...] Есть рабочая группа, созданная главой администрации, губернатором. Я в нее официально вхожу, я могу встретиться

Повернувшись із фронту, В.Байдачний працював в облдержадміністрації, допомагав бійцям оформлювати документи на землю

с любим главой района, районной администрации, и все, что я скажу, оно воспринимается. [...] Раньше чаще в районы ездили, сейчас реже. Взяточника поймали вот, 16-го числа [березня].

Розкажіть, як ви його...

В. Б. Вообще, это, наверное, тайна следствия. Но так как я нигде не расписывался... Сейчас делается что? Особенно с сентября [20]16 года, я заметил... Очень много фирм, которые по документам АТОшников оформляют себе землю, выкупают ее за копейки, либо «кидают» ребят. Это по всей Украине идут сигналы. Это бизнес, это сумасшедшие деньги. [...]

У меня было плохое настроение, и вот звонит мне человек... [Незнайомець:] «А вот вы мне скажите, вы – участник боевых действий?» Я не люблю, когда со мной так разговаривают. [...] [Незнайомець:] «Если вы не реализовали, вы же понимаете, что вы никогда это право не реализуете...» (Думаю: «Ого-го! Сейчас все зрадофилы: “Да, да, не реализуем! Это ж все только для своих...”») Мы, говорит, ее на тебя оформим, 100 баксов сразу получаешь и через месяц-полтора еще 400. Я говорю: «А чего так мало?». [Незнайомець:] «Не хочешь – не надо, у нас очередь стоит». [...]

Это адвокатская контора... Типа у него есть клиент, в интересах которого он собирает этих пацанов. [...] Они [демобілізовані бійці] по-подписывали какие-то бумажки, дали свои копии документов. И им сказали: месяц-полтора, и вы получите свои 400 баксов. Придете в нотариальную контору и перепишете свой участок на кого мы скажем. При этом им рассказывали, что они землю никогда не получают, даже если они ее найдут, то оформление земли стоит 30 тыс. грн. Хотя оформление земли у нас бесплатное для АТОшников, в нашей области, там 330 грн, надо агрохимпаспорт только, и все. [...]

У них все сорвалось, эти люди все получили отказ. [...] И они не находят ничего более умного, как придти разговаривать со мной, чтоб мы им помогли. [...] И они предлагают взятку. [...]

Соціологи кажуть, що в нашому суспільстві внаслідок історичних травм, зумовлених тим, що більшість часу влада в Україні була чужою для українців, дуже закорінена установка на недовіру до державних установ. Пересічна людина не вірить, що від чиновника можна щось отримати, не давши хабара, вона швидше повірить незнайомій людині на вулиці. Нещодавно чула в лікарні, як пенсіонерка ділилася життєвою філософією: «Не беріть безкоштовні

ліки в аптеці – вони не годяться. Там не написано, але вони пропавші...» Це така хвороба суспільства, але що з цим робити?..

В. Б. Вот смотрите. Грузия, Саакашвили. В чем уникальность реформы, проведенной ими, почему она сохранилась? Там две тысячи правоохранителей сели в тюрьму за взятки. Если переложить на наши... Это 40 тысяч в тюрьму должно было сесть, каждый третий. Там было сказано как: если ты даешь взятку, ты садишься до 15 лет, если ты берешь, то 15 лет. Ха-ха. Вы пошли в поликлинику и принесли коробку конфет, вас – на 10, ее на 15. Это бред, это фейк какой-то, да? И вот так нужно было посадить сколько людей, прежде чем люди поняли, что так нельзя делать. [...] Я был в 2013-м в Грузии. Начальник службы безопасности «Приватбанка» не пустил меня [респондент перед тим скуштував грузинського вина] за руль. Говорит: «Ты потом ему [полицейському] дашь, и мы не сможем тебе помочь». Человек с таким вот уровнем...

Але поступово суспільство змінюється. Все ж таки й до Верховної Ради в нас прийшло багато нових людей, і в інших установах теж потроху відбуваються процеси оздоровлення. Ваша історія – яскравий приклад. Суспільство потребує нових моделей, у тому числі в спілкуванні з владою та чиновниками.

В. Б. Я за год роботи став розуміти бабуську в ЖЕКЕ, котра, як тільки ти відкриваєш двері... а вона тебе вже ненавидить. Тому що ребята себе по-разному ведуть. Я на це закриваю очі. Я розумію, що держслужбовець – це людина, повернений системою. Це хамки, хамы, це люди, котрі лише раз крестик не поставять на папері. Вони ходять, вони слухають тебе, вони слухають ребят, вони слухають волонтерів, і вони... Да, частина з них отсеялась. Але більша маса, котра залишалась у нас [в Дніпропетровській ОДА], у них змінювалось мислення... Скажемо так, не змінювалось – у них поверталось те, що закладено було в школі і батьками, вони становились нормальними людьми. І коли по якихось причинах... у нас були конфліктні ситуації... їх повертали на постійне місце роботи, назад, то там вони вже були як «білі ворони». І мені Дмитрій Юрьевич, котрий був начальником обласного управління держкадастра, сказав таку фразу раз. Я йому кажу: «Там ваші люди...» А він: «Вони вже не мої, вони вже твої». Тому що він теж це помітив. [...]

Розмову провела Ірина Рева

18.03.2017

«ОН ГОВОРИТ: “МЫ НЕ ХОТИМ ВОЙНЫ”. Я НА НЕГО СМОТРЮ: “НУ, И Я НЕ ХОЧУ ВОЙНЫ...”»

Інтерв'ю з кулеметником 25-ї ОПДБр
Ігорем Гондарем

В походы ездил по Крыму, а так вообще – [полюбляв] кататься за пределами города. Красивые места в сторону аэропорта, туда, вдоль берега Днепра, через Суру. [...]¹

Розкажіть, що ви знаєте з вашої родинної історії.

І. Г. Моя бабушка была из Днепропетровска. Она здесь жила довольно долго, потому что сохранились какие-то старые документы с почты, еще царской, скорее всего. Прабабушка тоже жила здесь, в Днепропетровске, и где-то на почте работала. Чем-то занималась, какими-то... менеджментом, если можно так сказать... Офисный работник царских времен.

Мой дедушка... он был железнодорожником. Он тоже из Днепропетровска. Он был помощником машиниста.

Це по мамі?

І. Г. По маминой, да. По отца линии у меня были... дедушки и бабушки, они жили в селе в Магдалиновском районе. Отец, соответственно, из Магдалиновского района, из села, а мать из Днепропетровска. Да, и мой дед, он был россиянином, из-под Курска.

Ким працювали ваші батьки?

І. Г. Отец тоже был железнодорожником... Когда закончил школу, 8 классов в селе, поступил в ж/д техникум, а потом отслужил и после службы поступил в ДИИТ. После этого всю жизнь проработал на железной дороге. А моя мать, она закончила техникум и работала на станции «Днепропетровск», пока мы не родились с братом. [...]

Щось розповідали дідусі-бабусі про «громадянську війну», революційні події, Голодомор, репресії?

І. Г. К сожалению, они рано ушли. Бабушка, которая жила в селе... Я с ней общался достаточно мало, потому что она была далеко. Про войну, в принципе, все мало что рассказывали. Бабушка по маминой линии, которая жила здесь, в Днепропетровске, она пережила войну в оккупации, и уже когда мы стали взрослые, когда нам было лет по 16-17, когда мы заканчивали школу, она уже больше рассказывала нам про то, как это все происходило.

1 Відповідаючи на питання анкети, Ігор Гондар розповідає про своє захоплення велоспортом.

«ВСЕ ГОРОДА ЗАБИТЫ БЕЖЕНЦАМИ... ВАМ, НАВЕРНОЕ, СТОИТ ПОПРОБОВАТЬ ОСТАТЬСЯ»

• як вона вам про це розповідала?

І. Г. Ее отец тоже был железнодорожником. Тогда все предприятия эвакуировались. Они жили в Днепропетровске, у нее был старший брат Анатолий. И когда началась война, когда была массовая эвакуация, были беженцы, вывозили все предприятия, дедушка сказал: «Вывезти вас нереально, и неизвестно куда, потому что все города забиты беженцами... Вам, наверное, стоит попробовать остаться в Днепропетровске». И когда началась Вторая мировая война, он, соответственно, был эвакуирован, потому что он – железнодорожник, а родители, бабушка, мама и брат, они остались в Днепропетровске. И они жили в Днепропетровске в оккупации до... до освобождения.

Такой эпизод она рассказывала... О том, что людей в какой-то момент времени... людей начали отправлять в Германию на работу. Поэтому ходили по улицам, искали людей, и она рассказывала, что они прятались по подвалам. Говорила о том, что были проблемы с едой, они вынуждены были собирать... ну, остатки пищи, где могли. Питались иногда... Она рассказывала, что приходилось варить из каких-то растений, которые, в принципе, обычно люди в еду не принимают. В [19]43 году, когда освободили Днепропетровск, брату бабушки уже исполнилось 17 лет, его мобилизовали. Ну, мобилизовали, и он через месяц погиб под Кривым Рогом. Для нее это было таким вот самым тяжелым воспоминанием.

Це він, виходить, без підготовки на війну пішов?

І. Г. У меня остались письма. Четыре письма он успел отправить, то есть получается... или им разрешали [листуватись обмежено], или он просто писал одно письмо в неделю... Как я понял из писем... Он писал, что он какое-то время находится в каком-то месте, о том, что у них забрали какие-то старые вещи, что им дали какие-то там ватные фуфайки, потому что их куда-то снова перевели. Потом их отправили на «передовую». И вот это вот последнее письмо. [...]

Як німці поводитись, коли приходили в місто, не розповідала бабуса?

І. Г. Каких-то случаев жестокого обращения она не приводила, но... говорила о том, что они относились всегда с опаской к немцам. Жесто-

ких случаев она не называла. Говорит, что она случайно когда-то попала на пункт, в котором отбирали людей для отправки в Германию. И она говорит, что «меня туда не отправили, потому что врач сказал, что у меня проблема с сердцем». То есть там была медкомиссия. [...]

А хворі робітники їм були не потрібні.

І. Г. Да. Но ей тогда было, по-моему, лет тринадцать. То есть она, в принципе, уже взрослая, она может работать. Ее могли бы и отправить.

По окупації це все, що ви пам'ятаєте з розповідей бабусі?

І. Г. По оккупации, наверное, все. Потому что бабушки из села и дедушки особо ничего не рассказывали. Немцы в селе... Вы знаете, как они жили... как отдельный... Я сейчас это понимаю просто по своему опыту, что ты не живешь там, знаете, в селе, как... [як член спільноти]: со всеми ходишь, здороваешься... Ты живешь немножко в своем месте. Те, которые рядом с тобой находятся, с теми ты больше общаешься. А так... чтобы прямо со всеми познакомился, там, со всеми какая-то организация – нет. Ты занимаешься обычно своей какой-то работой, люди живут своей жизнью. Там [у розповідях бабусі] особых каких-то претензий нет. Единственное, что с немцами какие-то случаи, эпизоды – что ходили, спрашивали за еду. Но это, в принципе, нормально.

И старший брат отца, он, получается, еще помнит войну, потому что он уже был достаточно взрослым. Говорит, что когда освобождали... когда освободили село, он говорит, шли советские солдаты... и его поразило то, что люди шли, и у них на гимнастерках аж соль выступала. Лето, жара, и вот это идут солдаты. Условия жизни, условия работы, когда люди, как ломовые лошади... [Далі кілька слів нерозбірливо.]

З вашої розповіді я так розумію, що бабусі-дідусі не були в особливому захваті від радянської влади?

І. Г. Они не давали оценку Советскому Союзу. Наверное, они не представляли себе, что может быть по-другому, пока он не развалился. А после развала... Теперь я понимаю, что они плохо понимали, куда они попали и что происходит, как и большинство советских людей.

Дідусі воювали? Обидва?

І. Г. Они про войну не рассказывали вообще. Ни слова. Я не могу вспомнить ничего. Правда, ничего, даже вот «чем я занимался» – снаряды таскал, стрелял из пулемета... ничего. Для меня это признак того,

что... есть что вспомнить, нечего рассказать, знаете? Они, к сожалению, ушли, когда мне было пять лет. Что расскажешь пятилетнему ребенку? Что там был полный капец?

За Голодомор нічого не розповідали?

І. Г. Бабушка про Голодомор... не застала. И в Днепропетровске, я так понимаю, что о нем просто знали. Потому что в городе он, скорее всего, не ощущался или ощущался гораздо слабее. А что касается села, то там такая интересная вещь получилась. У меня отец не знает своих бабушек, то есть никого. Я ему все время говорю: как такое может быть? [Пізнiше уточнення респондента: «Родился в селе, а где твои бабушки, ты не знаешь, и откуда они, и кто они, тоже. Мать отца была 1910 года рождения, в [19]33-м ей было 23, возможно, что ей повезло, а ее семье нет. И потом она просто про это не рассказывала. А может, они переехали из другой области в тот период. Теперь это останется загадкой. Отец мог бы это узнать у своих братьев, но почему-то это не сделал. Он вообще очень любит СССР и, возможно, знает правду, но не хочет рассказывать. В общем, странная с ним история».]

Ну так, у селі ж усі одне одного знають, купа рідні. Хтось та мав би пам'ятати...

І. Г. Да. Не то, что он приезжает откуда-то: «Вот я приехал...» А бабушки живут там, во Владивостоке. И как это можно не знать своих бабушек? Он это умалчивает. И так вот получилось, парадоксально, вы говорите «в захваті» от советской власти. Родители у меня «в захваті» от советской власти. По крайней мере, они были «в захваті» [до участі сина у війні з Росією], все время отрицали Голодомор, и «коммунисты молодцы», и так далее. [...] И бабушка тоже про Голодомор ничего не рассказывала. Может, просто она тоже... Мы общались мало. В селе. И мы ж, собственно, тоже про Голодомор особо ничего не знали... Скорее всего, это было связано с тем, что в советское время существовал запрет на эту тему. [...] [Пізнiше уточнення респондента: «Все время до развала СССР действовал закон про антисоветскую пропаганду».]

Батько ваш, ви кажете, який не знав своїх бабусь. Це з Росії хтось із його предків був?

І. Г. Не знаю. Дело в том, что все родители, которых он знает, они все из села. Магдалиновский район, старое украинское село. [Пізнiше уточнення респондента: «...и все украиноязычные, и фамилия не русская».]

Це в мамі родичі з Росії?

І. Г. Да... Я думаю, знаете, с чем это связано? Он [батько] в 17 лет уехал из села... даже не в 17, после восьми классов, то есть в 15 лет. То есть в 15 лет он уехал из села, уехал учиться в училище железнодорожное. И в этот момент он, грубо говоря... там же не было телефонов и так далее, максимум – письма... и он оторвался просто от родни. И дальше началось... Четыре года техникум, потом два года служба в армии, потом ДИИТ, потом железная дорога. Скорее всего, я думаю, что... поскольку он не знает украинский язык... То есть он полностью, он вырос в украиноязычном селе, он полностью не знает украинский язык, он не знает украинские месяцы и дни недели. Это говорит о том, что для него произошел как бы переход... Из села он перешел в техникум, и все – дальше он стал русским человеком. И после этого его связь с понятием... Там же понятно, что Советский Союз, послевоенный, там пропаганда на пропаганде... То есть человек просто, грубо говоря, перестал быть, потерял связь со своими истоками, со своими родителями, со своей историей как бы, реальной. И... ушел в вот этот мир.

Скажіть, хто з ваших або близьких, або просто нерідних людей вплинув на вас, на формування вашої особистості, як ви відчуваєте?

І. Г. Все понемножку. Я не могу сейчас кого-то конкретно, наверное, выделить... Я закончил школу в [19]96 году, то есть я застал Советский Союз, распад Советского Союза, когда мне было 12 лет. До этого возраста я тоже слышал по телевизору, в школе о том, что Советский Союз – это огромное справедливое государство, о том, что всех мы защищаем, что все, кто против нас, – это все бандиты и преступники, и так далее, и так далее. Потом развалился Советский Союз, потом... потихонечку нарастало понимание о том, что не все было хорошо. И это было как-то не очень понятно, потому что всю жизнь «все было хорошо». [...] Понимание того, что люди могут врать, это вранье может быть политикой... То есть это вот потихонечку понимание... Оно приходило не сразу, оно приходило постепенно, очень долго. А существовала такая вера в то, что власть, государство не может обманывать, не может обманывать так, знаете, прямо целенаправленно и цинично. Буквально меняя все с ног на голову, переворачивая любые события. [...]

Говорят, что в Советском Союзе, при Сталине, коррупции не было. Потому что не могло быть, потому что расстреливали... Убежденно

рассказывают, представляют, какая строгость, контроль жесточайший, жесточайшее отношение было.

Хто розповідав?

І. Г. Многие так говорят. Потому что если людей расстреливают, то коррупции нет. Потом просто говоришь: «А как можно тогда понять тот факт, что картины из Потсдамской галереи были обнаружены у Жукова?» Если был такой жесточайший контроль, дисциплина, никакого мародерства, как могли у Жукова оказаться картины из Потсдамской галереи? Это ж мародерство. [...] Он же не сам ходил, [не] выносил, [не] снимал со стен галереи картины, [не сам] грузил их себе в машину и вез к себе домой. Это ж кто-то ему делал. То есть он понимал... наверняка он видел, что это происходило массово среди офицеров. [...] Поэтому понимание того, что репрессии массовые, они абсолютно никаким образом не связаны с уровнем коррупции – иногда, наоборот, являются, по сути, инструментами, механизмом, который обеспечивает практически полную свободу действий для чиновников, представителей власти... И говорить, что коррупции нет, просто дико. И вот так вот у меня тоже менялось потихонечку [уявления про СРСР]. Я понимал, что некоторые вещи устроены гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. [...]

Тобто тут, я бачу, відбувалося відходження від чорно-білого світогляду і формувалась ваша громадянська позиція.

І. Г. Вы знаете, наверное, все-таки больше всего на это... повлияли учителя. В школе об этом нам уже начали говорить. Но больше всего, наверное, это проявилось в институте. Конечно, было не явно, а так вот, завуалированно. Понимаете, [19]90-е годы, они... В высшей школе получилась такая ситуация, когда пропал вот этот вот советский контроль... И вот представьте себе: сидят люди, которые учились еще во время войны, которым, там, в [19]90-х годах, было по 80 лет и которые, в принципе, все видели. Как война началась, как она закончилась, и что было потом. В этих всех условиях они оказались людьми, которых можно назвать интеллектуалами, которые чего-то достигли и видели эту систему не просто снизу. Они видели ее в центре, то есть как она влияла, Коммунистическая партия, Советский Союз, на все эти процессы, на заводы, на учебу. По сути, складывалась ситуация, когда уже можно достаточно спокойно рассказывать правду. Они не говорили о том, что... «Все. Там все было неправильно, все было плохо». Нет.

Они, в принципе, на этом не заостряли внимания... Просто говорили о том, что все было не так сладко, как казалось. Что были и репрессии. И был голод. И все это было, это все было правдой. А когда это говорит человек в возрасте, профессор, то, в принципе, это уже воспринимается и говорится не так, как это говорит какой-то простой человек. Он говорит это с аргументами, строгой логикой, наглядно. Так, чтобы это было понятно. Тогда вопросов уже особых не возникает. [...] [Пізніше уточнення респондента: «Я поступил в институт в 1996-м и закончил в 2001-м, и успел застать много хороших преподавателей».] Нам повезло, потому что потом система начала очень быстро деградировать, к сожалению: люди уходили по возрасту и по зарплатам [через негідну оплату праці]. [...]

Що ви закінчували?

І. Г. Металлургическую академию [механіко-машинобудівний факультет]. [...]

Ким ви мріяли бути в підлітковому віці, коли закінчували школу? Може, трішки раніше ця мрія формувалася? Ким ви хотіли бути?

І. Г. Если честно, мне нравилось проектировать... Не проектировать... Мне нравились танки, и я... в принципе, мне была интересна техническая сторона этого вопроса. Мне нравилось оружие и техническая сторона – как это все делается, то есть как это все работает, как оно устроено.

Тобто ви не саме військовим хотіли бути, ви хотіли бути... інженером, напевно?

І. Г. Да, да.

Цікаво. Ким ви зараз працюєте?

І. Г. Я сейчас – ведущий инженер ДГУ на кафедре... вычислительной механики прочности конструкций. Но она сейчас объединилась с кафедрой теоремеханики, поэтому называется по-другому...

Тепер я зрозуміла, чому ви так добре знаєте, де знаходиться краєзнавчий відділ ДОУНБ. [в приміщенні якого проводилося інтерв'ю]

І. Г. Я просто еще заканчивал аспирантуру Metallургической академии, поэтому я... [відвідував цю бібліотеку].

«ПРОСТО ХОТЕЛИ ОБЪЕДИНИТЬСЯ, ПОЭТОМУ ВОЕВАЛИ...»

Як ви сприйняли Євромайдан? Як ви все це переживали, переломні події? Можливо, варто почати з 2004-го...

І. Г. З 2004-го?

Ну да, Майдан-2004.

І. Г. А, «Оранжевая революция»... 2004-й. Знаете... У нас есть театр «Крик», одного актера, театр Михаила Мельника. И вот начало театрального сезона, сентябрь 2004 года. И я просто случайно покупаю билет, попадаю на премьеру спектакля «Грех». Видели его?

Да, бачила, за Коцюбинським. Мельник там провів паралелі з тогочасною владою...

І. Г. И я вот, знаете, вот это вот... впечатление было сильнейшее. Не знаю, это было вот как... Еще никаких событий не началось, ничего не происходило, но вы приходите на премьеру, туда приходят еще какие-то представители власти, и... Я помню этот разгул чиновников, когда вседозволенность, люди... свои «друзья» в прокуратуре, в судах и так далее. И еще нету в обществе такого негатива [усвідомленого] к этому, чтобы просто взять и начать бить, несмотря на то, что это... за рамками закона... Вот этого еще не было, существовала какая-то терпимость, «советское» уважение к власти. И вот этот спектакль, премьера, просто сыграла на «5 из 5», без замечаний. [Пізніше уточнення респондента: «Этот спектакль показал, “насколько оскотинилась наша власть”».]

І після завершення спектаклю, я пам'ятаю, всі глядачі плакали... Дуже сильне враження.

І. Г. Да, да, да. И сидит там какой-то представитель горисполкома по культуре, такая... и он [Михайло Мельник] что-то вот так... Он, видимо, увидел, что она заходила [чиновниця], и он ей что-то тоже сказал... А та даже, по-моему, не смогла ничего ответить. И вот так для меня начались события «Оранжевой революции». Я в них активного участия, в Киеве, не принимал, но я очень поддерживал эти события тут, в Днепропетровске. Конечно, это было... то, что произошло потом, вот этот вот... Знаете, Януковичу всегда удавалось как-то унижить человеческую честь и достоинство в рамках всего народа. То есть я не

знаю... это... Он делал то, что, в принципе, любой здравомыслящий человек настоятельно бы советовал ему не делать. Он сделал это два раза...

І дуже успішно.

І. Г. Да, то есть и у него оба раза это получилось. Завести себе максимальное количество врагов. Я не знаю, ему [легко] найти общий язык, наверное, с Усамой бен Ладеном и с кем-нибудь из той тусовки. Потому что те тоже любят найти себе неприятности. И так вот прошла «Оранжевая революция». Понятно, там был мотив – фальсификация выборов, онлайн транслируемый суд...

Чуть позже... До этого я участвовал в качестве члена избирательной комиссии в выборах. Мне просто предлагали как подработку, потому что там за сутки платили какие-то деньги, и нужно было какого-то кандидата... Представлять его интересы, следить за соблюдением правил, норм. Я помню, что... Да, тогда все проводилось «в ручном режиме». То есть законы не соблюдались, причем не соблюдались показательно, и причем [не дотримувались за принципом] «Я здесь закон». [...] Приходит какой-то начальник, ну... сейчас [голова] избирательного участка, и ты говоришь: «Но это же не соответствует... Я как бы далекий от политики, я инженер, но я вот сидел, читал эти законы, и я вдруг вижу, что вы пытаетесь не допустить журналистов...» [З іншою інтонацією цитує того голову дільниці.] «Мы сейчас все проголосуем, мы вас исключим». И ты, такой, понимаешь, что какой-то сюрреализм происходит. Потихонечку, конечно, гайки затягивали. Более, более жестко... «Оранжевая революция» дала немножко свой эффект.

У якому році ви були у виборчій комісії?

І. Г. По-моему, 2001-й, но я сейчас могу ошибиться... Потом еще был в 2010-м. [...]

Революция Достоинства, или Евромайдан... Сама идея, когда оно началось... У нас с 27-го, по-моему, числа, и началось достаточно просто. Просто были приглашения о том, что в Киеве люди собрались, и в Днепропетровске тоже собираются, если вы хотите поддержать людей, которые поддерживают Ассоциацию [з ЄС], то вы можете, в принципе, прийти их поддержать. Но поскольку я закончил аспирантуру и немножко преподавал, ассистентом, я решил тоже прийти посмотреть. В основном я понимал, что это молодежи инте-

ресно, потому что для людей уже старшего возраста, пенсионеров, в принципе, евроинтеграция особо ничего не значит. То есть люди уже более...

Вросли?

І. Г. Да, они уже выросли, они не склонны менять работу, они не склонны менять место жительства... Это им особо ничего не даст. Да, может быть, они раз в году захотят съездить... куда-то там... в Черногорию, и им нужно будет оформить визу, но это, скорее всего, сделает турагентство. И нету никаких проблем. И зачем им эта евроассоциация и так далее? С другой стороны, Россия ж поставила [умову]: «Если вы будете без нас идти в Европу, а не под нашим протекторатом, то вы нас бросите, а мы, соответственно, бросим вас». То есть начались вот эти заявления... А я уже к тому моменту понял, что Россия не является страной, которая... скажем так, которой можно доверять. Особенно в вопросах безопасности.

Поэтому стремление в Евросоюз и в НАТО – это был вопрос принципиальный. Потому что [Евросоюз – це] структура, которая гораздо более ответственная, в которой существует прецедентное право, которая просто никогда не согласится с каким-то явлением, если она не хочет, чтобы такие явления повторялись в будущем. То есть Россия, которая там... семь пятниц на неделе... Сегодня они говорят одно, завтра другое, послезавтра снова первое, то есть это меняется абсолютно как угодно. И они будут врать для того, чтобы оправдать свою ложь, и они, в конце концов, «насыпят» столько, что докопаться до правды... Нужно будет сидеть часами и рассказывать: «Врали – здесь, врали – здесь, врали – здесь...» Часами. [...] Вот в России это происходит. И, конечно же, интегрироваться в такое государство, доверять такому государству вопросы безопасности абсолютно бессмысленно.

Коли до вас прийшло це розуміння, що Росія не є надійним партнером?

І. Г. Это пришло очень просто, когда по телевизору показывали: «Украина, хохлы...», «Донбасс, КРЫМНАШ...» Это ж было очень долго просто. Это ж не появилось, там, в 2010-м, с Януковичем. Эти, такие тенденции проявлялись еще с 2000-х годов, это по российскому теле-

видению легко было видеть.¹ И то, что всегда был акцент на военную силу, на агрессию. То есть, например, в истории [Російської держави] читаю: «Война Москвы с Новгородом за объединение». Понимаете, дичь какая? Для них это нормально, это классика: «Мы объединяемся». То есть получается, что Советский Союз и Германия просто хотели объединиться, поэтому воевали... угробили там... Просто хотели объединиться. В конце концов, в какой-то степени объединились. Конечно, это дикость, для нормального человека. Цивилизованного. А для России – норма. «Мы объединяемся». И в этом я не видел ничего хорошего, и понимал, что нужно строить все-таки на правовых основах. [...]

Євромайдан.

І. Г. Да. И по этому поводу... Я, конечно же, поддерживал саму идею евроинтеграции, интеграции с НАТО. И пришел посмотреть. Просто после работы пошел в центр города посмотреть, что там происходит.

У нас тут, у Дніпрі?

І. Г. Да. Там я встретил довольно простых людей. Они были разные. Мне запомнилась одна девушка из Художественного училища. Она пришла с таким плакатиком... [Малює на аркуші.] Плакатик, он выглядел вот так вот [схоже на половинку величезного сонця, яке з'явилося над пругом]. И здесь [над «сонцем»] вот такие звездочки. И это все на черной бумаге. И тут что-то еще было нарисовано, и там было написано: «Светлые умы всегда тянутся к звездам». И она стояла с таким вот плакатиком и улыбалась. Говорит: «Я просто вот решила поддержать». У меня тогда сложилось определенное представление об этих людях – почему они, со своей стороны, за это выступают, и я понимал, что у нас с ними есть общее понимание: почему это нужно, зачем и так далее.

Ну, и переломными, наверное, стали события 30 ноября, когда разогнали студентов в Киеве. У меня было много отпусков (отпуск нако-

1 Див. детальніше про контент російських меседжів на українському радіо й телебаченні в той же період: Воропаєва Т. Національна ідентичність громадян України та інформаційно-психологічна безпека / Тетяна Воропаєва // Наукові записки Національного університету «Острозька академія». – 2010. – Вип. № 5. – С. 181–196. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nznuoakl_2010_5_25.

пился чуть больше, чем за год), и я тогда начал приезжать на Майдан. Периодически, то есть брал какое-то время, так, чтобы в работе сильно не порушило... всю работу, и ездил туда. Ну, Майдан, тот Майдан, в принципе... Я, конечно, не сразу понял, что это не такая уж толерантная движуха. Потому что был Мариинский парк, там стояли палатки [прихильників Януковича] и было очень много полиции... Я тогда этого не понял сразу... Огромное количество милиции, «Беркута» и так далее. Идешь по Мариинскому парку, где-то стоят палатки, кто-то тебе говорит... А ты ж идешь с этой ленточкой, украинской... И тебе кто-то говорит: «Ого. Вообще уже страх потерял!» Ты думаешь: «Да тут столько полиции! Что он мне сделает? Сразу же арестуют». Ну, понятно было, что на самом деле полиция там выполняет отнюдь не те функции, которые предписаны законом. После событий на Майдане...

Давайте трішки на них зупинимся. Зірки на плакаті тієї дівчини. Зірки – це цінності, по суті.

І. Г. Я не знаю, что девушка имела в виду. В Евросоюзе это количество стран-участников. В первоначале их было двенадцать, а потом просто их стало больше, но [збільшувати кількість зірочок] не стали, понравилось двенадцать.

Я маю на увазі, якщо образно говорити. Світлий розум, він тягнеться до чогось – до якихось цінностей. Якщо визначити цінності Майдану, як ви вважаєте, які це цінності? Ми тут проговорили за гідність, зачепили дії Януковича. Люди повстали, тому й назвали «Революція Гідності». А що іще? Євроінтеграція?

І. Г. Евроинтеграция – это процесс, это не ценность.

Як би ви визначили цінності, за які стояли люди на Майдані, і ті цінності, які важливі особисто для вас?

І. Г. Знаете, я там встретил людей, которые были простые работяги, то есть рабочие со стройки, мелкие предприниматели, инженеры. То есть народ был абсолютно разношерстный... И те люди, которые готовы были четко и ясно высказать свою позицию, их было, в принципе, большинство. Почему они там присутствовали? Их всех общая черта была в том, что [вони висували] требования уважения своих прав. Для них всех было непонятно и недопустимо, что ихние права можно нарушить или оспаривать, ставить под сомнение. Такая основная идея. Конечно, каждый высказывал это по-разному, немножко по-своему. Но, грубо говоря, каждый хотел, чтобы его права уважа-

лись. Это была основная идея. Из этого вытекало абсолютно полное недоверие к той власти, которая на тот момент сформировалась. Они [правляча еліта] этим требованиям не соответствовали.

И плюс, конечно же, повод – это разгон студентов, который стал уже, грубо говоря, тем поводом, за который можно зацепиться и конкретно сказать: «Ребята...» [...] Человек может хотеть совершить теракт, но поводом может быть только либо его реальная подготовка, либо совершение теракта. Мы не можем человека только за то, что он хочет, привлечь к ответственности, мы можем только за какое-то событие. Это было то событие, за которое действительно их можно было привлечь к ответственности... Разгон студентов на Майдане... 29 ноября вот мы здесь... Последний раз я, наверное, просто пришел... Я увидел там три или четыре человека [мітингувальників], в Днепропетровске... Все, уже не подписали. И мы, такие, стоим, и я говорю: «Ну, наверное, это все».

Не підписали угоду про асоціацію з ЄС?

І. Г. Да. И мы говорим: «Ну, наверное, все?» Он говорит: «Ну да, наверное, все. Что тут теперь стоять?» [...] Все заканчивается. Тот же самый процесс проходил в Киеве. [...] Смысла никакого, рационального смысла ничего делать не было. Просто не надо было делать ничего. Просто вообще ничего не делать. И все. И люди бы разъехались по домам, пошли бы на учебу, на работу и все, занялись бы своим делом. И такой вот разгон студентов, чтобы там... человек оказались в больницах [пізніше уточнення респондента: «пострадало 79 человек»], плюс «прочесывание» этого всего в центре Киева и всех прилегающих... Не знаю. Это была какая-то... какой-то пьяный дебош. Человек просто напился, у него белая горячка, и он схватил нож и начал за всеми гоняться. Такой клинический случай. Понятно, что надо было на это реагировать по-другому. Тут уже вопрос был не в евроассоциации. Евроассоциация здесь ни при чем, это вопрос уже из другой области. [...]

І як ви потрапили на фронт? Як до вас прийшло це рішення? Як ви його переживали всередині?

І. Г. События в тот момент разворачивались в Крыму. Там происходили протесты и проукраинские, в поддержку Евромайдана, и происходили пророссийские митинги, происходили столкновения. То есть ситуация была такая – политическое брожение. Но было видно, конечно, что речь о суверенитете Крыма там поставить нереально. Это все равно, чтобы во время каких-то беспорядков в Днепропетровске

кто-то сказал: «А давайте сейчас присоединимся... к какому-нибудь... к Китаю...» То есть бред. И вот тогда было видно, что, видя эту ситуацию, россияне просто захватили крымский парламент, крымское правительство и начали вводить войска, и это просто, грубо говоря, террор над населением. Одно дело, когда ты знаешь, что ты можешь выйти протестовать, а другое – когда ты знаешь, что там стоят титущки, которые тебя будут бить, а в случае попытки какого-то сопротивления там будут в тебя еще стрелять военные, которые без распознавательных знаков, которых потом... ищи ветра в поле. Они просто уедут к себе там, скажут, что «это не мы».¹

Поймите, ведь то, что сделано было в Крыму, это было... Грубо говоря, это был терроризм. Потому что на самом деле планировалось все к тому, чтобы Крым умыть кровью. То, что этого не произошло, – это буквально из-за того, что Украина уклонилась от боевых действий. И если бы в Украине существовали ресурсы и силы, которые были бы заинтересованы в том, чтобы, знаете, воевать с Россией не ради победы, а ради мести... и соответственно, тех, грубо говоря, мецан, которые хотят в Россию... как это сказать... отправить их в Россию с максимально большими последствиями, тяжелыми... Они бы могли просто взять и устроить там то, что, в принципе, хотела сделать Россия. То есть они хотели пострелять? Просто организовать им это, отправить туда людей, которые бы действительно открыли огонь. И в ту сторону, и в ту сторону – и началось бы «мясо». И вот этот вот Крым, он бы достался... конечно же, ушел бы с кровью в Россию. [...]

И Россия именно этот сценарий готовила, потому что... Почему не было опознавательных знаков? Потому что обеспечивало в любой момент выход и рассказ о том, что «это были не мы». Почему ввали о том, что «нет, там нету» [російських військ], а потом сказали, что «да, это были наши военные»? Чтобы потом, если произойдет какой-то инцидент, расстреляют гражданских, население, тогда сказать: «Ну, это были не мы, это были украинцы. Купили просто форму. У них точно такие же КАМАЗы, БТРы...» И так далее, и так далее. То есть это... это... метод, которым действует Россия. Это просто метод терроризма. И, конечно же, Украина... крымские власти, которые никуда не двинулись, то есть не пытались установить блокпосты, не пытались

1 Детальніше про опір російській окупації на Кримському півострові див.: Люди «сірої зони». Свідки російської анексії Криму 2014 року / Упоряд. та вступ Андрієвська А., Халімон О. – К.: К.І.С., 2018. – 264 с.

разоружить кого-то, они, по сути, спасли Крым от крови, от войны. От донецкого сценария. То есть они его отдали России, они ушли оттуда, они отступили с тем, чтобы решить вопрос на политическом уровне. Принудить политическими методами Россию вывести войска.

І в цей момент ви прийняли якість рішення?

І. Г. Ну, а я в этот момент просто пришел в военкомат узнать, как у нас дела, чего там не хватает. Как они работают, как идет мобилизация. Просто к армии я так и не получил [не мав] никакого отношения: я не отслужил, не закончил военную кафедру, без военно-учетной специальности. Просто пришел и спросил: «Можно вам чем-то помочь? Что-то нужно?» Они сказали, что, там, нам нужен кофе, стаканчики, бумага, такое... И [военком] говорит: «Мы не успеваем разносить повестки. Если хочешь, можешь просто поразносить повестки». [...] И я взял, начал разносить повестки. Потом Витя мне, Байдачный, помог, у него ж машина... И вот это мы ездили, пытались эти повестки дать, и мы видели, что люди отказываются, массово отказываются: «Не хочу. Не хочу...»

И я в какой-то момент просто пришел к Сереге [співробітник военкомату; пізніше уточнення респондента: «мобилизованный, сейчас, на 30.08.2017, проходит службу на Светлодарской дуге, командир роты огневой поддержки»], которого уже знал. И спросил: «Серега, а как там мое личное дело? Я не попадаю под мобилизацию?» Он, такой, посмотрел на меня: «Ну, если хочешь, я могу тебе выписать повестку, только это ж повестка уже на мобилизацию». Я говорю: «Ну, давай». Он мне выписал повестку и сказал: «Куда тебя отправить?» У меня ж нету военно-учетной специальности. Я ему говорю: «Давай в танковые войска, то есть в 93-ю бригаду. У меня инженерное образование есть, что-то отремонтировать, такое... буду полезен. А там – куда они решат».

Выписал повестку, сказал: «21-го приходишь с вещами, мы тебя отправляем в часть». Я пришел 21-го... Мы простояли в військкомате полдня, и в 12 часов нам сказали, что в 93-й бригаде что-то не складывается, они 10 дней не принимают, расходимся по домам, на телефоне. Всех обзвонят и отправят. Он мне позвонил через день и сказал, что «у нас 23-го будет отправка в 25-ю бригаду. Тебе, – говорит, в принципе, все равно, а у них там получше дисциплина. Хочешь, мы тебя отправим в 25-ку?» Я говорю: «Ну, давайте в 25-ку». Так вот 23 числа нас привезли в 25-ю бригаду.

І так ви стали десантником.

І. Г. [Сміється.] Десантниками. Это происходило в марте [20]14 года, десантниками становились все желающие. Просто достаточно было желания – и все, больше ничего не надо.

Тобто там було багато добровольців?

І. Г. Добровольцев? Нет. Не знаю... Нет.

Але люди розуміли, куди вони йдуть?

І. Г. Нет. Как вам сказать... Чувствовали. Там приехали, грубо говоря, уже в военкомат... Я знаю, как это происходило. Люди не хотели служить. Это все связано с тем, как у нас проходит служба. Армия – это последнее наследие Советского Союза, когда человек лишается каких-то личных своих прав, и так далее, и так далее. Он приходит в армию, он не нацелен ни на какой результат. Армия – это ни о чем. [...] Вот я интересуюсь военной техникой, я в какой-то момент времени начал понимать, что военная техника, это все – это оружие смерти. Оно создано для того, чтобы убивать людей. А военные – это, грубо говоря, те, кто это делает. И вот ихняя задача – это убивать людей. И убивать так, чтобы их не убили, то есть... гораздо быстрее, гораздо больше, гораздо эффективнее. И самое идеальное оружие – это ядерное, и так далее, и так далее. Я понимал, что человек военный, хороший военный, в смысле прикладного значения, – это человек... который будет стремиться убить как можно больше и как можно быстрее своих врагов. То есть, по сути дела, когда мы говорим, что мы готовим военных, то для них основной результат – это умение очень быстро и эффективно убивать людей. Все. [...]

Але ж мета – самозбереження. Завдання військового не в знищенні мирних жителів, а в тому, щоби зупинити озброєних негідників, які прийшли нав'язувати українському народу чужу волю.

І. Г. [Зітхає.] Да. Но, понимаете, мы можем сохраняться по-разному. Например, закон Украины говорит о том, что у каждого человека есть мета – самозбережения, но только нету права убить человека. Даже если человек – преступник, даже если он, там, вооружен ножом, вы не можете просто взять его и хладнокровно убить. Вы должны постараться сохранить ему жизнь. Если вы в суде скажете: «Я увидел, что у него нож, поэтому сразу, не задумываясь, взял ружье и...» – он [судья] скажет: «Тогда 8 лет». Понимаете? У нас есть моральные принципы, они говорят о том, что нельзя просто убивать. То есть в любых ситуациях нужно человеку постараться сохранить жизнь... Пресечь преступление, но сохранить

жизнь. У военных нет этой задачи, у них есть задача убить. По сути, подготовка в армии – это дать человеку в основном навыки и понимание того, что на поле боя ему надо убивать. Потому что когда вы будете стрелять в человека, вы должны это перешагнуть. [...]

И подготовка военная, она, в принципе, должна идти морально-психологическая, тактическая, она все время должна быть, заостряться на то, что вы должны убивать врагов. Вы должны учиться, учиться, учиться. Это звучит дико. В этом суть военных. Поэтому военные должны быть профессионалы, поэтому должны быть ограничены специальности, поэтому нужно жесткое разделение. [...] Есть подразделения, в которых есть люди, которые уже воевали, которые уже с опытом и которых очень тяжело, там, на понтах, знаете, сломить. [...] Которые будут сидеть до последнего, они не будут стрелять по посадкам просто так, от нечего делать. Они дождутся, пока ты выйдешь на открытое место, и тебя убьют прямо в упор, в лицо. Он глянет тебе в глаза. Вот это вот тяжелее всего, потому что ты понимаешь, что шансы в таких ситуациях... они практически нулевые. И так надо готовить.

И понятно, что когда наша, украинская армия, советская [за духом та організаційно на початку 2014 року] армия, она просто... ни о чем, ничем не занималась. И потом, у человека своя, извините, попа, не казенная, и ты понимаешь, что ты пойдешь туда, в ту ситуацию, к которой ты абсолютно никогда не готовился. Два года ты ничем не занимался, тобой не занимались, это было никому не интересно. И, конечно же, люди, первое желание: «Да не хочу я в этом участвовать!» И люди отказывались.

«КАЖДАЯ СЛЕДУЮЩАЯ СЕКУНДА БЫЛА “ЧЕРНЫМ ЯЩИКОМ”, КОТОРЫЙ ТЫ ПОТИХОНЕЧКУ ОТКРЫВАЛ...»

Видя вот эту ситуацию, просто понял, что... полный капец. [20]14-й год, мы знаем о том, что территория России... уже на границе собрана группировка, которая действительно в таких условиях может спокойно дойти... куда угодно, хоть до Польши, то есть до ближайшей [точки], там, где не упрутся... А упираться просто не во что, то есть реально не во что. И я решил, что надо хотя бы вот в этот момент заткнуть эту дырочку, постараться хоть как-то что-то сделать.

З готовністю ціною життя свого...

І. Г. Ну, об этом мы не знали. Конечно же, все надеялись на лучшее, на то, что, в принципе, как бы демонстрация силы не потребует ее применения, и так далее. Но понимали, что... Это, в принципе, стало понятно, когда нас привезли в 25-ю бригаду. Потому что... Нас привезли, мы вышли из автобуса, и нас сразу завели в такое [примещение], как актовый зал. Актовый зал, в котором даже не работал особо свет, полумрак, помещение... Такой сельский какой-то актовый зал, в котором стояло два офицера с оружием. Нас завели и сказали, что «кто готов к тому, чтобы поехать сейчас на границу с Россией и, если придется, воевать, пусть садятся с правой стороны. Все, кто не готов, садятся с левой стороны». То есть ты...

...перед выбором.

І. Г. Да. Идешь, садишься. [...] Вы знаете, вот такое [відчуття]: «Я не знаю, что сейчас произойдет. Вообще». С этого момента каждая следующая секунда, она была «черным ящиком», который ты потихонечку открывал. Ты ж не служил, ты ж ничего об этом не знаешь. Тебя никто не готовил. И вот ты берешь, потихонечку садишься, и вот думаешь: «Что сейчас будет? Сейчас будет какой-то спектакль, в котором я буду актером, но я не знаю, что это за спектакль, чем он закончится».

Так ви вже заходите і вже знаєте, де вам треба сісти? Чи ви вже сіли, а потім вам говорять: «Поміняйтесь місцями»?

І. Г. Вы заходите, вам говорят: «Стойте здесь». Подходит офицер и говорит: «Вот такая ситуация, сейчас решается. Едете на границу – сюда садитесь. Ну, воюете, если надо. Не готовы – сюда». Все. Нету времени никакого, на раздумывание там... Все, пошли! Все расселись. Говорит: «Так, вот эти все вышли»... [Пізніше уточнення респондента: «Ну, не так цензурно он это сказал».] [Співробітнику] из военкомата говорит [офіцер]: «Забирайте обратно». И вот ты сел вот в ту сторону. Ты действительно понимаешь, что ты абсолютно не готов, тебя... никто тебя никогда не готовил, поэтому не знаешь. Готовым быть нельзя...

Потом, вернувшись, вижу многих людей, там, волонтеров, которые говорят: «Вот вы не поехали...» – обращаясь к каким-то программистам, полудшкольникам, по сути говоря. Я, такой, смеюсь, говорю: «Вы вообще понимаете, что вы людям советуете? Куда поехать?» Вы их сначала к осени... Не просто там поехать сразу куда-то... Пусть они сначала пройдут базовую подготовку, хоть чему-то научатся, хоть что-то узнают, попробуют. Пусть им просто пообъясняют, погоняют, по-

кажут, как это выглядит, люди, которые это уже испробовали. А потом уже будете смотреть и думать. Может быть, он вам просто там не нужен. Может, будет польза, если он будет сидеть в отделении связи и писать что-то полезное для Министерства обороны. Потому что людские ресурсы, они очень-очень ограничены. [...]

Вот так вот мы... В принципе, нас рассадили, и потом...

І скільки ж вас сіло, готових їхати на кордон із Росією?

І. Г. Половина где-то... Половина села, половина уехала. Ну, плюс-минус...

У вас сім'я є? Діти, дружина?

І. Г. Нет.

Багатьох, я знаю, сім'я тягнула назад, додому.

І. Г. У меня тоже, к сожалению, родители... У меня был конфликт по этому поводу с родителями, потому что они выступали категорически против моего участия в протестах [під час Євромайдану]. С криками «Тебя арестуют!»... И для меня это было абсолютно неприемлемо – отказать под предлогом «тебя арестуют». Ну и что? Тебя не арестуют тогда, сейчас, но тебя, скорее всего, на протяжении следующих 15 лет арестуют, сто процентов. Потому что мне это не нравится. А если тебе это не нравится, это в принципе [в умовах авторитарного режиму] предпосылка для того, что тебя арестуют. [...]

Когда нас отправили, когда начались эти все события, они [батьки] у меня за спиной ездили в часть, пытались написать какие-то бумажки о том, что я там нахожусь чуть ли не незаконно, и так далее, и так далее, меня надо вернуть. Но мне об этом из офицеров никто не сказал. К счастью, потому что было бы неприятно, стыдно узнать такое. Но... Мне кажется, семья – это не оправдание. Оправданием может быть просто неспособность, неготовность человека, и тут как раз функция государства... готовить хороших военных. [...]

У яких ви «найгарячіших» точках були?

І. Г. Самая «горячая» – это Шахтерск.

На горі стояли?

І. Г. Нет.

Частина там із 25-ки стояла, один офіцер розказував...

І. Г. А с какого батальона? Со второго?

Не знаю. Максим Шевченко, взводний із 25-ки, в нього можна спитати.

І. Г. В Шахтерск зашло два батальона по очереди: сначала мы, потом второй бат туда тоже зачем-то подтянулся. Это уровень нашего планирования... А наш батальон зашел в сам населенный пункт, там зашел в автобазу. Грубо говоря, прошелся немножко по частному сектору вниз... Там шла улица, слева была автобаза, а справа частный сектор. [...] Мы вот сидели на этой автобазе, в частном секторе.

Потом Нижняя Крынка и Саур-Могила. Но Саур-Могила... То было тяжело тем людям, которые дежурили непосредственно на самой высотке... те, кто сидели. А в Петровском, там главное – держать, контролировать ситуацию. Там я был не на самой Саур-Могиле, а в Петровском, поэтому там к нам особо и не «прилетало». А на Саурке... там стояло... как извержение вулкана, такое, вялотекущее.

В Нижней Крынке было тяжелее. [...] Ну, Зеленополье и все остальное – это такое... до стрельбы не доходило. Потенциальная угроза и непрерывные дежурства, готовность...

За Саур-Могилу народ розповідав, що їх там з Росії «накривали»...

І. Г. Там же до России... Так и Амвросиевку с России... Если там посмотреть сейчас на Google-maps... удалили сейчас эти снимки. А старые снимки... Там четко было видно: поле, там выросла пшеница, и при разрывах видно, что они все прилетели со стороны России... [малює карту та форму вирв, які залишалися на полі після розривів російських снарядів]. Снаряд, если вот так вот смотреть, он оставляет... такие воронки, направленные, и их очень хорошо видно, разлет осколков на пшенице... И когда мы вышли в Благодатное из Шахтерска... А Благодатное находится чуть-чуть восточнее, чем Амвросиевка, туда тоже долетали «Грады». Наблюдали. Точность у «Града» очень низкая... Мы просто наблюдали в полях эти взрывы. Не попадали... Попадали, вернее, иногда – вот склад артиллерийский сгорел, когда мы вышли из Благодатного. [...]

Кадрових російських військових довелося зустрічати?

І. Г. Да... Был взят в плен... [пізніше уточнення респондента: «старший офицер российской армии»]. Его отправили вертолетом в Киев из Амвросиевки. И в Нижней Крынке... один из трупов... Тоже нашли военный билет российский – офицер молодой из Казахстана.

Поспілкуватися з полоненим не було можливості?

І. Г. Нет. Охраняли не мы. [...] Прилетел вертолет, его забрали.

А як його взяли?

І. Г. Было нападение на второй взвод. У нас были блокпосты. 19 мая мы поставили блокпосты для прикрытия пограничников, потому что на них совершались нападения, разоружали их. Чтобы ограничить эту движуху, мы установили на нашей территории, за их спинами, блокпосты. То есть они в случае чего должны были подойти к нам, а мы, соответственно, прикрыть их сзади, со стороны тыла, чтобы никто не подъезжал. Стандартная тактика тогда была: просто подъезжает несколько машин, три-четыре-пять, из них выходят люди с автоматами и разоружают пограничный патруль. А пограничный патруль – это два человека. [...]

Скажіть, а з мирними мешканцями вам доводилося мати справу? Як ви з ними спілкувалися? Як вони вас сприймали?

І. Г. По-разному. Спокойно. Сказывалось, наверное, то, что Днепропетровск, что люди ментально близки. Русскоязычная речь, те же самые... Мы ментально очень близки, разницы особой нету. В Амвросиевку когда мы приехали, в принципе, нас там встретили как родных. Типа: «Блин, бедные солдаты, вас тут выгнали в поле, такой холод, ветер, ночью снег... Нафиг оно вам надо?» В палатках все дырявое. «Как вы тут живете?» Действительно, было так тоскливо...

И, конечно, местные привозили нам что-то... помочь, поесть. Как могли, помогали. Ну, говорили, там, что «мы с Россией братья», и так далее, и так далее. Мы им говорили, что «да, да, да... Только есть некоторые нюансы, которые сейчас приходится, видите, закрывать...» Они такие: «Та ну да». С пониманием, что государственная граница – надо выполнять эту работу. Местные относились очень хорошо.

Перелом наступил с появлением ДНР. И, конечно же, работала пропаганда. Это надо понимать. Что пропаганда начала рассказывать про «хунту», «карателей», про то, что мы, там, людоеды-каннибалы, и так далее. Вот, и у некоторых людей начало меняться настроение: «А вот вы...»

Це приблизно який час – квітень, травень, – оцей от злам?

І. Г. Апрель. Где-то середина апреля, ближе к... Середина, 20-е числа. Начался такой вот перелом, потихонечку начали люди нас

обвинять, что мы что-то у них там забрали, что-то им поделали, хотим их убить, и так далее. Да это все было чисто пропаганда... «Россия – друг, она хотела нас спасти, защитить...» И так далее.

Як у них проявлялася ця зміна? Чи був у них щодо вас страх чи якісь інші почуття?

І. Г. Страху не було. Ну какой страх? Вот представьте себе: сидят военные у вас там... Грубо говоря, улица, и на соседней улице военные. Посадка. Край города, и там сидят военные возле трассы. И вы их проезжаете, вы их видите уже месяц. Они вам мозолят глаза, вы останавливаетесь, с ними общаетесь и так далее. К гражданским мы вообще никакого отношения не имели, мы не находились на ихней территории. У нас не было блокпоста на трассе. То есть мы просто находились там. Они останавливались, могли подойти к нам поздороваться, поболтать и так далее, покурить и тому подобное: «Здрасьте! – «Здрасьте!» – «Как жизнь?» [...]»

У нас не было профессионального общения какого-то. На основании какой-то процедуры. Это все было абсолютно личное, и оно происходило месяц, и никаких проблем не возникало. Обвинений, претензий. Поэтому то, что там появилась эта вся пропаганда... Страху возникнуть не могло. Ну, потому что «я их уже знаю». То есть телевизор там себе рассказывает, но на ментальном, личном уровне я их уже знаю.

Тобто ви певний час на одному місці стояли, і ви встигли з ними познайомитись, а потім уже пішла ця пропаганда?

І. Г. Да, мы стояли больше двух месяцев на одном месте. То есть на этой границе мы простояли до 1 июня...

Де?

І. Г. Амвросиевка. И там уже знали очень-очень хорошо всех. Под конец мы уже часто ездили... Гражданскую одежду [військову форму – респондент обмовився] сняли, сказали взводному, что «я сейчас в Амвросиевку, там, в магазин съезжу», – и так далее. Там, в принципе, они понимали, что люди в гражданском, но характерный загар такой и тому подобное... обветренное лицо... что это – военные. Особой агрессии не было. У них какое-то время появились блокпосты, где-то в десятых, может быть, числах апреля. Я сейчас точно не вспомню. Но после того как захватили РОВД Славянска, мы эти... блокпост убрали. Он просто стоял на самой трассе «Ростов – Днепропетровск», и, грубо говоря, это была дичь, потому что они на трассе междуна-

родной останавливали, досматривали машины. Мы этот блокпост просто закрыли. Ночью оцепили его и отобрали у всех там палки, бутылки с горючей смесью, закрасили это «ДНР» и сказали, что... «Все. Всем по домам».

І ви їх відпустили?

І. Г. Ну а что с ними делать? Мы – военные, мы не имеем права ничего с ними... Поэтому мы сказали, что блокпост – это как бы не очень хорошая идея, поэтому – извините. Хотите – у вас есть горсовет, можете там устраивать все, что хотите. Те, такие, на нас посмотрели...

Вот. Конечно же, использовали любой предлог для того, чтобы нас... [дискредитувати]. Был случай ночью. Мотоцикл ехал: малолетки съехали с трассы, катались по полям, заехали к нам на блокпост, на трассу, которая ведет на наши позиции. Там, где у нас стоит техника и так далее. И пришлось открыть предупредительный огонь. Буквально, они начали уже подъезжать к нашим укреплениям, проехали через мешки с песком... Но это не на трассе, это именно вот – посадка, поле, туда уже заехали. Это наши позиции, опорный пункт. И пришлось перед ними выстрелить с пулемета. И на следующий день...

Мы выстрелили с пулемета, те ж сразу остановились. Мы посмотрели, сказали, чтобы они слезли, заглушили двигатель. Осмотрели – а там малолетки. Ну, сколько лет? 13-15, катаются на мотоцикле. «Днепр» с коляской. Мы им сказали, что «вы сюда не ездите, потому что здесь военные позиции. Поэтому разворачивайтесь и едьте домой». На следующий день: «А-а!!! Они стреляли по детям!» Понимаете? С пулемета. То есть, ну...

Тоже похожий случай. Мы были в Нижней Крынке, где-то, может быть, месяц, может быть, больше. Вывели нас с Нижней Крынки, потому что «Минские...» [домовленості] и так далее. И смотрю я телевизор, а там, оказывается, Раша... Россия рассказывает, что мы там и детей изнасиловали, и местных жителей расстреливали, закапывали... И причем они раскапывают эту могилу, а там были похоронены «сепары», которые погибли и которых [свої] не захотели тела забрать. Ну, и мы их похоронили. И они говорят: «Вот, военные украинские убили местных жителей и закопали». Я просто понимаю, что это все – чушь. Все, что можно использовать, все будет использовано, чтобы перевернуть, перекрутить и сказать, что вот это вот – местные жители. А это не местные [у значенні: «не мирні»] жители, это «сепаратисты».

То есть они... Там у них, когда сгорела машина, в ней еще, наверное, когда она горела, еще минут 20 взрывались эти патроны, боеприпасы, которые они с собой везли.

З вашого боку якась допомога місцевому населенню... бували ситуації?

І. Г. В Нижней Крынке. То есть мы тогда были... такой бытовой уровень... это Саур-Могила, Петровское... по хозяйству. Там бабка жила, совсем старая. Она была одна, ей там соседи немножко помогали. Ну что там? Дрова поколоть, такое. Она нам суп готовила. Ну, это, знаете, такой симбиоз: мы ей что-то делаем, она нам что-то делает. В Нижней Крынке, там было чуть тяжелее, потому что обстреливали уже гораздо плотнее, и у местных, которые не уехали, дома разрушались, крыши и так далее. Там люди в возрасте, проявляются какие-то болезни, потому что нервный стресс. Поэтому там ремонт крыш, окна и тому подобное, медикаменты [дѣлилися ліками з місцевими жителями], это вот все. Нижняя Крынка оказалась отрезана от... [від постачання]. Получается, речка отделяла от села, а в магазинчики они ездили через мост [у мирний час], но поскольку все это время там обстреливалось, то местные жители туда не ездили. Потому что можно было поехать и как раз застать очередной обстрел, было слишком опасно, рискованно. [...] Поэтому кормили.

То есть у нас там было... готовили кухню. Потом все пришли набрать себе, что было – там какие-то консервы, сварили гречку, кашу. И потом варили столько, сколько помещалось в ТВН [прилад для приготування їжі]. Сколько по максимуму. Все остальное раздавали. Хлеб и все-все. Военные развезли на позиции, а все, что оставалось, забирали местные. Плюс генераторы. Электричества не было, то есть генераторами там [забезпечували електроенергією] ближайшие домики, чтобы они могли включать телевизор, заряжать мобильники, такое.

Не было, не чувствовалось того, что вы находитесь на какой-то оккупированной территории... чужие люди, которые к вам относятся негативно. Вообще такого не было. Были отдельные моменты. Но я так понимаю, что многие люди уехали, наверное, из-за того, что в какой-то момент... поучаствовали. Потому что жила семья с детьми, у них не было мужа. То есть я не знаю, где он пропал. Такие вот моменты были. [...] Некоторые к нам не относились [погано ставилися]... То есть мы просто орали друг на друга. Там, «сепар», такое-сякое...

Даже, получается, женщина, семья, жила. Она жила между нашей позицией и мостом. Буквально на расстоянии через один двор. То есть вот мы стоим, и они стоят... [Малює на аркуші.] Вот Нижняя Крынка... В самом селе идут две улицы. Одна улица и вторая. [...] От нас через один двор и еще там какое-то расстояние до этого перекрестка, до дороги на мост... Вот, они живут в этом домике. Получается, они [російські гібридні війська] обстреливают... Тут еще были наши позиции какие-то, здесь вот. И они, получается, начинают обстреливать и здесь, и здесь, и здесь [показує місця, де стоять будинки мешканців Нижньої Кринки], ну, потихонечку переносят [вогонь під час обстрілу]. Они ж уже... мы там находимся месяц... Они, в принципе, хорошо знают наши позиции, где стоят наши «бэхи», окопчики, и они вот так вот потихонечку, вот так вот «наваливают»...

Ну, и каждый раз, когда они промахиваются – по посту промахиваются, по нам промахиваются, – сюда [місця, де стоять будинки місцевих мешканців] тоже все налетает. И они ж, получается... по сепаратистам. Ихние же постоянно их «накрывают». И «Минские соглашения», и все... Все ж должно быть хорошо, а они, получается, страдают...

Це який час?

І. Г. Вторая половина августа и сентябрь. И вот это они стоят, сидят и страдают каждый день. На утро, на обед и так далее. Получается, просто бабушки живут в подвале. Здесь [показує на карті] жила одна такая бабушка. Видимо, пропаганда, что-то с ней случилось... Она вообще старенькая, с трудом ходит. И она ходила отсюда к этим сепарам и обратно. И, видимо, ей там про нас такое рассказывали, что она, когда проходила мимо нас... Стоит наше БМП, мы сидим, дежурный... И она идет по дороге, такая, останавливается перед нами и начинает пытаться за что-то извиняться, типа «я просто пройти». Как будто мы тут... как немецкие каратели. И ты такой сидишь: «Что вы хотите от меня? Чего вы ко мне пристали? Идете – и идите». Доходило до этого.

Чи був якийсь випадок з місцевими, який вам особливо запам'ятався?

І. Г. Тяжелый был у нас обстрел. Это перед «Минскими», когда еще не было перемирия, у нас прошлось по всему селу, артиллерия. Она начала обстреливать с этого края... потихонечку, потихонечку, с промахами, они начали идти по улицам. По улицам, по улицам, по ули-

цам. Я в тот день дежурил. И потом они вот здесь вот и закончили где-то. Они еще на тот момент, видимо, не знали или не могли откорректировать, хорошего не было наблюдательного пункта. В общем, они вели очень плотный огонь батареей. И тогда начался пожар. Это был август, было очень сухо, вся трава была сухая. И начало гореть. Многие дворы были заброшенные, и там начала гореть трава, начали гореть сараи, было несколько очагов возгорания в селе. Обстрел закончился где-то в 11 часов ночи, было темно, и нам сказали, чтобы мы со всех позиций... Половина личного состава взяла ведра, лопаты и начала тушить село.

Я дежурил, получается, во время этого обстрела, и меня... сказали: «Ну, дежурь дальше». А те, кто сидели в подвале: «Мы пойдем, потушим немного». И вот я сидел там, курил одну за другой... И слышу, как там маты стоят... там, наверное, и «сепарам» было слышно вот этот мат. И вот это вот картина такая эпическая: горит село, дым, зарево – и вот эти вот маты непрерывные. Поток матов, женский, мужской. Друг на друга со всеми вот этими... Кто-то пытается развалить какой-то дом, чтобы открыть дверь, чтобы его потушить... Короче, это такое зрелище, знаете, когда реализация идеи «Путин, введи войска!», она догоняет людей.

На следующий день они ж проходили... Сказали пацаны: вот эти вот женщины [сепаратистки], они не тушили, они стояли и матюкались. То есть мы там ходим с ведрами, пытаемся это все заливать, разбрасывать, а они стоят и матюкаются. И они, такие, вот уже проходили обратно, к своему домику мимо нас, и, такие, говорят: «Ну, завтра мы вам устроим, завтра вы тут у нас такой Майдан получите...» Понимаете, логика: «накрыли» ихние «сепаратисты», «русский мир», который они ждали, а они нам будут Майдан устраивать.

Ну и проснулись, вышли из деревни, начали что-то собираться. Мы чуть вышли, где-то в районе этого дворика. И слышим – такой мат стоит, просто мат-перемат. Мы ждем, когда они к нам придут. Но там они между собой... Такой срач стоял, просто страшно. То есть жители разбирались между собой, до нас они так и не дошли. Разобрались.

Если бы не Россия, вообще бы ничего не было. Вообще бы [вмывая з ритиском] ничего не было. Даже в Крыму. Даже в Крыму.

«ПРИЕЗЖАЛ ДЕДУШКА... ПРОПАГАНДИРОВАТЬ ЗА РОССИЮ»

Ибыл интересный еще момент в Амвросиевке. Тоже у нас там картина была похожая. То есть шла трасса на Ростов. И здесь был лес. [Малюе.] Здесь была дорога грунтовая. И здесь поле. Вот здесь посадка шла, посадочка. Здесь она заканчивалась, и шла грунтовочка, посадка, в которой мы стояли, и был наш блокпост. Здесь – памятник лосю. Мы его так и называли – «Лось». Спуск идет вот сюда вот, в эту сторону. Тут лесок, очень удобный, тут дорога, грунтовка, здесь вот грунтовая дорожка, и здесь был наш блокпост.

И там часто, прямо по этой дороге, переезжая через трассу, можно подъехать к нашему КПК, который ведет на наши позиции. Приезжал все время дедушка. Приезжал он вдвоем со своим внуком с Амвросиевки, пропагандировать за Россию. «Дешевый бензин, вкусное мороженое» и все такое. И после того как начались вот эти вот... бой на втором блокпосту... И ночью там пограничники, когда прочесывали границу, они просили подсвечивать артиллерией, артиллерийскими снарядами осветительными... И они ж вот это все видят – и что техники стало много, и 79-ка проехала туда. Они ж это все слышат – когда идет большая колонна техники, это не заметить очень сложно. И он, такой, приезжает... А эти все события, нападение на блокпост... Пошли в наш адрес угрозы из-за этого российского военного: «Всем десанникам капец! К вам уже идут чеченцы... Там за каждого по тысяче долларов или по десять обещали...» И у нас, соответственно, меры безопасности были усилены. Мы уже никого близко не пропускали...

И, такой, дедушка приезжает к нам. Понимает, что началась какая-то серьезная движуха. Он, такой, говорит: «Мы не хотим войны». Я, такой, на него смотрю, говорю: «Ну, и я не хочу войны». Он... Знаете, в этот момент появляется какое-то понимание ситуации – что что-то пошло не так, что кто-то кого-то обманул... И он, такой, понимает, что к нам обращаться бесполезно. Мы не хотим войны, мы тут стоим уже два месяца, мешаем. И он понимает, что мяч не на нашем поле, и он с такой тоской берет разворачивается и уходит. То есть он понимает, что он сам себя продал, и теперь его будут расстреливать за его же... деньги.

«НЕТ, ЭТО “ЗУШКА” БЫЛА НЕ НАША. СТРЕЛЯЛИ ПО НАМ. ПРЯМО С РОССИИ»

Скажіть... Часом мені про такі речі розповідають... Чи бували ситуації, коли дії супротивника викликали у вас почуття гніву?

І. Г. Во-первых, это стрельба через границу. Это, знаете... С одной стороны, они прекрасно понимали, что у нас есть запрет, ограничения на стрельбу в ихнюю сторону. Потому что будет использоваться как провокация. И они этим прикрывались. Это абсолютно... как это сказать... Это – вероломство. Вероломство... То, что использование ихней [з російського боку] «ЗУшки», когда мы ехали в Зеленополье из Амвросиевки... Она просто... Вот мы остановились на ночь на дороге, которая шла вдоль границы... А мы двигались полностью от Амвросиевки, и по самому, по самому... по самой кромке, прямо вдоль знаков «Проезд заборонено. Державний кордон». Мы ехали по этой грунтовочке до самого Зеленополья. И вот по нам стреляли прямо из центральной территории [Росії] «ЗУшки» ночью... То есть я вот ночью смотрю и не могу понять: кто стреляет? Наши? Наша машина стоит. Из-за посадки следующая. Смотрю: начинают... Троссера идут с российской территории. Справа налево. Думаю: «Блин... То ли это наши туда... Дорога, может быть, там уходит очень далеко вправо, и наши там стоят и куда-то стреляют, в сторону нашей территории. Кто-то напал?» А утром говорят: «Та нет, это “ЗУшка” была не наша. Стреляли по нам. Прямо с России». Конечно, вранье то, что они говорят, что это не россияне, что это местные жители. Вот это вот – вранье. То, что техника, оружие тоже у нас отнятое. То есть это вранье постоянное, оно, конечно, больше всего бесит. Бесят и их методы ведения войны. Они проводят принудительную мобилизацию...

Місцевого населення?

І. Г. Да. Они людей за какие-то абстрактные нарушения, за админку... за то, что человек, там, пьяный ходит, за то, что человек комендантский час нарушает, они его сажают на блокпост. То есть используют как живой щит. А потом его берут, отправляют на мобилизационные сборы. Иногда просто, отправляя на мобилизационные сборы, приписывают к какому-то подразделению, отправляют к нам на позиции. То есть они вообще ничего не умеют. Люди, которые систематически

нарушают админку, ходят пьяными... им дали автомат, и они пошли к нам. Они пришли к нам, и, извините, мы их взяли в плен. Просто потому, что они вообще ничего... они воевать не умеют.

Це вони вам і розповідали?

І. Г. Ну да. И ссылки все время на пропаганду. «Славянский мальчик» и так далее. Ты сидишь. Сидит с тобой [полонений]... Ты говоришь: «Если мы бы “славянского мальчика” распяли, ты понимаешь, что мы с тебя бы живого шкуру сняли, мы бы тебя пытали до сих пор, не останавливаясь? А ты тут ешь, куришь, спишь и так далее. Тебя не трогают». Человек, такой, на меня смотрит. Я говорю: «Где ты видел, ну... славянский мальчик?» Бесит постоянное вранье. И даже вранье уже несмотря на то, что он попал к нам в плен и, в принципе, «сепаратист». Мы его там должны были... я не знаю... показательно... всех там построить и одного кого-то... я не знаю... или переехать танком, или что-нибудь такое с ним сделать. Ничего этого нет. Ничего этого нет. Они там просто ждут, пока их заберет... МВД. А они нам рассказывают про жестокое такое обращение. Просто сидишь и думаешь: «Ну дебилы. Дебилы настоящие...»

Да, использование населения, которое вот так вот ведется на это на все, на уговоры, когда... Понимаете, эта пропаганда, они ж ссылаются на это... «Вот ты... Украинцы убивают население, насидают, грабят и так далее... Ты не пойдешь против них воевать? Ах ты предатель...» Понимаете? «Предатель»! Вот эти вот методы, они, конечно же... Это... дичь и треш. Называют «гибридная война», и многие этого не понимают. То есть она вся построена на лжи, на провокациях и на терроре. На терроре населения.

Вот это вызывало очень большие возмущения. Использование населения как живого щита регулярно. Размещение батареи в жилых секторах. В Нижней Крынке «Град» отработал... [Малює.] Река идет, получается, идет мост, а с другой стороны тоже уже идет село. То есть тут уже тоже идут какие-то частные дома, улочки... свое село. Расстояние тут где-то 800 м от домов. И вот на расстоянии где-то 800 м они поставили... Ночью заехал «Град», машина заехала. Ее не было видно, она заехала по улочкам и стала в жилом секторе, за домами. И утром в 7 часов взяла и отработала пакетом, причем на большую дистанцию, потому что уходил пакет под большим углом. На большую дистанцию отработал прямо из частного сектора. А местные к нам, в принципе, расположены были плюс-минус, многие

рассказывали нам разведанные. И они просто взяли, пришли... «Ну раз вы хорошо к «украинцам» относитесь, то мы будем использовать ваше жилье как позиции для артиллерии». И взяли с «Града» просто вдушили, прямо с ихних домов. То есть «обратка» если бы пришла, она бы пришла, грубо говоря, в частный сектор...

Россия – это тот противник, которому нельзя верить, вообще ничему. То есть который должен загоняться в жесткие рамки исключительно силовыми методами.

Бували у вас такі ситуації, коли все залежало від вас? Ви розумієте, що якщо ви цього не зробите, то...

І. Г. Оно на самом деле так и есть. Я не говорю про себя. Поймите, что основы тактики, основы действия подразделений... Не существует такого понятия как «я». Шансы выжить человека одного, самого по себе, они равны нулю. Взвод выживает только за счет того, что он работает как команда. От построения... банально, построения обороны. Какой-то частный сектор. Перекресток. Дворы идут. Первый двор, второй двор. С другой стороны – второй двор, первый двор. Потом с противоположной стороны улицы тоже перекресточек, идет улица, тоже дворы. Если их надо контролировать, надо разделить людей по секторам. Кто-то держит дорогу, кто-то держит один, кто-то другой двор. То есть это все распределить. И каждый из этих секторов может стать слабым местом, если человек не контролирует его, то есть он там пошел спать, пить, курить, не сказал о том, что... то есть его никто не поменял. Слабых мест не бывает, все слабые места... они потом заканчиваются кровью. Поэтому от каждого человека в каждый момент времени зависит его судьба, и если что-то плохое не происходит – это просто везение.

Каждый человек в каждый момент должен качественно дежурить. Те люди, которые отдыхают, спят, они должны быть на сто процентов уверены, что все работают. Поэтому такой ситуации, что все зависело от меня... [не было]. Понимаете, как говорят военные, чей-то героизм – это продолжение чьей-то глупости. На самом деле все должно идти... Военная тактика – как игра в футбол. Там есть правила, там есть тактика. То есть если вы хорошо в него играете, вам не надо жертвовать собой, погибать. Ты должен просто уметь это делать, уметь воевать.

Ви якраз зачепили цю тему... Чи були ви свідком героїчного вчинку? Не все було в нас так добре організовано. Напевно, доводилося й героїзувати...

І. Г. Не знаю... Штурм Шахтерска, зачистка Нижней Крынки, штурм Саур-Могилы – все эти события, они являются, по сути, актом героизма, потому что мы, грубо говоря, уже закрывали собой большую дырку в нашем Министерстве обороны... То есть, это ж вы поймите... Это гибли люди, это у нас были огромные потери. У нас в роте [3-тя рота 1-го батальйону] погибло 13 человек. [...] И это вся работа, которая делалась, в принципе, ручками в кровь. Говорить о том, что есть какой-то отдельный поступок... не знаю. Каждая операция, она сопровождалась потерями. Участвуешь в этом, бегаешь с пулеметом, стреляешь... Ты рискуешь каждую секунду, это – героизм. Я не могу выделить отдельно. Все те события, операции, которые провел наш батальон за [20]14-й год, люди, которые в них участвовали, безусловно, в каждый момент они могли... Понимаете... за вот эти полгода была масса шансов погибнуть. [...]

Я воспринимаю героизм как глупость. Человек должен выживать на войне. Потому что от мертвого солдата толку нет... Если солдат вынужден отдать свою жизнь, это значит, что завтра, послезавтра его уже не будет. И это глупость. Человек должен на войне выживать, потому что он еще пригодится. Каждый солдат, каждый офицер, он еще пригодится, поэтому он должен выполнять свою задачу – он должен, обязан выживать.

Як ви на війні боролися зі страхом? Є у вас якісь рецепти?

І. Г. Нужно думать. Планирование. Нужно... Когда кажется, что ситуация безысходная и шансов... ты чувствуешь, что их практически не остается, нужно просто начинать планировать рационально какой-то план. Военный должен рассуждать с точки зрения пессимизма, то есть он должен готовиться к плохим сценариям. Он должен думать о том, что «если пойдет плохо, то я сделаю то-то...» Каждое событие вызывает [передбачає] два варианта поступков, потом следующее событие – еще два варианта, у нас получается как бы такое дерево вариантов, но мы всегда должны идти по пессимистичному сценарию. По негативному. Потому что мы готовимся к самому плохому, и если наши прогнозы не сбываются, то это будет в любом случае хороший, приятный сюрприз... А если наоборот... у нас будут всегда проблемы.

За негативним сценарієм, але при цьому готуватися активно діяти в цій ситуації для виживання?

І. Г. Да, в негативной ситуации. И когда ты понимаешь, что там уже ситуация... выжить очень мало [шансів]... окружили, все... ситуация

критическая, – то ты должен думать: «ОК, все, да, ситуация критическая. Что можно сейчас делать? Что можно сделать через час? Что можно сделать еще через какое-то время?..» То есть начинать думать о том, что ты будешь делать. Стрессовая ситуация вызывает у человека заторможенность, так называемое «туннельное» зрение и мышление. То есть вы начинаете видеть очень узко, и вы перестаете рационально рассматривать разные варианты. Чаще всего солдат стереотипно будет делать только то, чему его научили, то есть он не сможет проявлять...

Працює лише на рефлексях?

І. Г. Он делает только рефлексивную работу. В этой ситуации очень важно заставлять себя думать план – через час, через два, через три, через четыре. Выводить себя из этого состояния. [...] Потихонечку, потихонечку заставлять себя рационально мыслить.

Тут іще одне цікаве питання. Скажіть, чи були у вас (і чи зможете ви їх зараз пригадати) смішні ситуації на війні?

І. Г. Да, были. Но самое прикольное, что отжата у «сепаров» была «тойота». Это мы как раз сидели в Нижней Крынке. Маленькая «тойота хэтчбек», такая старая, разбитенькая. И она была праворульная. И к нам заезжали пацаны с другого опорного пункта, на машине на этой, просто проезжая мимо. И вот они приехали, говорят, что все, мы, там, скоро будем ехать домой, бла-бла-бла... И, такой, наш сержант: «О! Класс! Все!» Он, такой, разгоняется, прыгает в эту машину... и говорит: «Блин! Я не туда сел!» Такая смешная ситуация. На самом деле, да, такие вещи бывают...

А що значить «віджата у “сепарів” “тойота”»? Як це відбулося?

І. Г. У боевиков. Если останавливают боевиков, ну и, соответственно... Как вообще это делается... Ставятся какие-то заграждения. Если это постоянный блокпост, то там ставят Z-образный [перешкода] из блоков, из любого такого...

Щоби машина...

І. Г. Да, снизила скорость или застряла в них. Или, если это, там, временное, то просто заваливается дорога деревьями, чем-то... подручными средствами, заваливается полностью, чтобы не было проезда, но при этом никаких обозначений не делается. Как бы засада. Люди проезжают, останавливаются, начинают что-то делать, вы сидите тихонечко, смотрите, видите оружие – открываете огонь или, там, кричите им, что все, ложим оружие, или мы сейчас вас уложим вместе с

оружием... И вот так вот появляются «отжатые» автомобили.

Це я профілактичне запитання ставлю, щоби потім не чіплялися до цих моментиків.

І. Г. А, то есть «отжатая у “сепаров”» – это у гражданского? Нет... Просто для гражданского «сепар» – это человек, у которого пророссийские взгляды. А для военного «сепар» – это человек, который с автоматом. Разные немножко уровни понимания. Нет... это «отжатая» у боевиков. То есть «отжатая» техника у них – там, «КАМАЗы», пулеметы, много там интересных вещей...

О! Розкажіть, які там цікаві речі.

І. Г. «ЗУшку» на Саур-Могиле «отжали». Где-то второй бат под Угледорском «отжал» «Урал», прикольный... Грузовик российский.

Там документи були російські?

І. Г. Нет, там просто... Это не наш. Он был новой серии, у него такие «мосты», уже усиленные... У нас таких не было. Новенький. «Бэху» [пізніше уточнення респондента: «все, что гусеничное с 30-миллиметровыми пушками, мы называли “бэхами”»], БМДшку отжали. Но это, по-моему, под Иловайском, и это были... не наши «отжали», нам ее просто передали, потому что [от] нашей техники – БМД-2 [бойова машина десанту] – она практически ничем не отличается. Единственное, что она капитальный ремонт, как сказали наши «механы», проходила в [20]12 году. То есть что у нее все работает. Хотя сама по себе техника, конечно, крайне ненадежная, советская. Тот миф, конечно, был разбит в пыль, о сверхнадежной советской технике. Она вообще ненадежная. Она ломается... Все, что можно по двигателю, там может перегреваться вода, может перегреваться масло, может уходить вода, может уходить масло, может что-то загореться... В принципе, запускается и работает он нормально. Его можно запустить воздухом, можно запустить электростартером, но в нем ломается все, что может ломаться. Какая-то кошмарная техника.

С ней тоже был смешной момент связан, очень смешной. Как мы ехали... Вторая волна, мы выехали из Артемовска...

«Вторая волна» – що це значить?

І. Г. Вторая ротация... У нас был небольшой перерыв. После Зеленополя нас вывели на 20 дней для того, чтобы мы поменяли технику и отремонтировали. То есть мы должны были получить БТР-70Д, чтобы быть мобильными, исправными... Но они приехали с Арте-

мовска, у них були проблеми с трансміссією, они ломались постійно, и мы начали ремонтировать снова БМДшки. Короче, 20 дней – это была жизнь в парке... военной техники, и постоянно в мазуте по локти.

Ви обіцяли смішну історію.

І. Г. И смешная, конечно, история. [...] Выехали из Краматорска и едем в Артемовск. А там дорога идет с крутыми подъемами-спусками, и у нас сторел двигатель – случилось очередной раз, он перегрелся и все. Перестал заводиться совсем, сказал, что «больше не хочу, все». И мы ее подцепили к... «Зил» 131-й, и пробуем ее тянуть. А она легкая, «бэха», то есть она весит 7 тонн, она легче, чем «Зил». А «Зил» не может ее тянуть. Он [водій] выходит, говорит: «Что такое? А, у вас там тормоза зажаты...» Он взял один открутил, второй открутил, подергал там – ну, вроде нормально. Поехали. И он, видимо, открутил один слишком много, потому что «механ» когда начал тормозить на спусках, чтобы «бэха» не догоняла «Зил», у нее срабатывал только правый тормоз. Это гусеничная машина, то есть там есть бортовые тормоза. А у нее срабатывает только правый тормоз, и он каждый раз когда на спуске тормозит, она начинает «уходить». [...] Он берет так, чуть разгоняется, чтобы нас подтянуть, выровнять, и мы снова пытаемся тормозить – и еще сильнее «уходим». И вот это вот влияние на скорости, оно, конечно, было очень-очень весело. Мы там разогнались, километров, наверное, до 100...

Но самое интересное было уже перед самым Артемовском. Тоже очередной спуск, мы в очередной раз разгоняемся... Я смотрю: у нас из моторного отсека пошел дым. Я, такой, думаю: «Неужели двигатель... Ему понравилось ездить с большой скоростью, и он решил запуститься?» [Сміється.] Мы ж там машем, что «О-о! Горим!» Он понял, что... дым уже пошел такой, очень плотный... что что-то случилось, машина почему-то решила загореться. Все выключено, а машина горит. Останавливаемся, открываем заднюю крышку моторного отсека, смотрим, а там – тот [бортовое гальмо], который был недоотпущен, он все-таки терся, и на вот этом спуске он разогнался и нагрелся так, что он стал таким ярко-красным. Мы туда – один огнетушитель, он даже не потемнел, как был красным... Второй огнетушитель, тоже даже не потемнел. Он [водій «Зила»], такой, посмотрел на нас и говорит: «Я не знаю. Я щас поеду, короче, к нашим остальным (которые там уже приехали давным-давно). Вы ждите здесь, я потом приеду, вас заберу». Забрал нашего «механа», уехал.

Приехал с другим «механом». Взял еще открутил больше вот этот фрикцион, который сгорел, чтобы он не тер. Подцепил, поехали. Доезжаем до первого поворота, «Зил» поворачивает влево, «механ» пытается тормозить, оба тормоза не срабатывают, он в этот «Зил» врезается. «Зампотех» такой выходит. Смотрит на нас. А уже было, по-моему, что-то около часа ночи... ну, не час, может, двенадцать... в общем, глубокая ночь. Он, такой, на нас смотрит, понимает, что он сам их откручивал. Говорит: «Все, поехали потихонечку [пізніше уточнення респондента: «Ну, он не так это все цензурно сказало...»]. Старайся тормозить не об “Зил”, аккуратно». Вот такие истории смешные. Наша техника, наши «механы», наш уровень подготовки. Вот...

Чи були у вас якісь ритуали на війні, які повинні були забезпечити від якоїсь загрози? Забобони якісь?

І. Г. Нет. Ну, когда говорили о том, что будет выезд, как всегда, говорили, что выезд будет ненадолго, буквально на один день, «ничего с собой не берите»... Потом мы уже знали [що брати потрібно все], но вначале велись на это, отчего очень сильно страдали. Просто такое вот... Вечером потихонечку собираешь пулемет там, боекомплект, все чистишь, все проверяешь, стараешься так расслабиться, отдохнуть, отоспаться. Никаких таких особых ритуалов нет. Наступает такое как бы затишье перед бурей. Все люди стараются потихоньку проверить все, что они будут брать, и отдохнуть.

Скажіть, от ви, людина з цілком цивільного життя, потрапили на війну. Як війна на вас вплинула? Як ви змінилися в процесі цього?

І. Г. Война делает человека жестоким и злым, и где-то я чувствую, что где-то в глубине меня живет вот это вот – злость и жестокость. То есть она потихонечку опускается куда-то на дно, но она никуда не проходит.

У чому вона проявляється, жорстокість?

І. Г. Слава Богу, ни в чем. [Сміється.]

Чому ви тоді вважаєте, що вона в вас живе?

І. Г. Я это чувствую. Вы ж чувствуете, когда вы злы? Когда вы что-то там ненавидите?

Підвищився рівень агресивності, тестостерон піднявся?

І. Г. Да.

А в плані цінностей? До якихось речей, можливо, ви раніше ставилися інакше?

І. Г. В первую очередь это ответственность. Ответственность в первую очередь госслужащих.

Госслужащих?

І. Г. Да. Человек, который... Я, допустим, берусь покрасить как частное лицо кому-то стены... Я не справился. Хотел, старался, но не справился. Вы не платите мне деньги... Ответственность госслужащего, она гораздо больше. Особенно в тех случаях, когда ихние обязанности являются исключительными, то есть только они могут это делать. Прокуроры, судьи, милиция и так далее. Понимание того, что вы не можете их заменить. Вы не можете сказать, что «Я буду сегодня судьей» или «Я буду сегодня полицейским». Это только ихние функции, и они обязаны это сделать. [...] Поэтому они должны... не знаю... становиться рыбками, становиться раками, но они обязаны это сделать. И если они это не сделают, это должен быть в любом случае срок. Это должен быть реальный срок, они должны сесть. Понимание, что это должно быть так и никак иначе. [...]

Если ты раньше, там: «Ну, милиция, ну, у них своя работа», – то сейчас нет. Уже посмотрев, как это происходит, работает ответственность, как за ними другие люди говно убирают, я понимаю, что с них живых слезать нельзя. Если они не делают свою работу, то надо их сажать. Показательно. [...]

Чи готові ви зараз включитись у якусь антикорупційну боротьбу?

І. Г. У меня нет профессиональных навыков. Я инженер. Если нужно будет... какая-то поддержка, то – да. Но я ж не знаю. Понимаете, проблема в том, что желательно, чтобы это была система. [...] Это должна быть... в первую очередь позиция общества. Отношение гражданского общества к обязанностям. Когда гражданское общество будет, извините, ссаными тряпками избивать милиционеров за то, что они не делают свою работу... показательно... унижать... Вот тогда, наверное, что-то поменяется. [...]

Конечно, хотелось бы, чтобы люди приходили к пониманию чуть-чуть быстрее. Потому что они могут просто не дожить. [...] Люди должны в первую очередь понимать, что госслужащие – это нанятые люди за ихние деньги. За ихние деньги. Которые дали присягу и получили исключительные полномочия для того, чтобы работать на людей. [...]

А пропаганда, просвітницька робота? Ми побачили на прикладі Донбасу «лабораторію» гібридної війни: там з людьми попрацювали, у них стався певний зсув в їхньому мисленні, у частини, і вони пішли «воевать за Россию»...

І. Г. [...] Понимаете, социальные процессы, они запускаются сами, и пытаться их имитировать... это не получится. [...] Это должно вырасти. [...] Я не могу внести в голову человека, который ведет иррациональный образ жизни, [думку] о том, что он не должен, там, пить, принимать наркотики и так далее... Он должен к этому прийти сам. Если у него начнется это понимание, дальше его... [суспільні] течения выведут на правильную сторону. Но у нас люди просто... Менталитет советский, понимаете, советский менталитет живет в людях, он их толкает на иррациональные поступки. Многие делают вещи, которые они не понимают, чем они закончатся. [...]

Яку людину, носія яких особистісних рис, ви вважаєте людиною достойною?

І. Г. [...] Достойный человек – это человек, который ответственный и которому можно верить. Я не говорю «положиться». Понимаете, просто я заметил, что в Советском Союзе очень много использовались вот такие вот навязанные стереотипы, что человек дал слово – должен его обязательно-обязательно сдержать. А потом они использовали это, заставляя человека дать это обещание, а потом выкручивали из него жилы, чтобы он на них бесплатно работал. То есть как бы эффект обмана. Но самое главное, чтобы человек искренне старался вам говорить... Ну, не старался, а просто естественным образом не лгал. Просто не лгал, а говорил действительно то, что он знает, он думает и так далее. То есть это человек должен быть честный, и он, в какой-то степени, должен быть ответственный перед вами. Когда он что-то делает, он должен думать, как это... хотя бы немножко вспоминать о том, что это не должно повлечь по отношению к вам или к окружающим какие-то последствия. Человек в какой-то степени ответственный. Простая вещь. Тут должны быть простые вещи. А дальше – каждый человек свободен, он уникален и дальше может делать все, что угодно. [...]

Каких-то конкретных людей... [Мовчить, замислився.] Ну, про войну я могу [навести приклади]... Знаете, то, что в воинской части оставались те люди, которым разрешали... ну, которые... на том фоне, что могли уезжать... То есть им говорили: «Не хотите – вот военкомат, поезжай домой»... И учитывая, что во вторую ротацию, когда было

понятно, что мы будем ехать воевать, тоже ехали те, кому разрешали ехать... Тоже можно было «косить», ну, ссылаться на какие-то работы в части и так далее... То достойные люди – это те люди, которые в этом всем принимали участие. То есть которые...

Брали на себе відповідальність, готові були платити ціну...

І. Г. Да, да, которые понимали, чем это закончится, они на это пошли. Безусловно, каждый из этих людей достойный, потому что свою ответственность... она, грубо говоря, доказана. Он готов брать на себя ответственность за судьбу государства. Это даже происходит неосознанно, люди даже... Там же разные люди есть. Кто-то, может быть, не понимает, но они это делают. На подсознательном уровне.

«ВКЛЮЧАЮ ИНТЕРНЕТ, СМОТРЮ... ТАМ ОР СТОИТ...»

Я зараз подумала про таку властивість людини як уміння чути себе. Для нас, для нашого суспільства вона не для всіх характерна. І на Донбасі, напевно, із цим є проблема. Що я маю на увазі? Люди чують російську пропаганду, якась частина їхньої свідомості (сформована на радянських міфах) хоче жити в Росії, яка щось їм обіцяє, хочеться в тому ілюзорному світі жити. Але якась же частина тобі каже, що все ж таки це неправильно, незаконно, навіть якщо рухатись у тому напрямку, то не так це треба було робити... Але цей тверезий голос внутрішнього «я» чомусь не був почутий. Чому?

І. Г. А вы обратите внимание, как работает эта пропаганда. Вы ж наверняка смотрите эти российские новости.

У мене немає телевізора. Ми з чоловіком вирішили, що він жере багато часу, і 14 років тому його подарували.

І. Г. В інтернете.

Чесно кажучи, теж не дивлюсь. Часу шкода.

І. Г. Тогда я вам расскажу. Это все делается на эмоциях, понимаете? Вот если смотришь европейские, даже украинские какие-то каналы, там люди уже спокойно говорят, рассуждают, они не орут друг на друга, они не перебивают друг друга. А это, включишь любой...

Вот включаю интернет, смотрю, что там наши младшие братья рассказывают друг другу, – там ор стоит. Просто стоит ор, друг на друга они непрерывно орут, перебивают и перекрикивают. Если им дать ножи, они... там будет поножовщина, там будут после эфира вымывать студию от крови, понимаете? Вот так вот преподносятся новости, и вы смотрите их... Они ж длинные идут у них, эти ток-шоу, там 60 [хвилин], два часа. Представьте себе: два часа вы смотрите на вот эту вот дичь, через два часа вы выключаете телевизор, но оно вам будет еще два дня снится...

І тоді раціональне в людині блокується, бо іде перевантаження інформацією.

І. Г. Да... Вот «Deutsche Welle», судя по всему... Новости в мире, с какой-то даже аналитикой, интервью [могут] вложиться в 10 минут. Краткий вывод – 90 секунд. Два часа ни о чем.... Просто ор на оре...

Жуйка для очей.

І. Г. Да. Поэтому говорить о том, что там сейчас есть... Как сказал Невзоров... Как-то говорит: человек в России, выживший после... который остался со здравым смыслом, с возможностью говорить и «чути себе», – это как, знаете... Он так шутил, говорил, это как раньше немцы пленных... Они их садили в машину, в которую выхлопная труба была заведена через кузов. И они просто пока ехали, туда шли выхлопные газы. Они приезжали... Говорит, выжить после пропаганды российской – это как выжить в этом грузовике. [...]

Есть критерии новостей, которые можно, грубо говоря... Они не будут ничего ограничивать, ваше право высказывать... Они просто два правила [мають дотримуватись двох правил]: не повторяться и не перебивать оппонента. Все. То есть вы говорите вещи один раз, и вы говорите их культурно, вас никто не перебивает, вы никого не перебиваете. И излагаете без эмоционального окраса. То есть три правила, которые можно рекомендовать, и рекомендовать для запретов, каких-то санкций каналу. Штраф – 100 тыс. грн, если они пытаются преподнести это в виде, который имеет значительный эмоциональный окрас, многократно повторяется информация, и люди давят на психику – это уже можно считать пропагандой. И все. Человек может пояснить свое мнение, он может пояснять его долго, он может приводить какие-то исторические примеры, факты, описывать процесс, как он происходит, какие-то при этом нюансы там замечать. Но если человек повторяет одно и то же, не раскрывая сути, мы ж понимаем, что происходит...

От ми з вами говорили про риси достойної людини. А тепер навпаки якщо взяти... Хто, з вашої точки зору, є антигероєм? Які риси його визначають?

І. Г. [...] Безответственность. Полная безответственность. Нулевой уровень дисциплины, полное пренебрежение законом. [...]

Запитання від наших істориків. Чи було у вас до війни сформоване ставлення до націоналістів, до С. Бандери? Чи змінилося воно потім? Чи вас ці питання взагалі не цікавили?

І. Г. Я его не до конца понимаю. Дело в том, что нельзя... Понимаете, мы рассматриваем крайнюю экстремальную ситуацию, в которой формировались националисты. И нам этого понять... Мне это понять очень тяжело, а простому человеку, я думаю, это близко к нереальному. Почему? Потому что люди в этой ситуации никогда не были, и они не представляют себе, что такое каждый день на протяжении очень-очень длительного времени, годами бороться за то, чтоб просто тебя не убили, не подвергаться пыткам и издевательствам. И какой психологический след это оставляет у человека, особенно когда его преследуют за то, что он украинец. Он же не может перестать быть украинцем. [...] Понятно, что в любой экстремальной ситуации человек может вести себя неадекватно, и когда говорят: «Вот националисты...» – это понятно, что это конфликты с поляками, это конфликты с советской властью, конфликты с немцами, конфликты там... во время Второй мировой войны – «все против всех»... Очень интересная такая ситуация, которую вообще невозможно себе представить. Я не могу себе представить. [...]

Безусловно, там пострадало огромное количество людей, которые ни в чем были не виноваты. И это, в принципе, должно таким стать уроком о том, что... критерий национальности, религии, он должен убираться. То есть если мы пытаемся под какое-то преступление начинать говорить, что «мусульмане» или так далее, – мы совершаем преступление. Потому что в первую очередь... человек, который хотел... который совершил это преступление, он же хотел прикрываться тем, что «мусульмане»... или какими там национальностями. И мы ему эту возможность даем, когда начинаем говорить не о нем лично, а начинаем говорить о всей нации. Мы ему подыгрываем. [...]

Знаєте, я коли з бійцями спілкувалася, нерідко ми виходили на проблему деградації особистості на війні. Тобто людина каже: «Мені загалом військова справа подобається, я з дитинства мріяв

бути військовим, але там, виконучи військові обов'язки, я розумію, що деградує, не розвиваюсь. І тому я не хочу залишатися на службі».

І. Г. «Деградує» – просто в армії или на передовій?

Я говорила з тими, хто був на передовій...

І. Г. На передовій ви знаходитесь в стані готовності... Даже если ничего не происходит, вы потихонечку, вяло, какими-то там фоновыми движениями... готовите еду, что-то чистите и так далее... но ваша основная задача – это готовность. То есть вот так хлопнули в ладошки – все, вы схватили пулемет и побежали. И поэтому, конечно же, вот вы там находитесь месяц, два месяца, полгода... вы приходите в состояние тупости, заикливания. Поэтому нужно проводить ротацию, и в таких вот стрессовых ситуациях... То есть мы сидели-сидели-сидели, стреляли-стреляли-стреляли – все, мы вас выводим. И потом, без отдыха, просто начинаем учиться: подготовка – стресс и максимальная нагрузка, именно учебная. Для того, чтобы выводить. Но это – процесс...

Ті люди, з якими я спілкувалася про це, мали вищу освіту.

І. Г. Да, да. Я по себе тоже это чувствую. Потому что тяжело возвращаться к жизни, потому что ты там просто сидел, ждал-ждал, а здесь ты должен уже проявлять инициативу и ни к чему быть не привязан. Ну, ты на самом деле ни к чему не привязан. Не надо ничего ждать, ты можешь просто спокойноненько брать и работать. Но тяжело, действительно тяжело. [...]

Розмову провела Ірина Рева

1.06.2017

Інтерв'ю подається з виправленнями респондента

В. Шевченко приймає посилку від волонтерів

«...НАМАГАВСЯ БУТИ КОРИСНИМ ТАМ, ДЕ ПЕРЕБУВАВ»

Інтерв'ю з начальником клубу 93-ї ОМБр
Віктором Шевченком

Ким ви працювали до війни?

В. Ш. Перекладач-фрилансер. Я на німецькій філології вчився...

Розкажіть, чим займалися ваші батьки.

В. Ш. Мати – вчитель математики в середній школі. Батько – водій, колись у радгоспі працював, згодом – водій на промисловому підприємстві.

Розкажіть, де ви народились. Де пройшло ваше дитинство?

В. Ш. Колись це називалось село імені Рози Люксембург. А тепер перейменували його на Гречані Поди.

Давно перейменували?

В. Ш. Коли була декомунізація. [...] Це село виникло ніхто не знає коли, десь до революції... Це було німецьке село. Воно тоді мало назву німецьку – Neu-Lebental, «Нова місцина для проживання» чи якось так, якщо перекласти. [...] Потім, під час війни, ті німці намагалися виїхати разом з вермахтом на Захід, але їх колону розбомбили. Радянські війська їх виловили, захопили і кудись в Ленінакан, у Казахстан, відправили в зсилку. І от після Другої світової війни туди [у село] вже почали з'їжджати з усього «совка». Из Брянщини були, із Волині, звідусіль приїжджали туди... Чому мої батьки саме туди приїхали, хоча моя мати з Львівської області, а батько з Миколаївської? Бо в сусідньому селі жила рідна сестра моєї бабусі, маминої матері. Вона також була з Львівської області, після війни їх перевезли туди на поселення. [...]

Приїхали нові люди й перейменували село?

В. Ш. Бабуся мені розповідала (такі легенди ходили), що в 30-ті роки чи партія поставила німцям [умову], чи вони самі були такі ідейні – вони перейменували оцей Лебенталь в [19]30-ті роки... І в Дніпрі... оце ж перейменовували вулиці в [19]30-ті роки... І вони перейменували село Ной Лебенталь в Рози Люксембург. Вона німкенья, тематично було ближче їм...

І от, буквально півтора роки тому... Оце ж ми заговорили: чому Гречані Поди? У нас, як вам сказати... були спроби суспільних обговорень. [...] І знаєте, в цій Рози Люксембург більшість населення... воно таке ось... якби показувало ОРТ, вони б дивилися ОРТ, але дивляться «Інтер»... Спроби закінчувались брудною лайкою: «Навіщо нам по-

трібно це перейменування? В Києві там не знають, що...» Пройшли ті всі терміни, дати, з сільської ради ніхто нічого не сказав. І тут із Києва... «Гречані Поди». [...]

Самі винуваті – не запропонували кращий варіант...

В. Ш. У нас голова сільради – «регіонал», колись був у СДПУ(о), колись був «За ЄдУ»... По його біографії можна скласти політичне життя: хто коли був «на волні». [...]

Чи розповідали ваші рідні щось про період так званої «громадянської війни»? Чи були серед ваших предків репресовані або постраждали від Голодомору?

В. Ш. Мати розповідала, що предки по її лінії були частково поляки, частково українці, більша частина рідних живе на Львівщині. До 1939 р. предки вважались небідними, мали земельні ділянки, навіть наймали робітників для ведення господарства. З маминого боку радянського Голодомору [19]32–[19]33 рр. не застали, бо тоді то була територія Польщі. Бабуся розповідала, що вона як сирота була направлена вже в радянський інтернат (після війни), де багато дітей помирали з голоду та від хвороб. Улітку дуже доброю можливістю харчуватись було втекти з інтернату на декілька годин у поле, разом з іншими дітьми назбирати кропиви та іншої трави, насікти і з'їсти (у кожного була своя купка).

Інформації про постраждалих від Голодомору та репресій моїх рідних в мене нема.

Колись чув, як ветеран Другої світової війни розповідав про своє дитинство в одному з сіл Нікопольського району: люди виходили вночі в поля чергувати і вночі прислухалися та шукали очима фари машин. Бо серед ночі то був вірний знак, що до когось їде “воронок”, а отже, негайно сповіщали жителів села, ті відразу розбігалися по ярам і полям. Ось така нічна «розминка». А вранці вони мали йти в колгосп працювати на трудовні. [...]

А чому бабуся опинилася в інтернаті?

В. Ш. В неї батьки померли. Якось... було троє малолітніх дітей, мені мати розповідала, три дівчинки. І батьки... чи від застуди, чи від якоїсь епідемії, якось і батько, і мати... вони померли десь протягом пів року. І їх, цих дітей, забрали сусіди, якась дальня рідня...

У яких роках померли, невідомо?

В. Ш. Я не знаю. Я думаю, або ще до війни, або з початком війни... Коли бабуся [19]32 року [народження], то це бабуся була ще дуже малою.

Вона була остання донька, бабуся?

В. Ш. Там була одна старша донька та дві дівчини-двійнята. Вже з них в живих... хіба що моя бабуся в живих залишилась. А старша померла недавно. І ось буквально років 10 тому померла оця, яка була в сусідньому селі.

Сестра-близнючка вашої бабусі?

В. Ш. Оце одна з близнючок, яка була біля... [села] Рози Люксембург, оце вона ось померла. А бабуся живе в тому селі... Це село... Дрогобицький район, біля села Івана Франка, буквально там через гору, з іншої сторони однієї й тієї ж гори. [...]

Ким за професією ви хотіли/мріяли бути в підлітковому віці?

В. Ш. З дитинства захоплювався автомобілями, бачив себе робітником якогось автозаводу. Коли став трохи дорослішим, хотів стати льотчиком. Якщо більш серйозно, то в мене не було чіткого розуміння, ким я хотів би працювати. Знав точно, що не лікарем. Бо з самого раннього дитинства не міг бачити крові або ран інших людей. Деякий час здавалося, що мені хотілось би бути перекладачем німецької мови. Зараз я вже так не вважаю. Це таке питання, на яке в мене ніколи не було чіткої відповіді.

Як ви пережили Євромайдан?

В. Ш. Євромайдан я пережив офісним працівником – з 08.00 до 17.00 в офісі однієї з дніпропетровських фірм. З самого початку був прихильником Євромайдану, і з розвитком подій у Києві все більше переконувався в правильності цього протесту.

До Києва на Майдан не їздили?

В. Ш. [...] Внутрішньо я погоджувався з тим, що Майдан потрібен, але з Дніпра я туди не поїхав. От в Дніпрі були якісь такі акції, я пару разів там був, приймав участь... В принципі і все...

А в Дніпрі – це коли?

В. Ш. Це було перший раз, здається, або 1-го, або 2-го лютого, внизу Поля [проспект Олександра Поля], там, де обласна адміністрація... Там були [виступи] проти окупації Криму.

Не лютого, а 2-го березня...

В. Ш. Березня? А, звісно, в лютому ще... [...] І друга ще якась була така

Літо 2014-го.

Ще в листопаді 2013-го пан Віктор був переконаний, що Україні ні з ким воювати

акція, на сайті Gorod.dp.ua я навіть знайшов фотографію, де я краєм, там зовсім трохи, я там також був... Я також не пам'ятаю, коли... Ну, це, звісно, було до мобілізації... Захід пам'яті Небесної сотні. Якраз тоді уже скинули Леніна, в лютому скинули, а це десь у березні було. Я пам'ятаю, що там оцей ще постамент був, Леніна, гранітний, циліндр такий високий, і там [на постаменті] скотчем приклеювали фотографії загиблих, свічки [запалювали під постаментом], якісь матеріали, якісь роздруковки, малюнки, вірші... Якийсь був такий захід... данина пам'яті, шана загиблим... але я зараз в деталях не пам'ятаю.

Уже в Збройних силах України я помітив по собі, що я дуже швидко забуваю все. Щось у мене з пам'яттю таке відбувається. Ось я флешку приніс [показує], на ній фотографії... Волонтери привезли на цій флешці якісь матеріали, а в нас у машині був комп'ютер. Ми з нею працювали. Потім волонтери від'їжджають, кажуть:

– Флешку віддайте.

Я на них:

– А яка флешка? Це ви про що?

І я був впевнений, що я ніякої флешки не знаю. [...] Такий провал в пам'яті. Не те щоб я чиясь хотів забрати. І через декілька днів до мене дійшло: так, дійсно, я згадав цю ситуацію, коли я брав флешку...

«Оцим по нас стріляли»

Прийшов, дивлюся, а вона там. Потім я знайшов контакти цих людей, їм на Приват24 гроші повернув за флешку, бо якось...

До війни такого не було?

В. Ш. Ні, до війни такого не було...

От ви казали про мітинг під ОДА. А як ви це взагалі сприйняли – що забрали Крим? Внутрішні відчуття...

В. Ш. Ну як? Це для мене стало такою, знаєте, душевною травмою... Я [19]83 року народження, я ще пам'ятаю советську ідеологію, як «совок» насаджав ненависть к окупантам. У радянських фільмах німці – це, знаєте, якісь останні покидьки. Окупант, який прийшов звідкись зі зброєю, його треба вбивати й більше нічого... Я якось дуже... дуже переживав про [19]41–[19]45 роки... І тут, звісно, фактично тут ситуація... Вона відрізняється тільки тим, що фашисти прийшли з заходу, а рашисти прийшли зі сходу. Оце й уся різниця. Ну, і в деталях ще, звісно... Зараз фактично також війська зайшли на нашу територію й окупували її. [...]

Раніше ви не допускали такої можливості, що Росія буде воювати з Україною?

В. Ш. Якось у нас в офісі [листопад 2013 року] піднялась тема: чи бу-

дуть армію проти Євромайдану відправляти? Я висловив свою точку зору. Кажу: «Так Україні армія не потрібна. Потрібні хіба що прикордонники і, може, якісь «надзвичайники», як щось станеться... У нас немає проти кого воювати. Проти Заходу – воно їм не потрібно, і ми не змогли б, якби хотіли. А проти росіян...» [Здвигає плечима.] Я був упевнений, що ніякої війни бути не може. Пережили ж і Другу світову, і в Афганістані, до людей же дійде якість. [...]

Розкажіть, як ви потрапили на фронт.

В. Ш. Прийшла повістка 08.04.2014 – того ж дня оформили в 93-тю ОМБр. У складі одного з батальйонів у травні вирушив на схід, а з 01.06.2014 це вже стало зоною АТО. [...]

Як ви сприйняли повістку?

В. Ш. Повістка прийшла несподівано. Я тоді купив в інтернет-магазині один девайс... і ось чекав, що мені мають подзвонити кур'єри, доставкою привезти його. І тут мені телефонують. Беру слухавку, і коло мене, коло дверей... Я виходжу, і стоїть хлопчина з воєнкомату, каже: «Вам повістка. Розпишіться». Я розписався. У призначений час прийшов у воєнкомат... Це ж був квітень 2014 року, тоді взагалі... Зараз ми вже розуміємо, що... війна іде більше трьох років, а тоді цього розуміння якість не було... Прийшла повістка. Я зібрав речі, поїхав. [...]

Розкажіть про ваш військовий шлях. Біля яких населених пунктів розташовувалися ваші позиції? У яких боях ви брали участь?

В. Ш. Село Котовка [Харківська обл.], село Криниці, Шевченко, Миколаївка, Тоненьке, Новобахмутівка, Новокалинове [Донецької обл.]. У боях участі не брав, час від часу попадав під обстріли ворожої артилерії. [...] Сказати, що я воював – це неправильно. Точніше сказати – я був на цій війні. [...] Завжди слідкував, щоб закопувався, коли приїжджаєш на нове місце; щоб була влітку вода, взимку хмиз; щоб зброя була змащена, чиста, під рукою; щоб був зв'язок із командиром, якому я підпорядкований. [...]

Я намагався в ситуаціях, коли була небезпека (наприклад, багатогодинний обстріл), як мені здається, спокійно “відпускати” життя і бути корисним там, де перебував.

Розкажіть, у чому полягали ваші посадові обов'язки.

В. Ш. [...] На паперах де я тільки ким не числився... Спочатку... я був офіцер-культуролог... Що це таке, я не розумів. З 7 квітня по 4 травня я займався... відділ по роботі з особовим складом... Ми займалися

паперовою роботою, брехню ото... Щоб ви розуміли... До нас приходять якась там інструкція: «Дайте нам звіт по кількості таких-то»... Наприклад, скільки у кого є проблемних питань: кредити, хвора рідня, у кого троє дітей і більше, у кого сесія... І я протягом декількох годин маю по всій бригаді ось такий от звіт надати... А що таке кредит у банку? Наприклад. Він [боєць] пише: «В мене кредит в банку 10 тисяч гривень». Сьогодні каже 10, завтра каже 13, післязавтра 11 з половиною, бо людина і сама не знає, скільки йому той банк чого нарахує... Це така робота. І оце так: з восьми ранку до першої години ночі, до двох [годин ночі]. Рекорд був до чотирьох ранку. [...]

Я не знаю, з якого по яке я числився заступником командира танкової роти. До тої роти ніякого відношення не мав. Чомусь по паперах зробили так, а... потім виявилось все-таки, що я – начальник клубу. Це виявилось для мене випадково. [...]

Того клубу, що в Черкаському?

В. Ш. Ні, ні. [...] Це був клуб на базі вантажної машини... Там ще при Радянському Союзі був такий екран, можна було фільми показувати, там була апаратура, ще радянська, вона уже в більшості не працювала, і там уже був комп'ютер... У принципі, якщо вдавалося налагодити, щоб все працювало, то цей клуб міг показувати фільми. [...]

Клуб на колесах? Корисна штука...

В. Ш. Як вам сказати... На «передок» ти туди не поїдеш, вдень там [на екрані] особливо нічого не видно, треба вночі. А вночі це світло і це шум... Вночі в полях цей шум – його дуже добре чути, далеко чути... Навіть там, де ми були, кілометрів за 10–15 від передової, командир бригади заборонив. Якось я показав фільм. Хтось прийшов, хтось не прийшов, посиділи, подивились, розійшлись. Наступного ранку мене командир бригади побачив, каже: «Щоб більше такого не було, не здумай включати. Бо ну його в баню...» [...] То, в принципі, робота зводилась більше до такої, знаєте... до паперів.

Час від часу ми показували, налагоджували... Від волонтерів нам дісталася супутникова «тарілка», в полях навіть, в одному місці коли стояли, могли якісь канали ловити. Більше ніде не могли. А так навіть вручну змогли її налаштувати, щоби вона показувала. Ще був «Радіо-Промінь», радянський радіоприймач... Він у нас з тих часів залишився, я його вмикав, і «Радіо-Промінь» грав. Це те, чим займались.

Які дії супротивника викликали у вас гнів? Що вас найбільше вразило в зоні АТО?

В. Ш. Сама по собі війна (а це загиблі та поранені з нашого боку) викликає гнів. [...] Я зараз не зможу говорити про це... [Мовчить, опановуючи себе.] Це люди, яких я ніколи не бачив [за життя], не знав... Привезли до нас загиблих... Ви, мабуть, чули, це 10-й блокпост... чи 3, чи 4 червня [20]14 року, Новоселівка-2... [Респондент помиляється: підполковник В. Г. Мамадалієв загинув 4 липня 2014 р. під час нічної танкової атаки бойовиків поблизу с. Новоселівка Перша Донецької області.] Там семеро загиблих, шестеро поранених було. Може, чули прізвище Мамадалієв? Був командиром цього блокпоста.

Так, чула.

В. Ш. Оце ж він тоді загинув. Привезли сімох загиблих, шість трупів і сьомий – це плащ-палатка... У людину потрапила чи граната, чи незрозуміло що – і розлетівся на шматки. Міг би, знаєте, бути безвісти зниклим раз назавжди... але це трапилося в присутності інших, на очах... бачили, що людина загинула, розуміли, чії вони... рештки тіла...

І ось цей бій відбувся десь о 5-й ранку. А о 7-й годині ранку вже звезли загиблих, і в одного з них у формі десь в кишені телефон дзвонив. І оце дзвоне і дзвоне, дзвоне і дзвоне... Лежать оці загиблі, і в одного в кітелі в кишені дзвоне і дзвоне, дзвоне і дзвоне... І стоять [бійці] і не знають – чи брать трубку і казати правду, чи не брать... [...]

[Респондент показує фото кошеняти.] Жило оте киценя. І там був боєць, у нього прізвище Шевченко. Він загинув. Розказували, що це киценя біля того Шевченка завжди було, і що коли почався бій, коли Шевченко біг чи в окоп, чи куди, ті, хто бачили, кажуть: киценя біжить за ним, плигає на нього, по ньому залізло кудись на плече, і ото він біжить, киценя на ньому зверху... Потім це киценя віддали батькам того Шевченка.

[...] А був [випадок]... боєць загинув, телефонують його дружині... «Ось так і так, загинув тоді-то там-то, ось буде їхати представник з воєнкомату з моргу забирати тіло... Приїдьте разом з ним на впізнання». А ця жінка каже: «Це ви його з кимось переплутали. Мій чоловік живий, з ним усе в порядку...» А там... Усі ж знають його, тіло його упізнали... І документи при ньому, не сплутаєш... Телефонують на другий день... Вона каже: «Я ходила до бабульки, до ворожки, вона сказала, що мій чоловік живий, десь там сидить під деревом із кимось там разом щось їдять». Каже: «Не телефонуйте мені більше. Це ви з кимось переплутали. Розберіться в себе». [...]

Я підпорядковувався заступнику командира бригади по роботі з особовим складом. І якось... У нас часто буває, що якимись речами займаються випадкові люди... Коли на мене завдання покладали, які до мене відношення не мають, то я все одно робив, бо розумів, що хтось це має робити... А тут така була робота: отримати e-mail і переслати далі... звірити ім'я [загиблого] і переслати на e-mail, туди, куди там... батькам... Мені зателефонував чи батько, чи брат цього загиблого, я йому розповідаю, що ось я вже отримав, зараз відправляю вам на e-mail це свідоцтво... Коли це діло вже завершили, і потім він каже мені: «Спасибо»... [Респондент мовчить.]

Ви казали, що бачили полонених. Де ви їх бачили? Можете трішки детальніше розповісти?

В. Ш. Їх привозили до... Клуб, він був при штабі батальйону. Я більшість свого часу був при батальйоні, там, де стріляють поменше. І туди, до батальйону, звозили... і загиблих наших звозили, і [якщо] десь когось піймали і везуть туди ж. І я бачив. [...] Хто вони такі, важко сказати, бо майже всі вони завжди брехали.

Одного з таких полонених пам'ятаю. Наші казали, що сам прийшов здався (не знаю, чи зі зброєю, чи без). Розповідав, що в Донецьку ремонтував вантажівки на СТО, що його в "комендантський час" піймали [«ополченці»] на вулиці, змусили копати якісь траншеї, а потім

відправили в якусь посадку, щоб він фіксував пересування ЗСУ. Звідти він і прийшов. [...] Він не стріляв, без бою, навіть і ситуація була така, що його і не бачили – це він сам прийшов і показався, і здався. [...] Якщо це була правда [те, що розповідав полонений], то мені його шкода. Допускаю, що таке могло статися з кожним. А в більшості полонені... то були мужики “в розп’ясі” (з наколками), часто в них уже були “відсидки”.

[...] Одного привезли. А це якраз було влітку. Спека, а він був... це його так і взяли... він був у шортах і в майці... увесь в «розп’ясі». Причому там наколки кругом і всякі, не те що там дурна молодь... щось на себе понаклеюють і думають, що це «красиво». ...Видно, що це «набити» наколки, що не наклеїли... Його, здається, зі зброєю взяли.

Потім ще одного взяли. Він відсидів у Дніпрі в тюрмі, і його взяли на блокпосту. Взяли, бо в нього вже були... Чи то якісь документи в нього були з «молодой республіки»... Мене вразило те, що він міг годинами отак [показує, сівши навпочіпки]... він міг годинами отак сидіти на одному місці і не рухатись. Не розумію, як це... На зоні колись в лагерьх оці, вибачте на слові, вертухаї, щоб вони могли порахувати всіх ув’язнених, при етапах там, при переїздах, наказували їм так сісти. От вони так сидять, тоді зручніше рахувати, бо ти їх всіх бачиш... Міг так годинами сидіти, нерухомо. Я думав, чи він, може, там під якоюсь «дур’ю»... Як це так можна? Отак людина сидить годинами... наче медитує. [...]

Ще така цікава деталь... Його якось так взяли... Його, мабуть, не перевіряли. Кишені тільки отак перевірили [проводить долонями ззовні по кишенях] – нема там нічого, ні зброї, ні ножів – та й усе. А в кишені ніхто й не ліз. І ось коли до нас потім прилетів вертоліт, і це якраз він забирав оцих загиблих, семеро загиблих... оце якраз було на початку липня... і забрали ж цього персонажа. Прилетів вертоліт. Погрузка. Тепер його ведуть до вертольоту, і він встає, а у нього з кишені вивалюється оця «колорадська» ленточка... І це таке... Не придумавеш... Вона якась довга, така тоненька, у нього з кишені стирчить... Ведуть його до цього гелікоптера, а там... при батальйоні, там багато нас було... зі зброєю багато... і ото коло вертольота багато хто. І ведуть цього ж красавця з лентой, і тут у нього щось в голові, знаєте, переключається... і він починає втікати, починає бігти...

Куди тут бігти? Тут всі зі зброєю, багато, скрізь... Куди? Навіщо?.. Чи він, може, не в тій реальності був? Куди він втече в полі? Може, хотів, щоби в нього хтось вистрелив? [...]

Може, він думав, що його зараз катувати почнуть? Розпеченим залізом...

В. Ш. Хто його знає... По-справжньому, щиро так тікав. Може, він вертольота боявся? Яке ще може бути пояснення?

Ще одного взяли. [...] Він якось біля блокпоста проїжджав підозріло, потім тікати почав, потім його як наздогнали, ввіймали... Я пам'ятаю, як його вели. Він чогось думав, що це його ведуть вбивати, був впевнений, що це вже все... І він тоді як почав кричати: «Я свой! Отпустите меня, я потеряюсь!» Такі от, знаєте, фрази... «Бутирка», може, такими словами співає. [...]

У іншого всі пальці в мозолях (як зазвичай, коли багато набоїв в магазини вкладають) і розповідає... то – що працює будівельником, то – що дуже хворий і не може важкого до рук брати, що він про війну оце тільки тут зараз від нас вперше почув. До того ж дві «ходки на зону» в свої 30 років. [...] Іще було там декілька епізодів...

Як вас сприймали мешканці Донбасу? Чи допомагали вам місцеві жителі? Чи допомагали ви їм?

В. Ш. Відвертої ненависті від мешканців Донецької області я не пам'ятаю. [...] У Донецькій області я намагався не спілкуватися з місцевими. Коли переїжджали в Миколаївку, то до нас підійшов місцевий п'яниця, на вигляд – років сорок, насправді, я думаю, що трохи за тридцять. У п'ятницю вранці вже дуже «стомлений», без велосипеда на ногах не втримається. Та й розповідає, що йому цікаво подивиться на військових. То він нам свою політекономію озвучив. Колись він на шахті в Селідовому отримував до 10 тисяч гривень і міг купити собі все... На "референдум" прийшли, з його слів, майже всі жителі села Миколаївки, а на вибори Президента України – три-чотири чоловіки. Що він не визнає владу ні місцевого олігарха, ні Києва, ні Москви. Він тільки хоче, щоб все було як раніше (мав на увазі «стабільність» і 10 тис. грн на місяць)...

Інший, з місцевих продавців (чоловік років 45–50), на ринку в Константинівці розповідав мені, що це «київські власті»... по обидва боки фронту поставили українських військових, вони вже майже рік між собою воюють, і не знають цього ні вони, ні хтось інший в Україні. [...]

Хоча в сусідньому магазині молода дівчина-продавець просила назву волонтерської організації, яка нам допомагає, – хотіла б перерахувати туди гроші, бо не знала, кому з волонтерів можна вірити.

Зброя, знайдена на ворожих позиціях

У Покровську (колись Красноармійськ) був вражений, коли на базарі одна з продавчинь нам продала товари (гаки, мотузки, кріплення, дрібниці для облаштування побуту після чергового переїзду) за якісь смішні гроші. Ми хотіли розрахуватись у повну вартість, але вона наполягала на знижках. [...] Вона нам підказала, до кого з продавців не підходити, а до кого, навпаки, підійти, бо там для нас «свої люди». Дуже хотіла нам віддати безкоштовно буржуйку, бо думала, що ми мерзнемо. Пропонувала контакти «наших людей» для ремонту електричного обладнання.

Інша літня жінка... підійшла до нас і пропонувала 50 грн допомоги. [...] Ця жіночка продавала квіти, в горщиках, домашні квіти. Вона в себе їх вирощувала і приносила продавати. Ця жіночка вже була пенсійного віку, і мені здається, що вона продавала квіти тільки з того, щоб дома не сидіти, щоб бути серед людей. Бо навряд чи ці квіти якісь гроші принесуть їй великі. І вона підійшла до нас, і розповідала, що вона усе життя працювала на шахті. І каже, що їй це також важко було, вона оту «клетку»... я не знаю, як вона називається... Вона каже, що вона була черговою, відповідальною, щоб усі шахтарі зайшли в ту «клетку», вона закрила і спустила їх вниз по шахті, і потім нагору їх [підняла]... І оце, каже, їй також було дуже важко дивитись, коли чоловіки заходять в ту «клетку», вона їх закриває і, каже, «опускаю в шахту». І ти розумієш, що шахта – це ж небезпечна робота. І каже, їй важко

Ці авто – подарунок волонтерів

було людей відправляти туди. Мені запам'ятались ці слова. [...]

Потім ще поїхали на «Нову пошту» забирати посылку. Стоїмо, там наша машина біля «Нової пошти», нас там декілька чоловік... Якийсь перехожий випадковий підходить до нас, також, здається, 100 грн хотів дати, на сигарети чи ще на щось. [...]

Допомоги від місцевих я не очікував ніколи. [...]

Як ви вважаєте, чому на Донбасі Путіну вдалося залучити місцеве населення і розв'язати війну?

В. Ш. Тут важко... Коли я був там, мені здавалось, що я розумію. Ви зараз запитання поставили, і я не знаю, що сказати. Можливо, для них приклад з Кримом був. [...] Можливо, ще їх, місцевих, обробляли собственніки шахт. [...] Я зараз так трохи відійду в сторону. У мене однокласник є... Він сам із села, з Гречаних Подів, він працює десь у Кривому Розі на якомусь там збагачувальному підприємстві, вони руду збагачують. [...] І от він мені розповідав, що «Донбасс кормит всю страну», а «западєнци» об'їдають «кормильцев Донбасу». [...] Мені здається, що там пролетаріату з цієї точки зору ще «промивали мізки», бо звідки взагалі ця ідея-фікс, що Донбас [дотаційний регіон] «кормит страну»? [...] Звідки цей культ [фобія] – «западєнци»?

Оцей мій однокласник... У нього предки, бабуся з дідусем, вони приїхали колись із Брянщини... я казав, коли населяли оце пусте село.

Оце такі, знаєте, «вата». Це треба декілька поколінь... [...]

Чи були ви на війні свідком героїчного вчинку?

В. Ш. У нас горіла машина – КамАЗ, у ньому були набої, зброя. Це все почало стріляти і вибухати. Поряд стояв ЗИЛ, на який міг перейти вогонь. І ось командир (на дуже високій посаді) сам заскакує за кермо цього ЗИЛа і відводить його від вогню. Сліди від подум'я на боках залишилися, але машина та майно врятовані. Для мене це був героїчний випадок, бо я, скоріше за все, цього б не робив.

Як ви змінилися під час та після війни?

В. Ш. Після війни став більш категоричним у ставленні до людей... Відлік мого життя вже ділиться на два періоди: до війни та під час війни. Після повернення з війни я часто машинально неправильно рік писав у документах – наприклад, замість 2015 писав 2014. Один рік з мого життя якось «пропав». Зараз також машинально можу написати не 2017, а 2016. Вже виробив звичку обов'язково перевіряти дати. [...]

Чи було у вас сформоване ставлення до Степана Бандери та ОУН до війни? Чи змінилося воно?

В. Ш. Ще років 10–15 тому я міркував: навіщо був той опір більшовицькій навалі після 1944 року? Здавалося б, усе вирішено, у советів більше «м'яса», яке вони можуть кинути куди завгодно («мы за ценой не постоим»), у советів більше зброї та техніки, «советський Альоша» не шанував ні свого життя, ні життя інших... З часом ставало зрозумілішим, що для ОУН між окупантами з заходу та зі сходу різниці не було, а отже, боротьба для них тривала. І це викликає навіть більше поваги – що в безперспективній справі вони все-таки протистояли Союзу. Аналізуючи нашу історію останні 100 років, все більше схиляюсь до думки, що ця боротьба була потрібна і, на превеликий жаль, «совок», як завжди, брав числом. Наші предки не змогли відстояти свою землю від більшовицької навали в 20-х роках, і вже в 30-х роках, крім всього, українці отримали Голодомор. Схоже, що в західних областях розуміли, що несе в собі «вся власть советам», то й опір тривав скільки було сил. [...]

Хто для вас у житті є антигероєм?

В. Ш. Особи, які метою свого життя ставлять збагачення за рахунок інших. Особи, які не в змозі задовольнити потреби своєю працею і для того йдуть на злочини (починаючи від дрібних злодіїв та закінчуючи тими, що не вміщаються в своїй країні та розв'язують загарбницькі війни). [...]

Кого ви вважаєте достойною людиною?

В. Ш. Людину, яка своєю працею приносить собі користь та не створює проблем для інших. [...] У зоні АТО було багато всяких людей, які... чимось ображені на життя. Були такі, хто з цим нічого робить не хотів. Були алкоголіки. Був там якийсь домушник, який вночі ходив по селах по хатах покинутих, щось там собі шукав. Всякі були. Був... у 30 років він уже спився, уже закінчений алкоголік...

І на фоні цих час від часу траплялися такі люди... Ось у нас був один борець, сапер у третьому батальйоні. Розповідав, що він увесь час голосував за «регіоналів»... Він сам з Дніпра, був бізнесменом... Були вибори, він каже: «Я вважав, що правильно голосувати за “Партію регіонів”, я за них голосував». І каже: «Коли став Майдан, до мене дійшло, наскільки я був неправий, наскільки я помилявся». І тепер от він сам пішов у воєнкомат. Його не за повісткою мобілізували, а він сам прийшов у воєнкомат...

Він сам із Дніпра. Десь, він казав, у нього якийсь бізнес... трубопроводи, сантехніка, щось таке... Почалась війна, і він всі ці справи залишив і пішов в АТО... Чоловік, десь років 40 йому на той час... Отакі люди... Оце можна сказати, що людина справжня, яка свідомо йде на ризик... Якщо випадково попав у ці події – це одне, а коли людина сама іде, і вона розуміє, чим це може закінчитись, то це для мене, знаєте... це – вершина. Багато таких... волонтерів. Я коли попав у госпіталь, я помітив, що багато волонтерів опікуються пораненими...

Люди, які готові чимось, не обов'язково життям, але хоча б чимось пожертвувати для спільної справи. І якщо ти знаходишся серед таких людей, це дуже сильно додає віри в правильність того, що ти робиш. І ти бачиш, для кого ти це робиш.

Чи можете дати визначення цінностям, за які воювали?

В. Ш. [...] Я вважаю, що вона [війна з Росією] є продовженням Євромайдану, а люди виходили на нього, щоб змусити владу відповідати за свої вчинки по закону, який є одним для всіх... Мені здається, це і є цінністю – суспільство, яке може змінити владу, якщо та зневажає закон.

Розмову провела Ірина Рева

Інтерв'ю подається з виправленнями респондента

12.03.2017

**«Я ВОЕВАЛ В ДВУХ
КИЛОМЕТРАХ ОТ СВОЕГО
ДОМА... ДУМАЛ, ЧТО БУДУ
ОСВОБОДИТЕЛЕМ СВОЕЙ
РОДНОЙ ЗЕМЛИ»**

Інтерв'ю з заступником командира
батареї звиховної роботи 93-ї ОМБр
Андрієм Макаровим

Розкажіть про вашу родину, про ваш рід, про ваших батьків.

А. М. Мои батьки, значит... Мои родители по отцу, они родом из Кировоградской области Аджамского района, Аджамка. Это я все выяснял уже самостоятельно, потому что мои род... дедушки и бабушки держали это все в секрете. С бабушками и дедушками по отцу я не встретился – они умерли до моего рождения. Отец немногословен, то есть он только рассказал, где он родился, но я сам уже ездил в тот населенный пункт и выяснял, что там, какая была ситуация. И до конца она мне не понятна. Родители... Они переселились в Донецк. Мои родители вообще из Донецка, я сам родом из Донецка... Город Донецк, Украина. Там, где как раз я воевал, в 2 км от своего дома, ну, в 2-3 км от своего дома. Думал, что буду освободителем своей родной земли. И меня там ждали друзья, и готовы были оказать поддержку и помощь...

Мои дед и бабушка переселились в Донецк, когда, я так понимаю, был Голодомор. В [19]33 году, [19]33-й, [19]34-й или после [19]33 года. Архивных данных не сохранилось, как мне сказали в селищной раде... Все данные есть до [19]47 года [від сьогодні], туди глибше уже как бы данных нет. Но из тех осколков, которые я узнал... Значит, они переселились в Донецк, потому что на шахты брали людей с различных мест. Не важно, откуда был человек, и после года работы на шахте ему выдавался паспорт гражданина [громадянина СРСР]. Так как селяне, они практически были крепостными и не имели паспорта, и плюс у них была нужда в питании, я так понимаю, в тот период, они для того чтоб выжить, искали себе работу. И единственное, где бы они могли устроиться на работу – это шахта. Поэтому мои вот родственники, я так понимаю, предки, переехали в Донецк, скорее всего, спасаясь от голода и ища работу. И вот там дедушка мой работал.

І вони переїхали з Аджамки.

А. М. Они переехали с Аджамки Кировоградской области. Это то, что касается дедушек и бабушек по линии отца. По матери у меня все родственники из России, Курская, Орловская губернии. Я также нашел... не был там, но нашел село, из которого они родом. Это село находится в Орловской области, забыл, как оно называется. Где-то у меня записана вся эта родословная. Дедушка и бабушка... Их я застал, я с ними общался, но они ни словом не... очень скучно мне рассказывали о своем прошлом. Знаю, что у бабушки было два брата, и они были раскулачены. Знаю, что один из них погиб. Мне гово-

рили, что он погиб во время революции, когда был... служил... в армии, в Красной армии. Но я не знаю, в Красной ли он служил армии либо в какой-то другой, потому что информация скрыта была от меня и очень... как бы... не распространялась.

Второй брат... Ну, судя по второму брату, первый мог не служить в Красной армии, потому что он сидел в тюрьме, 10 лет ему дали, по политическим убеждениям. Где-то он сказал, где-то там, на рынке, что «хамса» – это русское сало, и, в общем-то, он сидел 10 лет в лагерях. Когда он вернулся, я лично не был с ним знаком, был знаком с ним мой отец. Он был очень физически крепкий высокий мужчина и очень резкий в высказываниях политических, то есть он был против советской власти однозначно. То есть я могу сделать вывод, что братья моей бабушки, они были против советской власти и потеряли, видимо, майно в результате раскулачивания. Бежали они тоже, скорее всего, от раскулачивания и осели тоже на шахте, потому что там, я так понимаю, не так их искали, не так репрессировали, в общем, от них отставали, когда они устраивались работать на шахту. И документов, опять же, у них ничего не требовали. Это то, что касается дедушек и бабушек.

А мои родители, они сами родом уже из Донецка – родились, прожили там всю жизнь. Отец проработал на шахте... Отец мой и все мои дядьки, все мои родственники, кого я знаю, все были шахтерами. [...] Разное у них было образование. Отец... Он был рабочим, но рабочим он был электриком. [...] Мама у меня имела техническое образование, и она... Я прошу прощения... [Розмову перервав телефонний дзвінок.]

«НА МЕНЯ ОЧЕНЬ СИЛЬНО ПОВЛИЯЛО... МЕСТО РОЖДЕНИЯ»

Ми зупинилися на тому, що мама ваша мала технічну освіту.

А. М. Она мала технічну освіту і работала в проектному інституті. Она строила автовокзалы по Украине, в частности в Черкассах автовокзал, в Донецке и еще где-то, в каких-то городах. То есть она была проектировщик. Любила свою работу, была интересный, уважаемый на работе человек. Часто был у нее на работе. Отец – шахтер, и дядьки мои там тоже... Имея высшее образование, тоже работали в шахте все.

А ви?

А. М. Я выбился. Я выбился у них. Я мечтал быть летчиком всегда. Я мечтал быть летчиком, и даже... Вначале я хотел быть военным летчиком, но после службы в советской армии, [19]84–[19]86 год, я посмотрел, что такое армия, и решил, что это не мое. Там о чести и доблести речи не шло, поэтому я понял, что это только в фильмах. Ко мне пришло понимание, что «Коммунист», фильм, – это только кино. Те коммунисты, которые в жизни, они совершенно другие люди, и те идеи, которые они проповедают, они имеют двойные стандарты: для людей и для того, как они сами живут. Я понял, что эта среда мне не подходит.

Тогда я выбрал коммерческий аэрофлот и даже пытался... поступал туда, но не прошел по здоровью. Хотя, может быть, бы и прошел, но мне посоветовали, как бы, не поступать, из-за того, что у меня повышенное давление. То есть я выбрал специальность «пилот», а там эти колебания давления... Они могли меня, как бы, изолировать от полетов, а эта специальность... не заменима другими специальностями. И я бы мог просто поломаться в жизни, как мне объяснил тогда врач-психолог. Он мне советовал все-таки не рисковать в начале своего жизненного пути, а поискать профессию другую.

Я подавал документы в мореходное училище после того, как мне отказано было в летном вузе. Решил быть капитаном корабля. И когда служил в армии, я подал документы во все морские училища, тоже... торгового флота (я понял тогда: армия – не мое). А так как я пошел в армию из института (я уже поступил, на металлурга), то мне пришло приглашение из Одесского училища мореходного, бесплатно. Лишь бы я прошел медкомиссию, и меня готовы были взять на первый курс. Я прибыл туда после службы, посидел, посмотрел, увидел опять эти казармы, увидел опять этот весь строй и пообщался... Мне попалась очень интересная женщина, одесситка, наверное, еврейка, бабушка... Встретила меня на вокзале, сразу же сама ко мне подошла и сказала, что «ты, наверное, только что демобилизовался из армии? У тебя нет паспорта, поэтому ты нигде не поселишься. Поэтому у тебя выбора не остается – я тебя поселю у себя. И ты приехал поступать в мореходку». Как прочитала все. У меня даже нечего было возразить.

Я поселился у нее и занялся оформлением документов. А вечерами мы с ней ходили по Одессе, она мне рассказывала всякие такие бандитские истории об Одессе... И начала мне рассказывать истории о жизни моряков. И на третий день я понял, что в морское учили-

ще я поступать не буду. Потому что она мне рассказала, опять же, не книжные примеры истории героизма службы, а то, как складывается жизнь реальных конкретных людей, как ломаются их судьбы, что такое вообще флот. Как бы обратную сторону этой профессии.

И я понял, что я все уже, наездился, я уже ничего не хочу, и вернулся домой. А поступил я перед армией в Донецкий политехнический институт, чтоб не потерять время после школы, когда мне было отказано в летном. Я пришел в ДПИ и поступил на первую попавшуюся «мужскую» специальность – только не шахтером я хотел быть. Сдал на все пятерки. У меня был пятибалльный аттестат после школы, и там я сдал два экзамена на «5», поэтому был зачислен... Там такая была льгота: если ты сдаешь... Проходной балл – 9 баллов на металлургический, а у меня получился 10, то есть я шел дальше без экзаменов. И я был зачислен на первый курс. Но это как бы не мое, я до сих пор не работаю в металлургии. Чтобы не тратить время, не потерять темп школьный образовательный, я решил поступить на металлургию.

Скажіть, ваші батьки... Я так зрозуміла, що бабусі-дідусі пієтету до радянської влади не мали. А ваші батьки?

А. М. Знаете, мы... Вот сколько помню, вообще вопросы политические в семье не обсуждались. То есть для меня было очевидно, понятно, что вот есть СССР, что есть принципы, что есть коммунистическая партия, что как бы мне повезло, что я живу в Советском Союзе, потому что я встаю и уверен в завтрашнем дне, у меня все расписано на долгие годы вперед. А вот тем людям, которые живут в капиталистическом мире, им не повезло, потому что они не знают, что с ними будет завтра, они абсолютно не защищены социально. И я еще так думал: «Как мне повезло, что я родился в Советском Союзе...» Вот такое было у меня ощущение радости и того, что мне очень повезло.

Цікаво. Я ще теж це зачепила. А скажіть, будь ласка, хто з людей, які були біля вас, найбільше вплинув на формування вашої особистості? Або, може, це якась подія була? Можете пригадати?

А. М. Да, но... Я не помню, чтобы был человек... Ну, как бы, примером... Примером альтруизма для меня была мама, ее отношение к людям, ее готовность всем помочь в любой момент, в ней это... было для меня примером. Меня всегда [нерозбірливо] люди корыстные, которые во всем искали выгоду или... В общем, которые искали в чем-то выгоду.

Что на меня очень сильно влияло – это место рождения, наверное. Я родился в Донецке, в шахтерском... Донецк, он построен такими поселками вокруг шахт. Там 22 шахты, и все равно город формировался вокруг шахт. Хоть есть и красивый центр, но сам город очень разбросан, и он фактически – это поселки вокруг шахт. И вот я смотрел, как живут люди в этом поселке, и меня вот возмущало то, что они работают очень тяжело и рискованно и живут не очень качественно, сам быт. Дороги у нас, например, не асфальтированы, нет централизованной канализации. Если воду сделали, подвели воду – так это вообще за счастье. Когда идет дождь, вот эта грязь... Нет тротуаров. И вот как-то вот все это меня... Мы ж ездили, школьниками мы ездили в различные города по турпутевкам, и я мог сравнить, в каких городах как живут люди, в каких местах, и вот меня это как бы задевало. И я для себя решил, что никогда я не хочу так жить. Я буду жить там, где жизнь более гармонична и правильна, ну, по моему усмотрению. Не то, что правильна, а гармонично устроена. То есть те люди, которые трудятся, они должны... они могут вокруг себя создать такой красивый и гармоничный... мир. И вот меня как бы больше толкало выехать отсюда в мир. Во-первых, исследовать, узнать, как живут люди, – и выбрать вот ту модель, которая мне больше всего подходит, и вот на ней остановиться. Такое желание. Такой поиск внутренний.

І де ви знайшли цю модель?

А. М. Где я нашел эту модель... Нашел я эту модель в 2006 году в Германии. Я нашел партнера для работы по своей специальности, а я занимался запчастями. [...] И я увидел, как могут люди организовать свою работу. То есть насколько они ценят время друг друга, как они эффективно используют рабочее время, свое пространство. И отдыхают хорошо, и чисто живут, и делают красивые вещи. То, что я не видел у нас: если у нас что-то делается, то делается ужасного качества и как-то все на тят-ляп, и тратятся при этом огромные ресурсы, и природные, и человеческие, и жизненные, и здоровье... А выход вот тот, в котором мы сейчас живем.

Де ви врешті-решт осіли?

А. М. Ну, осел я, в любом случае, в Днепре. Потому что нашел здесь любимого человека. И вот казачки днепровские, я знаю, многих сюда людей с разных городов притянули, даже [з інших] стран. Здесь я полюбил свою жену будущую и остался здесь. Мне было все равно, где строить свою жизнь, и я решил ее строить здесь. Еще я влюбился в

Днепр, я влюбился в речку. На меня она произвела впечатление. Я даже разговаривал... выходил по вечерам, общался с Днестром и думал: «Остаться мне? Не остаться?» И вот эти мои мысли... В итоге остался.

Тут у вас бізнес якийсь організувався?

А. М. Бизнес у меня еще начался... Это, наверное, врожденное, как смеются мои родственники, потому что бабушка моя, Матрена Васильевна, она была домохозяйкой, но торговала зеленью на базаре – и купила своему сыну автомобиль «Волга». И вот они смеялись, говорят: «Ты, наверное, пошел в бабушку Матрену...» В общем, у меня мысль всегда работала таким образом, что я должен сам... Тогда, в Советском Союзе, это было непонятно, но внутреннее убеждение, что я должен сам выбрать себе дело и им заниматься... И вот я как бы искал. Вначале, когда был Советский Союз, я думал, что я буду ехать работать на Севере, и будем зарабатывать там средства для того, чтобы реализовывать свои планы. Но после перестройки, после развала Союза можно было зарабатывать где угодно и работать где угодно. То есть найти себя, себе применение в любом деле.

Дуже цікаво. Будемо йти далі по хронології. Євромайдан. Як ви сприйняли ці події? Як ви взагалі це переживали?

А. М. Мы очень тяжело переживали первый, 2004-й год. [...]

Батьки підтримували?

А. М. Ні. Они жили в Донецке, я жил в Днепре. [...] А мы очень переживали, мы хотели другую страну, хотели жить в другой стране. Поэтому мы переживали за первый Майдан, и когда случился второй Майдан, мы вообще не отходили от телевизора. На Майдан я не поехал, но мы помогали, мы кормили людей на первом Майдане... [Хоче щось сказати.] Нет, на первом Майдане мы кормили людей. То есть мы организовали поставку туда бутербродов, еды, финансировали, как бы, скидывались деньгами...

Годували мітингувальників у Києві чи в Дніпрі? Тут же теж були вуличні протести в 2004-му.

А. М. В Киеве. Я с киевлянами работал в тот период, и они там... Вместе с ними мы объединили наши усилия и кормили там людей. Чем могли. Когда вот этот Майдан [осінь – зима 2013–2014 рр.] был, тут было очень жестко. Я туда не ездил, на тот Майдан, но мы очень переживали здесь, в Днепре. Переживали, и, я помню, в феврале я че-

Із бойовими побратимами...

го-то решил, что будет война, и я для себя решил, что... Если придет война, буду ли я воевать с Россией? С русскими? И для себя решил, в феврале еще, что буду. Что если меня призовут, я пойду и буду защищать Украину. Потому что я видел несправедливость в этих событиях относительно той страны, в которой сейчас живу.

Ви сказали «якщо мене призвуть». А якщо б не призвали, чи пішли б ви в добровольчий батальон?

А. М. Смотрите. Еще огромная часть моей жизни – это... Я увлекался... увлекаюсь теософией. Еще с детства... Ну как, с детства... с 19 лет, я изучал различные восточные учения. Поэтому в моей голове структура мира, каноны, по которым развивается пространство, мир, человечество, принципы духовные, они как бы есть структурированные, и я пони... я надеюсь, что я понимаю... Внутри у меня есть понимание, как события разворачиваются, и как живет человечество, и как живет мир. В той мере, в которой позволяет мое сознание. Как бы у меня есть стройная четкая внутренняя структура и понимание этого мира. Поэтому то, что война... Я к этому отношусь в плане общеземном, общечеловеческом, поэтому считал, что человек может быть втянут в войну или может быть не втянут, это его личный выбор. То есть... Есть обстоятельства как бы кармические. Если тебя призывают – это значит выбор не твой, это выбор судьбы, и ты должен в этот

момент принять: либо ты идешь так, как тебя ведет судьба, либо ты начинаешь ей сопротивляться. И совершенно другое дело, когда ты ввязываешься в конфликт по собственному желанию.

И вы знаете, я много раз убеждался в том, что те люди, которые проявили страсть и желание к войне, они, по сути, были... и сейчас продолжают получать наказание за то, что они проявили такую страсть к этому процессу.

Тобто Євромайдан вас швидше підштовхнув до попереднього прийняття рішення? А так ви до Києва не їздили?

А. М. В этот момент нет. Состояние финансовое было такое, что я себе не мог в этот момент ничего... ничем помочь.

«Я НЕ СЧИТАЛ, ЧТО ЭТО ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, ПОТОМУ ЧТО Я ЗНАЛ ДОНЕЦК, Я ЗНАЛ ДОНЕЦКИХ ЛЮДЕЙ...»

Як вас призвали? Як ви це переживали?

А. М. Так как я являюсь офицером запаса, потому что закончил Донецкий политехнический по специальности... У меня есть воинская специальность, и я офицер... Мне 7 апреля пришла повестка. Это было воскресенье, Благовещение, я помню этот момент. Я еще пошел стричь кусты возле дома, подумал, что, может быть, в последний раз я это делаю. У меня внутреннее было убеждение... Я не считал, что это гражданская война, потому что я знал Донецк, я знал донецких людей, я знал, что... шахтеры никогда в жизни бы не взяли оружие и не начали бы вести боевые действия. Я уверен, что их... Просто вошли те люди, которые умеют воевать, а их просто используют для своих целей. И у меня внутреннее убеждение, что это Российская Федерация вошла, и мы будем воевать с Россией. А так как у них контингент... 160 тысяч... [перешкоди в аудіозаписі] наступательных вооружений, то я понимал, что они по нам пройдутся, как каток, и от нас ничего не останется [перешкоди в аудіозаписі]. С женой пообщался, решили, что лучше мы вообще жить не будем, чем будем жить в рабстве [перешкоди в аудіозаписі]. И я поехал в военкомат.

У вас діти є?

А. М. Да, у меня две дочки.

Я питаю тому, що частина людей, не маючи сім'ї, вони легко ішли на війну. Людям, які мають родини, таке рішення дається важче.

А. М. Тут же был какой моральный выбор? Понимаете, если мы называли себя украинцами, мы живем в государстве Украина, то если мы сейчас пустим к себе агрессора, который займет нашу территорию, то для всего мира мы будем рабы. Куда бы мы, в какую страну мы ни поехали, то будут всегда говорить: «Украинец – это раб», – потому что он был оккупирован какой-то другой нацией или другой страной... И внутренняя убежденность, что я живу на своей земле и никто не имеет права здесь распоряжаться этой землей, распоряжаться правом жить на этой земле... Лучше пусть мы погибнем, тогда пусть они придут, и займут, и живут здесь как хотят, чем если мы отдадим ее и будем вместе с ними... терпеть и смотреть, как они будут жить и радоваться на нашей земле. Вот такое было внутреннее... Гордыня? Не знаю. Но такое внутреннее... «взвод» такой. Или как? Пружина, которая вдруг сжалась и сказала: «Ни за что».

Швидше не гордыня, це – прагнення самототожності, бути собою, самозбереження. І тут у мене ще запитання... Ви як людина, яка бачила життя з того боку... Мені дуже цікаво вас спитати: а як ви для себе зрозуміли те, що відбулося на Донбасі? Чому так відбулося? І як це відбулося?

А. М. Вы знаете, когда еще в [19]91 году мы с женой общались, и я говорил: «Сколько нам нужно лет для того, чтобы началась война между Российской Федерацией и вновь образованной Украиной?» – я не думал, что так быстро, что даже в течение 25 лет. Я не думал, что в течение моей жизни случится война...

Але ви були впевнені, що вона буде?

А. М. Я уверен был в том, что она будет, потому что независимости такой (у меня почему-то было внутреннее убеждение) не бывает. Весь мир... вся история показывает, что страны, те, которые сейчас образовались, не искусственные страны, а реальные страны, живущие, у которых есть экономика, свой язык, они все izborили свое право военным образом. То, что с нами случилось, – это подарок. Да, можно было, сто процентов, можно было правильно распорядиться вот такой ситуацией. Но ведь те люди, которые управляли нашей стра-

ной, они абсолютно бездарно провели это время. И абсолютно не было работы над тем, чтобы эту страну объединить под какую-то идею, та хотя бы в единый такой кластер, назвать это единым народом Украины, независимо какие национальности. Потому что все, восточная вся Украина, особенно Донбасс, – это все приезжие, это все приезжие люди из России... Очень много связей с Россией, и там и язык русский, там даже с акцентом мы общались. Там мы даже, я помню, возмущались, когда учились в школе, еще в Советском Союзе, о том, что нам не нужно изучать украинский язык – зачем он? Ведь мы же... граждане СССР! Зачем тебе украинский язык, если ты владеешь русским языком? А это как бы общий язык для всех... для жителя СССР...

І вас це обурювало, чи як?

А. М. Нет. Я так же рассуждал, я не хотел учить украинский язык – зачем он мне нужен? Что мне... Тарас Григорьевич Шевченко? Мне никак он, не до сердца был. Там эти все песни про тяжелую жизнь, они все просто там. Копнешь туда, историю Украины – все там рабы, все такие подавленные... Это потом, когда я уже сам стал изучать историю, когда я узнал о казачестве, когда я уже... Когда мне уже было 25... до 30 лет я сам изучал историю, самостоятельно... Тогда я уже начал понимать, расклад какой... А тогда я был уверен, что – зачем? Ведь мы живем в одном пространстве. [Перешкоди в аудіозаписі.]

А можна перекласти вашу мобілку? Я хвилююсь, щоби вона не давала мені перешкоди на диктофон.

А. М. Да, конечно. [Перекладає.]

Ви вважаєте, що основна частина конфлікту на Донбасі в тому, що багато саме з Росії приїхало?

А. М. Они живут в Советском Союзе. Они живут в Советском Союзе, и жили, и думали, что Путин пришел – это просто... Он – вождь, он такой же для них, как вот Брежнев, как было ЦК КПСС, это вожди для них. И они вот так вот... Все у них в голове построено, как в СССР.

Ім хазяїн треба?

А. М. А им нужен хозяин, да. И они без хозяина жить не могут, и у них все структурировано. То есть: Россия – мощная страна, она – справедливая и прочее, Америка – это враг. Это все со школьной... То есть когда Украина стала независимой, она должна была бы программы сделать специально для восточной [частини України]... Там ошибка

какая? В том, что они, правительство... и сейчас ошибка... что они считают, что историю, новости и все остальное они должны давать на украинском языке. Вот это – колоссальнейшая ошибка. Если бы они давали историю Украины, если бы они давали новости Украины на русском языке, успех был бы значительно больше. [...]

Если б сейчас... Ну, сейчас уже, наверное, после войны... Как бы уже понятно, что... пусть учат. Тут куда уже, если людей убивают... О каком языке уже или о какой там толерантности может идти речь? Но тогда, если бы правильно велась идеология, правильно подавалась история, правильно работали с людьми в восточной части Украины, правильно организованы были телевизионные каналы, новостные каналы, пресса, России было б очень тяжело [контролювати інформаційний простір сходу України]. Но это все было пущено на самотек. Вы ж знаете. Страна занималась не тем, что она существовала как страна, а это получились отдельные...

Группы.

А. М. Группы интересов. Олигархи, которые собирали дань с определенной территории, все. По сути государства как такового... его не было. [...]

У мене це запитання у списку стоїть трохи пізніше, але, здається, його потрібно поставити зараз. Спілкуючись із бійцями, я часто чую такі фрази: «достойна людина», «справжня людина». Якими словами можна охарактеризувати таку людину, якщо розкласти це поняття на складові? Це може стосуватись і тих, з ким ви воювали, і взагалі людей, які в житті вам зустрічаються.

А. М. В моем понимании настоящий человек – это человек, который в своей жизни проявляет свое внутреннее... суть и внутреннее свое содержание. Как бы в человеке есть два человека: внешний и внутренний. Вот когда мы идем в гости, мы одеваем на себя самое красивое, что у нас есть, для того, чтобы быть другому человеку приятным, и в общении, и в внешнем виде. Но жизнь... она сложна. И когда ты находишься в такой ситуации, когда тебе некогда подготовиться к встрече, когда ты раздражен или когда ты не успел покупаться, ты плохо выглядишь (а война – это именно такое место, где ты находишься постоянно в своем круту, причем когда тяжело и трудно), тут проявляется «внутренний» человек – кто ты есть на самом деле. На самом деле ты добрый такой, улыбочивый, или ты на самом деле очень такой агрессивный и недовольный всем. Вот тут оно все проявляется. Вот настоящий человек – тот, у которого внешнее и внутреннее совпадает. Я так бы это охарактеризовал.

Хто для вас є антигероєм?

А. М. Ну, вы знаете, антигерой для меня... Мое философское понимание... Что у нас все, что ни делается, это делается правильно. Если не будет у нас антигероев, то у нас не будет героев. Мы здесь рождены для того, чтобы реализовать все те качества, которые вообще есть, в биологической форме как оно может проявиться. Но суть наша, я уверен в этом, она светлая. То есть, если обращаться к таким терминам, понятным для всех, это – любовь, это – созидание. То есть человек рожден для того, чтобы любить и творить. Все остальное – это как бы заблуждение. Человек думает, что он может жить по-другому, проявлять другие качества и в этом совершенствоваться, но он потом все равно приходит к тому, что это несвойственное ему качество. Поэтому те люди, которые проявляют отрицательные... в какой-то период... Тот же Путин, например. Но ведь он... Посмотрите, что он сделал. Он сделал из Украины... он сделал страну, из разрозненных людей сделал народ. То есть, с одной стороны, это – отрицательный герой. А если так глубже копнуть, то он, по сути, созидатель нашей самостийности и нашего самосознания национального. То есть кто он для нас? Внешне... если вот как мы смотрим – «внешний» и «внутренний» человек... внешне он – враг. А внутренне он – наш друг. Это, как бы, если так... [під таким кутом зору подивитися]. Кого это не собьет с панталыку... [...]

«ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, ТАМ ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕЛОМ»

Людина, яка пройшла війну, повернувшись у мирне життя, вже не може стати такою, як вона була до того, і жити так, як вона жила до того. Мені здається, що, повернувшись, гармонійна людина буде шукати якусь місію для себе. Ви її знайшли?

А. М. Да, я... Много тоже через меня прошло бойцов...

Як через «замполіта»?

А. М. Да, я ж командир все-таки, через меня много судеб людей прошло, и я с ними общался, и видел в динамике, как это все развивалось. Как развивалась их жизнь, к чему они идут... В общем, есть над чем поразмыслить. Вот, и... действительно, там произошел пе-

релом. И я даже сейчас могу определить, был человек на войне или он был где-то рядом с войной. Потому что всех, кто был... делал для себя выбор «жить или умереть»... У него произошел такой вот [клацає пальцями] щелчок в голове – и он уже другой. Он уже не будет жить так, как он жил раньше, он не может этого. Некоторые могут это себе объяснить, у них там как-то это получается. А те, кто не могут объяснить, они начинают выбиваться из жизни, и...

П'ють...

А. М. Пьют. И не поймут – что, куда им направиться, что делать? И я понял, что самое лучшее средство, самая лучшая реабилитация – помочь другому. Чем больше ты помогаешь, тем легче тебе выныривать из того состояния, в котором ты находился сам. Потому что состояние человека... Самое страшное, что человек был поставлен перед выбором: убивать или быть убитым самому. Вот это чудовищно в XXI веке: осознаешь, что ты утром, вечером... всегда кто-то есть, кто тебя хочет убить. Ты должен, как зверь, постоянно оглядываться, смотреть, вглядываться в темноту, в горизонт и прочее, ожидая оттуда смерти. И в то же время, сам понимая, что ты несешь тоже кому-то смерть, хотя лично ты с этим человеком и не общался, и не знаешь его, и вообще не понимаешь, как он попался на твоём жизненном пути. Вот это тяжелый выбор, и он в человеке живет. [...] Говорят, «просто убить человека». Это непросто. Это непросто.

Про місію допомогти іншому – як ви це реалізуєте?

А. М. Вы знаете, все ж состоит из мелочей. Взагалі. Вот есть такие программы: мы, там, поможем, вот мы, там, сделаем, все такое, – но всегда это состоит из маленьких пиксельков, и это – судьбы людей. И если ты какому-то конкретному человеку помог в чем-то, вот это и есть помощь. Даже если ты одному помог, это уже ты не зря выжил после войны и чем-то занимаешься. Такое ощущение.

Розкажіть про свої рецепти додання страху на війні. Ви побували у всяких різних ситуаціях. Мені цікаво, щоби ви розказали, де ви саме побували...

А. М. Мы начали наше движение с Доброполя. Доброполье, Красноармейск, Николаевка, Тоненькое и Пески. Ну, вот у меня, как бы, мое подразделение стояло в Песках. Пески... Там у меня стояло два отделения и в Авдеевке одно. [...] Я [...] занимался работой с особовим складом. Борьба с депрессией, борьба с страхом, депрессия после

гибели товарищей... Вот это, как бы... Я этим занимался с ребятами. Держал их боевой дух на такой планке, чтоб они могли выполнить свое боевое задание.

Це ви, мабуть, із психологом іще взаємодіяли?

А. М. Я интуитивно делал, потому что мне уже на тот момент 48 лет было, у меня внутренние понимания процессов были, и я просто ту свою теорию, которая была во мне, я ее реализовывал в практике.

І от коли вам треба було виїжджати на позиції, туди, де обстріли...

А. М. Обстрелы были везде, и там, где мы находились, и там, где они. И плюс еще задача была: мы ездили по блокпостам – сопровождали бензовозы... В общем, были задачи, которые ставились, достаточно такие ответственные, и непонятно было, чем они могут закончиться. Людей доставляли различных, ответственных особ...

Страшно було?

А. М. Страшно, конечно. Любому человеку. Если вам сказали, что кто-то не боится, то... Просто есть ситуации, когда человек может впасть в ступор – его парализует страх, и он тогда может становиться обузой для товарищей. Тогда с ним тяжело. То есть в следующий раз уже его с собой ты не возьмешь. Это, наверное, так казаки отбирали – по породе. Есть люди, которые сохраняли [добирає слово]...

Адекватність?

А. М. Страшно всем, но некоторые сохраняли трезвость ума, и могли в этой ситуации, стрессовой, действовать, принимать решения. Вот это были люди действия. Я помню... Вот ситуация. Мы попадаем... В Песках поставили «УАЗик» возле танка и буквально отошли там пообщаться с товарищами. И тут начинается бой. А «УАЗик» наш поставили со стороны фронта, очень неудобно, неправильно поставили. «Ну, как бы, – думаю, – ладно, щас 5 минут, и мы уезжаем». А вот эти 5 минут переросли в такой бой, конкретный бой, и вот... А нам надо уехать оттуда. А в машину ж нужно прыгнуть, и как-то ж выехать оттуда, а как раз сама машина стоит на линии огня, и выезд на линии огня, и дальнейшее наше движение тоже на линии огня. И вот когда перестали пули лететь уже, есть такое затишье... И мы думаем: сейчас быстренько подбежим, в машину и поедем. Мы все подбегаем, прыгаем в этот «УАЗик», закрываемся – и тут опять начинается бой. Опять минометный обстрел, опять все то же самое. Все в таком напряжении...

Я говорю: «Хлопцы, чик-чирик. Я в домике!» Они: «Что значит..?» Я говорю: «Ну все, мы сидим в домике, нам ничего не страшно. Мы же закрыли двери...» И они вначале так... ничего не поняли. А потом... В тенте такая дырочка была... Я говорю: «Виталик, прикрой пальчиком дырочку». Он так прикрывает. «А зачем, – говорит, – Иваныч?» Я говорю: «Ну как зачем? Чтобы осколок или пуля не залетели». И тут все начали хохотать – наконец-то дошло, и все так – вш-шух! – оно разрядилось [психичне напруження]. И мы завелись и поехали.

Що вам особисто внутрішньо допомагало на війні? Ви як людина, багата внутрішніми ресурсами, поділіться – що вам допомагало?

А. М. Молитва, конечно же. Я... Были ситуации, когда вот в данный момент тут может оказаться враг, и мы сейчас должны стать в столкновение. Самое плохое – это начало, то есть ты не знаешь, откуда в тебя стрельнут. Потому что мы передвигаемся на автомобиле. Вот мы едем, как раз бой закончился, Первомайск, такой запах... трупный такой, ночь, разрушенные эти дома, и мы везем... везли раненого. И вот... могли бы попасть под обстрел в любой момент. Ты ж не знаешь, кто окажется первым – ты или твой товарищ, или еще кто-то. И вот только так – внутренняя молитва. Я сейчас могу умереть, и я уже предстану перед Богом. А что я ему скажу? Что я в своей жизни сделал? Вообще, для чего я прожил? Почему я жил? Имел ли я на это право?

Я думаю, многих так... Поэтому и произошел «щелчок» в голове. И люди начинают себя искать, и недовольны той жизнью, которой живут.

А якісь смішні історії у вас траплялися на війні?

А. М. Смешных историй должно быть очень много, потому что когда мы начинаем вспоминать, мы все время хохочем. Что не история – то все смешно. Сейчас оно все смешно...

Чи бували якісь дії супротивника, які викликали у вас гнів? Зрозуміло, що дії ворога не приносять радості за визначенням, але щось, що особливо зачіпало...

А. М. Гнев? Конечно, гибель ребят. Гибель ребят, когда ты видишь трупы парней... Вот они лежат... вот там куски их тел или... Молодые парни все. Зачем? Они просто... Это жители Украины. И там жители... Зачем их между собой..? Зачем они бьются? Вот они сейчас мертвые – кому это... интересно? Кому это нужно? Зачем эта боль во-

общее? Почему... довели ситуацию именно до войны? Почему нельзя было... какими-то другими действиями? Не допустить этого? Вот это вызывает гнев сильнейший.

Чи допомагали вам місцеві жителі, коли ви були там?

А. М. Те, кто стоял на блокпостах... их просто закармливали вначале. В [20]14 году. Я знаю, что наших парней закармливали. У них целые были схроны такие с продуктами там, мы приезжали когда к ним, они с нами делились, угощали. Потому что, как бы, в базовом мы только обеспечивались там тыловой частью, очень скудно, а у них там было изобилие. Вот. Это самое начало. А и потом уже... волонтерство уже развилось чуть позже. Когда мы начинали, все только было на этапе развития. Но местные вначале встречали очень хорошо. Когда мы въезжали, нас приветствовали многие, и... Но, я говорю, были и инциденты нехорошие, когда была агрессия.

Агресія просто від місцевого населення чи агресія від озброєних і...

А. М. Нет. Агрессия... Вы ж сейчас спросили о гражданских людях. То есть была агрессия и от гражданских, но мужчины, они, как бы, старались помалкивать, потому что мы были с оружием. А вот женщины некоторые проявляли... Ко мне подходили... Такая была интересная сценка. Я стоял в охране как раз, ребята пошли в банк получать заработную плату. Я стоял в охране, наблюдал, чтобы, так, никто не подошел к банку. И вот идет женщина, везет... Обычно дети подходят, тянут сразу руку и здороваются. Молодежь вся приветствует сразу. Прямо подходят, руку тянут, ты с ними здороваешься. Молодежь: «Здравствуйте! Здравствуйте! Слава Украине!» Очень, очень хорошо молодежь...

А вот пожилые люди, они либо... старались не идти на контакт... некоторые улыбались, просто проходили. А вот был случай, когда женщина в возрасте везет внука своего на велосипеде, мальчика. И он так... смотрю, он... рука тянется со мной поздороваться... мимо по тротуару... И я ему сам протянул руку, говорю: «Привет!» Он заулыбался. И она открыла рот и начала ж мне, естественно, четко по телевизионному... обвинять в фашизме, в убийствах, в издевательствах, в общем... Я говорю: «Послушайте! Вот вы такое говорите... Вот смотрите, я – мобилизованный, у меня двое детей. Скажите, как я могу кого-то есть или над кем-то издеваться, если у меня есть семья, которая меня ждет? Я такой же человек, как ваши дети... Почему вы сразу меня, как бы, закидываете в такие вот вещи?» И она все равно так вот настойчиво... Я уже начал сам выходить из себя, потом гово-

рю: «Послушайте...» А она жалуется, как плохо живут ее дети, как они сейчас под обстрелами... «Послушайте, – я говорю, – сходите в церковь, помолитесь, – говорю, – и подумайте: почему вы так плохо живете и живут ваши дети? А вам еще потом, через какое-то время, когда придет понимание, вам еще будет стыдно за те слова, что вы мне сказали». И она чего-то так как-то поникла сразу и быстренько-быстренько ушла.

А молодежь вот шла как раз навстречу, они слышали этот диалог наш, и они резко... они отозвались и сказали: «Не обращайтесь на нее внимание! Это глупая женщина, она у нас тут всех достает. А мы вас поддерживаем, и вы вообще молодцы». И вот как-то так, диалог такой.

Який населений пункт це був?

А. М. Новогородка.

Чи були ви свідком героїчного вчинку?

А. М. Да. Когда был обстрел в Песках и бензовоз приехал заправлять дизельную технику, к нему подбежали ребята и сказали: «Прекращай, идиот! Ты же сейчас попадешь под обстрел и погибнешь. Иди прячься!» А он говорит: «Ребята, вы не понимаете! Ваша техника вся пустая, а я привез полный бензовоз, я хоть успею хоть сколько-то машин заправить. Если я не успею ничего, и погибну вместе с этим бензовозом, то грош цена вообще моему...» Вот так вот. И хлопцы стали ему помогать заправлять.

Это героизм или нет?

Однозначно.

А. М. Никто тогда этого не заметил, но я для себя зафиксировал, что... Человек с большой буквы.

Як ви змінилися після війни? Ви аналізували якимось себе – який був, який став?

А. М. Да, да. До войны я считал, что человек должен... мужчина... должен состояться в плане том, что у него должна быть какая-то профессия, если у него есть семья, то он должен обеспечивать свою семью. То есть это такой удачливый бизнесмен, имеющий свое дело, не нуждающийся в средствах, и может даже стать с возрастом меценатом. Вот. После того как я побывал на войне, я понял, что это не имеет никакого значения. Имеет значение только жизнь человека... товари-

щи рядом... Самое драгоценное у нас – это общение с человеком, с живым человеком, потому что каждый человек – это космос. И если ты его потеряешь, этого человека, то ты теряешь целый космос... А... [Витирає сльозу.] Зацепили вы меня.

Поэтому я считаю, что для человека самое важное – чтобы человек был счастлив. Сделать такие условия, чтобы человек мог понимать, что его любят, что он живет в обществе, которое его любит, и он мог проявиться как... как человек, его суть – творца, созидателя. Вот тут, как бы, это важно, а не то, что он имеет в материальном плане.

Скажіть, чи було у вас до війни сформоване ставлення до С. Бандери та ОУН, взагалі до націоналістів, одним словом? І чи змінилося воно після війни?

А. М. Ну, как бы... Чуть-чуть, как бы, расширилось понимание, потому что я стал этим вопросом глубже интересоваться. [...] Я против террора... Понимаете, националисты... они занимались террором. То есть они отстаивали, любой ценой отстаивали существование националистического государства. Вот я, как бы, против того, чтобы любой ценой. Я сейчас отчетливо понимаю, что не нужно любой ценой. Вот... общество проходит разные этапы. Самое дорогое – это жизнь. Если не будет жизни, то не будет возможности реализоваться каким-то вариантам. Поэтому жизнь нужно сохранять в первую очередь, но, опять же... Ее нужно сохранять в том случае, если есть хоть какая-то малейшая возможность самосовершенствования и духовного роста. Если такой возможности нет, если все заперто, то, конечно, в этом, в такой жизни смысла нет никакого. [...]

Вот если брать сейчас ОУН... националистов, Бендеру... [сам себе исправив] Бандеру в том числе, то тогда был сформирован Советский Союз. То есть тогда формировалось общество, а декларировалось общество рабочих, крестьян, декларировалось их развитие, самосовершенствование. То есть возможно было бы пойти другим путем, не через террор доказывая свою правоту, а, наоборот, войти в эту среду и через пример того, что в этой ситуации можно жить, самосовершенствоваться и творить для общества, вот таким образом поднять планку ценностей человеческих. [...]

Вот мы, например. Как мы сейчас работаем?. Мы сейчас не согласны с той ситуацией, которую делают, например, структуры администрированные. Мы с ними не согласны, но у нас два пути. Мы можем сейчас взять оружие и начать уничтожать голов, там, различных учреждений,

утверждая, что они не правы. Таким образом сделать в городе террор и добиться своего. Или мы сможем другим путем пойти. Мы входим внутрь этой системы и начинаем ее изнутри менять. То есть мы находим внутри союзников, которые нас поддерживают, патриотов, готовых меняться здесь, и мы вместе меняем ситуацию. Ломая таким образом, чтобы та структура, которая должна работать на людей, чтобы она работала на людей, а не на себя. Вот таким образом можно пойти.

Але ж та система була більш... Якщо тут навіть декларується готовність системи допомагати бійцям АТО, тобто це в «лінії партії» іде, то там же це було якраз зовсім навпаки. Їм важко було «внедріться» в ту владну систему...

А. М. Это легко, как бы... да, легко говорить. [...] Это ж, опять же, зависит от того... От точки сидения зависит точка зрения. От той ситуации, в которой был. Потому что у меня, например... Часто срываюсь на желании тоже, как бы, сделать террор и агрессивно себя повести в некоторых случаях для того, чтобы отстоять [нерозбірливо] точку зрения. Поэтому... неоднозначное у меня отношение, неоднозначное. Но лучше бы, конечно, этого... в такой ситуации не находиться.

«Я СЕЙЧАС ПЫТАЮСЬ СОВМЕСТИТЬ ЛИЧНОЕ С ОБЩЕСТВЕННЫМ»

От до речі, давайте поговоримо про вашу громадську діяльність. Чим ви зараз займаєтесь?

А. М. [Посміхається.] Чем я занимаюсь? Я сейчас пытаюсь совместить личное с общественным. Вот это очень для меня сейчас... экзамен внутренний очень тяжелый. Потому что есть семья, потому что есть необходимость зарабатывать, то есть иметь какие-то материальные доходы, потому что нам необходимо платить за проживание, за проезд... быть достойным социальным человеком в этом обществе. Вести себя. И, с другой стороны, очень много людей, требующих помощи и... Меня очень интересуют эти решения системных вопросов в обществе.

Потому что мы сейчас врезались... Когда пришли с войны, мы врезались... Начали помогать АТОвцам вначале, и мы поняли, что по сути

ни социально, ни здравоохранение, ни правоохоронная система, ни реабилитация... ее по сути не существует. Ее нет. Она прописана, все как бы предусмотрено государством, но оно практически не работает. Все действует так же, как в государстве в целом: отдельные княжества, отдельные больницы, отдельные департаменты, отдельные службы, которые существуют как княжества, а люди между ними... Знаете, такая песня была у Скрябина [у Віллі Токарева]: «Небоскребы-небоскребы, а я маленький такой. То мне страшно, то мне больно, то теряю свой покой»? Вот. А люди мечутся между этими структурами, пытаются найти там счастье, помощь какую-то...

Так вот мы на себя взяли [роль] этих коммуникаторов. То есть мы заходим в эти княжества, «открываем ногой дверь», потому что говорим, что «мы не боимся ваших доспехов, потому что у нас есть свои доспехи», и предлагаем с нами коммуницировать. Они это понимают и начинают с нами взаимодействовать. И когда человек обращается за помощью, то он не ходит потом по этим княжествам, по этим «небоскребам», а он... Ему они сами звонят и говорят [питають], что ему нужно, чем они могут быть ему полезны. Вот таким образом.

Но это так, схематично.

Тобто ви волонтерите?

А. М. Да.

Самостійно чи в складі якоїсь громадської організації?

А. М. Мы сделали общественную организацию... «Всеукраїнська спілка воїнів АТО». Ее засновники – четыре офицера 93-й бригады: Начовный, Макаров, Донцов и Криштоп. [...]

Опишіть ситуацію, де ви зуміли щось зробити, отримали позитивний результат.

А. М. Обращаются люди за помощью, онкобольные... Случай был, когда с Авдеевки боец, ему нужно было помочь с женой – операция 80 тысяч в Амосова в Киеве. Онкобольных много обращаются...

Саме бійців?

А. М. Жены. Сейчас еще очень «посыпались» жены сильно... И это тоже... необходимо отдельно заниматься этим вопросом, потому что женщины взяли на себя... Так вроде они не принимали участия, а все горе взяли на себя. [...] Помогли жене, сделали операцию. Этому бойцу. Он находился на «передке», как раз воевал. Вот какой его был дух

боевой, если он должен воевать, а жена его, любимый человек, умирает? И что ему? Ему надо все бросить, ехать ее спасать или выполнять долг? То есть государство должно было на себя взять эту заботу. Вот мы помогли и взяли на себя эту функцию. Не так, конечно, как хотелось, получилось, но, в любом случае, получилось. Благодарны были.

По газовому хозяйству... Человек служит, женщина пришла – газовое хозяйство решило отрезать... [від газопостачання]. Решили этот вопрос. Приходили потом к нам, когда он дембельнулся, благодарили. Благодаря тому, что мы вмешались в этот процесс, от них отстали, и вот он, когда вернулся, уже сам может заняться этим вопросом. [...]

Что мы такое победили особенно? Ну, как бы, хребет [бюрократичній системі] мы не переломали, ситуация ж не изменилась пока. Отдельным людям помогаем. Каждый день что-то мы... какому-то человеку помогаем, и через соцзахист, и по здоровью, и по земельным вопросам. Тут, как бы, есть победы, есть благодарности. Но системно вопрос не решается, системно он не решается.

З яких ресурсів ви надаєте цю допомогу?

А. М. Мы только связываемся... У нас своего ж ресурса никакого нет... Мы берем чиновника... Например, департамент здравоохранения, Луговая, ставим ее в известность, она выходит на этого человека и говорит: «Я могу столько сделать...» Если нет больше материальной возможности, то мы выходим на заступника губернатора, либо на самого губернатора, и он оказывает материальную помощь. То есть когда она идет от нас, просьба, то он понимает, что мы уже проверили, отфильтровали, там действительно серьезно. Поэтому идут навстречу и помогают нам.

Идея вот этих наших общественных мероприятий в том, что у нас очень сильно сейчас общество [активізувалось], гражданское общество и контроль общества над работой государственных структур. Мы хотим ее [систему] усовершенствовать, чтобы в каждом районе мы имели людей [чиновників], которые нас информируют и работают с нами в плане выполнения своих обязательств перед людьми. Чтобы это были не взагалі какие-то там... «зрада» общая. Это будет конкретная проблема, конкретный человек, конкретная ситуация, и мы будем в нее втручаться, и уже втручаемся.

Розмову провела Ірина Рева

20.06.2017

**«ЧТО-ТО ПРОИЗОШЛО,
КАКОЕ-ТО ЧУДО:
ТАМ, ВНУТРИ, ЧТО-ТО
ОСТАНОВИЛОСЬ...»**

**Інтерв'ю з бійцем полку «Дніпро-1»
Віктором Савченком**

Розкажіть, чим ви займалися до війни.

В. С. До войны я всю сознательную жизнь занимался коммерцией. Не люблю слово «бизнес», потому что это слишком звучит... Бизнес – это, наверное, что-то повыше, это, наверное, наши Ахметов и Коломойский. [...] В [19]87 году я закончил Политехнический техникум в городе Магадане по специальности «Транспортное дело». С транспортом связан был всю жизнь, потому что были свои машины. [...] Поднимал много производств. У меня и сейчас есть своя типография, потому что до войны я занимался многим-многом. [...]

Розкажіть про рід занять ваших батьків.

В. С. Нет родителей... Мама умерла еще в [19]89 году, а отец вот в [20]12 году. Отец всю жизнь проработал водителем автобуса. Мама – продавец в магазине. Никакие не олигархи.

«МЫ ВЫЖИЛИ ТОЛЬКО БЛАГОДАРЯ ТОМУ, ЧТО ДЕД СУМЕЛ СДЕЛАТЬ ЗНАЧКИ»

Шо ви знаєте про вашу родинну історію? Чи розповідали ваші рідні щось про період т. зв. «громадянської війни»? Про Голодомор? Репресії?

В. С. Вот здесь интересная история, но здесь уже касается не родителей, а касается моего непосредственно деда. Дед, в принципе, – легендарная личность, жизнь была интересная. Так получилось, что общались мы с ним немного. Он прошел войну. Войну начал с 17 лет, помогая... Ему пришлось... Есть село Знаменовка [Дніпропетровської області]. И когда немцы захватили саму Знаменовку, то ему пришлось покинуть в 17 лет эту Знаменовку, и он примкнул к войскам, там корректировщиком был, помогал. А когда было 18 лет, он официально стал уже... Он [19]26 года. Наверное, в [19]43-м он уже стал официально в войска, или в [19]44-м. А так, до этого, он помогал внештатно, скажем так. По специальности он связист, войну закончил он на Дальнем Востоке, и там и остался. И вырос до руководителя большого уровня. Он руководил строительством объектов связи Хабаровского края. Даже уйдя на пенсию, он не смог на пенсии долго находиться, он через три месяца вернулся начальником техники безопасности края. До девяти

носта лет прожил. Те встречи, которые у нас были... Он приезжал несколько раз сюда, останавливался, потом мы общались...

А він там і жив?

В. С. Там и жил. Там он развил свою семью. У него было пятеро дочерей, кроме сына, который здесь, он – мой отец. С нами отношения поддерживал. Он рассказывал интересные вещи – за Голодомор, за своего непосредственно деда. Он же был в [19]33 году пацаном, а дед... Говорит: «Мы выжили только благодаря тому, что дед сумел сделать заначки». Для нас было как-то дико, интересно... С одной стороны, интересно, а с другой стороны, дико слушать, как это все происходило. Это я непосредственно из уст первоисточника знаю. Так вот, как спаслись они... Дед сам промышлял – колодцы рыл. И мало того, он работал на мукомольне или что-то такое. Знал это дело, по крайней мере. Он опускал мешок с мукой, какие-то мешки с мукой, в воду, хранил затопленными в колодце. Оказывается, мука, когда намокает, она становится коркой по круту и влагу дальше не пропускает. И найти этого не смогли. И вот только благодаря этому они выжили. А вообще очень было сложно в то время выжить. Это то, что я запомнил... А так спрятать практически ничего невозможно было. Ходили даже огороды вот так прощупывали, где что закопано, выгребали все подчистую. Больше как бы я... Это то, что у меня в памяти осталось...

Це було в Знаменівці?

В. С. Да, це було в Знаменовці. А так дед воевал, тоже был ранен, но ранение было незначительное...

Чи була у вашому житті людина (подія), яка, ви відчуваєте, вплинула на формування вашої особистості?

В. С. Сложный вопрос. Особистість складається из каких-то ярких событий, которые должны повлиять на человека... Я вот почему-то... Может быть, оно и не к месту, но, тем не менее, как-то отразилось. Был у меня один крестный, а с другой стороны – кум моего отца, и вот приходили они в гости. К примеру, один приходит и начинает... Частный сектор... От ворот он становится на руки – и на руках пошел... Для меня он дядька был уже взрослый, не то что молодой какой-то, и это для меня такое, знаете, было... Что-то такое... Я знал, что я тоже буду ходить. Да, я много раз шеею пытался сломать, но я научился ходить на руках. Это было что-то для меня такое... добиться своего. Из ярких событий, то, что я запомнил, опять же, из детства... Приехал друг моего

отца (они вместе служили) с Прибалтики и заехал к нему в гости. Я захожу в комнату, а он там переодевался. И я вижу у него пистолет спрятан в кобуре, и вижу ранения какие-то... Да, на меня произвело впечатление. Какое-то, знаете, такое – «Ничего ж себе...». Я всегда мечтал... сначала я мечтал быть ГАИшником, потом разочаровался в этом. Хорошо, что не пошел в свое время. Хотел быть следователем, много кем хотел... Но хотел именно находиться...

У правоохранительных органах?

В. С. Да... И любые эти... они сбываются. И в итоге, за тот короткий период, который я говорил, с мая по август [период службы до поранения], я побывал во всех разных [ролях]... И ГАИшником, и следователем, и дознавателем, – все-все-все было. Каждый день были интересные события. У меня был этот период очень интересный. То, что связано с Мариуполем, с выездами за пределы Мариуполя, с выездом на линию фронта... Тогда уже Саур-Могилы были, вывозили оттуда уже и «двухсотых», и раненых. Много каких было... Но именно в этот период сконцентрировалось... абсолютно все твои, как говорится, какие-то мечтания. Хотя мечтаниями это уже не назовешь. Когда вживую сталкиваешься с этим, думаешь: «А надо ли оно?» Хотя да, наверное, надо.

Про товарища вашего батька, який на руках ходив... Из чим це у вас асоціювалося? З фізичною силою? Чи вас вражало те, що він уже значно старший?

В. С. Вот! Меня бы не удивило, если бы это был молодой парень... Это человек, который выглядел уже взросло, очень взросло, стать в его [віці]... на руках – это как-то... Меня больше вот это... Я хотел, чтобы когда мне будет примерно вот столько лет, сколько ему, чтобы я мог это делать.

«Я УЖЕ НА ТО ВРЕМЯ БЫЛ СЛОЖИВШИМСЯ ПРИСПОСОБЛЕНЦЕМ»

Як ви пережили Євромайдан?

В. С. Отнесем меня к «диванной сотне». Я не был на Майдане. Но всегда я поддерживал то, что происходило на Майдане... Даже скажу немножко по-другому. Чеченская война... Первая чеченская война началась в [19]93-м, по-моему... И я тогда поддерживал

отношения с чеченцами. У меня были друзья-чеченцы, именно по бизнесу. [...] И отношение к войне у меня тогда уже было негативное, то есть я не получал информацию именно с телевизора. [...] Я разговаривал с человеком, он на меня тоже не давил. Он просто рассказывал, что происходило на самом деле, кто делал какие-то бомбардировки и прочее. Негативное отношение к этому было.

Точно так же и когда был 2004 год, я даже делал свои взносы какие-то, 150 долларов, я помню, перечислил в поддержку Оранжевой революции. Хотя потом пожалел, потому что не увидел результата. Но именно хотелось перемен. Хотя, честно скажу, лично я как предприниматель... Представьте себе, с [19]91 года я в бизнесе. В украинском бизнесе я с [19]95 года. Не приспособившись к реалиям, ты просто не выживешь. Правильно? Назовем тогда меня «приспособленец». А приспособленец... мы будем відвертими, будем называть все своими именами... Для того чтобы работать в том бизнесе, который сложился, нужно приспособиться, нужно обходить какие-то ограничения и прочее. Я уже на то время был сложившимся приспособленцем, я знал, как решать вопросы и проблемы бизнеса. И изменения условий и правил игры были мне не на руку. Когда у меня есть в каких-то структурах люди, которые решают эти вопросы, я теряю. Но я осознанно шел на то, что я буду терять, и я хочу это изменить. Для чего? Потому что я понимаю, что придет время, когда... я уйду, я не буду заниматься этим. Я лодырь. Я больше люблю отдыхать. Я не тот человек, который постоянно бы прогребал, прогребал... То, что я делаю сейчас, я делаю для того, чтобы было спокойнее потом. И опять же, есть дети, сейчас вот у меня уже есть внук. Я понимаю, что им нужно здесь осваиваться, и я хотел бы видеть перспективы. И потому я все увязываю уже с перспективами своих детей, своих внуков. Себе я то, что нужно было сделать, я сделал. У меня хорошие условия проживания, есть источники добавочные... как бы к этому [до сучасної роботи]. Я могу и работать, могу и отдыхать. Меня это устраивает. Я не говорю, что я олигарх, но мне удобно в этой жизни. А вот дети – да... Здесь я осознанно, как бы, за перемены.

Потому те события, которые были на Майдане... Я, конечно, был за них, и меня это все всколыхнуло. И естественно, когда студентов там побили. [...] Все делал, чтобы окружение свое, если даже там какое-то непонимание, настроить на то, что «это нам надо». Моя вся семья думает так же, как и я. И окружение, естественно. Даже если ближай-

шие родственники в моем окружении до моего ухода на вот эти события, может, где-то в душе... то когда уже все получилось, то, что получилось в Иловайске, это стало очень-очень жирной точкой для самоопределения. Сейчас сепаратистов или же даже ватников в моем окружении нет.

«САМЫЙ ОСНОВНОЙ БОЕВОЙ ОПЫТ – ЭТО, КОНЕЧНО, ИЛОВАЙСК»

Я к ви потрапили на фронт?

В. С. [...] Вторжение в Крым – и вот я понимаю, что мои интересы уже затрагиваются напрямую. Одно дело – это все там крутилось-крутилось... А другое дело – я понимаю: придет Россия... Возврат Советского Союза для меня – это... Это не то. Потому что я прошел [19]90-е годы, я прекрасно помню, ГКЧП когда было, эта смена власти... Мы тогда с женой отдыхали на Азовском море. Был маленький телевизор, где показывали, как заседают эти все напыщенные... Тут я понимаю, что вроде бы какая-то отдушина, мы стали свободными... Свобода – это понятие очень такое... но – якобы [до певної міри вільними]. И тут нас опять возвращают в Советский Союз. Я страшно этого не хотел. Хотя у меня с Россией связано, в процентном соотношении, наверное, больше, чем с Украиной (хотя я родился в Украине), и родственников, наверное, 50 на 50. И я прожил в России с [19]82 года по [19]94-й включительно. И служил в России в советской армии, и друзья там, и кумы остались. И мы очень даже поддерживали... поддерживаем отношения сейчас, но с кем-то пришлось разорвать отношения в связи с непониманием ситуации.

Потому те события, которые произошли в марте месяце, для меня были детонатором. Но, наверное, отчасти еще не только это... Сын у меня уже достаточно взрослый, он [19]90 года... Он участвовал уже в этих событиях, даже раньше меня. Когда ОДА пытались тут захватывать, он уже был со стороны украинской. Активист, который ходил с дубинками на охрану этих [адмінбудівель]... Тогда еще был «Правый сектор», еще никто не понимал, что к чему. Он раньше меня это начал... Мы собирались, обсуждали эти события, и с его стороны был вопрос: «А когда ты готов..?» Моя позиция была одно-

значно такая: я готов стать в эти ряды только на законных основаниях, когда я буду действительно представитель какой-то структуры... Я прошел армию, советскую армию, уж автомат в руках я держать умею. [...]

И когда в марте... Я где-то для себя... Я не знаю, где это, как бы, переключилось... Я понял, что что-то нужно делать. И первое действие, которое я сделал... Еще не было тогда «Днепра-1», о нем еще даже никто не говорил... В марте месяце я иду в военкомат с военным билетом и пытаюсь записаться в добровольцы, именно в армию.

Это было осознанно. Уйти для меня – это не так просто. Это нужно с семьей сначала решить этот вопрос. Чтобы не выглядело так – я принял решение и все. [...] И второе немаловажно: у меня есть все-таки бизнес, есть компаньоны, то есть чтобы это тоже не выглядело некрасиво, как если я просто бросаю все и ухожу. Я сделал ряд согласований – и с чистой совестью я иду в военкомат. И мое удивление, когда я прихожу в горвоенкомат... Вышел замвоенкома, высокий парень, подполковник. Я объяснил ему, чего я хочу... Он открывает военный билет, смотрит, закрывает и говорит: «Вы не годитесь. По возрасту вы нам не подходите». [...]

Я был, конечно, очень удивлен таким вот раскладом, для меня это было как-то даже неожиданно. Я даже не понял как-то. Вышел: «Не взяли». И тут буквально, то ли конец марта, то ли начало апреля, прошло очень маленькое время, и на сайте появляется информация, что организовывается спецпідрозділ... «Днепр-1»... Тогда действительно кампания была раскручена очень серьезно, и действительно мне захотелось именно быть там. И я пошел, я был в числе первых. Кто туда приходил? А вот приходили наподобие меня. [...] Начинаешь знакомиться, и понимаешь, что люди пришли... Из бизнеса приходили люди, достаточно обеспеченные. И они пришли сюда не за деньгами. Кто бы что ни говорил, типа: «Да вам же там хорошо платили»... Когда мы шли туда, в первый набор, никто не знал, сколько будут платить. На сайте была официальная зарплата, а те, кто принимал, говорили: «Ребята, мы не знаем, сколько вам будут платить». Потому даже после первых премиальных, конечно, было приятно, но мы не знали, что нас ждет впереди... [...]

Я не претендовал на должности... Мне было просто интересно хотя бы туда попасть. Я прошел собеседование. Основное ограничение – это был возраст. Я предложил: давайте выберем любого из той сто-

роны, помоложе, и я попытаюсь с ними посоревноваться... Чтоб понятно было – я же иду в спецподразделение. [...]

С 8 мая у меня приказ, что я зачислен в МВД, это была полиция еще. И до августа, 26 числа, я был в строю. Вроде период небольшой. [...] Но... там, кажется, вечность была. Он настолько насыщен... Каждый день были какие-то события. Я не буду останавливаться, какие там события, потому что мы даже учебу и ту толком не закончили, потому что началось там обострение... Мы занятия в университете, теоретическую часть, начали... и нас сорвали на усиление... В итоге мы уехали на Мариуполь. [...] Там были тогда «сепаратисты», и мы участвовали совместно с «Азовом» в отбивании города от «сепаратистов». [...] Пули первые начали свистеть. Сначала думаешь: «Это как кино...» Но перестроиться очень тяжело, на самом деле. Вот мы сейчас с вами го-

ворим. Это... это немножко другое. Ты смотрел фильмы раньше. Да, служил в армии я. Но я ж в мирной армии служил.

Ваш военный шлях? У яких боях брали участь?

В. С. Здесь можно сказать так. Самый основной боевой опыт – это, конечно, Иловайск... Это было 17 августа. Ничего не предвещало. Мы уже собирались ложиться спать, десять было вечера, все спокойно. Потом, по всей видимости, поступила какая-то команда. Мы построились, те, кто были, а было нас тогда немного, около 50 человек. И Печененко сказал: «Нужно 50 человек, добровольцев. Идем туда, не знаю... Дня на два идем. Но вернемся или не вернемся, не знаю». Примерно вот так сказал. Кто не готов, выйдите из строя – никаких проблем нет. Кого-то оставили в аэропорту Мариуполя, кто-то должен был остаться... Осталось какое-то количество бойцов, пересчитались. Вместе с Печененко осталось 51 человек, а надо 50. В приказе записано только 50. Печененко говорит: «Добровольно кто-то один выходите из строя, потому что нужно 50, все». Никто не вышел. И было принято решение, что пойдет 51 человек, хотя нужно было 50. Вот так вот мы и двинулись... Куда мы шли? Какие задачи? Никто вообще не знал. Ночное перемещение без опознавательных знаков, даже без габаритных огней...

На чому їхали?

В. С. На том транспорте, который был у нас, то есть это джипы. То, что было в «Днепре-1» на то время, на том и перемещались. Забрали все что можно, на два дня. И провианта мы брали на два дня. [...] На расстоянии 5 км до Иловайска мы оставили свою технику, всю, и пошли пешей колонной... Нам объяснили задачу, сказали: «Ваша задача – войти в город и сделать зачистку. До вас поработает артиллерия. Поддержка у вас будут самолеты. И вы будете заходить с танками и БТР». То есть наша задача была... Собственно говоря, уже все до нас делается авиацией и артиллерией, а наша задача уже – сделать зачистку города. [...] Мы даже тогда не знали, что это за дорога, потом... Я ее так называю, это – «дорога смерти». Почему? Потому что, оказывается, это прямой вход туда. Его не могли... Его штурмовали уже с начала месяца, войска, и не могли взять. Там много чего с этим связано. Не буду рассказывать, я не был участником этих событий, когда были военные... [...]

Что там было, я мог уже понять по этому... Мы прошли какой-то резок, и когда уже подошли к путепроводу... И после него мы увиде-

ли разбитую технику, сожженную, мы увидели обожженные тела и уже разложившиеся. Там было все... Этот запах, я его никогда не забуду... особенный... Потом мы уже поняли. Когда проходишь мимо, а там фуфайка лежит... А оказывается, это не фуфайка, а уже то, что осталось там... По дороге шли, а эти неразорвавшиеся фугасы торчат... Ты уже понимаешь, что ты уже немножко в другом мире. [...]

«НАШ «ДВУХСОТЫЙ» ОСТАЛСЯ ТАМ» [18.08.2014]

Не доходя, наверное, с полкилометра... ближе, наверное... метров двести оставалось до того места, где укрепрайон... мы попали под обстрел. Начали обстреливать нас сначала со стрелкового оружия. То есть выглядело это так: мы на БМП и прямо уже едем внаглую туда. Я сидел на самом верху, чуть ниже Печененко. И тут... Думаешь о своем, хорошо, не надо ничего тащить... Гусеница: т-т-т-т-т, тебя расслабляет, и тут... Вот это был шок, наверное. Я слышу где-то: «фи-ить!», «фи-ить!» – и потом смотрю: а уже внизу никого нет. Я вижу, что все уже падают с этого, прыгают... Я практически один сижу на этом верху. А я сидел вот так, и прямо вот здесь в броню искра... ну, пуля, видно... попадает... И тогда я понимаю, что я – уже мишень. На мне амуниции было (я потом посчитал) всего около 40 кг, с броником, со всем, – и высота, я сидел на высоте... На тренировках я б так не спрыгнул никогда. Я не понял, как я оттуда слетел. Я уже лежал внизу, у меня было такое ощущение, что я сравнялся с поверхностью земли... А обстрел был настолько плотный... Мы все лежали, только слышали свист этого всего. Когда закончился стрелковый обстрел, начался обстрел минами... И мины взрывались слева, справа... Вот они... ты их видишь... вспышки – «бах», «бах». Это был первый шок. Боя как такового не было. Это не бой был, это как в тире: они нас видят, они по нам стреляют, мы их – нет...

Потом притихло как-то. Мы прятались в зеленке, в посадке. А там – одно поле, другое поле, а между ними...

Зелена смуга?

В. С. Смуга, да. Мы сюда попали, и мы сидим в ожидании – что дальше? Мы слушаем рацию, понимаем, что у нас уже первый есть «двухсотый»... это, конечно, вообще было... из наших. Мы не понимали,

как такое может быть. Были тяжелораненные уже. Мы ждали команды, что дальше делать. Никто не понимал. Тут я первый раз увидел, что такое «Грады». Те скорректировали уже наши координаты и накрыли вот это поле. Вот мы вот здесь в посадке, и я вижу: ничего вообще, тишина, тишина – и потом вот так: «вуффф!!!» – и вот это все поле огненно-пыльное, сразу. То есть они чуть-чуть ошиблись в координатах. Если бы попало по нам, нас бы вообще никого не осталось... Сразу я вообще не понял, что это такое...

Потом был штурм. Пытались танком [придадим від ЗСУ] продвигаться туда, наступать. Танк подбили... Башня не работает... Сам водитель танка контуженый, все остальные ранены даже были. [...] И получилось так, что вот то, куда мы двигались... Там у нас была первая группа... Были проблемы со связью, по всей видимости, получилась... Никто не ожидал такого развития событий... И они попали на территорию именно укрепрайона, и их отсекали, им не давали выйти оттуда. У нас уже был один погибший, мы знали, и один тяжелораненый был. А остальные сидели под забором, и им не давали даже шевельнуться, их отсекали – прямо там кусок, который не могли ни пробежать, ничего. И они смогли дать информацию только о том, что им нужна помощь, но они уже отсюда сами выйти не могут.

[...] У меня был сослуживец, в дальнейшем и друг. Мы с ним шли параллельно: он исполнял обязанности командира взвода одного, а я неофициально... так получилось, что я неофициально исполнял обязанности тоже командира взвода. А потом он пришел командиром взвода в мой взвод, а я дальше (это неофициально) продолжал исполнять обязанности его заместителя. [...] Вот этот человек, я хотел бы на нем [зупинитись]... это Антон Хорольский, позывной «Хохол». [...] Мы с ним прошли в том же Иловайске сколько разных событий, сколько было... Я думал, что он вообще как бы... замороженный. [...]

И вот тогда тот же «Хохол»... Это уже мне рассказывали, я тогда рядом с ними не был... Он садится на броню танка, договаривается с танкистом, и они едут в этот укрепрайон на этом танке [підбитому], внаглую прямо. И забирают всех, вывозят. Прикрывают танком и уходят... Те бы не остались живы. Их бы все равно взяли в плен. [...] Реально, это – да, это вызывает уважение к человеку, и вообще, к воспитанию этого человека. Он же как-то сформировался. И вот именно... В обычной жизни это невозможно, нужно что-то такое за

нечто [за межі буденного досвіду] виходящее, чтобы неожиданно тебя – раз – поставили перед выбором, и ты смог принять это [рішення].

[...] Наш «двухсотый» [загиблый боець Сергій Тафійчук] там остался... Мы не знали, что с ним, но знали, что он уже однозначно. [...] Я подойду к этому постепенно. Потому что как такового захода в Иловайск... Было несколько заходов. С каждым заходом связана своя история. Нам пришлось тогда отступить, забрав раненых. И мы вышли... Уже не было ни у кого того настроения, с которым мы приехали. Все понимали, что это война и это не шутки.

«ОТДЕЛЯЛО ВСЕГО ЛИШЬ ЧТО? СДЕЛАЙ ШАГ ВПЕРЕД – И УЕДЬ...» [19–20.08.2014]

...[Удруге до Іловайська] зашли мы уже с восточной стороны. То мы с западной заходили, а теперь мы сделали попытку и заходили уже на другой день с восточной стороны. И нас, знаете, там тоже запустили, как в мышеловку своеобразную... Вообще, я так понимаю, за нами наблюдали, нас видели. Ни одного выстрела, ничего. Нам дали зайти в населенный пункт, в Иловайск, собственно говоря, а там за нами просто охотились. Два дня мы пробыли в изоляции, были на одном винограде – ни воды, ни еды, ничего. Забаррикадировались мы там в жилом доме двухэтажном, делали вылазки какие-то... Продержались два дня, потом нас... К нам пришло подкрепление – «Шахтерск», подразделение, «Донбасс», «Азов»... Все попали сразу же под шквальный огонь этих самых «сепаратистов»...

[...] Что такое противник с той стороны? Знаете, очень редкий случай, когда мы его видели. Да, иногда видели. Были прямые перестрелки, но это редкий случай. Эта война, она какая-то немножко особенная. Есть где прятаться, это не в поле – «стенка на стенку» и пошли... Где-то кто-то находится, за какими-то строениями. Либо ты мишень, либо они мишень... Сложная война, достаточно непонятная, и тем не менее, война. [...]

Поняли, что тут задержаться невозможно. Хотя были интересные моменты, которые мне запомнились.

[...] Я предложил так: я буду ездить задом [на джипі], а в моем кузове поставили, закрепили гранатомет. [...] Была такая интересная ситуация. Мы пришли в центр Иловайска уже, и тут встретили сопротивление, в двухэтажном доме. Это второй день пребывания в Иловайске... Подходим в частный сектор, и тут двухэтажный дом, особняк можно назвать, красного кирпича, красивый дом, хороший... И с одного окна наверху нам не дают дальше двинуться. Нас отрезают пулеметным огнем. Мы остановились. Надо что-то делать... Приняли решение, что сейчас выезжаем, АГСом мы его обстреляем. Но чтоб его обстрелять, нужно, чтобы он дал нам выдвинуться на точку на эту. А там точка такая... [Малює на папері.]

Улица. Дома, дома, дома... А здесь кусок – домов нет, растет кукуруза. А этот дом стоит на другой стороне [навпроти кукурудзи], и мы этот участок не можем никак пройти... Было принято решение, что тут стоят автоматчики, человек семь-восемь. А там забор был не кирпичный, а шлакоблочный. По общей команде автоматчики поднимаются и начинают обстреливать этот дом, хаотично, самое главное – чтобы не дать ему [кулеметнику] в этот момент стрелять по нам. В это время, пока они стреляли, в моем кузове сидел гранатометчик, а я спиной заезжаю и становлюсь в эту кукурузу. И задача была, когда наши заканчивают стрелять, гранатометом попасть в окно, чтобы его там уничтожить. И что вы думаете? Мы выдвигаемся сюда. Я стою секунду, стою две, я понимаю, что уже должен он стрелять. Что-то он дергает, а этот новый гранатомет не стреляет, потому что заело что-то. И вот эти секунды такие длительные... Я уже знаю, что такое машина, она «прошивается», тем более пулеметом, будешь [сидіти], тебя насквозь всего и «прошьет». И ты сидишь вот так вот и ждешь, когда ж тебя расстреляют. А потом, пока он [супротивник] не [почав стріляти], уезжаем сюда. Опять повторяем такую операцию. И так мы и не смогли отстрелять...

И как-то нужно с этим справиться, этот дом нам не дает дальше двигаться... Решили с гранатомета такого, штучного. Вышел наш один боец, Андрей Добровольский. Сейчас уже в «Днепре-1» так и слухит... Тяжелое тоже ранение получил в Иловайске. Пытается он стрелять. Что-то у него то в землю уходит перед домом, то... Не попадает. Мы пытаемся все... И тут выходит Коля «Спилберг». С первого же выстрела он попадает в окно. Все, уничтожили точку. Так вот мы продвинулись дальше. [...]

Будучи в окружении, мы слышали все переговоры наших корректировщиков и артиллерии. Вот говорят: «Наши ничего не умеют». Да ничего подобного. Там была такая ситуация. Со стороны Донецка, Харцизска, направили подмогу сюда «сепаратистам». Сказали, что оттуда идет два КАМАЗа личного состава и какая-то еще техника. БТР или что-то такое. Колонна своеобразная. [...] Сообщает координаты наш корректировщик, нашей артиллерии. Тот, который артиллерия, говорит: «Мы сейчас сделаем несколько пристрелочных...» Делают пристрелочные, а снаряды над нашей головой летят. [...] Потом 9 снарядов пускают туда, и мы слышим, тот, который корректировщик, «Кинжал» его позывной был, говорит: «Молодцы, сработали хорошо, колонны нет». [...]

Если бы они зашли в Иловайск, нас бы тогда там... Что у нас? У нас, собственно говоря, кроме АГС (и то, АГСом ты ж так особо не поработаешься в такой обстановке), ничего не было. Хотя мы до этого (я не рассказал, когда ушли с этого направления, мы дошли до центра Иловайска, до церкви, там приняли бой, и потом пришлось нам, опять же, отступать. Потому что у них уже отстроенная своя тактика. Все там разбито по квадратам, эти квадраты пристрелянные... У нас как таковой тактики не было, и мы даже не знали, как с ними, собственно говоря, бороться. Это потом уже... Там уже другая история, там уже было немножко по-другому, какие-то были планы... Это уже четвертый, пятый день. А тогда, эти первые дни, воевали, но практически воевали вслепую: они нас видят и знают, где мы, и нас отсекают этими минными обстрелами, а мы только передвигаемся, себя сохраняя. Короче, вышли мы [з Іловайська]. [...]

Построили нас, «Днепр-1». Береза сказал: «Кто не готов...» Просто... были недовольства, скажу. Было из-за чего, недовольство выражалось, потому что в организации всего этого процесса... Если воевать, то воевать. А так... быть мишенью для кого-то тоже не хотелось. А там еще получилось так, что мы дошли уже в окружение, а часть наших бойцов осталась за пределами этого населенного пункта. Там, наверно. Но ночью к ним прилетают два снаряда... Как же они называются... покрупнее, чем «Град», тоже ракеты, только... «Ураганы». Два «Урагана»... Там одного «Урагана» было достаточно, чтобы вот это все в радиусе каком-то огромном было все уничтожено. А тут два прилетели, встряли и не разорвались. И когда некоторые из наших бойцов это увидели своими глазами и нарисовали ту картину, что могло быть...

Смысл в том, что [деякі бійці] нас покинули. То есть они оставили оружие и уехали на Днепропетровск. Ну, естественно, через увольнение. Мы же не военнообязанные вообще, мы добровольцы. С нами проще. [...]

И вот интересное чувство было. Когда построились, конечно, я тоже хотел сделать шаг вперед и... Я уже увидел на себе это, как бы, почувствовал... Отделяло всего лишь что? Сделай шаг вперед – и уедь в Днепропетровск. Все... Были мысли такие: борешься... ты на грани... ты сюда... больше туда... ты хочешь...

Жити?

В. С. Да. Думаешь: «А стоит это?..» А тут выходит вот этот Коля наш, «Спилберг», он высказывает это все Березі в глаза, рассказывает все. При этом Береза говорит: «Тебя никто не держит, можешь, как бы, уехать». А он говорит: «Да я бы и уехал, но я останусь, потому что пацаны мои здесь, и я останусь». Ну, вот такой парень интересный был. О таких людях, наверное, нужно книжки тоже писать.

Я немножко останавлиюсь на нем. Настолько развитая личность была... Он, будучи в Мариуполе, мог выковать из... Там был обстрел «Градов», привезли из-под [забув назву населеного пункту]... мы тогда в сторону Таганрога ездили... Привезли оттуда осколки «Градов» – он ножи выковал. Мог горн сам сделать, раздуть. Он занимался... Его называли «Спилберг», потому что он документальный фильм снимал о «Днепре-1». Я... вот практически меня нигде нету, ни на каком видео. Я нигде не снимался, нигде не фотографировался, и будучи даже в Иловайске... Примета была не очень хорошая, что перед боем фотографироваться... Сейчас, может, и жалею, что нет меня на фото, но я никогда не фотографировался, как бы был в тени... Но Коле разрешал снимать. У него была нагрудная камера, и он с ней ходил, она все снимала, отдельно фотографировала.

Это единственный человек, которому я... был даже «за» то, что он снимает. Потому что он сказал: когда все это закончится, он сделает документальный фильм. У него серия своих документальных фильмов уже была. Но не об этих событиях. Он и горами увлекался, сам профессиональный скалолаз. Очень разносторонняя личность... И в итоге он сказал то, что сказал. И вернулся назад в строй. Отчасти тоже и такие моменты... Мне было бы стыдно, наверное, если бы я вышел. Потом, наверное, воспринимать, что ты где-то все-таки смалодушничал... Хотя очень хотелось. Сейчас, конечно, когда уже все прошло...

Да, хорошо, что и не вышел. Потому что, вот именно, прошел это. Какое-то такое внутреннее...

Задоволення?

В. С. Задоволення єсть. Я не жалею ні о чьом, абсолютно ні о чьом. Жалко толькo тех хлопців, которіє там остались... Наверное, судьба такая, от судьбы не уйдешь. Вот живем, живем... Кто-то раньше, кто-то позже...

Так. На чем мы остановились?

«24 АВГУСТА. ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ...»

Это был последний заход. Собственно говоря, мы уже зашли в Иловайск и уже не уходили. Уходили только каждый как... у кого как получилось. Но основной мотиватор был какой – у нас там остался боец. Неужели мы его не заберем? Это который «двухсотый»... Вот таким образом мы с третьего захода зашли в Иловайск, обосновались там. Нас было два подразделения сначала – «Донбасс» и «Днепр-1». «Днепр-1», мы, обосновались в детском садике, а где-то в километре от нас была школа. В школе обосновался «Донбасс». Мы там несли дежурство, делали прочесывание этой стороны... Правая сторона, та, в которую... мы сначала входили в нее... она полностью принадлежала «сепаратистам». [...]

Мы подобрались как раз к тому укрепрайону, к которому мы сначала по прямой шли, обходили... И вот наконец-то было принято решение штурмовать этот укрепрайон, потому что он все время ж был их. А это пришлось решение на 24 августа, День Независимости... Только мы первую попытку сделали 23-го. Попытка была неудачная: нас оттеснили минометным огнем, мы отступили. [...] У них поддержка была... Если в самом Иловайске их сил не так много было, то есть мы могли им противостоять, то от Моспино (там окружающие населенные пункты ближайšie, до них 20 км, 15 км), Харцизск... и вот оттуда велись все обстрелы – из Моспино и Харцизска. И они могли корректировать, тот же «Град»: дают координаты, где мы находимся, и по этим координатам... [...]

Штурм 24 числа. Я вам скажу так: такого адреналина я не испытывал

PORT MARYPOLY

никогда. Наверное, вот такие моменты, они чего-то стоят. Ты психологически и физически... ты уже подготовлен ко всему, к любому развитию событий. То есть тебя уже бой не страшит, ты уже знаешь, куда идти, тем более уже конкретная работа. И вот – «Вперед! Вперед!» – и мы идем по этой дороге. Дорога абсолютно простреливаемая. То есть они нас отстреливают, но как-то это, я же говорю, на адреналине все... И вот вдоль дороги сидят эти вновь прибывшие хлопцы. [...] К нам присоединились уже подразделения «Свитязь»... «Херсон» и из Западной Украины кто-то, еще ребята были. [...] Получается так, что машина уже бесполезна. Мы свой весь боеприпас уже расстреляли, и машина – это просто мишень. Я это понимаю, поэтому машину я бросаю (я ее на обочине оставил), и я иду уже как обычный боец, с автоматом. И так продвигаемся. И я раз иду – а они сидят все. Так сели и сидят. [Показуе, що сидять зіщулившись.] И я их начинаю поднимать. Они делают вид, что встали. Я прошел дальше, я поворачиваюсь – а они опять сели. И вот я когда увидел эти глаза, эти расширенные зрачки – я понимаю, что у них просто ужас... У них этого еще не было... И, конечно, их можно понять.

И вот мы идем, а там, получается, примерно выглядело так. Эта дорога, по дороге шли-шли-шли, и вот тут укрепрайон сам находится. Это здание железной дороги, они там занимались ремонтом. Тут узел железной дороги, а это здание, оно пятиэтажное, и вот здесь они забаррикадировались. Но чтобы подобраться к этому укрепрайону... Здесь еще блокпост прямо на дороге. И этот блокпост нам отсекает дорогу. Основная задача была взять этот блокпост... И вот когда этот блокпост взяли... есть видео даже... Они не ожидали, что мы пойдем так резко. Они отступили и оставили все, даже чайник стоял на костре, и оружие брошено, ракетная установка. Интересно было, конечно. И там, на территории этого блокпоста, землянка была. Как в войну землянка, внешне так же выглядит, но я только понял потом, что это за землянка. Когда... Во-первых, заходить в землянку было опасно. Я туда бросил гранату. Граната когда взорвалась, то пламя от землянки метра на 4 выходило. А землянка осталась целая. То есть там, по всей видимости, был боеприпас. И это было неожиданно, конечно. Но это нужно было. И вот эта землянка была залита бетоном. Они подготавливались там серьезно. Это не землянки, которые в Великую Отечественную...

А потом следующий заход был – нужно брать было это здание. Здесь стала у нас БМПха, и она обстреливала, сколько можно, это здание. Обстреливали-обстреливали... И мы понимаем, что его нужно штурмовать. По прямой пойти по дороге – мы как мишень, это не годится. А вот так вот – дорога, тут ворота, и тут, как оказалось, наш боец [загиблій] так и лежал все время. Его никто не убрал. А с другой стороны ворот лежал их боец, «сепаратист». Они даже своего не убрали. Представляете, за столько времени! Уже такой, распухший. [...]

Была организована штурмовая двадцатка. Я тоже вошел в эту штурмовую двадцатку, это, опять же, все добровольно. И мы пробрались под прикрытием этой зеленки, зашли сюда, где танк. Я рассказывал, оттуда заходил наш танчик, и когда забирал раненых, он здесь нам проделал, подготовил дорогу, проломил ее, и мы по вот этой просеке сюда зашли с задней части двора. И сделали уже зачистку этого здания. Здание мы взяли. Я потом остался на сутки в этом здании. У меня был четвертый этаж. Мы все расположились на своих этажах и ждали подкрепления – когда же... [...]

Адреналин – это было нечто. Я такого ощущения не испытывал ни до, ни после. Это было, конечно, супер. И ждали. Думаем, вот сейчас войдут наши подкрепления, мы оставим им эти объекты, они должны закрепиться. А мы двинемся дальше. Собственно говоря, Иловайск... Было четкое понимание и желание идти дальше, и взять это все. Но мы продержались там сутки, потом начались обстрелы такие... здание ходуном ходило... В этом здании была вместе со мной ныне народный депутат из «Днепра-1»... Парасюк Вова. Но так мы и не дождались подкрепления, нам пришлось отступить оттуда. Отступление было не очень приятное. [...] Такой обстрел был, что больше с нашей стороны назвать то, как мы оставляли объект, – бегство. Реально, мы не знали, что в этой ситуации делать. Ждем-ждем-ждем, а нам никто ничего вообще никак...

Вышли мы с того здания. Отступили. И тогда мы... Оказалось, что возвращаться нам некуда. Тот садик, который мы как бы заняли... В то время, пока мы были заняты штурмом вот этого района, было нападение на детский садик. Детский садик отбили, хорошо, что без пострадавших, но там и сгорело... То есть нам уже возвращаться некуда было, и вернулись мы в школу, к «Донбассу», все вместе там. Первая ночь пребывания в этой школе показала, что... Ну, мы тогда знали, что, во-первых, мы уже в окружении, в двойном кольце. Мы понима-

ли, что мы уже обречены... Но как-то так... Хотелось выйти, но такой чтобы сильно паники... Не было паники, потому что уже остались чисто те, которые прошли это уже все. Но хотелось, хотелось выйти как-то.

И вот ночью, ровно в 12 часов ночи... В этой школе, в «Донбассе», мы спали в спортзале, а спортзал в полуподвальном помещении расположен. [...] Только я глаза закрыл, наверное, минут 10 так... Чувствую, что отключаюсь хорошо так поспать, и тут я чувствую, как от меня так уходит земля, движение такое... Оно все одновременно... Долго, может, буду рассказывать, но было все очень быстро... Глаза открываю – огненное такое зарево... окна распахиваются, все вылетает, стекла... Ты ж сразу не понимаешь – ты ж спросонья, – что происходит, но так светло стало... Я смотрю на потолок – а на меня потолок падает... Это потом уже... Кстати, организм работает в таких ситуациях очень слаженно... Мое движение было – я вижу: потолок падает, кусок потолка, и большой достаточно, – я делаю движение, группируюсь и отскакиваю. И на мое место падает большой слой штукатурки... Он бы не убил, конечно, меня, но просто было бы неприятно. Это вот так вот здание ходило... Это школа старая, серьезная, со стенами огромными. [...]

Когда вышли на улицу, техника, которая еще была целая... уже техника уничтожена, все горит... [...] Страшные картины, конечно, развернулись перед нами, потому что были раненые уже, были и убитые. То есть те люди, которые оказались ночью дежурные там, попали под огонь... [...]

Я больше в подвал не пошел. [...] Мы спали сидя, можно это назвать, в коридоре школы, в средней части... Я говорю: «Тут хоть как-то мы... А там если завалит это все, мы оттуда и не выберемся». И вот мы, полусидя... Холодина какая-то, хоть это и август месяц, холодно... Взяли на себя то, что было, втроем натянули, друг друга грели, и вот так дождались... Я с трудом дождался рассвета. Я говорю: «Все, я больше не могу. Надо идти уже то ли чай пить, согреться...» И пошел я посмотреть свою машину, потому что моя машина... Я ее оставил на соседней улице. Хорошо, что не в школе там. Пришел, посмотрел: все нормально, машина целая. Я остался доволен. Уже светло было. [...]

Когда возвращался снова в двор, вот эта моя эпопея подошла к финальной развязке. Я как бы вкратце вам рассказал, как мы входили в Иловайск. Как мы примерно там... чем занимались. Это конечно,

целая история. Есть книга «Иловайский дневник», и вы можете ее посмотреть. Там описано все подробно. Но вкратце я рассказал свою эпопею. Здесь начался уже тот минный обстрел, который корректировщик корректировал. Та мина, которая первая была, она была просто пристрелочной. Я ее тоже поймал. [...] При этом – да, оглушило, да, метра два пролетел, упал на колени, встал, отряхнулся, попробовал – все целое. Удивительно. Думал сначала, что снится. А здесь вот стоят у нас люди и смотрят. Оказывается, и сзади человек стоял. Этот мне уже потом рассказал, где она взорвалась. Подхожу ближе, а здесь стоят же хлопцы, и тут стоят хлопцы... Говорят: «Ну-ка повернись». Я поворачиваюсь – у меня в спине осколок мины торчит, то есть он в бронжилет... Но чудом... другое все целое. Ни царапины не было... Мне выгаскивали с броника просто этот осколок...

«ТОЛЬКО ТЫ ЗНАЕШЬ, ЧТО ТЕБЕ НУЖНО»

У каждого своя судьба. Мы с ним [з Антоном Хорольським] прошли в том же Иловайске сколько разных событий... Сколько было... Я думал, что он вообще как бы... замороженный. И снайпер не брал его, ничего. А в итоге в тот момент, когда и меня ранило, один осколок в сердце – и все. [...] Наверное, шел до какого-то момента, какую-то миссию выполнял, а потом все закончилось. [...] В то же время у меня получилась совершенно другая история... Я четыре мины принял на себя, каждая по очереди. [...] Нас осталось в живых только здесь двое. Там тогда человек семь погибло. Кто-то скончался позже...

[...] Конечно, очень сложный момент – это сам процесс, когда в тебя... Каждая мина – и ты получаешь очередное ранение, тебя швыряет. [...] До стены было метра два, эти два метра я, как пушинка, пролетел, и об стенку меня просто размазало. При этом страха не было вообще. Был не страх, было такое удивление... Удивление наступило, когда... когда я на земле уже, меня ударило об стену, и я упал. Потом я пытаюсь встать, и я понимаю, что у меня ноги уже... ну... все... ног у меня... [не відчував ніг]. Я не знал, что с ногами. Но я вставать... Все, у меня ноги не работают. Единственное, что оставалось, – это ползти. Инстинкт самосохранения работает.

Первое, я хотел сказать, ощущение... такое ощущение... Ты думаешь: «Ни фиги себе...» Какое-то такое... не страх. А вот потом – да, потом второй [взбух]... Тут страх, что может быть и третий, и четвертый. Каждый взрыв приносит тебе какие-то эти... Второй взрыв, и я понимаю, что меня там [поранило]... сюда, туда... Ощущаешь, оно горячим таким тебя... После второго я уже полз только с одной рукой – мне уже и руку еще перебило. Гребешь, гребешь одной рукой – тяжело вато...

А третья [міна] там вообще особая. Вот тогда уже страх был. [...] У меня последнее ранение – это было шея, и я понимал, что... Уже я понимал, что после таких ранений не остаются... Шея была пробита, я понимал, что она насквозь пробита... Меня просто уже заливало. Я не знаю, что там произошло дальше, это уже технические вопросы, но что-то произошло, какое-то чудо, что где-то там, внутри... что-то остановилось. [...] Страх, потому что ты уже понимаешь: это – конец. Но – выполз. [...]

Да, инстинкт самосохранения, конечно, срабатывает очень серьезно. Я на себе проверил. Даже если ты понимаешь, что это – все, ты все равно работаешь над собой. [...]

Потом уже хлопцы меня подхватили, я еще подполз немного, затащили туда, и в школе начали оказывать первую помощь... Уже одного хлопца, который оказывал ее, уже нет. Другой сейчас, Саша, по позывному «Док», он начальник райотдела во Львовской области. Так я говорю... Сначала вроде ты уже все-все, уходишь, но тут ты понимаешь – вот твое спасение как-то пришло. Ты понимаешь, что ты можешь повлиять на это все, и только ты знаешь, что тебе нужно. Я начал командовать даже. Я говорил, что мне надо сделать. Я понимал, что ноги у меня... Я чувствовал, что они все мокрые. Я не знал, что там как, но их в первую очередь нужно перетянуть. Я говорю: «Жгут у меня здесь...» А они тоже контуженые, не слышат, оказывается. Они бегают, ищут жгуты, а у меня жгут лежит... Нашли жгуты, позатягивали ноги. Руку я сам зажал, чтобы оно не это самое... ничего не текло.

И вот таким образом меня волоком взяли и потащили вниз, в тот же подвал, и там девчата. Спасибо, конечно, медикам «Донбасса». У нас даже медиков своих не было. Честно скажу, у нас прорехи были очень большие в «Днепре-1». И девчата оказали первую помощь, наложили вот эти, европейские уже, жгуты, позатягивали все... как можно. Так

я пролежал восемь часов, если не больше. Понял в один момент, что я руку потеряю, потому что перетянули кровоснабжение. Это ж не два часа. Еле упросил их, говорю: «Отпустите» [джуги]. Они говорят: «Мы отпустим – ты истечешь кровью». Но упросил, чуть как-то ослабили. Наркотиками обкололи... [...]

Меня загрузили в микроавтобус «спринтер», без окон, без дверей. Нас было там три человека. Грузили вот так вот: подняли, положили туда. Мы начали выбираться по этим полям... Пылища такая, что в салоне ничего не видно. Спасибо бойцам «Донбасса», опять же. Ребята просто самоотверженно, рискуя своей жизнью... [Розмову перервали відвідувачі.]

Потом нас перевезли в соседний населенный пункт. Там, в этом населенном пункте... До него, может, 20 км, полями нас как-то возили, возили... Выскочили сначала на «сепаратистский» блокпост, потом начали отступать...

Тут я начал тоже... Немножко начинаешь нервничать. Ты чувствуешь, что спасение где-то рядышком. Хотя я не понимал, как мы вообще отсюда выберемся. Уже знали, что мы ж в кольце. Привезли нас в этот... [село] Многополье. Там в одной из школ располагались наши медики, хлопцы, и они оказывали помощь раненым. И привезли нас, разгрузили, занесли в спортзал. И нас в спортзале... все «трехсотые», каждый по-своему раненый... но оказали первую помощь. Если тогда меня поперетягивали и все, то здесь начали развязывать. Первый раз потерял сознание. До этого даже сознание не терял, а тут, видно, потеря крови уже была большая, и когда вытаскивали с этого самого [з машины] меня... и очнулся уже в спортзале. Давай спрашивать ребят этих: «Что с нами дальше? Куда нас отправят?» [...]

Сказали, что «возможно, вас отвезут в больницу Иловайска». Это было вообще такое что-то страшное... Дело в том, что больница Иловайска находится на «сепаратистской» территории. Это вообще... Я не понимал, как это... Я был очень зол. Я высказал это хлопцам. Понятно, накипело... Ползком, но я поползу в другую сторону. Туда точно нет. Потом он подходит ко мне и говорит: «Все нормально. Вас будут пытаться вывезить на [...] Волноваху». Нас повезли. И вот тут вот начинается такая... Страх был, настоящий страх. Потому что нас загрузили, был «Урал», была «скорая», но меня... Я был в «Урале». Нас штабелями вот так загрузили, и мы стоим – и никуда не едем. Не

двигаемся, а обстрел... Мы слышим: мины не прекращают падать, и они приближаются к нам... приближаются... приближаются... Паника у людей. Не выдерживают. Они понимают, что они прошли уже что-то, до спасения осталось совсем немного, а никуда не едем, стоим, ждем, когда эти мины начнут прилетать. Там, конечно, наслушался я много. Но потом мы поехали.

Я не знаю, почему не давали команды на выезд. БТР был, сопровождение, две «скорых», по-моему, и «Урал». И такой колонной мы двинулись. А дальше... Я как водитель мог догадаться, куда мы едем. Но меня начали напрягать моменты, что мы уезжаем в другую сторону, – мы на российскую сторону, влево и влево, заворачиваем. У меня уже создалось такое впечатление, что нас везут сдавать. Всякое в жизни бывает. Не веришь особо никому, а мы уходим... Я понимаю, что мы уходим не туда. Вместо того, что мы два часа должны были до этого населенного пункта ехать, два с половиной, а мы больше четырех часов ехали. И все это по полям, по полям. Проехали два блокпоста, уже не наших, два обстрела по нам было.

Выглядело это так. Наша БТР едет впереди колонны, они начинают их обстреливать – нам дорогу пробивают. Пока те где-то спрятались, колонна пролетает, нам вслед те начинают стрелять. Вот таким образом нам удалось оттуда вырваться. То есть два круга оцепления уже было тогда, но мы проехали. И вот привезли нас в этот... [в Волноваху]. [...]

[Пізніше поранених бійців перевезли до шпиталю, який розташовувався поблизу населеного пункту Розівка.] На границе с Запорожской областью и Донецкой сделали в поле, в Розовке... не в самой Розовке, а прямо в полях там... военный госпиталь. И вот я посмотрел, что такое военный госпиталь, уже изнутри. Когда палатки стоят, ну кто его знает... Я был уже в госпитале, когда привозил [поранених], но не заходил же внутрь. Когда попадаешь туда – а там все стерильно. Оборудование современнейшее. И вот когда мне делали эти самые... это был первый наркоз. Когда меня привезли, они что-то между собой посоветовались и решили, что будут делать операцию прямо здесь. Это была первая операция. Их потом было еще три разных. Мне понравилось, что у нас это есть, в военных условиях все отлажено, все работает. Работала там группа как раз одесситов. Они с юмором, с ними не скучно. [...]

«СТРАННО ВСЕ ВЫГЛЯДИТ... ТЫ ПОНИМАЕШЬ, ЧТО ЛЮДИ СЮДА ВЛОЖИЛИ НЕ ТОЛЬКО ДЕНЬГИ...»

Що було найстрашніше для вас на війні?

В. С. Самое страшное было – это когда ты беспомощный, ты без оружия, ты не можешь никуда бежать, никуда прятаться, и ты понимаешь, что тебя просто... ситуация управляет тобой... Вот это – самое неприятное и самое страшное. Когда ты не влияешь на ситуацию. Это вот когда ты становишься, типа, овощем уже... Мозги-то соображают, ты все понимаешь, а наблюдаешь только глазами, как говорится, потому что даже личное перемещение у тебя уже становится тяжелым. Ты – овощ просто. И вот это очень страшное такое... И что ты в этой ситуации можешь сделать? Да ничего.

Що в діях супротивника викликало у вас гнів?

В. С. Гнева не было. Это же все-таки война. Они с той стороны, мы с этой. Гнева не было, непонимание было. Когда... Я вам говорил – что они даже своего [убитого] не убрали. Мне это непонятно. Ладно, там, наш. Это ж сколько... с 18-го по 24-е число. Своего-то можно было убрать...

Чи були у вас полонені?

В. С. Были. Корректировщик был. Потом у нас... Когда мы этот укрепрайон захватили и одного поймали. [...] Вопрос сразу: что он делает здесь в момент боевых действий? Прямых доказательств, что он корректировщик, нет. Но и отпускать его тоже нельзя было. Мы его лишили свободы перемещения, он был закрыт в этом здании вместе с нами. Но когда мы здание покинули, мы его оставили. [...] Мы его просто закрыли. Все равно он выйдет, как только... Ничего ему не сделали...

Що це була за людина?

В. С. Как такового допроса мы ему не устраивали. То, что он нам сказал, я думаю, это неправда. В такие моменты он может говорить все что угодно, для спасения себя. Назовем его... Був місцевий, який раптово попав в зону... [бойових дій]. Хотя я сомневаюсь в этом. Ког-

да конкретно в этом районе идет конкретное боестолкновение, что там делать? Туда идти нечего. Он, наверное, имел какое-то отношение. Возможно, он был и корректировщиком. Он не был пойман за какими-то действиями. Он просто находился на этой территории, и мы его задержали...

З місцевими у вас контакти були?

В. С. Были. Мы когда расположились в детском садике, они к нам приходили. Мы ж там, типа, свой лагерь расположили. Мы им даже помогали продуктами.

Розкажіть про цих людей.

В. С. Это были местные жители, которые не оставили Иловайск. Мало того, они находились во время бомбардировок... В детском садике было бомбоубежище, подвал... И на ночь все они туда сходились, потому что Иловайск постоянно был подвержен бомбардировкам. И те, кто желал, люди... большинство, приходили туда и ночь проводили там.

Разом із вами?

В. С. Да. Ну, мы их закрывали и выставляли своего [вартового]... А днем они спокойно перемещались рядом с нами. Конечно, мы... Какое-то опасение было, потому что могли быть и... мало ли кто. Да и наверняка находились. Там жили и женщины, и мужчины, там не то что были одни старики и дети. [...] С мирным населением у нас нормальные отношения были. Не было каких-то там... И к нам они... Я не знаю, что они думали на самом деле про нас, потому что все-таки обработка [пропагандою], она влияет, но так все нормально было. Запомнился один случай такой. Нужно было одну бабушку подвезти к этому, к убежищу, а до него было метров 300, а ей, наверное, лет 80. И я ее подвожу, а она рассказывает... Говорит: «Я ничего не хочу. Мне не надо высоких пенсий, ничего. Я хочу, чтобы вернулось, как было до того. [...] Я просто хочу, чтобы было спокойно». И вот она плачет, я ее везу. А что я ей скажу? Сказать нечего. Но устами этой бабушки было проговорено, что само население... не все ж там «сепаратисты»... Они тоже от этого устали. А сейчас, я так понимаю, что еще [більше втомились]... Может быть, тоже своеобразная наука на будущее. Не очень хорошая, конечно.

Вообще странно все выглядит. Я в Иловайске, я не говорю, что очень много, но пробыл какое-то время. Дома стоят. Хорошие дома. Ты понимаешь, что люди сюда вложили не только деньги, а и свою душу, правильно? Мы, каждый, стремимся свой быт развивать. Вот заходишь – там дом. Там и машины в гаражах стоят, и магнитофоны, и все прочее. Просто стоит. И все брошено, просто уехали. Куда уехали, непонятно. Но сам факт, что уехали... И это страшная вещь. Рядом с детским садиком вообще дом был, а там заходишь – видно, что хорошо сделан. Там не огород, а травка растет, плиточка выстелена, беседка. Дом деревянный, со сруба сделанный. Баня. И все, хозяина нету. Это, конечно, страшная вещь.

Так вот посмотришь – не хотелось бы, чтобы оно пришло к нам. В общем, конечно, дико, и вызывало... Первый шок у меня был, когда я, уже будучи в Мариуполе, уже в каких-то мероприятиях... 9 августа у меня был первый отпуск. На пять дней я вырвался сюда. Приезжаю сюда и смотрю: тут же ничего не поменялось. На набережной люди на травке гуляют. У всех все хорошо. А когда уже приехал в Мечникова, то салюты кто-то... Ну, это вообще уже такое впечатление... Я, наверное, с неделю не мог освоиться, что я уже в мирной жизни. А потом даже... Уже я передвигался из больницы домой... Там возле «Каравана» стоишь... Первое, что я делал, – я смотрел на высокие точки. Я снайпера искал. Потом себя ловишь на... стоп! А оно ж как-то совсем по-другому все. Ты привык к чему-то, а еще с новой жизнью ты не освоился. А потом привыкаешь. Сейчас я абсолютно мирный и спокойный житель. Вот остались только сейчас эти воспоминания, а так все как было раньше. Я сумел с этим освоиться. [...]

Як ви змінилися? Всі ці події вас якось змінили (цінності, поведінка)?

В. С. Да. Раньше жил больше планами на перспективу, а сейчас живу одним-двумя днями. То есть вот сегодня получилось так – и хорошо. Получится поехать на отдых куда-то завтра – прекрасно вообще. Супер. То есть я не откладываю теперь на слишком длительный период. «Через пять лет мы достигнем того-то...» Вот что будет через пять лет... В мае будет три года, как я пошел [на фронт]... За эти три года столько изменилось... О чем я могу говорить, что будет

через десять лет? Нет, мы планы не можем строить. Мы можем желать чего-то, но на самом деле, как все это будет получаться – большой вопрос. И не от нас все зависит. Некоторым достаточно одного случайного осколка, а другие... Это основное, что наложилось.

**Розмову провела Ірина Рева
18.01.2017**

P. S. Після лікування та проходження реабілітації Віктор Савченко реалізував свою юнацьку мрію – став поліцейським. Він працює в Управлінні патрульної поліції м. Дніпро.

28 серпня 2014 р., Іловайськ. Д.Бойко (посередині, дивиться в об'єктив) з бійцями полку «Дніпро-1». Не всі повернулися, хто є на цьому фото

**«У РОСІЯН ДУХУ МАЛУВАТО.
БО ВОНИ НЕ ЗА СПРАВУ,
ВОНИ САМІ ЦЕ РОЗУМІЮТЬ»**

**Інтерв'ю з бійцем полку «Дніпро-1»
Дмитром Бойком**

Дмитре, ким ви мріяли бути в дитинстві?

Д. Б. В дитинстві, коли всіх запитували в садочку: «Ким ви хочете бути?» – казали, там, «космонавти», «пожарники», «міліціонери»... Я завжди казав, що хочу бути депутатом. Мені це так подобалося... [Дмитро Бойко говорить про дитячі мрії з посмішкою – у 2015 році його обрано депутатом Кіровської районної ради в місті Дніпро.]

Розкажіть про себе. Звідки ви? Хто були ваші предки?

Д. Б. [...] [Дмитро соромиться і просить літературно підкоригувати його українську мову.] У мене діалект трохи... Я детство провів в Харьковской області, у бабуськи, а там не чистий український. Так би уже, может, на украинском так и говорил бы хорошо, но у меня все время этот диалект харьковский. [...]

[Далі респондент переходить на українську мову.] Зараз кажуть: «Північ, південь, захід, схід – українців повен світ!» Я думаю, що це і про Бойків теж. [...] Колись, коли мені було років шістнадцять, ми з батьками поїхали до прадідусів, прабабусь, до тіток, дядьків на Західну Україну. І в яке село не в'їжджаєш, у яке місто – десь є якась тітка, якийсь дядько, троюрідні чи двоюрідні. Дуже багато. Велика сім'я. Жалкую, що це тільки було раз. Але маю надію, що колись буде багато грошей – поїду, всіх провідаю, всіх побачу...

«ЛЮДИ ЗА ТИСЯЧУ КІЛОМЕТРІВ ЖИВУТЬ ЗОВСІМ ІНШИМИ ПРИНЦИПАМИ»

Гарна ідея. Людinin важливо знати своє коріння...

Д. Б. Яка у них мова там! «Тіпчик», «тіпочка» – це «чоловік», «жінка»... Нас ще тоді [перед поїздкою] лякали: «В магазині, якщо на руському сказав, тебе не продадуть... Пошлють тебе...» А це неправда. Заходив я, на російській мові там... Люди мене вразили – дуже доброзичливі, такі відверті, ніякої ненависті. Зовсім інакше. Я розумію, що пропаганда... досі вона працює. Післярадянська. Принципами іноді живемо тими. Це все треба змінювати... Люди за тисячу кілометрів живуть зовсім іншими принципами: там родина, там Україна... У нас тут трошки воно... інакше. [...]

Не в тому справа, що Росія близько до Донбасу, далеко від Львова, а в тому, що інакші принципи в тих областях. Той самий Крим... От і вийшло так... Хоча, бачите, Дніпро не дали. Дніпро відстояли. Я активну теж участь брав. І Євромайдан тут, наш, всі «віча» [відвідував]...

Розкажіть, що ви робили під час Євромайдану.

Д. Б. Я тоді ще працював. У мене були й нічні зміни. Трошечки я прогавив, як воно все пішло, але там сімейні проблеми були трошки. А потім зачепило. Почнемо з того, що проти були приходу Януковича. Це був жах, коли Ющенко передав владу Януковичу. Жахливо.

Ви брали участь у Помаранчевій революції?

Д. Б. Авжеж. Хоча тоді вісімнадцять років було, це така була хвиля... позитиву такого... віри в краще. І тут... жахливо, сталося таке. Минув рік, і такі пішли настрої в людей... «Щось буде... Щось буде... В скором часі щось відбудеться, бо так теж не може довго іти...» Особливо після того, як дівчину міліціонери згвалтували, побили...

Врадіївка.

Д. Б. Да, да... Коли пішла революція, остеронь не лишався, приймав участь і на Європейській площі у нас. Правда, не потрапив, коли там розганяли. Вже коли біля пам'ятника Чкалову... [...] Кожну неділю «віче». Я з батьками, усіх друзів згуртував, приходили. А 26 січня, коли біля ОДА було [зіткнення], 14-й рік, теж зранку... Після «віче» ми всі пішли. [...] Все льодом було вкрито, тоді водою так полили обільно... [«Регіонали», обливаючи українських активістів крижаною водою з пожежних машин, намагалися не дати їм підійти до ОДА.] 15 градусів морозу було. Люди сіль поприносили з «АТБ», яйця...

Посипати сіллю кригу?

Д. Б. Так. Правда, тим ніхто не займався, все швидко якось так відбулося.

Ніхто не займався..?

Д. Б. Не посипали, ніколи було. Поливали там із пожежної машини [землю, щоби намерзала крига]. «Весело» було... Але під вечір, звичайно, як стало гаряче, коли вже обійшли з правого боку, почали підходити ми більше до центрального входу. Коли вже з трьох боків почали нас... від ОДА, по Комсомольській тоді ще [сучасна вул. Старокозаць-

ка], з лівого боку, з правого... Тоді, звичайно, пішло вже... заміс серйозний. Я пам'ятаю міліціонера як роздягали... Мені його так шкода стало. Кажу: «Вставай, іди звідси». Із нього щитки познімали, каску... Щоб не побили. Щоб не прибили людину – теж, звичайно, шкода.

Він чимось це заслужив? Чи просто під гарячу руку попався?

Д. Б. Вони стали кордоном на дорозі. Тоді якраз і пожарка од'їжджала, там трошечки побили пожарку ту... Їхала пожарка, ми їх так трошки відтіснили під центральний вхід до ОДА. Стояли, стояли. Вони в нас кидали, ми в них той сніг. І вони [міліціонери] пішли в атаку разом із тітушками. Загнали нас сюди, де зараз «Укроп» знаходиться, туди трошки нижче... Потім ми почали наступати, і вже потім, коли вони назад бігли, хлопці наші бігли на них, то почали їх бити. А вони з держакими були. Пам'ятаю, позабирали держакими... З «Епіцентра»... з наклейками... Хтось масово закупив, роздав їм ті палки, і вони нас намагалися ними бити.

Є паралель... Вони там за гроші були, а ми за ідею. Так само в зоні АТО, в Іловайську, стикався я з росіянами, і в полоні був...

З росіянами стикались?

Д. Б. Да, да, з росіянами. Притому з кадровими. Кадрові росіяни, які призвані на службу... Є одна паралель між тітушками і ними. Духу в них малувато, нема в них духу. [...] Нам хотілося, ми не боялися. Ми не боялися дуже. [...] Росіяни, вони більш продвинуті були в зброї і, може, десь агресивніше себе вели через надлишок боеприпасів. Та коли вже отак поспілкувалися, коли там був у полоні... Я мав дуже важке поранення, і від безсилля, від великої втрати крові вже діватися було нікуди. Окрема історія, трошки пізніше розкажу... Коли вони бачили танк, то в них починалася істерика просто... А виявилось, що то – їхній танк.

Розкажіть детальніше, за яких обставин ви це спостерігали.

Д. Б. Це пов'язано з виходом з Іловайська. Коли 29 серпня ми виходили, колона. Вишикувались і пішли. Але слова вони свого не дотримали, і почався невеличкий обстріл 120-ми мінами. Але колона рухалась, бо був наказ іти вперед... [Замислився.] Дуже довго [розповідати]. Може, давайте про сам момент?

«У ВАС ЦЕ НАЗИВАЄТЬСЯ “ЗЕЛЕНИЙ КОРИДОР”, А В НАС – “ВОГНЯНИЙ МІШОК”»

Розкажіть, цікаво...

Д. Б. Було видно здалеку, що в полі бугор і декілька людей стоїть, декілька мінометів, вони обстрілюють [нашу] колону. Але ми йшли. Коли пройшли перше «кільце» [оточення], уся дорога була через поля... Там поле, посадка була. Скільки очі бачили уздовж посадки, вони були окопані – росіяни... Всі виглядали як один – як буряти, як якути оті всі. У всіх однакова форма, зброя, автомати такі, яких у нас немає, я таких не бачив. Вони так нам, улыбаючись, махали ручкою. Ми коли проїхали, так аж трошки: «Фух, невже пройшло?» І, буквально, ми тільки проїжджаємо поле, із другої посадки пішов обстріл – з усього, з чого тільки можна. І з тієї сторони, і з цієї – загнали нас, виходить, у два «кола». Навіть коли був я в полоні, там майор... Полковника батальйону вбили...

Майор наш чи їхній?

Д. Б. Їхній, російський. Полковника вбили, і майор прийняв на себе командування під час бою. Він казав: «Ми вас тут вже два дні чекаємо. У вас називається це “зелений коридор”, а в нас називається “вогняний мішок”». І стояла команда, щоб до 5-ї години вечора «зачистить» усіх, щоб не було навіть поранених. Але велика подяка, я думаю, всі хлопці зо мною будуть згодні, безперечно, Всеволоду Стеблюку з «Червоного хреста». Це людина, яка витягла нас звідти, поранених... Якщо я не помиляюсь, 83 людини... Вони там із тим майором зійшлися на якихось окремих темах – що діди в фінській війні воювали. Йому [майору] велика дяка, що дозволив збирати поранених, які вижили, і в себе на позиції залишати. Що дозволив, щоб «Червоний хрест» приїхав, 30 числа, після 3-ї години дня, вивіз нас. [...]

Давайте повернемося. Вас загнали у «вогняний мішок». І що було далі?

Д. Б. ...Дві маршрутки було в нас, «фольксваген», по типу «спринтер». На одній за кермом їхав я, на другій їхав Рома, зараз мій кум, меншої дитинки [хрещений батько]. Перша моя [машина] їхала, за мною їхав Ромчик. Віз я хлопців наших, «Дніпра-1», 15 чи 17 чоловік, але коли там обстріл був... перед тим як нам «сепари»... москалі, короче... ішов обстріл... Впала міна поруч, кушпиль такий піднявся. Ми

ще п'ять метрів проїхали, і машина зупинилась – у двигун попало. Я спробував завести, але вона не заводиться. Я сказав: «Виходимо, хлопці, і сідаємо всі на попутний транспорт». Я якраз вибігаю, останній... Хлопці вже застрибували на БМП, на БТР... Якраз Рома – я до Роми. Зупинив його, сів, там уже і наші хлопці були, багато. А він відвозив «Світязь», батальйон. Луцькі хлопці, досі його хлопці пам'ятають... І оце ми поїхали далі, проїхали москалів, розвернулись. Там така посадочка йшла, уздовж цієї посадки ми їхали. Уздовж посадки вони стріляли і наші танки там били. Міни падали. Щільний дуже був обстріл. Попереду нас їхала БМП... Страсті розповідати чи не треба?

Розповідайте.

Д. Б. Їхала БМП. Знаєте, зверху сидять там людей п'ятнадцять. І пряме попадання... У посадці була така просіка, вони хотіли уйти за посадку від вогню... Тільки БМП повертає – і пряме попадання з танку... Ясно що. Нікого в живих... І БМП перегороджує заїзд. Тут я чую – вже по маршрутці цокотить. Дуже багато машин почало скупчуватися, почали вибухати. Ті не можуть стріляти у відповідь... Я кажу хлопцям: «Всі виходим, переходим на ту сторону посадки». І ми тільки вийшли, всі перебігли... Ми забігаємо в посадку – і летить двигун із капотом... Є відео «Чорного тюльпана», де наша маршрутка стоїть, розірвана вся... Вчасно ми вийшли.

Там було поле соняшнику, і то теж приходилось там застрибувати на все, що тільки можна, пішки йти. Коли проїхали вже поле, зупинились, всі почали трошечки збиратися... Радились, куди їхать... Яюсь так вийшло, що я загубив – і Рому загубив, і хлопців загубив. Бачив, як виїжджає БМП, МТЛБ, 131-й «ЗИЛ». Я махнув – сів на МТЛБ, на другу машину, і ми поїхали по трасі, по дорозі, поїхали перші... По праву сторону такий як бугор... я не знаю, що воно, великий... Як виявилось, там була дислокація москалів, танчик у них там стояв. Дорога виходила так... Одна [дорога] йшла прямо вздовж цього бугра, вони там на підвищенні були. І вона так уходила, завертала ліворуч, повільний-повільний той поворот був. Згори почав вестися вогонь по нам, танчик стріляв... Позаду нас їхали, трохи далі, і МТЛБ, і БМП. Так і не доїхали – їх там танчик розстріляв. Техніка, на якій ми їхали, почала повертати, щоби вийти з-під цього вогню. Але виявилось, що і з цієї сторони стоять, теж стріляють – там блокпост москалів.

У якийсь момент відчув, що запекла рука... Глянув на руку, звичайно... [не знаходить слів] Болю не було... пальці стирчали в різні

Лікар-волонтер Наталя Зубченко,
наука якої врятувала Дмитрові життя

боки... Тільки повертаю голову, дивлюсь, що хлопці теж там... Просто розстрілюють їх... Вони там намагаються щось, але... Троє жовті летять, там снайпери... Вийшло, що я впав. Упав на землю. Проїжджав 131-й «ЗИЛ» переді мною, вже на броні нікого не було, не сиділи... Всіх розстріляли... І бачив, як 131-й «ЗИЛ»... Так летить – ф'ють-ф'ють – із кулемета, все... І в якийсь момент – бабах! – і повністю все розлітається... Ну що...

Що вам допомогло врятуватися?

Д. Б. Коли ще в Штабі захисту національних інтересів... це

початок 2014 року... проводили для нас... (У мене була третя сотня [самооборони Дніпра], яка будувала краснопольський блокпост, Володимир Богоніс у мене був сотником...) Нас навчали... Не пам'ятаю прізвище та ім'я, але була дівчина, медик-анестезіолог-реаніматолог із Мечнікова [ім'я цієї волонтерки – Наталія Зубченко], вона нам розповідала, як... які медикаменти... давала ті ази медичні. Велике їй спасибі. Якось воно все так... на підсвідомому рівні [спрацювало]... Я зібрав це все діло [показує травмовані пальці], вирівняв. В аптечці було два бинти, «Целокс» і ще щось там... Я взяв один бинт, замотав, не зав'язуючи... Потом, через декілька днів, його ледь змогли розрізати... Почекав, тому що це все лежачи, іще йшов обстріл, по касці цокотіла земля. Видно було, що стріляють. У той момент якраз розгорілися колеса від «ЗИЛа», накрило димовою завісою... Треба десь пересуватись. Я спробував перебігти попереду «ЗИЛа», побачив, що там лежить хлопчик, років, мабуть, до двадцяти. Я біля нього впав.

Він уже мертвий був?

Д. Б. Ні, був живий. Але в нього були розірвані зап'ястки, підборіддя трошки там... Дмитро його теж звали. Уже не пам'ятаю... По-моєму, він із Вінниці був чи з Вінницької області. Вояка. Я його спитав: «Ти зможеш бігти?» Нам треба було відходити далі. Сказав: «Та зможу». Я кажу: «Давай так. Зараз перебіжками, на рахунок «три» спробуй на

лікті піднятися (бо руки в нього не працювали)». На рахунок «три» ми спробували припіднятися, пробігти. Метрів п'ять пробігли, не встигли впасти, коли пролунав вибух, і йому попало в ногу ззаду, трохи вище коліна, а мені поцілило в щоку. Я почув як він крикнув. Вибух. Хруст. І таке як блискавкою вдарило... І сам упав, почав захлинатися кров'ю... розірвало язик, ньобо, вибило зуби...

А ззовні, дивлячись на вас, і не здогадаєшся.

Д. Б. Я хочу подякувати Віхровій Валентині Володимирівні. Ніколи не забуду цю жіночку. Це лікар щелепно-лицьової хірургії в Мечнінкова. Вони диво таке зробили... Є якісь проблеми, щелепа не зовсім відкривається, як раніше, але... дуже добре зібрали мене.

Поцілило. Я захлинався кров'ю, але... знову ж таки, на підсвідомому рівні... дістав «Целокс», який був в аптечці, почав це все ліпити, щоб зупинити кров. Ви ж розумієте, після таких поранень... Рука... Тут у мене все в осколках, усе стегно. [...] Лежали вже, далі рухатись особливо не могли. Оце страшне було – безсилля, що нічого не можеш зробити. Задишка, й уже дійшло до того, що голову підіймаєш – обморочний стан, в очах біліє і все. І страшно було, що не було в нас ні краплі води. З 10-ї години ранку ми пролежали вже аж до заходу сонця...

А це ж спека...

Д. Б. Спека. Сил не було. Видно було тільки, як по бугру по цьому ходили москалі. Там ще, правда, наші літаки два пролетіли. Один із них підбили – бачив, як вистрелили з кущів. Палити нас намагались. Ми коли лежали... Трава суха. Ми прилягли трошечки, як в кюветі, там дорога ішла... Вони стріляють – наче не виходить. Потім там почав «воги» закидати, з тросерів стріляти. І запалили траву. Діма мені каже: «Треба виповзати». Я кажу: «Ні, ми тільки виповземо на дорогу, а вони нас уб'ють». Діма каже: «Що, заживо горіти?» Я кажу: «Тушимо». І ми почали гасити руками, ногами. Загасили траву. Вже лежали, не було сил. Ніхто, ясно, на допомогу не прийшов, і вже під вечір думаю: «Ніч ми не переживемо, нам потрібна вода». Почав я махати рукою, намагатися кричати: «Води! Води!» Побачив, як один мене помітив і махає, типу: «Сюда!» Я намагаюсь кричати, пояснити, що ми не можемо...

Помітив їхній, російський?

Д. Б. Російський, російський. Ходили. Через деякий час... Воно вже марилось: голову підіймаєш – здається, ставок десь там 200–300 ме-

трів. Упав. Поки обморок пройшов, знову підіймаєш голову – бачиш просто поле випалене. Так води хотілось дуже. Почув через деякий час українську розмову. Це був «Грек», не пам'ятаю ім'я його та прізвище.

«Грек» – позивний?

Д. Б. Так. З «Миротворця». Ще один був хлопець із ним, а ззаду них ішов москаль з автоматом. І вони спустились до нас, попросили, щоб я показав, що в мене ніде нічого немає, гранат. Показав я їм, і вони мене під руки та потягли нагору. Я кажу: «Там Діма іще лежить». Вони потім пішли забрали Діму. І що я побачив. Побачив – наша техніка, яка була підбита, їхні позиції, і лежали хлопці наші, поранені, дуже багато поранених наших військових. Як виявилось, води в них не було. Вони самі були без води. І, знову-таки, дякуємо Всеволодові Стеблюку, що він був не поранений і була в нього така машинка «Жужа», і... наступного дня, годині вже о 6-й чи 7-й ранку, він поїхав, узяв діжку 40-літрову, поїхав у село набирати води. Привіз, і зрозуміло, що ми попили, москалі... Декілька разів він їздив. На жаль... [Мовчить.] На жаль, до ранку Дмитро не дожив. Ну, і почалось... Хлопці почали вмирати. Наші намагались там закопувати, але місцевість така, що одні камені, мало землі дуже. Декількох закопали. Та ще й хлопці, в основному, всі ж поранені були. Не знаю, про це теж казати чи не казати...

Мене дострілили хотіли зранку. Я дуже жахливо виглядав. Але вийшов, знову-таки, той майор і сказав, що ні, нікого дострілювати не будемо, тільки хто сам вмере. [Важко видихає і мовчить.]

З вами Добровольський був, Андрій, я з ним інтерв'ю писала... Розповідав... Каже, «один з мене годинничок зняв, а натомість дав цигарку та півкружки води»...

Д. Б. ...Води було вже тоді вдосталь. Мені, пам'ятаю, виділили двухлітрову пляшку. Так дуже хотілось [сміється] яблучного соку... Навіть коли мене вже привезли, пам'ятаю, доправили сюди, в Мечнікова, приїхала мама, а я все просив яблучного соку. [...] Я зрозумів, що наш організм – це дуже таке... так бореться за життя. Тому що мені там медики казали: «У тебе, як мінімум, шість причин було вмерти». Кажуть, що це велике щастя, що ні одна з причин не здійснилася. І нирки могли, повинні були відмовити, і крові дуже багато втратив...

«РЕБЯТА, КУДА ВЫ ЕДЕТЕ? ТАМ ЧЕРЕЗ 500 М УЖЕ “СЕПАРСКИЙ” БЛОКПОСТ»

Так от. Десь 30-го числа, коли вже приїхали після 3-ї години дня за нами «швидкі» і почали вантажити по п'ять, по шість чоловік, щоб вивезти всіх... Я так особливо не пам'ятаю, але, по-моєму, чи п'ять, чи шість заїхало «швидких» і, мабуть, КАМАЗів п'ять заїхало за загиблими за нашими. Бо їх теж Всеволод Стеблюк їздив збирав, і дуже велика кількість була. Складали уздовж дороги, щоб доправити сюди. Виїхали ми десь у Старобешеву, не знаю точно, не буду казати, на якусь там невелику відстань. Виклали нас там у полі. Залишили з нами двох медбратів.

Наших?

Д. Б. Так, так, наших. Залишили, щоб поки... Може, там кому перев'язку... Просто в них єдине, що було, – це був «Бетадін», з медикаментів. І поїхали забирати інших [поранених]. Ще такий теж неприємний момент. Лежиш без сил, всі такі точно поруч із тобою, всі поранені, і тут, чую, голосно так зупиняється машина. Такий дебільний голос із матюком, типу: «Чего вы сюда приехали? Чего вы сюда претесь?» Ці медбрати, я пам'ятаю, тоді почали заспокоювати. «Успокойтесь...» А ті на агресії на такий... [...]

Це були місцеві мешканці?

Д. Б. Я думаю, що не зовсім це місцеві. Якби місцеві, так би не нервували. Я думаю, що це теж «сепари» якісь приїхали зі зброєю. Бо ті так доляльно намагалися їх заспокоїти: «Тут раненые... Мы ж тут раненых собираем...» [...] Деякий час поговорили. Воно, звичайно, страшно. Лежиш, не можеш ні поворухнутись, нічого зробити... Поїхали. Вмовили тих. Потім повернулися за нами «швидкі»... І ми поїхали на Волноваху. Вже так сіріти почало. Дороги вони особливо не пам'ятали, водії. [...]

Зупинився таксист: «Давайте, я вас проведу». «Давайте». Він їх, виходить, повів, нас усіх, повів-повів, а потім чую по рації з кабіни голос: «Вроде, мы как проехали...» – «Та ні, таксист нас веде». І потім там через деякий час: «Уехал куда-то». Притопив уперед. «Не бачимо, де він...» І в цей момент під'їжджає якась машина, обганяє, сигналить. Водій каже: «Ребята, куда вы едете? Там через 500 м уже “сепарский” блокпост. Куда вы летите?» – «Нам нужно на Волноваху». Водій: «Вы проехали поворот еще давно. Разворачивайтесь». [...]

Розкажіть, а як загалом склалися ваші стосунки з місцевим населенням.

Д. Б. У самому Іловайську [...] зайняли ми позиції в дитячому садочку. Коли ми зайшли в дитсадок, у бомбосховищі сиділо 52 людини – це були сім'ї, з маленькими дітьми, трьох, п'яти, одного року [розповідаючи про це, Дмитро засмучений], які навіть там уже деякий час проживали. Перший час ділилися сухпайками, водою, всім, годували, звичайно. Потім, через деякий час, останню... по-моєму, останню провізію ми отримали чи 23-го чи 24-го. Приїхав «Урал» із боеприпасами, і провізія там, привезли картоплю. Два наших хлопця, Славик Фокін і покойний Андрій Савчук (повар від Бога був, в Італії вісім років [прожив], у нього там свій гурток, там проводив майстер-класи по приготуванню їжі) і ще декілька жінок [із місцевих] готували їсти на всіх. Ми розділяли всім їжу, все, що було – воду, провізією ділились із ними, місцевими. Годували. У той момент, звичайно, вони були налякані і раділи, можна сказати, приходу нашому.

Але після того вже, як був вихід з Іловайська, через деякий час там хлопці казали, що бачили інтерв'ю, «сепарські» канали, що одна з жінок у тому ж дитсадку казала, що «украї» сякі-такі, тут трохи не насилували нас, трохи не вбивали. «Спасибо вам, що ви прийшли» [російським гібридним військам]. Як би так...

А ту жінку пам'ятали ваші бійці?

Д. Б. Казали, що це була жінка з тих, яких ми годували... Через деякий час отаке відео побачили...

Може, це й була дружина якогось «ополченця»?

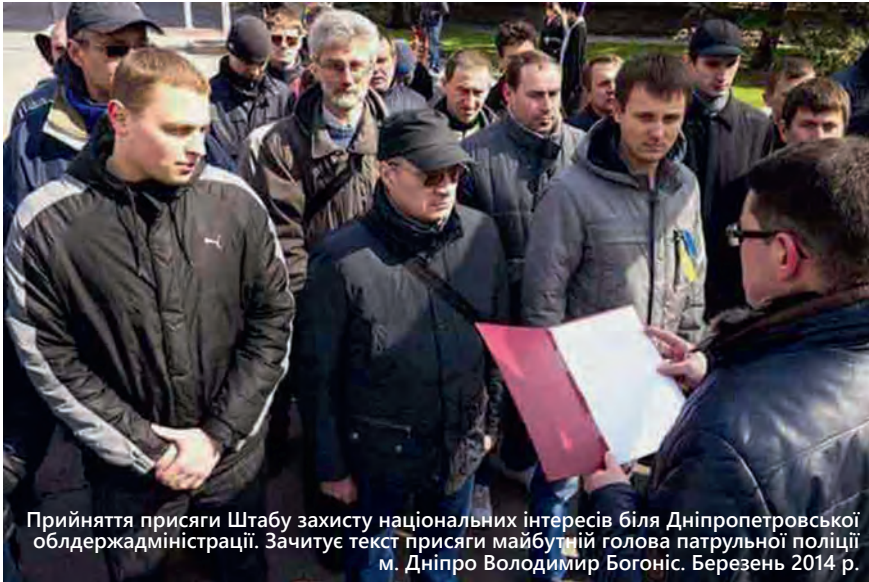
Д. Б. ...У бомбосховищі були й мужики, але мало. Жінок було більше, діти, звичайно. [Знову зітхає.]

А мужики – це були люди середнього віку чи якісь діди?

Д. Б. Більше середнього такого, від 22 до 40 [років] десь. Дідів не було. Оце все, що... в принципі, довелося поспілкуватися з місцевим населенням. Більше не було часу. [...]

Але той, другий водій підказав дорогу правильно?

Д. Б. Да. І розвернулися, і десь, мабуть, годині о 10-11-й прибули ми на місце. У Волноваху. Там на нас чекали вертольоти. [...] І чоловік, мабуть, по 20, по 25 туди... лежачи, сидячи... і відправляли в Розівку Запорізької області. Там був воєнно-польовий госпіталь,

Прийняття присяги Штабу захисту національних інтересів біля Дніпропетровської облдержадміністрації. Зачитує текст присяги майбутній голова патрульної поліції м. Дніпро Володимир Богоніс. Березень 2014 р.

там надавали допомогу вже професійно. Пам'ятаю, що посадили мене так на стільчик... Холодно дуже було... Когось там на рентген, когось кудись... Я, пам'ятаю, дістав телефон, із останніх сих, включив, там батарея, зрозуміло, була розряджена, але він включився. І в без п'ятнадцяти час ночі написав мамі повідомлення. Написав, що я поранений, але жити буду. І телефон зразу вимкнувся. Успів одправить...

Після того як телефон вимкнувся, відчув, що знову падаю в обморок. Два якихось чи хлопця, чи мужика мене підхопили... На носилки та понесли в операційну. Уже прокинувся я – світати почало. Зробили мені першу операцію, підставляли осколки. Першим вертольотом на світанку – в Дніпро. Якщо не помиляюсь, мабуть, на розвилці сідали на стадіон. Бо я здивувався, що так швидко доїхали до Мечнікова. Якби з аеропорта, то довше трошки б було. Зі мною їхав хлопець, теж військовий якийсь, чи з «Херсона», батальйону, чи що, то я попросив у нього телефон, теж набрали маму, сказав, що мене везуть, але щелепою не міг ворухити. Мама не зразу й повірила, що то я. Питає: «Як твоїх дітей звати?» Кажу: «Іванка й Єгор». Привезли, почали оглядати. Потім реанімація. Ще дві операції. Яюсь так.

А давайте повернемося до розповіді про росіян і тітушок...

Д. Б. [Показує на папері позиції росіян.] Ми її називаємо... «яма». Чому яма? Бо був великий бугор, а там була трошки низина така, трощечки. Ми називали її «яма». Туди нас поскладали [пораних полонених українських бійців]. На наступний день, 30 серпня, побачили росіяни, що їдуть танки, і в них дуже почалась велика істерика така, трохи не до сліз, вони так заметушилися, що танки їдуть. Видно, що була істерика. Дуже їм так не хотілося, щоб... Я знаю, що у мене, навпаки, коли заходили в той же Ловайськ, нас попереджали, повідомляли, розвідка, що є там танчик, десь вони його, звичайно, ховають, але він там є. І ми на нього полювання влаштували. Ми, навпаки... [...]

Те, що вони росіяни... Як ви це визначили?

Д. Б. Російський говор. Це дуже просто. [...] Плюс у них була вся чітко форма російського зразка і, я ж кажу, зброя. Зброя вся нового зразка, таку я не бачив. А якщо ми воювали всі, АКМи в нас були, АКСУ, то у них теж були АКМи, але вже такого зразка... 2012-го, мабуть, я так вважаю. Суто їхні, які на озброєнні стоять тільки в Росії. Ну і... оті, що ми тоді в посадках проїжджали... чисто – одні буряти, якути, такі як... всі на одне лице. [...]

А ті росіяни, які були біля вас, коли ви вже потрапили в полон, вони не виглядали як буряти? Як слов'яни?

Д. Б. Це були слов'яни, да. Ці були більш слов'яни. Їхня позиція знаходилась трошки... Якщо ті дві брали на себе, виходить, увесь вогонь, то ці вже знаходились трошки далі. Ми вже пройшли дуже багато [від т. зв. «зеленого коридору»]... Тим паче, вони знали, як ми йшли, як ми будемо виходити. Вони ж диктували цей «зелений коридор». Так, я думаю, що тих [бурятів], мабуть, менше жалко [російському командуванню, яке поставило їх на «першу лінію»]. Чи, може, так співпало?

А командування у них так само, як у нас, поставлено? Чи команди їхні відрізнялись? Не звернули увагу? Як вони звертались один до одного?

Д. Б. Ні, цього не бачив. Ну як... Там єдиний момент, коли ми [вони] звертались один до одного, це було... коли дострелити хотіли [респондента]. Він [майор] вийшов: «Нет, никого не стреляем». Видно серед них, що це – майор, що це – кадровий: вів себе навчено... А ті були, видно, що як призовники: вони молоді, вони... «зелені», коротше кажучи, необстріляні, «зелені»... Більше, мабуть, так. [...]

«У ВОЄНКОМАТІ МЕНЕ НЕ ВЗЯЛИ»

Дмитре, до війни ви були цілком цивільною людиною. Скажіть, як вам вдалося долати страх? Є якісь рецепти?

Д. Б. Є. [...] Мій перший бій... це був бій із самим собою. Не як би себе заставити піти. Я дуже хотів. Розумів, що якщо я цього не зроблю, то хто це зробить? [...] Перший бій мій був перед дзеркалом. Я вже все, подав документи в «Дніпро -1», бо в воєнкоматі мене не взяли. [...] І це було так: став перед дзеркалом, кажу: «...Потрібно розуміти, що всяке може статися. Можуть і вбити. Можуть і калікою... інвалідом можеш бути». Це треба було трошечки психологічно дозріти... щоб дивитись... Не йти на одному запалі, а... дивиться, щоб... не знаю...

Реалістично?

Д. Б. Да, реалістично... Цей бій, звичайно, я виграв. І, скажемо так, добре, що так відбулось. Бо не скажу, що там в нас не було [страху]... було в усіх... Коли йшов шквальний вогонь, ішла артпідготовка, потім нас оточували декілька разів, і це все тривало протягом тижня, і так кожен день... Важкувато було, деякі хлопці підламалися, деякі і зламалися, але нікого звинувачувати не можна, бо... це дуже важко. [...] Мабуть, той перший бій, який я виграв, він і не дав зламатися. [...]

А ще потрібно визначитися: в ролі кого ти є? Коли ти зважуєш всі «за» і «проти». Зрозуміло, які там можуть бути розмови – ти на своїй землі. Ти захищаєш свою родину, свою сім'ю, своїх близьких. Ти не можеш бути жертвою. Ти – мисливець, ти – звір, ти повинен нападати. Так воно і є. [...] Кажуть, якщо тобі не страшно, то це з головою щось не в порядку. Страшно. Тільки потрібно позиціонувати себе правильно, що ти – звір, ти тут – мисливець, а не жертва. От і все. І воно все по-іншому тоді. [...] Вони не за ідею, вони не на своїй землі, і вони трошки себе відчувають... зовсім інакше... У нас є дух. У нас є наснага, бо це – наша земля. [...]

Я вам не задала найголовніше запитання: коли ви прийняли рішення, що підете воювати? Як це відбулося?

Д. Б. Саме остаточно? Це був травень місяць [20]14 року.

А яка подія стала приводом?

Д. Б. Спочатку Євромайдан. [...] Потім з'явився на початку [20]14 року Штаб захисту національних інтересів... Тоді ми там прийняли присягу, у третьому місяці [березень 2014 року]. Встановили ті блокпости, чергували на них. [...] Біля облдержадміністрації вишикувались (чоловік десь сто там, мабуть, було), прийняли присягу... Це було так натхненно, те все робили...

У якийсь момент відчуваєш, бачиш, що там розгораються всі ці події... Якщо бігали спочатку [представники російської гібридної армії] з палками, то вже пішла зброя, серйозніше... Ти відчуваєш, що блокпост вже... Ти переріс уже Штаб на захисту. Потрібно рухатись далі. Був похід до воєнкомату, де відповіли: двоє дітей, сиди жди, поки відпочивай... А що ж відпочивати? Тут я почув про «Дніпро-1», про набір... Я б, може, у перших числах травня пішов, але якось засумнівався, думаю: «Ніде не служив, мабуть, не візьмуть». Але подумав-подумав... Потрібно все одно, інакшого виходу немає. І пішов. Мене прийняли... Я дуже хотів, щоби прийняли. Співбесіду проходив, там на мене кричали, я не здався...

А чого кричали?

Д. Б. Прийшла людина, яка в армії не була. Автомат у руках не тримав, маю двох дітей. Мені кажуть: «А що тобі жінка скаже? Що тобі мама скаже? Давай, всьо, іди додому...» [Сміється.]

Кажу: «Я розумію, що ви з мене спецназівця не зробите. Але я хочу... Я відчуваю...» «Та не, – кажуть, – не пройдеш, не получиться!» Я кажу: «Та получиться...» Мабуть, якийсь психологічний поріг, щоб я здався... Але я не здався. Вийшло, що пішов. [...] Довелося буквально за день, за два все дізнатися – вчитися, дуже швидко вчитися. [...]

«РОЗКАЖУ, МАБУТЬ, ТАК ПРО ЖИТТЯ, ЯК Є... ЯКЩО МОЄ, ТО МОЄ»

А як дружина ваша це сприйняла?

Д. Б. [...] У мене двоє дітей від першого шлюбу. Уже на той момент були не зовсім гарні стосунки з жінкою... А зараз, теперішня дружина, і остання на все життя, моє коханнячко... це жінка... [Дмитро дивиться в очі, кілька секунд вагається з розповід-

дю] загиблого побратима. Загинув в Іловайську. Але ми не були з нею знайомі до цього. [...]

Про свою другу дружину можете розповісти? Як ви з нею познайомилися?

Д. Б. Познайомилися ми... У нас боєць загиблий Дмитро Пелипенко. Сам він родом із Миколаєва. З жінкою прожили вони шість років. Дітей, на жаль, не було. Служив він у нас, у «Дніпро-1». Він був перший, хто почав займатися аеророзвідкою... У нього батько військовий, льотчик. І йому це було дуже цікаво. Він перший, хто почав цю справу розвивати в нас у полку. І так склалося, що... Ми з ним познайомилися, коли відвозили в Старобешеву... Було в нас завдання відвезти [...] боекомплект «Кривбасу», 40-му батальйону. І з ним розговорилися, познайомилися і потоваришували. Війна зближує людей.

Так вийшло, що разом потрапили до Іловайська і під час виходу з Іловайська, 29-го числа, був поранений один із військових... Ми виходили окремо, я в одній машині, він [Дмитро Пелипенко] у другій... Був поранений військовий, відірвало ногу. І він стрибнув із машини... хотів допомогти забрати його. Але в цей момент метушня, постріли... [...] Дмитро загинув.

Під час виходу через той «зелений коридор»?

Д. Б. Да, це 29 серпня трапилось... Його дружина прийшла, як інші жінки приходили, щоби дізнатися якусь інформацію, до штабу... Штаб «Дніпро-1» був в ОДА. [...] І вона залишилася допомагати в Штабі національного захисту. Займалася вона пораненими, різні путівки на оздоровлення, на реабілітацію. [...] Я провів чотири місяці по лікарнях. Спочатку Мечнікова, щелепно-лицьова хірургія, потім 16-та [лікарня], хірургія кисті...

Дзвонила мені якась жіночка, все відправляла мене десь на реабілітацію. Їздив я у «Буковель», потім вона мене хотіла до Польщі відправити, я не захотів. Увесь час пропонувала кудись поїхати... Мені подобався голос її, був якийсь приємний... Ще тоді якось так воно пішло. А потім, на початку 2015 року, я вийшов працювати вже в штабі. Нікуди мене не відправляли, бо в мене все там іще підживало. Почав допомагати: папірці, документи... І звернув увагу на ту дівчину, якось розговорилися трошки. Потом я у хлопців спитав, уже через деякий час... Як виявилось, вона – дружина загиблого Дмитра. Я до цього не знав. Але вже симпатія була... Я боявся: як вона сприйме? Не

наполягав, але так зійшлося все... Спілкуємося з його матір'ю. Кожен рік вона на річницю Іловайської трагедії приїжджає, бо Дмитро похований тут, на Краснопільському кладовищі. Дуже добре спілкуємося. Вона радісно сприйняла цю звістку [що дружина її сина одружиться з його побратимом], любить нас [посміхається], і ми її любимо, маму. [...]

Розкажіть про свою Наталку: яка вона, чим вас приворожила?

Д. Б. Вона... Вона дуже приємна. [Посміхається.] Тактовна... Красива. Сонечко моє, вона мене зігриває. Увесь час. І вона дуже добра. Я ж з дружиною попередньою почав розлучатися, думаю: «Дітей забираю до себе». [...] А живу з батьками, хати немає, думаю: «Кому я потрібен як батько-одинок із двома дітьми?»

Якось ми їхали [з Наталкою], теж до поранених хлопців, у 16-ту лікарню, їхали вдвох у машині... Думаю... розкажу, мабуть, так, про життя, все як є. Нічого приховувати не буду – якщо моє, то моє, якщо ні, то... що ж робить? І все розказав: двоє дітей, із дружиною не живу... Так побалакали... Дивлюсь, вона сприйняла це... нормально... Коротше, це – моя споріднена душа... У нас зараз син Платошка, на даний момент йому рік.

Так у вас всі троє дітей при вас?

Д. Б. Старша дівчинка Іванка, Єгор, чотири рочки, і Платон. Єгор деякий час жив у нас, але... «Мама! Мама!» І Наталку називає мамою, але... до тієї дружини... Захотів там жити... У нас старша донечка... Старша зробила вибір, сказала: «Хочу жити із татом...» [...]

Скажіть, чи змінилися ви після війни? Коли ви, пройшовши оце все, повернулися з фронту, чи переглянули ви якісь свої цінності, звички, поведінку?

Д. Б. Так. Авжеж. Тоді Помаранчева революція об'єднала. [...] А зараз ти розумієш, що є твої побратими, які з тобою однодумці, за тобою стоять твоя сім'я, твої друзі, волонтери, країна твоя... І в один момент може трапитись так, що навіть за хвилину все зовсім зміниться... І починаєш тоді цінувати такі от відносини. Ти їх і раніше цінував, але це все сприймалося, знаєте, як належне... А тут [...] завжди воно в тобі, що побратим – це плече, яке підтримає, прикриє... Змінився, звичайно...

Те, що ви сказали, можна так от узагальнити: з'явилось відчуття приналежності до спільноти?

Д. Б. Воно, як би, і було [відчуття]. Але тепер воно більш зріле, більш усвідомлене. По-перше, там [на війні] захоплюєшся, увесь час на адрена-

лінії, там ніколи роздумувать... А все одно [потім] воно приходить – більш зріле відчуття, яке увесь час із тобою... Як ви сказали? До общності?

До спільноти.

Д. Б. До спільноти, так. Це є. Трошки інакше дивишся [на життя]... Там, де якимось раніше, скажемо, вів себе неправильно, зараз більш став м'яким, більше цінуєш, більше посміхаєшся... Особливо, коли бачиш, що люди патріоти. У когось «оселедець», хтось прапор почепив. Мене це дуже надихає. Я з цими людьми взагалі... як із братами.

І повинно ще бути, що ми все-таки... Все будується на сім'ї. І сім'я – це не три людини чи п'ять. Це вся країна. Цим повинен проникнутись кожен. І тоді ми заживемо краще, ніж будь-хто... А не кожен за свою сім'ю, і тягне. У цьому, мені здається, ми зробили великий зсув, пішли такі позитивні зміни. Я думаю, що вони будуть і далі продовжуватися.

А от поняття «сім'я», воно передбачає що? Довіру до тих, хто належить до «своїх»? Взаємодопомогу?

Д. Б. Авжеж. Сім'я, так, це довіра, це відносини... Ми не чужі люди, і це ми повинні розуміти. Не повинно такого бути: зараз я тебе обдурю чи якийсь зиск із тебе матиму. Якись потреби є, десь заробити грошей, але це все одно повинно бути на легкому рівні [не ставати сенсом життя]. Не переживати, що обмануть... Все повинно бути легко, невимушено. Це довіра, звичайно... Повинні бути добріші один до одного. Тобто ви відчуваєте, що ми (суспільство) дозріваємо до переходу на інший рівень відносин? Поки що така модель стосунків довіри та небайдужості діє в обмеженому колі «своїх», яке формується з однодумців, але згодом...

Д. Б. Так. Саме це я і хотів сказати. До ідеальної моделі нам, може, ще іти й іти, але ми, хоч і повільно, але рухаємося в цьому напрямку.

Розмову провела Ірина Рева

18.02.2017

Інтерв'ю подається з незначними літературними правками

На Краматорському аеродромі, квітень 2014 р.

«Я ДО ПОСЛЕДНЕГО НЕ ВЕРИЛ, ЧТО ТАМ ТАНК БУДЕТ ЕХАТЬ»

Інтерв'ю з командиром відділення 25-ї ОПДБр
Анатолієм Лебідєвим

Розкажіть про батьків. Хто вони за професією?

А. Л. Мама живе в Кривому Роге, інженер-електрик. Работает на підприємстві «Арселор»... Самий великий криворіжський металургічний комбінат... Сама вона родом із Воронежа, із Воронежської області. І бабушка оттуда жє. Живуть в сусідніх домах. Отець був летчиком. Родився в Магаданській області, поселок Шахтерський... Отця не стало ще в 2000 році. Рос з мамою.

«Я МЕЧТАЛ С ДЕТСТВА ВОЕННИМ СТАТЬ...»**Я**к ви з Росії потрапили сюди?

А. Л. Служив отець тоді в Калінінградє. В аеропорту. А мама в Кривому Роге жила, с бабушкой. Я не знаю, як вони тудя забрались, в Кривий Рог, но, в общєм, і отця сємья, і мами сємья жили в Кривому Роге. І однажды он прилетєл к родствєнникам в отпуск і говорит: «Все, забираю тєбя в Калінінград». І забрал... Мама улєтєла. Потом через какое-то время я родився. І потом, я маленьким был еще, годика три или чєтыре... І переехали обратно в Кривий Рог. Потому что уже Советский Союз закончился, і так сложилось... Я потом всю жизнь задавал вопрос... Потому что Калінінград – это очень такой город хороший, красивый, абсолютно нерусский. Это – древний австрийский город, Кєнігсберг его называют. Балтийское море... Я говорю: «Блин, чего мы уехали оттуда?» Мама мне в определенные периоды жизни разные ответы давала... [Посміхається.] Уехали и уехали.

А які вона відповіді вам давала?

А. Л. «Так надо было». «Потому что работали». Или «К бабушке уехали», потому что бабушки все в Кривому Роге жили. Но я для себя понял, что это – совокупность всех этих обстоятельств. Потому что отец был военным, летчиком был, і он потом работал в аэропорте криворіжском. Я думал так, чтоб работу не потерять, переехал. И плюс там родственники – бабушки старенькие, прабабушка была. Прабабушка блокаду ленинградскую всю пережила і тоже оказалась как-то в Кривому Роге, не знаю, как. В общєм, переехали тудя. [...]

У вас в Україні немає нікого з рідних, то про Голодомор не розповідали...

На полігоні Широкий Лан, Миколаївська область, березень 2014 р.

А. Л. У меня все русские, причем издалека, с севера и еще откуда-то. Бабушка, мама, они из Воронежской области, и у них там все родственники, из Воронежской области. Насколько я знаю, Воронежскую область зацепил Голодомор, очень даже хорошо зацепил. Но там у них «Голодомора не было». Они убеждены. Бабушка у меня, Татьяна Пантелеевна, мамина мама, она у меня казачка донская до сих пор. Я с ней не спорю на эти темы. Она скучает по родине, по Шолохову, по казакам донским, по России, по березкам. И я с ней не пытаюсь бороться в этом, потому что... уже ничего не сделаешь. Хотя всю жизнь, практически всю жизнь, она прожила здесь, в Украине. [...]

Скажіть, хто найбільше вплинув на формування вашої особистості? Або, може, подія якась?

А. Л. Тяжело кого-то одного назвать. Отец много очень... Я еще маленький был... Воспитывал, не ругал, не кричал никогда. Если наказывал, то он меня заставлял... давал книжку Маяковского или Пушкина и заставлял наизусть стихи учить. И я потом, с возрастом, уже понимал, что там все со смыслом было на самом деле. А то я сначала просто учил на память... Потом перечитывал. Отец. Но отца рано не стало. Мать, естественно, очень... Все, что могла, все дала...

Поблизу с. Добропілля Донецької області. 2014 р. Рота відпочиває

Які риси в собі ви пов'язуєте з мамою? З батьком?

А. Л. [Посміхається.] Отець музику учив. Хороший слух, хороше чувство ритма. Учив завжди улыбаться, не обижаться [на людей]. [...] Еще много сыграл, наверное, в моей жизни... Профессор был в университете. Валерий Дмитриевич Евтехов, он сейчас уже академик Национальной академии наук Украины. Я пришел в институт... Повезло мне – поступил бесплатно, на бюджет, на геологию. Криворожский национальный университет. Я особо не выбирал себе профессию... До экзаменов вступительных были какие-то тесты в школе по математике и по физике, я их написал, и по результатам этих тестов я поступил на бюджет. Я не очень хотел архитектором быть или, там, экономистом, говорю: «Давайте буду геологом». Потом оказалось, что дед мой, Петр Пантелеевич, он занимался геологией, обогащением и работал вместе с заведующим кафедрой, на которой я учился. Как-то он [завидующий] однажды меня взял под свое крыло... Я прогуливал занятия... Он говорит: «Ты вместо того чтобы прогуливать, ты б работать начал и время с пользой тратить». И он меня взял к себе. [...] У нас было очень много заказов. Из-за границы, из стран СНГ, Россия, там, ближнее зарубежье, Африка, Южная, Северная Америка... На

изучение различных материалов, на обогащение полезных ископаемых, в частности железных руд. И кафедра брала себе тематику, изучали ее... И себе пользу приносили, потому что это за деньги делали, и плюс это информация, материалы для написания диссертаций... Я начал работать. Я со второго курса начал работать уже в институте научно-исследовательском, в лаборатории, ездить в экспедиции, пробы отбирать. Это было интересно, потому что когда ты учишься и работаешь параллельно, то теория плюс практика... Повезло мне с этим. И плюс мы занимались горным туризмом, альпинизмом, тоже Валерий Дмитриевич нас приучал. Геолог и горы – это такое неразделимое всегда. [...] Тоже очень много сыграло. Он такой безумно добрый человек, очень умный, очень добрый. Я когда приезжаю в Кривой Рог, то я всегда в гости захожу в институт, он там сидит. Я не знаю, ему лет 70, наверное, но он выглядит очень хорошо и до сих пор ходит в горы с рюкзаком 100-литровым, водит молодежь. Из неродных людей очень много сыграл в жизни этот человек. [...]

А ким ви мріяли бути, коли в школі вчилися?

А. Л. Военным быть хотел. Папа был летчиком, дед был летчиком, его отец. По маминной линии ее отец строителем был, а прадеды у меня тоже все военные были, у бабушки дома тоже фотографии стоят до сих пор – ее братья, ее отец, Пантелей Максимыч. Военные, какой-то [19]41–[19]42 год. Они все погибли, но все военные были. И я мечтал с детства военным стать. После 9-го класса хотел в суворовское [училище] поступить, но мама сказала: «Я тебя не пущу в суворовское. Закончи школу, поступи в институт, а потом делай все, что захочешь». Она думала, что меня как-то отпустит эта идея, но ничего не получилось. [Посміхається.]

Доля вас знайшла.

А. Л. Но я действительно хотел, я мечтал очень. Летчиком быть не хотел точно, потому что в наше время это очень долго учиться и о-очень тяжело попасть, так чтобы действительно быть летчиком. Хотел военным быть, больше никем. Даже когда геологом был. Мне нравилось, я безумно любил геологию (и сейчас люблю), это так интересно – камушки, минералы, горные породы, это очень интересно. Но все время военным хотел быть. Сейчас уже не хочу. [Сміється.]

Розкажіть, як ви пережили Євромайдан. Як вами ці події сприймалися?

А. Л. [Замислився.] А я уже, по-моему, в армии служил.

Ви на «срочці» були?

А. Л. Нет. Я пошел служить по контракту. Я закончил институт. Потом поработал еще чуть-чуть в научно-исследовательском... Мои сокурсники все пошли куда-то – кто в шахту, кто в карьер. Я на практике был там, когда работал, тоже ездил там материалы брать. Мне не нравилось. Я мечтал куда-то в экспедицию поехать, далеко, на Север или в Америку, или в Африку куда-нибудь. Но не получалось тогда с этим, я и документы подавал, и анкету заполнял. Я решил, что... пойду в армию. Мама меня отговаривала, конечно, но ничего у нее не получилось. И я пришел в военкомат. Мне говорят: «Где служить хочешь?» Я сказал, что я хочу или в спецназ, или в десант, или в морскую пехоту, или в моряки. Романтика, в общем. [Посмехается.] А мне сказали, что туда берут только на контракт, на «срочку» уже не берут. Я очень расстроился... Подумал: «Ничего, пойду на контракт».

Ну очень... видимо, очень сильно хотел. Лег в больницу, мне нужно было сделать операцию, мне нельзя было [служити] по состоянию здоровья. Я лег в больницу... занимался [фізичними вправами], потому что мне рассказывали, что попасть на контракт очень тяжело, тем более в такие подразделения. Тренировался постоянно. Сделали мне операцию, я на следующий день уже опять начал тренироваться, и через неделю уже поехал сюда, в Днепрпетровск, в Гвардейское, сдавать... «получать отношение» это называется. Давали такую бумажку, что ты годен, подходишь или не подходишь. Там надо было тест написать, 200 вопросов или больше, 250 вопросов. Там очень разные вопросы были – и на сообразительность, и посчитать... И физическую подготовку – бег 3 км, подтягивание, отжимание, такое. Сдал все. Годен. Подошел. Приехал домой опять.

И с того момента начался период моего зачисления в часть, но это долго происходило. Где-то месяца полтора. Я только к зиме ближе попал именно в часть, приехал с вещами – все, меня забрали, я подписал контракт. И поэтому Евромайдан, как раз это время, того, что начинало происходить... Я как-то сильно его не застал. Я помню, что мы смотрели по телевизору... смотрели «Громадське». Я телевизор не смотрел, смотрел «Громадське» через Интернет, наблюдал как-то за этим...

«СКОРЕЕ ВСЕГО, ХОРОШО, ЧТО МЫ ТУДА НЕ ДОЕХАЛИ»

Я кі у вас почуття це викликало?

А. Д. [Зітхає.] Какие-то такие... Я не понимал, во-первых, что происходит. Я понимал, что происходит что-то нехорошее и к чему это идет. Но я еще не знал, к чему это вообще все приведет. Было такое ощущение, что ты как бы отстранен от всего этого. Потому что там, в Киеве, такое все происходило... Мы когда сидели дома, так погружался полностью в эту атмосферу, в экран прям туда аж влипал. А потом все заканчивалось, Интернет выключался, ты выходил на улицу – и все тихо, спокойно и ничего вроде не происходило. Приходил домой – и опять... Какие-то такие ощущения были двойкие, потому что когда ты смотрел, ты думал: «Боже, что ж там происходит?» А когда был у себя дома или на улице с друзьями, то... Я вообще из людей, которые... Я не любил про политику разговаривать, мне эта тема не интересна, и я стараюсь чем-то другим интересоваться. У меня всю жизнь так было. И я тех людей, которые постоянно обсуждают политику, очень не люблю и стараюсь в их окружении не находиться.

Но это был такой период, когда все говорили про политику, все прям вокруг. Такое чувство было, что ты вроде был должен что-то делать тоже... как гражданин, там, но на фоне всеобщего безразличия оно как-то... это чувство куда-то пропадало. Оно появлялось, только когда смотрел по телевизору, в мониторе это. А в армии потом это вообще стало не интересно, потому что в армии у тебя свой распорядок дня. И когда именно все эти события происходили на Майдане, то я служил. Была зима, холодно было. Помню, несколько раз нас по тревоге поднимали в части – нашу часть должны были туда отправлять, на Майдан... И тоже я как бы... Это такое ощущение, когда ты только что был гражданским человеком, а сейчас ты военный. И там стоят люди гражданские, какие-то активисты, какие-то там футбольные фанаты, которые бросают камнями в полицию... При том, что я сам был футбольным фанатом до армии. Ходил на стадион. И тут ты понимаешь, что там же ребята стоят в форме, и ты сейчас уже на их стороне, и если ты будешь помогать, то, скорее всего, ты будешь помогать им, а не гражданским, как-то вот... Ну, и надеялись, что все закончится просто мирно, тихо.

Потом отправляли часть нашу... не часть, а несколько подразделений... Должны были мы ехать на Майдан. Вы, наверное, слышали. Когда мы поехали в Мелиоративное, на станцию, погрузили туда технику... Нас подняли по тревоге. Мы там очень долго готовились, что-то собирали, боеприпасы... Это все было ужасно страшно, потому что армия того времени... Ты все нес в своих руках. Сумки клетчатые, базарные. Эти автоматы, бронежилеты порванные, каски металлические. И мы вот, стадо бомжей таких, должны были ехать кому-то помогать, что-то там спасать... Слава Богу, что мы туда не доехали. В Мелиоративном мы сели в поезд, нас заблокировали какие-то активисты, мы просидели в том поезде почти две [дві доби]... Потом вышли оттуда. И тогда я понял, что народ не такой уж и умный. Потому что когда мы ехали... Нам просто сказали делать – мы делаем. Мы – военные, мы ничего никому не хотели плохо делать, ни в кого не собирались стрелять, у нас даже боеприпасов не было. Боеприпасы были у офицеров и прапорщиков в пистолетах, так не было боеприпасов.

Они кричали: «Вы едете убивать своих людей! Вы же армия... Армия должна быть с народом». Разозлило тогда. И разозлило то, что в Гвардейском, где мы служили, заблокировали выезд из гарнизона. Из Мелиоративного до Гвардейского где-то километров тридцать, наверное, по дороге, по трассе вот... Нам пришлось идти пешком со всем-всем-всем добром, которое у нас было с собой. [Посміхається.] Мы же ехали на Майдан, у нас куча всего было, ящики с дымовыми какими-то гранатами, вещи, провизия, консервы, куча всего, барахла ненужного. И мы это все несли на себе, и такой марш-бросок где-то километров 30, до 30 км, 26, мы считали... Мы прошли пешком, потому что не выпускали машины из Гвардейского, и нас никто не мог приехать и забрать. Так бы посадили людей и увезли. Но там тоже стояли эти активисты и заблокировали все. И кроме этого, они еще шли параллельно с нами, рядом, на машинах ехали, сигналили и кричали что-то вслед. Это было очень неприятно. Мы шли молча. Для нас нагрузка физическая, это, конечно, было тяжело, ноги стерлись в кровь. Естественно, все болит, спина болит, и тут [психологічний тиск]... Нормально все это перенесли. Потом еще вспоминали, смеялись: «Помнишь, как мы 30 км..?»

Тогда как-то я так чуть-чуть не понял этой ситуации всей, потому что... Зачем нас так было... над нами издеваться? Мы ж никому ничего плохого не сделали. [...] Обидно было, что мы пока ехали в Мелио-

Колона 25-ї ОПДБр. Авдіївка, 2015 р.

БМД-2, що була в складі колони російських гібридних військ, яка виходила зі Слов'янська. Знищена в ніч із 4 на 5 липня пострілом з РПГ-7Д.

ративное, у нас грузовик перевернулся с ребятами, и погибло трое ребят, десантников.

Як це сталося?

А. Л. Рано утром мы выезжали, несколько партий. Две или три колонны должны были ехать с людьми. И самая первая колонна, которая выезжала рано утром из части, на каком-то повороте на трассе... Зима, холодно, гололед. Люди сидят непонятно на чем, куча ящиков, все сидят на ящиках, друг на друге... Перевернулся грузовик, обычный какой-то ЗИЛ или... военный, вот эти тентованные. Перевернулся, и там ребята в основном все остались целые, невредимые, а трое погибло. На фоне этого всего какая-то злость была к этим людям, что мы идем пешком, а они на машинах, кричат нам вслед. Мы никому ничего плохого делать не хотели. Тогда я подумал, что это какие-то провокации со стороны людей. То есть люди тоже себя, наверное, неправильно ведут. Для меня вот так Майдан начался. У меня Майдан ассоциируется с тем, что я по телевизору смотрел, и с тремя погибшими ребятами, которые ехали кого-то спасать и даже не доехали туда.

З іншого боку, непогано, що вас туди не допустили.

А. Л. Скорее всего. Да. Потому что там... Я не знаю, что бы было. Одно

дело, когда это подразделение внутренних сил, МВС, спецподразделение, которое знает, как это делается. А у нас чуть другая тактика ведения действий, поэтому, скорее всего, хорошо, что мы туда не доехали... Ну, там куча слухов была – зачем мы ехали, куда ехали... Что мы ехали не в Киев, а под Киев, охранять какие-то важные там...

Объекты?

А. Л. Объекты, да. Хранилища с оружием, еще что-то, склады ракетно-артиллерийского обеспечения. Ну... Слава Богу, что не доехали мы туда, потому что... Мне было б стыдно там стоять, потому что мы были настолько похожи на бомжей... [Сміється.] Армия образца 2013 года... У меня есть фотографии, я вам, если хотите, потом покажу.

«МНЕ ГОВОРИЛИ: «ЗАБУДЬ ПРО ЭТУ ТРУБУ, НИКОГДА В ЖИЗНИ ТЫ ИЗ НЕЕ НЕ СТРЕЛЬНЕШЬ»

Цікаво, а як ви самі потрапили на фронт?

А. Л. Потом, спустя там... После вот этих событий я еще домой успел съездить на выходные. И 28 февраля нас подняли по тревоге... Я дома сидел, в Кривом Роге, чай пил. Позвонил мне командир взвода, лейтенант, сказал: «Все, быстро давай в часть, на построение. В 18.00 на “белой линии”». [...] А мы только зарплату получили. Я, получается, сел в такси и поехал из Кривого Рога в Днепропетровск и потом, на такси же, из Днепропетровска в Гвардейское. 900 с чем-то гривен мне обошлось – по тем временам это много было. Оказалось, что можно было не спешить, потому что мы еще неделю где-то просидели в части, в казарме. У нас был карантин: нас закрыли в части, мы находились там, что-то подготавливали. Механики-наводчики готовили технику, подготавливали, там, боеприпасы, грузили. А я был тогда гранатометчиком, обычным солдатом. То загружать, то разгружать, то еще что-то. И 8 марта мы выехали из части и поехали в Николаевскую область на полигон. Как же он называется... [...]

Приехали на полигон, побыли там несколько дней. Там было огромное скопление техники, подразделений, войск различных. Там были и десантные части все – и Николаевская, и Житомирская, и еще вроде со Львова десантники были. Танкисты, авиация, артиллеристы, пехо-

та... 93-я бригада, там еще... Очень-очень много было всего. Жили в огромном палаточном городке. Я не знаю, сколько там было человек, но очень много. И два дня там проходили масштабные учения. Как говорили ребята, которые давно служили в армии, что давно такого не было. [...] Мы стреляли со всех видов вооружения, которое только могло быть. И я лично как гранатометчик должен был уметь стрелять из автомата и из гранатомета, но мне говорили, что гранатомет... Я когда еще только пришел служить, у нас был КМБ – курс молодого бойца. Мне говорили: «Забудь про эту трубу, никогда в жизни ты из нее не стрельнешь...» То тут нам дали каждому по три портфеля с гранатами, мы стреляли куда угодно и со всего. [...] Мы испробовали все, что у нас было. Все оказалось рабочим, на удивление. Старая эта техника, БМДшки старые, пушки – все оказалось рабочим. И потом оттуда мы поехали в Приазовье, из Николаевской области, и очень долго там находились. Ездили то в Николаев, то в Мелитополь, то аэродром охраняли, то выезжали почти к морю Азовскому. Какой-то там поселочек, я не помню... Лагерь там разбивали. Потом получилось, что из всей батальонно-тактической группы... Там был не только батальон, а еще усиленный различными подразделениями. Разделились... то есть часть осталась там, часть в этой точке, часть в этой... Мы так растянулись и разбились на такие маленькие очень подразделения. И долго-долго мы там сидели, что-то охраняли, непонятно что, непонятно от кого...

Потом нас опять собрали, в конце марта – в начале апреля, собрали всех вместе. Мы куда-то долго ехали, выехали опять в Днепропетровскую область... Мы не знали, где мы находимся, ехали в основном ночью, днем спали. Такие были путешествия. Мы, как цыгане, катались куда-то, непонятно куда, знали только командиры.

А GPS?

А. Л. Ну, там кто-то смотрел. Понятно, что таблички, там, какие-то знаки или еще что-то... Но мы были в таких, наверное, далеких от цивилизации местах... по полям вечно, каким-то лесам, посадкам... что там GPS просто не ловил. Потом начали всем приходиться смс-ки на телефон: «Добро пожаловать в домашний регион!» И мы приехали в Доброполье, где-то там, рядышком. Это, получается, граница Днепропетровской и Донецкой области.

Постояли там день или два, собрались и оттуда выехали в Краматорск. Я тогда не знал, что там происходит. Мы тогда вообще не знали, что

На териконах м. Шахтарськ.
2 серпня 2014 р.

там происходит, потому что у нас телевизора нету, ничего нету. Мне там иногда кто-то звонил, писал: «Как вы? Что вы?» Я говорил: «Мы на учениях, у меня все в порядке. Не волнуйтесь». А потом оказалось, что мы поехали в Краматорск. И там заблокировали... Там вообще стояла задача заехать в Краматорский аэродром и занять оборону Краматорского аэродрома. Часть колонны проехала, доехала до аэродрома, а часть колонны заблокировали в Краматорске. Я был в той части, которая проехала. Мы, получается, попали в Краматорский аэродром, приехали туда, быстренько рассредоточились... Там были мы и третий полк [спецназу], полковник Кривонос... Мы приехали туда и долго там находились, в Краматорске.

Часть, которая не проехала... Не знаю, что с ними было... Сказали сдать оружие. Сдали оружие. Часть из них какими-то путями добралась тоже к аэродрому, уже ближе к ночи. Ночью приехали наши ребята. У нас там одна машина, с нашей роты, застряла где-то в городе, заглохла, – поехала наша машина ее оттуда вытягивать. Еще когда в Мелитополе мы были, охраняли когда аэропорт, Мелитопольский аэродром, к нам прислали мобилизованных первую партию, первую волну. Мы им что-то быстренько показали, рассказали, как автоматом пользоваться, как бронежилет надевать, и они с нами ехали. Часть этих мобилизованных тоже проехала с нами в аэродром, и когда люди блокировать начали...

Це ж із 25-ки мобілізовані?

А. Л. Да, да. Из 25-ки... И они очень испуганными какими-то мне казались, потому что мы ехали, и когда люди начали в нас камни бросать, еще что-то, начали бросаться под машины [у Краматорську], свои машины легковые... то начали стрелять в воздух...

Наші чи з натовпу?

А. Л. Наши. В людей же никто стрелять не будет. А они не хотели уходить, а нам надо было как-то проехать. И там одна машина, в общем, переехала легковушку, помяла ее чуть-чуть, снесла. Вторая за ней, третья. Люди начали под машины бросаться. Ну, там никого не задавили, слава Богу, но, в общем, начали стрелять в воздух. Я помню, я сижу на броне и говорю: «Та перестаньте вы стрелять! Сколько вы стрелять будете?» А они... Их оборвало так, они начали стрелять...

Хто стріляв, мобілізовані?

А. Л. Та все по чуть-чуть. Мобілізовані... Я помню, я тоже пару раз выстрелил в воздух... Я как бы смысла не видел вообще. Я говорю: «Подождите стрелять! Еще настреляешься...» В общем, заехали на аэродром, в аэропорт, и там находились долго, обороняли аэропорт. Вот как-то так мы попали туда. Мы еще не знали, что это АТО, или это как-то там называется оно, ничего не понимали. Потом уже наши там... в Интернет, смотреть, читать. Звонили – родственники, друзья рассказывали. Как-то... Там немножко другие у тебя заботы, тоже сильно не вникаешь в политические эти все штуки, потому что там... Воды нету, еды нету. Мы ели кильку четыре раза в день. Долго там сидели на одном месте. Тяжело. Грязные все. Спишь на земле. Спали-то мы в каком-то здании в аэродроме. На бетон... на бетонный пол... ты подстелил... Не было ничего – ни каремата, ни спального мешка. Мы стелили бронезилеты. Это единственный толк с этого старого бронезилета – что его можно было расстелить, рюкзак под голову положить и спать на нем.

Не знали, что там происходит вообще. И первый раз я понял, что что-то не то происходит. Я заболел, у меня был отит. Там же, на аэродроме, у нас был такой госпиталь полевой импровизированный. Там был очень классный врач, наш, из 25-ки. Не помню, как его зовут. Сейчас он уже, наверное, капитан, а тогда был старший лейтенант. Может, даже майор уже сейчас. Служит до сих пор, по-моему, у нас в части. Он меня лечил от отита, уколы делал. Температура, ухо болит... У нас позиция

такая была – в конце взлетной полосы. И мы на сутки заступали в наряд, и сутки ты должен был сидеть и смотреть в сторону города – там уже начинались Краматорск, девятиэтажки, гаражи какие-то...

Вам саме місто видно було?

А. Л. Да, да, в аэропорту когда сидели, уже видели. И люди к нам приходили какие-то, местные.

І з чим вони приходили?

А. Л. [Посміхається.] Кто с чем. Кто с едой, с продуктами. Кто приходил, говорил: «Уходите отсюда». Какой-то приходил казак, там, донской, в шароварах, в шляпе какой-то, в пальто-шинели. Разные были. Но мы как-то там Пасху отпраздновали на этом аэропорте. Местные нам приносили пасочки... Были ребята, которые работали на аэродроме. Мы им давали деньги, они ездили в город, покупали нам какие-то продукты, самое необходимое хотя бы: мыло, зубные пасты, щетки, покушать что-нибудь, такое... сигареты... Самое необходимое.

«КОГДА ОН ВЗЛЕТЕЛ, ИЗ ГОРОДА, ИЗ ОКНА ДЕВЯТИЭТАЖКИ, ВЫСТРЕЛИЛИ В ВЕРТОЛЕТ – И СБИЛИ»

И я лежал в госпитале два или три дня. И взлетал вертолет. Там два пилота были, какой-то у них просто был очередной взлет. Они, по-моему, даже лететь никуда не собирались, просто взлетали, ремонтировали этот вертолет, собирались испытать его – взлетит или не взлетит. И когда он взлетел, из города, из окна девятиэтажки, выстрелили в вертолет – и сбили. Там все живые остались. И я как раз в госпитале находился, это единственный медпункт на весь аэродром был. И этот старший лейтенант, начальник медицинской службы, услышал, что грохот. Мы за автоматы сразу, а он: «Давайте быстро со мной!» Он дал нам две сумки медицинские. Я и еще два бойца, мы побежали в другую часть аэропорта, к этому вертолету. Там достали... Один пилот выпрыгнул, а второй пилот... По-моему, попали в вертолет, и его как-то выбросило оттуда или что. Они, в общем, упали. Один вообще целый остался, а у второго там перелом был, руки, ноги... Мы прибежали туда с медицинскими сумками, им

Дебальцево, 2014 р. Приготування вареників в польових умовах

помощь оказали. Вроде бы все на этом закончилось. А пилот... Его забрали куда-то, на «скорой» увезли.

И тогда я понял, что тут, оказывается, еще и стреляют, что-то происходит. Потом я выздоровел через пару дней, с отитом. И уже когда на позицию, на взлетную полосу, на дежурство... То мы... Сначала мы как? Жарко. Апрель. Уже все раздеваются... тяжело... Нас командир батальона ходил постоянно ругал, что мы без бронежилетов. «Чего вы без бронежилетов? Чего вы не копаете окопы?» А мы не могли копать, потому что там бетон. [Смѣяться.] Он говорит: «Мне все равно. Вгрызайтесь в бетон». У меня такой окоп был, ничего спрятать нельзя даже... [Розмову перервали.]

[...] Выходили потом [після того, як вертоліт збили] когда на дежурство, уже никто никого не просил, все начинали потихоньку бронежилеты надевать, каски. Как-то страшно стало. Атмосфера такая напряженная. Начался какой-то комендантский час в аэропорту. Раньше мы могли шататься себе из стороны в сторону, куда угодно ходить, то с того момента уже только по делу куда-то идти: если тебе сказали идти, значит, идешь. А все передвижения лишние убрать. Прилетел к нам... А, последнюю ночь, когда я в госпитале был, в санчасти... прилетел к нам спецназ, я не помню какой, тоже там человек 12 или 15, откуда-то из Западной [України], потому что...

По мові чути.

А. Л. Да. По мове слышно. И потом мы выходили в ночные дежурства, и нам в усиление два или три человека [додавалися], они там рядом

Ротація. «Беркутівці» з Івано-Франківська відлітають з блокпоста на ротацію. Наступного дня замість них прибув «Беркут» із Запоріжжя

с нами позиції занимали, там, снайпер какою-то... На всю ночь они уходили, и мы их провожали, когда они вглубь туда уходили, ближе к городу. И утром рано-рано они нам подавали маячки всякие, что «Мы будем сейчас идти, не стреляйте», и возвращались, мы их пропускали. Они на закате уходили, на рассвете возвращались.

Тогда начали люди убегать потихоньку, потому что...

Що значить «убегать»?

А. Л. В бригаде 25-й... Не знаю, как в других, наверное, не так было, а 25-я в основном комплектовалась... Все ж подразделения, они комплектуются ребятами из каких-то областей... В 25-ке очень много было из Донецкой и из Луганской областей. Ребята, которые местные, из Краматорска, из Славянска, там еще какие-то города рядышком, им тяжело было... Я представляю, что родители там находятся, и у родителей уже... Вот это мнение было навязано [пропагандою], это же заранее все было продумано... И поэтому ребятам было тяжело. Им родители звонили, приходили, передачи какие-то передавали через забор. То есть мы аэродром охраняли по периметру, но был КПП, можно было захватить. Забор был, можно было что-то перебросить. Приходили к ребятам во время дежурства на пост, мама с папой приходили, говорили: «Та бросай, пошли домой, сынок. Ничего хорошего не...»

Начали ребята убегать. Из моей роты убежал один, бросил оружие, все бросил. На посту стоял – убежал. Домой. Мы так поняли, что домой.

Багато таких було?

А. Л. Вообще, да, много. Ну...

Скільки приблизно?

А. Л. По числу... Из тех, которых знал я лично, было человека четыре или пять, людей, которых лично я знал. Они все донецкие, из разных районов Донецкой либо Луганской областей. В основном убегали, когда этот период был – Славянск, Краматорск. И ребята были из этих районов, из Славянска, из Краматорска и из близлежащих. Тяжело было психологически находиться – родители там, ты здесь. И... убегали.

Потом... я не помню... в общем, в конце апреля... с 30 апреля на 1 мая... мы Пасху отпраздновали... Мы выехали. Нас собрали в какую-то группировку, небольшую, четыре или пять БМДшек у нас было, и нас отправили на блокпост – ставить блокпост. Получается, 1 мая мы уже выставили блокпост в Славянске. Это был блокпост № 5 между Краматорском и Славянском. Там трасса. Получается, Славянск со всех [боків оточений]... тут террикон, тут озера, тут какие-то блокпосты стояли... И здесь основная трасса была, связующая Краматорск – Славянск. И мы блокпост выставили прямо на въезде в город. Там стела высоченная стоит... Слева Карачун-гора была, справа поля и где-то вдали Краматорск, Краматорский аэродром...

И там началась уже... Сначала тоже, первое-второе числа... люди приходили на трассу. Одни еду приносили, вторые кричали: «Уходите отсюда!»

**«КРИЧАЛО ЭТО ДВА ИЛИ ТРИ ЧЕЛОВЕКА,
А ОСТАЛЬНЫЕ ПРОСТО СТОЯЛИ МОЛЧА
И СМОТРЕЛИ»**

ї жу приносили – підтримати?

А. Л. Да, да. Там люди хорошие. Люди, они везде хорошие... Таких, которые ярые прямо активисты, их очень мало было. И... я не знаю, они из местных или не из местных... Изначально люди, конечно, приходили и кричали, мол, «Убирайтесь отсюда! Что вы тут делаете? Вообще, чего вы сюда пришли?» Но кричало это два или три человека, а остальные просто стояли молча и смотрели.

І пробували розібратися в ситуації?

А. Л. Да. Что происходит. Приходили, в основном, взрослые люди, взрослые и пожилые уже, которые жили поблизости. Там город, частный сектор, и потом дальше дома идут, пятиэтажки, трехэтажки. Вот из частного сектора приходили люди. Пропускной режим был. Это такое было веселое время. Стояли... Получается, были мы, 25-я бригада, подразделения. Сколько нас было человек, не знаю. Человек тридцать, наверное, – не считал. И спецназ, ивано-франковский «Беркут». Когда они там стояли, уже они были не «Беркут», но у них еще форма старая осталась – шевроны старые, нашивки старые. Стояли мы там, охраняли периметр блокпоста – это трасса, посадка вдоль трассы. В посадке расположились поотделенно, растянулись метров на 200, наверное, и 100 м в одну сторону, 100 м в другую, тут стоял блокпост на дороге. Стояли боевые машины в шахматном порядке, чтобы нельзя было проскочить, чтобы их надо было объезжать.

А с другой стороны был резкий обрыв – и поле, и забор, такая трасса... В посадке находились [відділення респондента]... и мы занимали периметр... Возвышенность в поле небольшая была, там располагалось небольшое подразделение [інше]. Оттуда было очень хорошо видно весь Славянск полностью и вершинку Карачуна. Карачун-гора, где стояла вышка телевизионная. Ребята-беркутовцы занимались именно пропускным режимом, это в их было компетенции – людей останавливать, проверять. Мы этого не умели делать, и нам не положено было это делать, потому что мы – вооруженные силы. А на Карачуне стояла тогда уже 95-ка, там, артиллерийская батарея какая-то. Кто командовал ею, не помню... [пригадує] майор Герасименко, Герой Украины.

Как-то мы стояли, весело. Люди мимо проезжали. Все нам что-то оставляли всегда. Пытались... Я так понимаю, что они знали, что там блокпост, и они... Я не думаю, что они пытались откупиться сигаретами или консервами. Они специально привозили нам, оставляли эту еду. Были женщины, приходили, забирали вещи у ребят, относили домой, стирали, возвращали нам вещи. Был мужик, который воду привозил, потому что воды не было на блокпосту никакой вообще... Май, жара... Фрукты начинали привозить. Потом потихоньку начал бум приношений, подношений спадать, потому что часть людей начала уезжать из Славянска... Часть людей перестала к нам ходить, потому что... Женщины эти говорили: «Нам сказали... в грубой форме сказали больше сюда не соваться... “Если хотите, чтобы все у вас нор-

Траса Слов'янськ – Краматорськ, блокпост №5. 1 травня 2014 р.

мально было”». Мужик этот воду перестал возить. Как-то так вообще туго стало... 8 или 10 мая, не помню, первый раз начали стрелять по блокпосту.

Там еще такая ситуация, что начали... Когда сдавали боеприпасы в Краматорске, и затворы там отдавали наши ребята, в это же время несколько человек из бригады перешли на сторону «сепаратистов». У нас был... Я служил... Я вообще всю службу свою прослужил во 2-м батальоне в 4-й роте. [...] Но когда пришел на службу, служил в 1-й роте в 1-м батальоне. И у меня был замкомандира роты старший лейтенант Аника... Валерий или Виталий Геннадьевич, не помню, как его звали... В общем, он вместе со своими там... приспешниками... ребятами... солдатами, сержантами... был один из тех, кто с техникой уехал в Краматорск и остался там. Перешел на ту сторону. Он сам русский, он все время мечтал служить в российской армии, ему очень нравилось это. И он туда перешел, на их сторону.

И когда первый раз в начале мая по блокпосту начали стрелять...

Я не помню точно, или до 9, или после 9 мая... Там была небольшая группировка, три-четыре человека, у них было пару пулеметов, автомат и ПТУР переносной, противотанковая управляемая ракета. Она устанавливается на станину на такую, вставляется ракета, и из нее стреляют. Из нее стрелять просто так шахтер обычный не научится, это очень сложная штука. Там ракета присоединяется к установке с помощью медной проволоки, в ракете этой 3,5 км проволоки. Получается, стреляешь, она вылетает, и ты, пока летит ракета, можешь ее вести и управлять ею при помощи этой проволоки. Медная проволока передает импульсы электрические туда, и ты управляешь ракетой. [...] Стрелять из них умеют только офицеры. И так оказалось, что этот старший лейтенант Аника стрелял вот из этой штуки. По нам, по блокпосту нашему. Это мы потом уже узнали, спустя время, там видео были. Это было подразделение «Моторолы»...

Этот случай такой как бы абсурдный. Я сидел себе, это рано утром было, я после ночного дежурства отдыхал. Тут какой-то звук, хлопок. Показалось, что это во сне, но я уже проснулся, понимаю, что мне не снится. Они с другой стороны поля стреляли, не попали они в машину. Попали в... Трасса, я говорил, резкий такой склон. И вот они... Машина стояла на трассе, они в склон попали. Чуть он недовернул, в общем. Взрыв. Кто на машине дежурил, его, естественно, контузило чуть-чуть. Но все целые, живы-здоровы. И там они поливали нас очередью из пулемета. Это я первый раз в боевом столкновении оказался, пули над головой слышал, причем до этого никогда такого не было, не слышал.

Но мы как-то так не растерялись... Ну как? Мы растерялись, конечно, но у меня был лейтенант, командир взвода... тот, который мне звонил и говорил: «Давай, в 6 часов на построение!» Максим Володенков. Он сейчас в 81-й бригаде служит. И он говорит: «Давай, беги на позицию!» А там бежать метров 20 надо. Я говорю: «Я не побегу! Там свистит – я не побегу!» Он говорит: «Давай, беги!» Мы даже не понимали, откуда оно летит. Мне казалось, что оттуда, а ему казалось, что оттуда. В общем, с горем пополам... Он говорит: «Возьми себя в руки». А он младше меня на год, командир, просто он учился на офицера, а я на геолога. Так получилось. И как-то мы вдвоем друг на друга посмотрели, я говорю: «Так, ну ладно, все. Побегу». Побежал, ничего не случилось со мной. Начали куда-то палить, во все стороны. Блокпост, мы по периметру, и, естественно, все услышали этот взрыв,

эти пули свистящие, и начали во все стороны палить. Вроде отстрелялись. Первый раз такое было. И тоже, до этого на блокпосту не рыли никаких окопов. Я так это дело не любил – копать... Я считал, что это выше [нижче] моего достоинства – рыть ямы.

«Я ВООБЩЕ НЕ ПОНИМАЛ, О ЧЕМ ОН ГОВОРИТ... ДО ТОГО МОМЕНТА, ПОКА НЕ ЗАСВИСТЕЛО НАД ГОЛОВОЙ»

А у меня был командир взвода на курсе молодого бойца. Он сейчас замкомбата в первом батальоне. Я думал, командиром бригады станет. Вот еще один из людей, наверное, которые большую роль сыграли в моей жизни, именно в военной.

Як його звати?

А. Л. Его зовут Сергей Сергеевич [пізніше уточнення респондента: «Смоляк»]. [...] Он такой, очень... для меня такая яркая личность. Он служил в бригаде у нас солдатом, дослужился до прапорщика. Потом пошел учиться в военную академию, стал офицером. Сейчас уже он капитан, замкомандира батальона. Все это время он служил у нас в бригаде, то есть от солдата до замкомбата дослужился. Когда курс молодого бойца... Я когда в армию пришел, он командиром взвода был, он нас гонял, воспитывал: марш-броски, занятия все с ним проходили. Очень умный был, любой вопрос всегда можно было ему задать, он всегда отвечал. И он меня порастил тем, что... В армии вы знаете, как офицер к солдату раньше относился? Да и сейчас это очень часто: мол, солдат, сиди молча, офицер всегда прав.

Он был не из таких. Однажды на занятиях по военной топографии мы не могли систему координат определить, и я подсказывал. Говорю: «У меня опыта много, я геолог, я в горы хожу, я альпинизмом занимаюсь, я картами всю жизнь занимаюсь». Я ему объяснял, он меня не слушал. Говорил: «Неправильно все, что делаешь». Потом на следующий день пришел и перед всем курсом говорит: «Так, вот этот лист, который был там, вырываем и записываем так, как Лебедев говорил. Потому что, извините, но я неправильно сказал». И меня так поразило, потому что другой офицер бы так не сделал. Он подошел ко мне, гово-

рит: «Да, я потом дома посмотрел в книжке – ты прав был, молодец». И он всегда говорил: «Твой окоп это будет либо твоя крепость, либо твоя могила. В зависимости от того, как ты отнесешься к этому делу». И я как-то так... Он мне это рассказывал, я вообще не понимал, о чем он говорит. Наверное, до того момента, пока не засвистело над головой... У нас было три малых пехотных лопатки и парочка на машине, на броне, большие лопаты. На весь блокпост, на тридцать человек, пять лопат. И мы такие катакомбы вырыли себе этими лопатами – просто с ума сойти можно. До сих пор, если приехать (мы как-то ездили уже после всех этих событий в Славянск, к месту, где этот блокпост был), там сумасшедшие просто окопы. Я удивляюсь, как мы могли маленькой лопаткой в полный рост... Мы там туннели делали, сверху перекрывали деревьями. Понял я, в общем, смысл его слов.

И мы как-то начали там выживать уже. После этого перестали вообще к нам ездить. Пропускной режим был, но никто не ездил по трассе. А потом вообще нам дали приказ: никого не впускать и не выпускать. Были, которых мы впускали-выпускали, – это были местные бабушки-дедушки, они ездили на дачи, на огороды к себе... Блокпост... Долго все это происходило. Потом вертолеты начали к нам прилетать, привозить провизию. Тогда я первый раз американский сухпаек попробовал.

І як він?

А. Л. Очень вкусный. Нам привозили ящички-ящички-ящички с сухпайками. В ящичке 12 упаковок сухпайка, и они все разные, разные меню... Два ящичка, «А» и «Б», получается, 24 меню. Нам давали ящик на три дня. Получается, там 12 штук... ящик на четыре дня. По три приема пицци в день.

Там із саморозігрівом яюсь...

А. Л. Да. Там какая-то карбитовая штука – водичкой заливаешь, и она начинает подогревать. Очень вкусно было. Мы так любили эти сухпайки! Нам раз их привозили, другой, третий. Мы там даже не доедали их, выбрасывали... Лейтенант наш говорит: «Давайте собирать специи, соусы, то, что не хотите есть, в отдельную коробку. Не выбрасывать, а складывать». Ложки, в каждом сухпайке ложка. Я не люблю это собирательство. [...] Собирали, собирали... Потом однажды прилетел вертолет, и нам привезли наш, украинский сухпаек, нового образца. Вот этот, в пакетиках. До этого у нас были сухпайки

БМП-2 гібридної армії,
знищені військовими 25 ОПДБр поблизу Слов'янська

пластиковые такие: как пластиковый поднос, на секции разделенный, и там что-то лежало. Этот новый сухпак, который сейчас, зеленый, а у них в комплекте ложки нет. И мы начали доставать американские ложки, ими есть... Мы когда собирались на этот блокпост, нам сказали – на три дня. В армии всегда говорят «на три дня», это я уже потом понял...

Потом даже украинский перестали [поставати]... А! Потом сбили вертолет с генералом [Кульчицьким]... Получилось так, что у нас на блокпосте были мы, был спецназ ивано-франковский, и к нам прислали немного, человек десять, наверное, может, пятнадцать... [нерозбірливо] батальон Національної гвардії, но тогда это были все добровольцы там, сто процентов. И на Карачун их тоже прислали. И часть беркутовцев были у нас на блокпосте, часть на Карачуне... Вертолет сел на Карачун, залетел к нам на блокпост, высадили ребят. Там этот генерал летел, там было трое или четверо ребят беркутовцев...

Це не Кульчицький там летів?

А. Л. Да-да. И он взлетел... Беркутовцы летели домой в отпуск, на ротацию. Парочка человек из Нацгвардии, Кульчицкий и... и все, по-моему. Не помню, сколько их было на борту. Где-то километра полтора в поле от блокпоста над посадкой [вертоліт збили]... Сразу начали какие-то меры принимать. Поехали... Две наши машины выехали туда, нашей брони... Десантники были только наводчики и механики, а остальные были ребята с «Беркута», потому что там их ребята были, на борту, и ребята из Нацгвардии. Поехали туда, но там... Я так понял, что вертолет сбили и начали обстреливать сам вертолет. Потому что они еще живые были, они начали выползать, кто был... Начали обстреливать вертолет.

Получается, поехали раз ребята – не справились. Взяли еще пехоту,

еще десантников, поехали туда. Приехали, начали отстреливаться одни с одной стороны вертолета, другие с другой... Мы их загнали в посадку, что они не могли уже стрелять... и начали вытягивать из вертолета. Но уже мы ничего не вытянули [живых не было]. Я лично ничего не трогал, я был далеко в стороне, но ребята потихоньку начинали собирать останки людей... генерала... Пистолет нашли, вещи какие-то. И спасли тогда штурмана.

Я думала, там ніхто не вижив.

А. Л. Нет, выжил человек один. Штурман. Его спасли. Он там с переломами, с ранениями... достали его. Это все, что мы собрали. На машины грузили и на блокпост везли. Потом еще несколько раз мы туда выезжали. До конца дня мы туда ездили, уже стемнело, и утром, только светало, мы сразу ехали туда. Пытались что-то найти еще, останки, но ничего не нашли. Все, что было, мы собрали. И после этого перестали летать вообще к нам вертолеты – ни еды, ни воды. Сбрасывали с самолетов два раза. Над Славянском летал самолет, он бросал нам... В этот момент и над Краматорском... уже заблокировали аэродром... Бросал самолет нам посылки с высоты... я не знаю, с какой... несколько километров, на больших парашютных системах. Но там получалось так, что часть по любому улетала в город, к нам прилетало такое... боеприпасы, еще что-то. Еда вся туда улетала. Но все равно, хоть что-то, но прилетало. Тяжело, наверное, попасть прямо по блокпосту. Поэтому они сбрасывали, оно там по разным частям, в город, вокруг города, в поля... Мы выезжали на машинах, собирали это все. Плюс – еще ж это армия – парашюты, парашютные системы, это ж тоже все материальные ценности, и его надо тоже забирать. Мы собирали эти парашюты, эти парашютные системы – они огромные, это не обычный человеческий парашют, это здоровенные такие... несколько куполов. Собирали это все.

Через декілька днів після бою спалена ворожа техніка вкрилася іржею

А потом и самолеты перестали сбрасывать. И все, вообще ничего не было. Ни еды, ни воды. Сначала мы американские сухпайки ели, потом украинские, а потом и их не стало, мы уже там кое-как выжидали. Сигарет не было, бычки собирали... Сначала не докуривали, выбрасывали вокруг окопов. Ты сидишь, позиция, у тебя там такой бруствер, ты сидишь, у тебя куча бычков повсюду лежит. Потом начали собирать эти бычки. В один момент ты понимаешь, что просто вокруг так чисто потому, что ни одного бычка нет вокруг. Их все собирали в коробки, потом курили. Потом доходило до того, что ты идешь по блокпосту, соседняя позиция, там ребята сидят... Ты: «О, бычок!» Они: «Стой! Это наш бычок!» И как-то так... Мы жили-жили... Там очень тяжело было, на блокпосту...

Были ребята, «Беркут», они вообще... У меня какие-то такие воспоминания о них... очень хорошие... Они умные. Такие, знаете, люди чести. Люди, которые по каким-то принципам своим живут... Делают не так, как им сказали, а так, как они... сами пришли к этому выводу. Это были ребята, которые были на Майдане. Это были ребята, которые стреляли, там, снайперы... Я не знаю, именно эти были или... Я знаю точно, что все из ребят, которые были у нас там, на блокпосте, они были же и на Майдане. Их потом там расформировывали. Ругали. Врагами обзывали. Как только их не называли, а они просто продолжали свою работу делать, продолжали молча приказы выполнять. Нашу бригаду расформировывали после того, как сдавали боеприпасы и сдавали оружие. Эти ребята... Временами задумываешься об этом, когда есть время... что, несмотря на все вот это, что столько на нас грязи лили, все равно продолжали делать свою работу. Я не

Околиці Донецька після ворожого артобстрілу

знаю, как оно потом в истории все отразится, но я надеюсь, что оно оценится по достоинству. Потому что эти ребята, беркутовцы... С них срывали шевроны «Беркута». Говорили: «Вы – убийцы». А они никого, скорее всего, не убивали. Я не думаю, что прям брали и стреляли в людей на Майдане, что именно эти ребята... Но они продолжали свою работу делать, и делали ее очень хорошо. Поэтому такое о них воспоминание, хорошее.

Мы пережили там несколько ротаций. Спецподразделения МВД отличаются от армии тем, что у них все в сроки и все вовремя. У них вообще подразделения – они все друг другу брат, сват, кум и большая дружная семья. Вот их там было 15 человек – 15 родственников... Отдыхать ездят вместе, все вместе. Большая семья.

Потом поменяли этих беркутовцев. Приехал к нам «Беркут» из Запорожья. Потом Нацгвардию, которая рядышком с нами стояла в поле на высотке, тоже их меняли регулярно. Наблюдали мы за этими переменами. Мы сидели и ждали: когда ж нас поменяют? [...] Так никто нас и не поменял. Мы там 75 дней просидели, на блокпосту. Я считал каждый день. [...]

Потом сбили самолет наш, Ил 76-й. Тоже мы переживали это тяжело... Я не знал [спочатку], кто летел в этом самолете, просто сказали: «Наш самолет над Луганском сбили». Я говорю: «А-а...» У нас там своих забот хватало. Каждый день... Там обстрелы были ежедневно. Если не минометом накрывали, то подходили и стрелкотней [з автоматів] стреляли. Было такое чувство, что себя надо, самое главное, сохранить. Себя, а потом ребят, которые с тобой рядышком. Разбились по блокпосту на

маленькие группки. У каждого свой сектор определенный был. У нас там семь человек, лейтенант и шестеро солдат, из шести солдат один мобилизованный был. Пять контрактников, мобилизованный и лейтенант. Все примерно одного возраста, по двадцать с копеечкой.

Мы находились в самой дальней части блокпоста, практически в самом Славянске. Если из Славянска выезжать, то самая первая точка – это мы. Мы были в посадке, там такая секретная штука была, что нас не должны были видеть. Потому что если вдруг что-то на трассе происходило, блокпост находился на 100 м за нами, и мы во фланг смотрели противнику, или даже с тыла могли ему зайти.

И потом перестали по блокпосту даже друг к другу выходить. Раньше мы ходили гуляли друг к дружке, а тут уже... Нас «дикари» называли. Мы позарастали, бороды такие, волосы... Грязные, немытые...

Однажды ехала «скорая помощь»... В Славянске и в Краматорске «скорая помощь» одна – в Краматорске. В Славянске нету. И ехала, выезжала по вызову в Славянск, через наш блокпост... И мы вышли на блокпост посмотреть, кто это едет. Остановили, проверили. Там женщина, медсестра, говорит: «Вы вообще кто?» Мы: «Мы – украинская армия». Она: «Так приведите себя в порядок. А то вы выглядите, как вот эти бомжи... Вас не отличить».

«Ці бомжі» - це хто?

А. Л. Которые стоят на блокпостах на въезде в Славянск и в Краматорск, «сепаратисты» которые. И она говорит: «Вас не отличить». И мы утром вместе, всем блокпостом, нашли где-то воду... Ну как? Воду мы пили из луж. Собирали на клеенку то, что дождевая натекла. Было там из чего собирать. Десантник – он такой паразит, он везде выживет. Поэтому... мне хватало два литра воды, чтобы и чай себе закипятить, и помыться полностью, и оставалось чуть-чуть потом, чтоб попить даже. Хватало ее и побриться, и помыться. [...]

Периодически нарастающее напряжение, которое потом в постоянное напряжение перешло... Ты стреляешь каждый день, в тебя стреляют. Ты пытаешься отстреливаться, не знаешь, откуда оно летит, по-прежнему не понимаешь. Иногда-то знаешь, конечно. Потом самолет сбил. Мы не очень даже расстроились, а потом, когда узнали, кто там летел, то, конечно, было тяжело. Потому что там много ребят я знал. Я знал почти всех, кто был, контрактников... Там были и мобилизованные. Всех контрактников и офицеров знал, кроме мобилизованных...

А друг мой, Владик Коваленко... Мы с ним в один день, вместе пришли служить... В начале мая он остался в Краматорске на аэродроме, не уехал на блокпост. Позже их отправили обратно в часть, и с части они должны были тоже в Луганск лететь. Он летел в третьем самолете. Первый приземлился. Второй сбили. А третий развернулся и, по-моему, в Мелитополе сел. [...] И потом как-то так случилось, что они тоже приехали в Славянск, только с другой стороны города стояли. [...]

«Я НЕ ЗНАЮ, СКОЛЬКО ТЕХНИКИ ВЫЕХАЛО ИЗ СЛАВЯНСКА ТОГДА. БЫЛО МНОГО ОЧЕНЬ, НО ЧЕРЕЗ НАШ БЛОКПОСТ НИКТО НЕ ПРОЕХАЛ»

Когда уже освободили Славянск... Не освободили, а мы ж его заблокировали со всех сторон, и они начали выезжать... Часть колонны через блокпост наш выходила. Я не знаю, сколько колонн было вообще, – много техники, потому что мы слышали, как оно шумело все. И колонна должна была проехать по трассе. Там две легковушки было, танк, 2 БМПшки, одна БМДшка и сзади еще ехал танк, БМП и грузовики с людьми. Мощная колонна была. Должны были через блокпост через наш проехать. Это было с 4 на 5 июля, по-моему. Да, с 4 на 5 июля, ночью.

Нас предупреждали, что планируется какая-то акция. Нам как-то так равнодушно было. У нас какое-то отношение ко всему этому было... Я не говорю за всех, но знаю точно за себя и за других ребят, которые рядом со мной были. Ни страшно, ни больно, ни тяжело. Мы как-то так... свыклись. Было обидно, что мы кучу ротаций... Люди меняются, а нас не меняют. Было иногда голодно и холодно. Дождь. [...] Без особых каких-то эмоций мы воспринимали информацию всю.

Я так понимаю, что это очень масштабная была операция. В городе тогда находился и «Моторолла», и «Стрелков». Они приходили к нам и передавали письма через каких-то гонцов – мол, сдавайтесь, русские, сдавайтесь. Различные провокации были, но мы на них не поддавались. Командовал блокпостом Андрей Ткачук, Герой Украины, майор, тогда он капитаном был. [...] Мы еще смеялись

2015 р., у новій формі, з новим озброєнням та спорядженням воювати легше, ніж було на початку війни

над ним, пока до війни, еще в части. Его все называли «Шомпол». Худой, высокий... Его никто всерьез не воспринимал – капитан, командир роты... Он был наименее авторитетный командир. Я его никак обидеть не хочу, но о нем такие слухи ходили. Я его лично тогда еще не очень хорошо знал. Потом, когда оказались мы на блокпосте, он и «Героя Украины» получил не зря. Он жизни ребятам многим сберег своими действиями. Он очень мудрый, очень умный, очень сдержанный, настоящий офицер. Хотя

до этого никто даже представить не мог, что... Война показывает людей с разных сторон... Кто-то из хорошего становится плохим, а кто-то наоборот, из никаких...

В общем, был у нас Андрей Ткачук. Была у нас гора Карачун. И рядышком с нами там артиллерия стояла. Они нам очень часто помогали, потому что близко к блокпосту подходили [російські гібридні війська], и там посадка, поле, эти все складки рельефа... Тяжело было нам в ответ с ними бороться. И мы просто давали координаты, и ребята с Карачуна или минометом, или чем-то заслоняли. Такой делали заслон, что к нам нельзя было подойти.

В общем, эта колонна должна была проехать. Трасса была большая. Я не знаю, сколько техники выехало из Славянска тогда. Было много очень, но через наш блокпост никто не проехал. Нас предупреждали, что там что-то будет сейчас, готовьтесь. Мы, естественно, готовились. Все были с боеприпасами, все заряжены, у

всех все в боевой готовности. Они минут 40, может, час, накрывали минометами со всех сторон именно по блокпосту. И со стороны Краматорска, и со стороны Славянска, и какое-то село... как-то оно называется, по-моему, Николаевка или... В общем, изо всех этих районов, с трех сторон. Ни в кого вообще не попали, никого не зацепили, потому что настолько было все укреплено. Мы там руками такие катакомбы вырыли, что все абсолютно живы остались. Все целенькие. И потом начало шуметь, жужжать... Макс, командир взвода, говорит: «Давай, готовь свой гранатомет». Я говорю: «Ты что, смеешься? Какие танки?»

Поехала колонна, легковушки две на большой скорости летели очень...

Чиї? Їхні?

А. Л. Да, да. Это полностью из Славянска – его уже окружили, и они собирались выходить оттуда. Они сбежали тогда в Донецк, получается. И вот эти «сепаратистские» все соединения... Там очень много было на самом деле техники. Я не думал, что так много.

Ви цю техніку бачили чи чули?

А. Л. Мы ее слышали. Сначала слышали. Они подъезжали к блокпосту по городу, танки, слышно было. Когда танк передом к тебе стоит, его не слышно... Если за 1 км, ты его можешь видеть и не слышать, потому что турбина... весь звук назад выходит. И он по городу, по улицам кружлял. Когда он разворачивался, слышно было турбины. Грузовики слышно. Техника гусеничная, БМПшки, их очень слышно. За 3 км легко слышать, а мы почти в городе стоим. И мы все это слышали. «Накрывали», и потом начали идти... Эти легковушки две проехали.

А чого їх пропускали?

А. Л. Мы их не пропускали. Мы их расстреляли, эти легковушки. И они сторели полностью.

Це та колона, яка була знищена? Бо там же більшість вийшли повністю...

А. Л. Да, это та колонна, которая не проехала.

Розкажіть детальніше цей момент. Скільки ви їх там ліквідували? Дві легковушки спочатку...

А. Л. Две легковушки сначала... Мы растягивали минный шлагбаум, трес тяжелый, и на нем пять или шесть мин через [кожні]

полметра установлены. Растягивали по дороге... с одной стороны блокпоста и с другой стороны. Получается, наша позиция была самая первая из города. Первых, кого видели, это мы были. Растягивали этот шлагбаум, но на легковушках не сработали мины – на танк рассчитана эта мина. Расстреляли машины, они сгорели. Достали оттуда двух женщин, женщин забрали, всех остальных расстреляли. Я не знаю, много их там было или нет, но оно сгорело все. Полностью все сгорело.

Хто вони були, за документами?

А. Л. Одна была родом из... Донецкая была, из Донецкой области. Вторая была журналисткой телеканала РенТВ с русским паспортом. Мы их сразу не опрашивали, не допрашивали, мы их забрали, посадили в яму, накрыли чем-то, руки им связали, и они сидели. Потом начала колонна двигаться, бронеколонна... Уже начался прям такой страх, начали бояться, переживать... Я до последнего не верил, что там танк будет ехать. Но все-таки поехал танк... Там такая трасса... Если бы была карта, вы бы поняли... Наискосок как-то выезжал танк из-за угла и видел наш блокпост. [...]

Он видел, что там БМДшки стоят, он видел уже это все, но что буквально за 10 метров от него там позиция находится, он не знал... Ну как? Может, и знали, но они думали... надеялись проскочить. Я думаю, что они знали, потому что мы там находились 75 дней, мы там очень долго были. И они уже давным-давно нас уже там видели, и мы там не сильно прятались. Может быть, и надо было прятаться, но когда ты там живешь... и быт... тяжело спрятаться. [...]

Выезжал этот танк. Он, получается, стрелял по блокпосту туда, вперед, где БМДшки стояли. В сторону, сюда, никто не смотрел. А мы сидели как раз сбоку и вели огонь по танку. [...]

[Показуе фото.] Наши ребята, десантники. Они там поначалу жили, в машинах, пока по ним стрелять не начали. Они жили в них, в десанте. Открывали люк... Там спокойно два-три человека могло размещаться. [...]

И отсюда [показуе на фото місцевість] начали выезжать. Ехал сначала танк, потом две БМПшки ехало, БМДшка одна наша, которую они у нас отжали, или кто-то с этой БМДшкой к ним туда пришел... У нас же на блокпосту все сожгли, всю технику сожгли.

И часть техники увидела [частина тих, хто їхав на цій техніці, побачи-

ли], что там происходит... Они завязались очень в бой. Бой был часа два с половиной... И они не прошли. Танк остановился. БМПшка одна проехала, но попала на минный слагбаум, в другом конце блокпоста остановилась. Она «разулась», гусеницы слетели, она дальше ехать не могла. [...] Потом БМД поехала. Мы ее тоже... Там попал из гранатомета [боець], не помню фамилию [пізніше уточнення респондента: «Нагуманов»], из 5-й роты. Попал, и БМДшка сгорела, потому что она... сплав такой, алюминий, дюралюминий какой-то... Она очень мягкая, и она горит. Сгорела, расплавилась, только башня осталась. И вторая БМПшка тоже ехала, возле этого танка прямо остановилась, попала на слагбаум, и в нее тоже начали огонь вести. Она остановилась, взорвалась. Сгорела.

«ТАНК УСПЕЛ СДЕЛАТЬ ВЫСТРЕЛ, ДВА ВЫСТРЕЛА...»

А танк ви також підбили?

А. Л. В танк попали... Получается, я попал в танк сбоку. Он остановился. Сзади под башню. И он остановился. И загорелся. Они начали из него выпрыгивать, куда-то разбегаться, в разные стороны. Тут такой огонь сумасшедший был, из этой посадки сыпалось на дорогу... Никто не выжил там вообще. Из посадки, из блокпоста, из машин, со всех сторон. Ребята, которые находились на высоте, рядышком, они наблюдали за этим всем. Говорят: «Господи, мы даже не знали, что там происходит. Там такой дурдом...» И ничем помочь не могли, потому что мы сначала [наші позиції], а потом аж дорога. [...]

Загорелся танк, остановился. [...] И потом боекомплект начал срабатывать в танке, гореть и взрываться. Взорвался он, разнесло его на кусочки, этот танк. Часть в посадку к нам улетела, часть в поле. Только башня подлетела вверх, метров, наверное, на десять, потом бабахнулась на землю, на то же место практически. Там такой кратер был... наверное, мне в полный рост. [...]

Це ж уночі було...

А. Л. Да, это в ночь. Ночь с 4 на 5-е число. [...] Часть колонны осталась... не стала ехать дальше. Потому что увидели, что там ничего

«Косим». Запорізький козак.
Став командиром
відділення А. Лебідєва
після його демобілізації

хорошего уже не будет. Они – назад и там рассредоточились, насколько я понимаю. Потому что по нам еще стреляли, мы еще отстреливались. Колонну-то мы разбили, а то, что было за ней, начало по нам стрелять. И тогда нам начала помогать Карачун-гора. Андрей Ткачук, командир блокпоста... Это человек уже контуженный на тот момент был, потому что танк успел выстрел сделать, два выстрела успел сделать. Один выстрел попал возле нашей машины, контузило механика, который в машине сидел, и командира контузило. И потом еще раз, он попал в холм... Там взрыв... Там у нас погиб боец один.

Они рассредоточились там, начали по нам вести огонь, и Андрей Ткачук начал вызывать помощь у Карачуна, чтобы они артиллерией накрывали. Просили дать координаты. Те ребята, которые рядом с нами на высотке стояли, они видели, откуда по нам ведут огонь, и они начали координаты передавать. Там ужасная связь была... то по телефону, то по рациям... У него было три радиостанции с собой, телефон мобильный... Уже к тому моменту вышка телевизионная, которая на Карачуне стояла... в нее попали из миномета. Она развалилась полностью. Связи не было, и он бегал туда, наверх, спрашивал координаты, пытался их передать, а сверху не добивала радиостанция до Карачуна. Он спускался опять вниз, к блокпосту, передавал координаты... В общем, это такая... два с половиной часа, три часа страшного напряжения. И потом Карачун начал бить по координатам, и насколько я знаю, они очень много поразили. Эти БМПшки все разбитые, сто-

«Вован». Кулеметник А. Лебідєва

ревшие были, и в танк они попали. Он долго гудел...

Це вже інша техніка, не та, яку ви...

А. Л. Это часть той же колонны... Они увидели, что им не проехать уже, и они развернулись и начали там кружить, пытаются объехать нас, стрелять по нам... И в этот момент с Карачуна по ним вели огонь... Я так понял, мало кто там, наверное, выжил, потому что они очень мощно накрывали. И плюс они подсвечивали световыми минами. Есть такие мины, которые выстреливают и потом на парашютике спускаются и освещают... Было светло, все видели...

Наші підсвічували?

А. Л. Да... Колонну не пропустили. [...] [Розмову перервав телефоний дзвінок.]

«ДОСТОЙНЫЙ ЧЕЛОВЕК ДОЛЖЕН... ПОНИМАТЬ СУТЬ ТОГО, ЧТО ОН ДЕЛАЕТ»

Скажіть, будь ласка, носія яких якостей ви могли би назвати достойною людиною?

А. Л. [...] Я думаю, что это в любом случае должен быть человек, который слово свое держит и который показывает... Поступками своими доказывает свое звание – что он достойный чего-то, а не просто

словами. Важны поступки. И этичность... Я недавно только понятие это для себя открыл. В словаре там этику толкуют как мораль, а мораль как этику. Хотя это разные вещи абсолютно.

А в чому відмінність, на ваш погляд?

А. Л. Для себя я такой нашел термин [визначення] интересный, что этичный человек – это человек, который что-либо делает так, думает так, поступает так, потому что он сам к этому выводу пришел. Например: воровать плохо. Этичный человек понимает, почему: потому что ты не заработал это, это не твой труд, человек много в это вложил. Если ты придешь просто и отнимешь, это не есть хорошо. Это ты делаешь неприятно человеку, и себе ты пользы тоже не сделаешь. Потому что ты не заработал это сам, ты не оценишь по достоинству этих благ, если ты их сам не заработал. Этичный человек такого не делает, потому что он понял суть, смысл... Моральный человек, по-моему... Часто такое бывает: воровать плохо, потому что за это можно сесть в тюрьму. [...] Мораль – это предохранитель от неэтичных людей. Это не всегда хорошо...

Моральный человек в любой момент может изменить свое мнение. Если поменяется мораль, и человек поменяется. Этичный человек не поменяется. Он пришел к этому выводу, он сам к этому пришел.

Скорее всего, достойный человек должен поступками своими что-то показывать, самое главное. И быть этичным – понимать суть того, что он делает. Не делать [щось] только потому, что ему так велят, кто-то – закон, религия или еще что-то. Потому что «так правильно».

У психології використовуються близькі поняття: «внутрішній локус контролю» – коли ти відчуваєш, що мірило істини в тобі, що ти є сам господарем своєї долі і ти сам несеш відповідальність за свої вчиники, та «зовнішній локус контролю» – коли ти переконаний, що повністю залежиш від зовнішніх обставин, законів, наказів, і тоді ти менше відчуваєш відповідальність за свої вчиники.

А. Л. Да, ты – сам судья своих поступков. Ты эти поступки делаешь, кроме тебя самого в мире нашем может кто-то тебя осудить, это правильно, но если к самым истокам прийти, то ты – сам себе судья, и ты решаешь, как ты будешь поступать. [...]

Человек вообще такое существо, что если двигаться [рухается], то к какой-то цели. Ставь цель себе и иди. Бизнесмен поставил себе цель, и он к ней двигается. Ему хочется заработать миллион, и он двигается

к цели. Есть обычные рядовые работники, у них какая-то своя цель, небольшая – чтобы в семье был порядок, за квартиру заплатить, покушать... И вот этот человек, он двигается к цели, но не к своей, а этого дядечки... Это тоже неплохо, это в любом случае движение. А вот у человека, у которого нет цели, вот он – ничтожество, потому что он никуда не двигается. [...]

Ви розповіли, якою, на вашу думку, має бути достойна людина. А кого ви вважаєте антигероєм? Не обов'язково в армії, можливо, просто в суспільстві.

А. Л. Естественно, это какие-то предатели. Либо же трусы какие-то. Я еще очень не люблю равнодушных людей. Равнодушие – это самое, наверное, такое, страшное, что может быть у нас... Я не привык видеть антигероями каких-то страшных людей. [...] Антигерой... для меня это тот, кто дурак, я не вижу там каких-то злых людей антигероями. [...] Обычно это всякие вруны, какие-то предатели, которые пытаются себе выгоду... Все стремятся к тому, чтобы себе выгоду сделать... но кто-то по-честному либо более-менее по-честному, а кто-то – на чужих несчастьях. Это, я считаю, не очень хорошо. [...]

Это вот старший лейтенант Аника, который сбежал в поисках хорошей жизни в «ДНР/ЛНР». Потом, как оказалось... Он живет в Донецке, и у него все очень плохо. Он страдает, ему денег уже не платят. Раньше платили, а сейчас не платят. И уехать некуда. В Украине ты уже не нужен никому. В России ты никому не нужен...

«ВОДИТЕЛЬ САШКА... ТАКОЕ ОЩУЩЕНИЕ, ЧТО ЭТИ ПУЛИ, ОНИ ВОКРУГ НЕГО ЛЕТЕЛИ»

Тоді скажіть таке: чи були ви свідком героїчного вчинку? Можете розповісти про якийсь такий випадок?

А. Л. В армии это часто. Люди жизнью своей жертвуют ради товарища, ради друга. Первый раз героический поступок, самый-самый первый, – это... У нас раньше в части служил прапорщик Голополосов, в Новомосковске стела в его честь есть на доме... Он погиб. На доме его висит табличка, что «В этом доме жил прапорщик Голополосов». Это человек, который когда эти все события начались, вернул-

Бліндаж, м. Авдіївка. Ліворуч майор Герасименко, Герой України, командир 1-го батальйону 95-ки, поруч майор Захожий, командир 4-го ПДР 25 ОПДБр. І собака Зайка

ся обратно в часть. Был такой мужик легендарный. Как рассказывают легенды в части, он из Новомосковска в Гвардейский бегал каждый день на службу, а не ездил на маршрутке. Здоровый такой. Физически крепкий. Всегда всех воспитывал в духе спортивности, правильного образа жизни. Классный был мужик.

Во время штурма Соленого [Червоного – респондент обмовився] Лимана он погиб. Он двух бойцов спас. Тяжелый бой был, он их вытаскивал из боя, раненых. Вытащил двоих, пошел за третьим. И третьего вроде бы как вытащил, но знаю точно, что этих двоих спас... Третий, по-моему, погиб. [...] Сам погиб [Голополосов], а ребят спасал до последнего. Обычно все считают, что прапорщик на складе сидит, ворует и водку пьет, а вот это был настоящий прапорщик, боевой. [...] На него смотрели как на отца на своего родного. [...]

Андрей Ткачук, который у меня на блокпосте был командиром. Герой Украины. Я считаю, заслуженно вполне.

Це той, що ви на фотографіях показували?

А. Л. Нет, это лейтенант Володенков, мой командир взвода. Вот он ничего не получил, никакой награды. Хотя достойный тоже. Я просто понимаю, что в такой ситуации тяжелой не каждый 22-летний паренек смог бы здраво мыслить и какие-то решения принимать. Далеко не каждый. [...]

Мы уже были обстрелянные, когда эта колонна пошла. Мы уже знали, что как. Уже чувствовали себя бойцами целых два с половиной месяца, или сколько там мы пробыли. Но в один момент, когда танк поехал, начал стрелять, никто не знал, что делать. Все на него посмотрели [на Андрія Ткачука]. На этого... «Шомпол», как мы его называли... А он виду не подал, начал приказы отдавать, по радиостанции передавать... У него три радиостанции было и свой телефон. Я не знаю, как можно одновременно со всем этим работать, когда по тебе стреляют. Он выходил в полный рост, стоял, смотрел куда-то вдаль, пытался что-то определить. Бегал там. Человек не боялся и пример людям подавал: «Чего вы боитесь? Не бойтесь. Все нормально будет». И все было нормально. Я считаю, героический поступок. [...] Все, кто там были, все ему жизнью обязаны. Если бы он не так командовал – все, там ничего не осталось бы от нас. Смели бы той колонной блокпост, и все. По силам мы намного были меньше их. По духу... Десантники, 20 десантников – что нам там колонна бронетехники? А на самом деле, если бы он нам этот дух не поднял, то, скорее всего, ничего бы там такого... хорошего конца для нас не было бы. [...]

Это самое начало было, 2014 год, июль месяц... Потом начались активные боевые действия, в Донецкой области. Мы пошли дальше. Там города... Я там каждый день наблюдал эти героические поступки. Их никто не оценивает, потому что они там... это повседневность. Это обычное дело, когда боец спасает другого бойца. Это обычное дело, когда мой водитель, Сашка... Мы ехали на БМДшке... По нам стреляют, а она ехать не может... И он ничего лучшего не нашел, чем вылезти из нее – и пока все ребята где-то вокруг лежали, он, без бронезилята, без ничего, открыл силовой люк и начал что-то молотком стучать. Такое ощущение, что эти пули, они вокруг него вот так вот [показуе руками, як, здавалося, механіка оминали кулі] летели. Ему вообще все равно было... Таких случаев очень много. [...]

У меня двойные чувства по поводу героизма. Я не приверженец героизма, если честно. [...] Меня научили такому понятию, что героизм от профессионализма отличается тем, что герои погибают, а профессионалы продолжают свое дело делать. Это очень правильное такое [настанова]... Я никогда быть героем не хотел, я всегда профессионалом быть хотел в своем деле. В любом, чем бы я ни занимался, военным был или геологом, или чем я сейчас занимаюсь. [...] Героизм начинается тогда, когда командир где-то очень много делает ошибок.

Тогда солдат начинает геройствовать, потому что другого выхода не бывает.

Медик на блокпосте, Валик, капитан тоже, в медицинской службе у нас в бригаде служил. Сейчас учится где-то. Человек делал такие операции в таких условиях, что... Людям жизнь спасал. Засовывал внутренности все назад, грязными руками, зашивал, и там у людей все приживалось, без всяких стерильных приборов. И все получалось у него. Таких примеров тоже очень много. Врачи. Волонтеры. У меня есть такой хороший знакомый волонтер, Эдуард Кулинич его зовут, все его называют «дядя Эдик». Это такой дядечка, который вывозил наших ребят, раненых, на машине. Он с нами с самого Славянска, Краматорска до сих пор. [...] Под обстрелы попадал, в плену был. [...] В обычной жизни тоже есть герои, но их тяжелее квалифицировать как героев.

Екстраординарних ситуацій не так багато.

А. Л. Да, либо они воспринимаются не так серьезно. У меня начальник на работе спас кота. Я им восхищаюсь. [...] Кота машина сбила, у него была черепно-мозговая травма. [...] Там ему пару капельниц, пару уколов – живой. [...] Это достойный поступок человека. Нужно человеком оставаться в любой ситуации. [...]

Чи є у вас рецепт долаання страху?

А. Л. Много было вещей, которые было страшно делать. Не знаю, как-то научился просто брать и делать. Бывают такие условия, когда ты знаешь, что у тебя выхода другого нет, и бояться нечего, потому что по-другому не может быть никак. Плюс я всегда стараюсь найти логику во всем – такой склад ума. Всегда пытаюсь найти смысл в чем-то, логику взаимодействия между всем, что происходит.

Страшно... Много чего страшно было. И с парашютом страшно было прыгать, но ты прыгаешь, потому что надо это делать. Если ты не прыгнешь, то... тут много разных факторов... Например, за тобой ребята стоят, они тоже не прыгают. Вертолет посадят, будет потом плохо тебе, если они не прыгнут. Потому что все хотят. Не прыгнешь – не попадешь туда, куда тебе надо попасть. На войне стреляют – страшно. А с другой стороны, а что ты сделаешь? Убивают, значит, не надо бояться, а надо что-то делать, меры какие-то применять. В ответ стрелять. Или упади в землю, лежи. Или беги, или кого-то спасай... [...]

Страх, он всегда есть в жизни. На сцену страшно было в школе выхо-

дить, стихи рассказывать. Потом глаза закрываешь, выходишь – и все, и не страшно. На самом деле вот это чувство, которое после страха идет, оно потом даже какое-то... [...] А сейчас уже ничего не страшно, потому что пока что самые страшные события в моей жизни прошли уже, и теперь ничего не страшно, вообще. [...] Глупого страха, неосознанного, нет. [...] Боюсь многого разного. Все смерти боятся. Я высоты иногда боюсь.

Але з парашутом стрибали?

А. Л. Да, конечно.

І ви ж альпінізмом займаєтесь?

А. Л. Я ходил в горы на Кавказ, и в Крым, и в Карпаты, и много-много куда ходил. На Кавказе на Эльбрус...

«ТУТ ДЕЛО ПРИНЦИПА, ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ЛОГИЧЕСКИХ ВЫВОДОВ»

У мене є ще таке цікаве питання. Ви народилися в Калінінграді, в Росії. Як сприймаєте те, що Росія відіграла вирішальну роль у розв'язанні війни на Донбасі?

А. Л. Мне без разницы, какая страна – это Россия или еще кто-то. Тут дело принципа, элементарных логических выводов. Ты живешь. Есть определенная территория в стране. Кто-то извне начинает что-то провоцировать, потом открыто вести боевые действия... Мне пришлось и технику российскую видеть, и людей этих русских, в колонне, которую мы в Славянске видели. Потом в Дебальцево. Потом в Шахтерске. Очень много раз... На Саур-Могиле были наши ребята, когда российская артиллерия стреляла. То есть открытая агрессия.

Какая разница – русские, еще кто-нибудь? Я родился в России, у меня все родственники русские, но теперь из-за того, что я там родился, поступать неправильно и говорить, что «вот, я тоже русский»? Я... Раньше я гордился тем, что русский. Прямо гордился. Мне нравилось. Потом я понял: какая разница, кто ты? Главное – человеком будь. Русский. Казах. Американец...

Сейчас я очень не люблю этих «я-русских», которые прямо кричат. Вот у меня бабушка такая. Я ее, конечно, безумно уважаю, но она

Бойова машина з жіночим ім'ям, м. Авдіївка

меня очень этим расстраивает, когда говорит: «Я – русская». Я пытаюсь донести ей: «Ба, ну уже прошло то время, когда кричали, что ты – русский. Это не есть хорошо». Русские, они, может быть, люди-то и хорошие. Люди везде есть хорошие. Я уверен, что в России... там куча ученых, писателей, актеров... Но не люди плохие, а «я-русскость» вот эта, она плохая. Они вечно: «Мы непобедимы! Нас никто...» Да вас никто и не собирается побеждать. Вы триста лет никому не нужны вообще. И я это как-то понял для себя, и мне без разницы вообще, если честно, было: русские там или нерусские. Мне вообще все равно было. У меня здесь мои товарищи, друзья. У меня есть какой-то приказ, мне все равно – там русские или нерусские.

Просто є два види... Це стосовно росіян, і не тільки росіян... два види ідентичності: імперська ідентичність та ідентичність національна, коли ти – представник свого народу, і це нормально, це класно, ти з повагою ставишся до інших народів. Але якщо ти представник якогось народу і тому вважаєш, що ти маєш владу над іншими, – це вже імперська ідентичність...

А. Л. Может быть. Я никогда таким не был... И сейчас, несмотря на то, что с Россией не очень хорошие отношения, я знаю, что я – русский человек, я разговариваю по-русски, мне так лучше, удобнее. [...] Я могу по-украински, но это будет вам неприятно слушать. Я умею красиво, но это надо стараться. Лучше по-русски. И мама у меня русская. И папа русский был. И все бабушки-дедушки... Это хорошо, это прекрасно, но я не вижу смысла переходить сейчас на сторону зла и поддерживать хаос, который происходит там. Мне кажется, будь я в российской армии, я бы, наверное, не поехал туда, делать то, что там

Наша техніка, в яку влучили під час обстрілу, м. Шахтарськ, 2014 р.

происходило. Потому что это не очень хорошо, это и дураку понятно, что там происходят нехорошие дела и абсолютно неправильные...

Мне обидно за несколько вещей, и это еще больше у меня [викликає] вот эту неприязнь ко всему «русскому»... Потому что я, во-первых, на родину к себе поехать не могу. Я бы очень хотел поехать в Калининград. Это прекрасный город, старый немецкий город, Балтийское море, там очень красиво. Там русских 30 % живет, остальные все прибалты, поляки и немцы. Но не могу поехать, потому что это – Россия, я – военный бывший, меня через границу не пропустят, а если пропустят, то я там и останусь. Я в Крым не могу поехать теперь, потому что Крым – тоже Россия. Я очень любил крымские горы, ходить в походы, отдыхать. Я очень хочу в Грузию поехать летом, но мне придется лететь на самолете, что в несколько раз дороже, чем поехать на поезде. [...]

А люди везде хорошие. И там основная масса людей, они тоже... жертвы того, что происходит. Просто у них немножко психология другая в России, они зомбированы до сих пор. У меня много друзей живут в России. У меня друг уехал из Кривого Рога, в Питере сейчас живет. Моего возраста. Мы с ним вместе в институте учились. Мы с ним часто переписываемся, созваниваемся. Он говорит: «Блин, мне так тяжело тут. Они вообще в другом мире в каком-то живут». [...] Это новая такая... новая разновидность фашизма какого-то. Страшно.

Поэтому я русский по национальности, родился, в паспорте у меня написано. Но гражданин-то я этой страны. Я в армии служил этой страны. Я ее защищал. У меня вообще никаких не было даже колебаний, сомнений. Вообще никаких. [...]

Я так розумію, гумор на війні відіграє важливу роль, допомагає скидати емоційне напруження. Пригадаєте якусь смішну історію з вашого воєнного досвіду?

А. Д. [...] Я не знаю, какой конкретный привести случай, – их очень много, и большинство они такие... Знаете, и смех, и грех. Каждый день что-то было. Не бывает и дня, даже в самой плохой, тяжелой ситуации, в самом страшном моменте, всегда кто-то находится... или это ты, или кто-то из твоих товарищей, или просто ситуация сама такая... Всегда есть кто-то, кто начинает ржать, смеяться... Мне кажется, в этом есть какая-то доля этой романтики военной. Они как врачи. Знаете, либо все с юмором, либо пьют. [...]

Скажіть, чи були у вас на війні, може, в інших бійців, хто з вами служив, якісь ритуали, може, якісь забобони, прикмети? Якісь такі речі, які повинні були захистити від небезпеки?

А. Д. [Посміхається.] Я не верю в это все, сразу говорю. Я человек рациональный. На меня эти штуки не действуют, я, скорее всего, из тех людей, которые... Если зеркало разбилось, значит, у тебя руки не из того места растут. Если кошка дорогу перебежала, значит, бежит по делам своим, не мешай ей. Но мне пришлось столкнуться с этим с самого первого дня в армии. [...] Десант... парашюты... «Поцелуй парашют на земле, он спасет тебя в небе»... Не наступать на стропы парашютные, потому что что-то может случиться. Не бриться перед тем, как прыжки... [...]

Кто-то молится, кто-то крестится, у кого свой Бог, другой какой-то... Был пик такой моды, когда писали на касках и бронезилетах что-то. «Спаси и сохрани». Думали, что оно спасет. Машины называли именами своих женщин, пушки... На них писали что-то, должно было как-то помогать в бою. [...] У меня ребята в роте, в 3-м взводе, очень не любили, когда их кто-то крестил. Очень часто, проезжаем через

город, бабушки, тетеньки виходят на улицу... И они там: «Ой, сыночки...» Вот они [бійці] прямо ненавидели это, говорили: «Та хватит нас крестить! Сколько можно?» У них считалось плохой приметой, что их крестят. [...]

Ви зараз повернулися. Чому ви вирішили, що війна – це не ваша справа? Чи я неправильно зрозуміла?

А. Л. У меня, во-первых, контракт закончился. Три года по контракту отслужил, и такая ситуация была, что не увольняли контрактников. [...] Контрактников и так не хотят увольнять, а сержанта, командира отделения... Тяжело будет найти нового сержанта... Подготовки... переподготовки... Армия вкладывала деньги в нас, наше развитие, наше обучение. Не очень хотят увольнять. [...] Служба службой, долг долгом, это все хорошо, но у меня есть и моя жизнь. [...] Настал такой период, когда я понял, что я устал уже. Я из трех лет в армии... Я где-то почти два года, год и 8 или год и 9 месяцев, я провел в командировках в Донецкой, в Луганской областях, с самого начала. [...] Устал физически, устал морально. [...]

Мне, с одной стороны, тяжело, конечно, было с ребятами расставаться... С ребятами... За армией я не скучаю. [...] У тебя такой круг сложился [про тих, із ким служив], что его не разорвешь никак. [...] Плюс сейчас все перешло в такой режим относительного затишья, и если раньше десантные части должны были там находиться, то последнее время ребята ездят в командировки и, по сути, ничего не делают там. Последние мои несколько месяцев в АТО это было просто невыносимо – каждый день сидеть и плевать в потолок. И ты понимаешь... Я тогда не понимал, а сейчас я понимаю: я столько времени потерял зря... Конечно, много опыта. Много друзей. Много такого опыта, который очень дорогой и которым надо правильно пользоваться, жизненный такой. Но я столько всего упустил, за три года в армии я мог столько выучить всего... [...]

Там ты возвращаешься обратно в первобытную жизнь. Выжить – самое главное. А чтобы выжить, нужно покушать, поспать, помыться, попить. И если стреляют, то в ответ пострелять. И тебе больше ничего не надо. И человек начинает деградировать чуть-чуть. [...]

Це проблема нашої армії. Багато військових на це скаржаться – на неможливість розвиватися як особистість, інтелектуально зростати. Але дехто служить в армії й паралельно заочно навчається. Я знаю таких.

А. Л. [...] Очень редко, да. Очень трудно получить специальность, когда ты в зоне боевых действий находишься... Ты получишь просто удостоверение [диплом]. [...]

«Я ВОЕННЫХ, КОТОРЫЕ УЖЕ УВОЛИЛИСЬ ИЗ АРМИИ, ЧЕТКО ДЕЛЮ НА ДВЕ КАТЕГОРИИ...»

Ми дійшли якраз до наступного питання. Як ви після війни змінилися? Як ви відчуваєте? Цінності, погляди...

А. Л. Все полностью. Это тяжело описать в одной строчке, фразе, предложении. Много чего меняется в жизни. Я как-то... вник. Понимаю, что все уже не так, как раньше. И все. Я стал очень добрым. Я раньше был вспыльчивый... хотел новых высот, еще чего-то. Сейчас я тоже этого всего хочу, но уже более рационально, постепенно. Более спокойным стал. Тяжело чем-то меня... Есть, наверное, какие-то такие вещи, моменты, которые вмиг могут... вспылить, но такие... редко я встречаю.

Поменялись ценности, конечно. Я раньше никогда не знал, что такое материнство, любовь, опека... Она [мама] всегда мне звонила в самый тяжелый момент... короче, в самый ненужный момент... она мне всегда звонила. [...] Когда стреляют, что-то взрывается, она чувствует все это. Начал по-другому смотреть на ценности обычные, жизненные... Там, в армии, ничего нету вообще, на войне тем более... Горячая вода, чай вкусный... обычные бытовые вещи начинаешь ценить.

Плюс понимаешь, что на самом деле это такой опыт. Я военных для себя делю четко на две категории людей. Которые уволились уже из армии... Они есть либо которые потом всю жизнь пьяные вспоминают, кричат об этом или рассказывают: «Да вот, я там...» А есть такие, которые понимают, какой у него серьезный опыт, колоссальный, что людям гражданским никогда в жизни такого опыта не добыть нигде. И военный всегда отличается своим умом, не в плохую сторону. [...] Боевой офицер или сержант, он в разных ситуациях мыслит совсем по-другому. У меня сейчас на работе часто такое бывает, что мы сидим... Руководитель, директор, они говорят: «А вот как бы мы в такой ситуации поступили? Есть такие, такие и такие предложения». Я говорю: «А чего так не сделаете?» (Как-то иначе.) Они: «А мы не подумали.

Траса Авдіївка — Донецьк, розбита техніка ЗСУ

Давайте». Это не то, что я какой-то гений экономики или бизнеса, просто чуть-чуть по-другому смотришь на вещи. [...]

Я пытаюсь помогать военным ребятам, которые увольняются. Многие уволились и не знают, что делать. А куда работать идти? Для него это вообще непонятно. Хорошо, если парень из города, у него родители, семья. А есть ребята из сел, которые дальше своего села никуда не выезжали. Им сейчас тяжело, назад, в село... Он точно не хочет туда возвращаться, а в городе он не знает, что делать. Стараюсь помогать. В центр занятости отвел, стали на учет, денежки получает какие-то. Работу какую-то начинает искать. Подбадривать как-то... «Ты можешь все. Ты столько пережил всего, нет ничего невозможного сейчас для тебя. Ты со своим умом и со своим опытом, и со своими знаниями нестандартный. Ты еще сам не понимаешь, что он у тебя есть, но он есть. Ты с этими знаниями можешь сейчас таких высот достичь, столько всего добиться, просто на энтузиазме на своем. Потому что у тебя его [досвіду] гораздо больше, чем у обычных людей, у которых все блага и которые всю жизнь сидели дома, учились в институте, не знают, как тяжело может быть человеку».

Я абсолютно переосмысливаю очень много тяжелых жизненных ситуаций. Для меня, наверное, ничего тяжелого в жизни нет, потому что ты понимаешь: «Блин, а что тут сложного? Ничего тут сложного нет. Бывало и похуже». [...]

Во всем полностью меняешься. И ты понимаешь, что нет ничего невозможного, и ты пытаешься от каждого момента максимум для себя брать полезного и максимум хороших дел каких-то делать. [...]

«НЕ БУДЬ ВСЕХ ЭТИХ СОБЫТИЙ, ИМ БЫ НЕ ПРИШЛОСЬ СТОРОНУ ПРИНИМАТЬ»

В и кажете, зародилась в вас доброта якась. Як це відбулося? Пам'ятаєте цей момент?

А. Л. Думаю, я сам по себе добрый человек... Я всегда пытался слабым помочь. У меня в отделении... Я – командир отделения, у меня семь человек в подчинении. Какой-то есть слабак, но ты ж не выкинешь его куда-то, надо как-то помочь. Другого выхода нет. Начинать помогать. Приходили молоденькие ребята, в [20]15-м году начали приходить, совсем молодые, 18-летние контрактники. И их сразу туда... Понятно, что не в самое пекло, но тоже не в очень благоприятную обстановку. И они, наверное... Я считаю, что им везло, тем, кто в отделение ко мне попадал, потому что я их учил чему-то, что сам знал, азам элементарным, и относился к ним по-человечески. Я мог, конечно, по шапке дать, если он совсем через край... Но так старался с ними... по-человечески. Наверное, потому что со мной так было. Я когда был солдатом молодым, меня никто не унижал, у нас никакой дедовщины не было. У нас наоборот... десантное братство... Нет дедовщины, есть просто старший товарищ, который тебе может подсказать, помочь. Если ты не понимаешь, то [поміхається] заставит тебя понять, но никто ни над кем не издевался... И я старался [теж так робити].

И с людьми с этими [місцевими мешканцями]. [...] Пытался как-то помочь. Старался хотя бы... если не помочь делом, то хотя бы ничего плохого не сделать. И деткам мы помогали, и вообще людям этим... Там просто разруха и развал был. Мы когда приехали после Славянска, вернулись обратно в Краматорск, на базу, там собрались войска, огромная такая база была, большая. И оттуда мы поехали дальше, вперед пошли... Сначала Дзержинск, потом Лисичанск, потом в Дебальцево поехали. Я был в том подразделении, которое Дебальцево освобождало, когда только занимали город. Мы заходили в город, лето 2014-го.

Потом из Дебальцево дальше поехали – в Шахтерск, Харцизск. Другая часть поехала в Шахтерск с другой стороны. Там такие сумасшедшие боевые действия были, много наших ребят погибло. Саур-Могила... Часть ребят в Луганском аэропорту находилась, часть наших ребят в Донецком аэропорту находилась. То есть очень-очень много этих населенных пунктов... Заходили, освобождали. [...] И дошли практически до границы, когда этот знаменитый рейд был. 25-я бригада стояла в Шахтерске и держала... на себя сосредотачивала весь огонь со всех округ, весь этот огонь на себя, для того, чтобы 95-ке... [Пізніше уточнення респондента: «Для того, чтобы 95-я бригада смогла дальше вглубь пробраться».] Мы заехали на террикон, на гору поднялись, над городом, выехали с флагами, со всем... На 365, на 500 градусов [посміхається] вокруг все увидели, что там 25-я бригада стоит. И начали по нам стрелять, естественно. Мы на себя там часть какую-то забрали [вогню супротивника].

Очень сложно было, очень тяжело. Но во всех городах этих встречались с людьми местными... И надо было как-то с ними мириться, надо было с ними общаться... Мы понимали, что им вообще нету дела, им без разницы... Я не люблю говорить, что они все в Донецке одинаковые, сепаратисты. Есть и такие, и такие, но и тем, и тем... Такая судьба у них, так им выпало... Кто-то, конечно, принял сторону украинскую, кто-то российскую, но... Не будь всех этих событий, им бы не пришлось сторону принимать. Они были бы люди себе да и люди... В любом случае они – люди.

И вот как-то старались им помогать. Сначала нам помогали. Потому что вот это стадо бомжей в 2013–2014 году... оно, естественно... Все хотели нам помочь, потому что мы голодные, худые, нищие были... А когда мы приезжали в Донецк и когда уже там началось после Славянска... Когда вся эта группировка [гібридні війська] перебралась в Донецк, то начали потихоньку окружать Донецк со всех сторон... Разделили Дебальцево. Мы вошли в Дебальцево, это граница Луганской и Донецкой области, этот железнодорожный узел. Мы прошли до узла, стали там... [...] И начали Донецк окружать и Луганск. И люди там под влиянием этого всего ига [невесело посміхається] ДНРовкого, ЛНРовского... У них ничего не было – ни еды, ни вещей. Мы делились сухпайками.

Собак... У нас очень много собак было. Почему так? Потому что города, брошенные дома, села вот эти все и дома брошенные – и собаки

Авдіївські діти.
Приходили до бійців на позиції ЗСУ по солодке:
варення, згущенку та печиво

бегают. Очень много собак. Они настолько голодные были, что они срывались с цепей металлических, бегали за нами, мы им давали еду. А собака такое существо... Ты ее раз покормил – и все, она все время с тобой. У нас очень много собак было. У нас на каждой... Это был такой период... на каждой машине жила собака. У всех своя собака была.

Так ви собак возили із собою?

А. Л. Возили с собой, часть забирали в часть [військову]. У нас в бригаде сейчас бегают куча собак, половина из них так точно привезенные – боевые донецкие собаки. У нас была собака Джессика, мы ее привезли с собой, у парнишки живет дома. Да, возили их с собой, причем маленькими щенками, и они постоянно, с самого начала, были с нами везде.

Люди... дети там эти, старики... Как ты можешь чем-то им не помочь? Потом ты понимаешь, что ты такой добрый, потому что... Они ж там, власть, эти политики, они говорят: «Мы хотим спасать людей», – но на самом деле они же ничего не делают. Кто делает? Я делаю. Сейчас в конкретный данный момент, в эту секунду я ему отдаю свою тушенку. Я как бы делаю ему хоть как-то полезнее, скорее всего, что делаю... Какое-то элементарное... Никаких там супердобрых дел, поступков никто не делает. Просто поделись с человеком, помоги ему чем-то – и все.

В Авдеевке... В 2015 году Авдеевка... Там тоже такая напряженная ситуация была. Этот город, его обстреливали каждый день. Это самый приграничный [прифронтный] участочек, трасса на «Спартак» и Донецкий аэропорт, сразу же и в Донецк. То есть из Авдеевки...

Я там поднимался на девятиэтажку – я вижу аэропорт, я вижу Донецк, рядышком совсем, постоянно оттуда летит в Авдеевку... Там и сейчас не очень спокойно, а тогда – самый напряженный участок, эта промзона.

А там же люди живут по соседству. К нам дети приходили. У меня фотография есть – мы им тушенку отдавали, печенье. Привозили волонтеры. У нас уже было, нам уже и власть начала, армия, и государство давало, и плюс волонтеры привозили. И плюс волонтеры какие-то там большие, глобальные, и плюс у каждого еще свой маленький волонтерчик есть, у ребят. Очень хорошо работали сельские рады – в селах собирали все необходимое, деньги, вещи, отправляли. Одному конкретно бойцу из села отправляли такие сумасшедшие посылки, что можно было всю роту одеть-обуть. У нас все было, а у людей ничего не было, мы делились. Нам и не жалко было, его и таскать за собой не очень хотелось, это все барахло... Ушли от этого [20]13 года, с сумками, со всем...

«ОТДАВАЛИ ДО ПОСЛЕДНЕГО ВСЕ, НЕ ПОТОМУ ДАЖЕ, ЧТО МНОГО БЫЛО, А ПОТОМУ ЧТО БЫЛО НЕ ЖАЛКО»

У нас у каждого был рюкзачок, самые необходимые вещи. Машина, в машине все лежит, сложено. Никаких лишних вещей не таскали с собой, по крайней мере наше подразделение. Потому что мы должны быть мобильными и налегке всегда, быстренько, в любой момент. Отдавали до последнего все, не потому даже, что много было, а потому что было не жалко – делились с людьми, кормили их, поили, хоронили. Закапывали, если там... было такое... Ходили, собирали... [Уточнения респондента: «...[тіла] местных жителей, попавших под обстрелы со стороны “сепаратистов”. Такое было в Авдеевке, Нижней Кринке, и в Ждановке, и в Коммунаре».] Гражданский какой-то, ни родственников, никого. Бабка какая-то [говорить]: «Та вот, одинокий жил... Некому...» Хоронили. Бывало и такое.

Так він загинув, потрапивши на лінію вогню?

А. Л. Да, много такого было. И в Авдеевке было, и в [20]14 году в Угле-

горске. Был такой город Ждановка, мы ездили. Шахта какая-то там стратегическая, поселок достаточно большой, городского типа. Там накрывали [російські гібридні війська] его ежедневно «Градом», еще чем-то. Понятно, что там военные [ЗСУ] все окопались, сидят в машинах, им по барабану. А гражданские гибнут. И мы выходили потом... Ну а что? Закапывали, хоронили. Кого опознавали соседи, того на кладбище, а кого нет – там, во дворе. Я не скажу, что прям очень добрым стал, просто начал ценить [деякі] вещи... Плохо любой может сделать... Я понял, что в мире и так очень много всего плохого, нужно что-то хорошее делать, хоть чуть-чуть. Хоть попробовать. И плюс, мне кажется, это интереснее – делать хорошие дела, чем плохие. [...]

Де ви зараз працюєте?

А. Л. Я работаю в компании, мы занимаемся продажами через интернет-магазины парфюмерии, косметики... Такой бизнес. Попал в компанию, в которой хорошие люди работают, нормальные, с нормальными взглядами... Про начальника рассказывал [який вилікував kota], это – собственник компании, генеральный директор. Работаю я менеджером по персоналу. Сегодня я с вами разговариваю целый день, а обычно я... общаюсь с людьми, провожу собеседования, смотрю, кто из них подходит нам, кто не подходит. Пытаюсь нормальных, самых-самых хороших специалистов выдернуть и чтобы они остались у нас в компании. Помогаю людям в компании их обучать, тренинги различные... [...]

Яке ваше ставлення до ОУН та Степана Бандери? Чи було воно у вас сформоване до війни? Чи змінилося після?

А. Л. Было. Не изменилось. Я историю всегда любил, читал. Разную причем. И абсолютно нормальное у меня было отношение к Степану Бандере. Я считаю, что если б я был в его время в этом месте, я бы, наверное, пошел бы за этим человеком, скорее всего. Это близко к тому, что происходит сейчас у нас в стране, но чуть-чуть не такое. Я считаю, что человек отстаивал свою землю, свою территорию, и ему не брат был ни фашист, ни немец, ни советский этот... какой-то коммунист, красноармеец. Человек хотел жить на своей земле, и за это ему честь и хвала. Человек отстаивал свою... Причем было это мнение у меня сформировано еще до войны. [...]

Я... долго еще думал над этим... «Национализм – это вакцина от геноцида». Если бы не национализм этот ярый, настоящий национализм, скорее всего, наступил бы геноцид этой Западной Украины, которую сейчас мы знаем, ее бы не было. Национализм спас.

Также евреи – они очень националисты, они сумасшедшие националисты. [...] В Днепропетровске, тут очень много евреев, и я с ними сталкиваюсь каждый день. [...] Евреи – это такая нация, сплоченная. Они националисты, и они выжили, несмотря на все-все-все эти сумасшедшие испытания, только потому, что они – националисты. Они не фашисты, но они очень ярые националисты. [...] Они борются. У них всю жизнь война идет в Израиле, потому что если не будет войны, их просто истребят. Поэтому национализм – это такое серьезное понятие, о котором можно книжки и трактаты писать. По-моему. Я не вижу в этом ничего плохого.

Национализм возникает, когда человеку плохо делает кто-то. Когда человеку хорошо, он не будет националистом. [...]

І останнє запитання. Якi дії супротивника викликали у вас гнів?

А. Л. [...] Нас учили [в армії]... Какие-то мысли должны в голове зарождаться, а не злость. Логика, а не злость. По крайней мере, у меня, в моем подразделении, во взводе командир взвода, в роте командир роты, в батальоне... Нам очень четко дали определение того, что мы делаем там, как мы это будем делать. Мы – военные, мы делаем свою работу. Там нету никаких эмоций. Ты будешь эмоционировать – ты, скорее всего, поедешь домой в гробу. [...] Тебя систематически заачивают под определенные действия: ты знаешь, что если взрывается – ты падаешь головой от взрыва, если стреляют – ты прижимаешься к земле, и так далее. [...] До автоматизма это все отрабатывается, и твоя главная задача – просто включиться в определенный момент и сделать то, что ты должен делать. И все. Никаких эмоций. Это просто работа. [...]

Понятно, что когда начались все эти перемирия, и когда ты месяцами сидел и тебе говорили, что ты делаешь свою работу, а ты плюешь в потолок, – вот это злит тебя. Что ты ни дома не можешь быть, и там ты ничего не делаешь. И тратишь время впустую, деградируешь. Вот это меня больше всего злило. [...] Тогда уже тяжело было ребятам объяснить, что мы работу тут делаем... Кто-то это тоже понимал – что ты вроде ничего не делаешь, но ты своим присутствием даже здесь заставляешь эти все силы [гібридні війська] как-то не вмешиваться. [...]

Розмову провела Ірина Рева

14.04.2017

**«СТРАШНО БЫЛО...
ЗА НИХ. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО,
СТРАШНО»**

Інтерв'ю з механіком-водієм 74-го ОРБ
Василем Гулою («Вороном»)

Село Велико-Михайлівка Покровського району Дніпропетровської області? [Таке місце народження респондента зазначене в документах, проте народився він в іншому місці.]¹

В. Г. Это официально. Но я знаю, что точно не там [народився]. Я ради интереса туда ездил – там никто этого не помнит.

Як же так вийшло, що написаний один населений пункт, а народилися в іншому? Розкажіть про своє походження. Про своїх батьків.

В. Г. У меня отец из Львовской области. Скорее всего, родился там. Есть такое небольшое село, в то время было... Как он сказал, «с хорошим хозяином». В селе был очень большой клуб, у нас немного таких кинотеатров, который есть там. Там была больница. Там очень хорошая школа-интернат. Это Старосамбирский район, село Межинонь. Корни мои оттуда.

А мама родом из... Сейчас это Россия. Когда-то была Украина, а сейчас это Россия, сейчас – Белгородская область. Какой район, не помню, была бы карта, я бы показал точно. [...]

[Респондент заповнює анкету й коментує свої відповіді. Зупинився на запитанні про мови, якими розмовляли в родині.]

...Дедушка [володів] шестью [мовами]... Дедушка, по отца линии, закончил Пражский военно-промышленный университет. [...]

[Запитання про види спорту, якими займався респондент.]

В. Г. Кандидат в мастера спорта по автомобильному спорту и... Как сейчас это называется... Снайпер... Стрелок?

А де ви стрільком були?

В. Г. Это я не хотел бы обсуждать. [...] Я служил два раза в Афганистане. Срочную службу служил в ракетных войсках стратегического назначения, в действующем полку [...] [вилучено на прохання респондента], нес боевое дежурство. Это в советское время еще, с [19]74 по [19]76 год.

1 Респондент показує документи, паспорт, військовий квиток тощо.

«ДО СЛУЖБЫ В АРМИИ ЭТО БЫЛА ЗАКРЫТАЯ ТЕМА – КТО БЫЛИ МОИ ДЕДЫ»

Давайте з ваших батьків почнемо... Чому ви не знаєте, де ви народилися?

В. Г. Достаточно просто. Они мостостроители оба. Они уже покойные. Папа родился в Межинці. Дедушка [посміхається спогадам], который закончил [Празький університет]... был во время оккупации, вернее, до того... Это надо историю вспоминать. Эта территория до [19]18 года, это Галиция, принадлежала Австро-Венгрии, потом та ж Галичина – только уже Польше. И бабушка, и дедушка (но больше бабушка) считали своими австрийцев. Они получили хорошее образование. Для Советского Союза это были чуждые элементы, будем говорить. Потому что дедушка был и старостой, и... вам, наверное, тяжело... Війт – это знаете, что такое? Это выборная должность. Примерно, как председатель сельсовета, примерно. Бабушка тоже непролетарского происхождения, так что репутация для Советского Союза у меня сильно испорченная.

В то время [респондент народився в 1956 році] я не мог получить высшее образование, особенно техническое. Почему, объяснить не надо. Даже если я сдавал экзамены (я сдавал хорошо), максимум, что я мог отучиться, – это курс. Пока дело не доходило до первого отдела, короче, КГБ. Вот и все.

Со стороны мамы родители тоже куркули. [...]

От ви кажете [в анкеті], що до війни ви були авто...

В. Г. Автослесарь.

Від спілкування з вами, чесно кажучи, складається таке враження, що ви маєте гарну вищу освіту...

В. Г. Да, у меня незаконченное высшее.

Зрозуміло. Давайте повернемося до розповіді про вашу бабусю.

В. Г. Какую из..?

От ви кажете, «куркулі» були...

В. Г. Это бабушка Марфа. Мамина мама. Ну, куркулем можно назвать и Юлю, Юлию Михайловну, – это папина мама. Они... Ну как... Одни до революции, другие до [19]39 года были... очень состоятельные люди по тем временам.

Чим вони займалися? Що в них було?

В. Г. При советской власти бабушка со стороны мамы была обычной колхозницей, потому что выхода не было. А бабушка Юля до [19]39 года, в принципе, домохозяйка. Потому что дед был старостой, родители бабушки Юли выращивали лошадей. А дед после войны [19]14–[19]18 года, дед Константин, он... Короче, там была сельхозартель, в селе, и он, кроме того, что был старостой в селе, еще занимался хозяйством этой сельхозартели. И еще, вроде, у них какая-то лавка была, но... Точнее я сказать просто не могу.

Мамина мама – де вони жили? Ви кажете, в Росії...

В. Г. Харьковская область... Вернее, сейчас это Белгородская область, по-моему, Борисовский район, село Ломное. [...]

Дідусь і бабуся вирощували коней. А потім, після [19]39-го, що з ними сталося? Приєднали Західну Україну, і..?

В. Г. Дед во время оккупации, до [19]42 года, так и оставался старостой в селе. С [19]42 года он уже болел и умер в [19]46 году. Это отца отец. Бабушка Юля умерла в 1996 году.

Якого вона року народження була?

В. Г. 1899-го. Она в 90 лет еще не много, но вышивала. Двигалась плохо, ей 82 или 84 было, она ногу поломала и... Но я ее знаю больше как пенсионерку. [Посміхається.]

Родинні фотографії збереглися?

В. Г. [Посміхається.] Стрёмно было сохранять такие вещи. Вообще фотография деда и тетушки сохранилась. Но, правда, не у меня, а у сестры. И... трех тетушек, когда они учились в гимназии. Они разного возраста, разница три-четыре года. Как гимназистки. Они в Дрогобыче учились.

Приєднали Західну Україну до Радянського Союзу... А куди коні ділись, які були в бабусі та дідуся?

В. Г. Как обычно.

Забрали в колгосп?

В. Г. Естественно.

Як це дідусь старостою залишився після приєднання до Союзу?

В. Г. Знаете, это для меня до сих пор вопрос. Толком ответить никто не может, потому что его не репрессировали. Семью не репрессиро-

вали. У мене так иногда бывали догадки такие, что он не просто так был старостой.

З якоюсь умовою?

В. Г. Наверное, да. Потому что с [19]44-го по [19]45-й там практически всех, кто хоть сколько-то косо́й был... Уничтожались в этом районе все и вся.

«Косо́й»... Що це значить?

В. Г. Какие-то были отклонения от линии партии и правительства.

Просто термінологія ж теж цікава...

В. Г. [Посміхається.] Это Западная Украина. И клеймо «бендеровца», будем так говорить, это потихоньку я чувствовал, будем говорить, до... до [19]88 года, где-то так.

Щось ваші батьки говорили про це [клеймо «бандерівця»]? Якось переживали, озвучували як проблему? Чи взагалі ця тема не піднімалася?

В. Г. Чтобы именно при мне – мало упоминалось. О Голодоморе – да, бабушка иногда рассказывала. Мама – никогда.

Яка бабуся розповідала?

В. Г. Мамина мама.

Вони в Ломному там зачепили?

В. Г. По полной программе. По бабушкиным словам (из того, что я помню), примерно... треть села было на кладбище. То бишь умерло. Семья выжила, потому что дед работал на сахарном заводе мастером. Мог, допустим, украсть там патоку. Его тоже не репрессировали, потому что рядом было три сахарных завода, и он... Я даже не знаю, как правильно эта специальность называется, но он как мастер работал на этих трех заводах. Короче, обеспечивал производство на этих трех заводах. Видно, он был очень хороший специалист, что его не репрессировали. Невыгодно было, во всяком случае, его репрессировать.

Мама с [19]41-го по [19]45-й была в репатриации в Германии. С отцом они... Ну, как сказать... очень часто – нет, но иногда говорили...

Німецькою?

В. Г. Да. Мама знала и Hoch, и Platt Deutsch.

Як це перекладається?

В. Г. И разговорный язык, и литературный немецкий. Папа знал не-

мецький, потому что и бабушка, и дедушка на немецком говорили свободно, потому что они родились при Австрии.

А в родині дід і бабуся як розмовляли?

В. Г. Я не знал ни одного, ни второго деда. Один умер в [19]46-м, один в [19]42-м. Родители мои умерли... я считаю, что достаточно рано. Папа умер в [19]82 году, мама в [19]84-м.

Дідусь, ви кажете, багато мов знав. Що він закінчував?

В. Г. Пражский военно-промышленный университет.

Це в університеті саме він мови вивчав?

В. Г. Да.

Ким він за професією був?

В. Г. До [19]18 года он воевал в австрийской армии, с Россией. После [19]18 года он как экономист был.

Ви говорите російською. Українською ви ніколи не говорили? З таким корінням...

В. Г. Я этого не говорил – что я не говорю по-українски. [...] Я могу спілкуватися українською мовою.

Мені цікаво, яке у вас до неї ставлення у зв'язку з тим, що пережили ваші предки... Може залишатися емоційний слід...

В. Г. Я даже не знаю, как ответить. Когда читаю, я не замечаю, на каком языке написано, на русском или на українском. Мне это все равно. Если заметили, я вас ни разу не переспросил. Вы говорите на українском...

У Дніпрі я до цього звикла. Народ розуміє.

В. Г. [...] Дело в том, что если я буду говорить на українском языке, я буду говорить на диалекте Западной Украины. Далеко не все его понимают. Потому проще говорить на этом.

Я запитую не тому, що хочу переключити вас на іншу мову, а цікаво, як вплинули на ваш внутрішній світ предківські випробування.

В. Г. В школе я лучше сочинения писал на українском.

Крім коней, у батькових батьків щось іще було? Млин? Робітники наймані? Щось про їхнє господарство ви знаєте?

В. Г. Практически ничего. Вообще, в принципе, наверное, были. Потому что содержать, допустим, лавку... Там и маслобойня была, там

и еще что-то было. Правда, это было уже при Польше, это уже было как маленькая коммуна. Что-то такого типа. Сельхозкооператив. Они имели свой логотип, как сейчас говорят. Всю продукцию – масло, сыр, все, что они продавали, – они уже имели свое клеймо, они этот самый... [ставили знак виробника на товари].

Зображення його не залишилося?

В. Г. Нет. Нет. Мне это было интересно, но не осталось. Да и кто будет оставлять? Враги народа...

А якісь речі їхні? У радянському житті, з властивою обмеженістю побуту... Можливо, якісь з того часу речі... не попадались?

В. Г. Вот это место [мається на увазі географічно], со стороны мамы место, как раз попадало под Курскую дугу. Там из села осталось то, что, бабушка говорит... после войны... три печных трубы. Все. А это было село.

У селі Ломное?

В. Г. Да. То бишь была церковь. Было село. Осталось три печных трубы – и все, и несколько погребов.

Межинець, получается, попал между этими ударами Красной армии... Нет, в [19]44-м уже, по-моему, советской армии. Явно активных действий там не велось, но, вместе с тем, уже после этого там НКВД, конечно, хорошо поработало, чтобы минимум оставить.

За те, як репресували в їх селі, нічого не розповідали?

В. Г. В принципе, рассказывали, но старались так, чтобы детей при этом не было. Это так, обрывки, и из них, допустим, делать какие-то выводы... достаточно тяжело.

Мене ж цікавить, не як воно в історії було, а як ви його сприйняли. Що вам запам'яталося?

В. Г. Бабушка практически никогда ничего не рассказывала. Немного рассказывал...

Якого вона року народження була, бабуся?

В. Г. 1899-го [бабуся Юля]. А бабушка Марфа 1898-го. Оба деда на три года старше... Не-не-не, соврал, это дед Иван на три года старше, мамин [батько], дед Костя, на шесть лет старше. 1893-го... Константин Григорьевич.

Ви розповідали про уривки спогадів...

В. Г. Именно в этом селе, из-за того, что там какое-то время было... артель, община, более-менее зажиточное село было... Они как-то так... Будем говорить, в какой-то мере, может быть, и круговая порука была, что не сдавали...

Не здавали один одного?

В. Г. Рядом, в соседних селах – да, там и арестовывали, и люди пропадали куда-то, непонятно куда. Я вот, допустим, пытался узнать... У деда был еще один... двое братьев. Вот судьбу одного из них... Мне интересно было, но просто замалчивалось – кто он был, что он был, куда он делся? Не известно. Второй в [19]50-х годах умер, семья очень большая... Соседнее село, там Гула [призвиге респондента] очень много. Там много. А в нашем селе, в Межинце, Гула уже не осталось.

Що призвиге означає, не цікавились?

В. Г. Ой... это... Одно из значений... «Гула корова» – это корова с изогнутыми рогами. Еще одно, словацкое, по-моему, – что-то типа ночного колпака. У русин это, по-моему, «гульвіса». Это не дословный перевод, это такой... непостоянный человек.

Що відомо про господарство маминих батьків? До Голодомору що в них було?

В. Г. У них была земля, сколько, я не могу сказать. У них была очень большая семья, очень большая. В принципе, и у папы не маленькая. У папы был брат и четыре сестры, это кроме него. У мамы... Бабушка родила четырнадцать детей, из них живых осталось... после войны... осталось пятеро. И вот на [19]70-й год было их четверо. Потому что один сразу после войны умер.

Дев'ять дітей – це в основному в Голодомор загинули чи...

В. Г. Во время Голодомора трое или четверо, я не могу сказать точнее. Потому что у них... Это мы хорошо знаем за [19]31-й, [19]33-й, [19]34-й годы, а еще никто не вспоминает [19]24-й... [19]20-е года. Никто не хочет почему-то это вспоминать. А это таки было. И я так думаю, что если в Харьковской области было, то в Днепропетровской тоже было. Просто это, может быть... не так это заметно было. Не столько сохранилось...

Є дослідження і по [19]24–[19]26 роках. Просто звикли називати в першу чергу [19]32–[19]33-й. Бо цей голод був свідомо організований комуністичною владою для приборкання селян, незадоволених колективізацією.

В. Г. Совершенно верно.

За господарство говорили...

В. Г. У них были эти самые... наемные рабочие, потому что дед отвлеклся на работу, на сахарозавод – это как раз осенний период. По словам... Мама никогда на эту тему не говорила. Мама [19]24 года рождения. А старшая ее сестра, тетя Варя, та как-то упоминала, что они с бабушкой готовили на... Уже снопы, по-моему, обмолачивали... Она для работников готовила очень много еды. Если много еды готовила, значит, много было... [Пізніше уточнення респондента: «батраков».]

Робітників і землі, яку вони обробляли.

В. Г. Да. Хотя не исключено, что... Мы у тети Вари когда в гостях были, это уже конец [19]60-х, в селе иногда договаривались, что сегодня твое [врожай собирається], а завтра...

Толокою? Щоб швидше...

В. Г. Да. И тем более, что дед был, кроме того, что мастер-сахародел (или сахаровар – я даже не знаю, как правильно), был очень хороший механик. У них была какая-то... типа ручной молотилки. Он ремонтом занимался. Если у другого деда была приобретенная эта самая, то у этого было больше [зробленого своїми руками].

Так у вас генетична схильність до техніки?

В. Г. Знаете, то, что касается сельского хозяйства, – меня там и близко нет. Всю жизнь связан только с железом.

Де ви потім вчилися... школу закінчили? Дев'ять класів?

В. Г. Десять [класів]. 14-я школа.

Ви тут уже, в Дніпрі, вчилися?

В. Г. Да. С пяти лет в Днепропетровске. А так как родители мостостроители, то ездили практически по всей Украине. Сестра родилась в Мариуполе.

Як батьки познайомилися? Мабуть, навчалися разом?

В. Г. Нет. Мама работала... Семипалатинск... Короче, ядерный полигон. И строили мост через Иртыш. Это в Казахстане, в районе Семипалатинска. Но это я сейчас могу сказать, а они даже не знали, что это и когда это. [Уточнення респондента: «Не знали о ядерном полигоне».] А отец уволился после Корейской войны, в [19]53 году. Вот они и познакомились. И их просто вывезли в Казахстан, как всех «западнцев».

Цікаво. Розкажіть цю історію. А чому так пізно вивезли?

В. Г. [19]53 год? А когда Корейская война закончилась?

Я не зовсім розумію, при чому тут «западенці» й Корейська війна?

В. Г. Отец служил в Забайкальском военном округе, то бишь... Хочет не хочет... Как все неудобные в то время... отправляли на войну. Он – танкист.

Тобто він відслужив, а потім їх іще...

В. Г. Нет-нет. Тогда служили... Официально было, по-моему, в пехоте... ну, в сухопутных войсках... четыре года, на флоте пять лет. По-моему, в то время. Или три и пять лет. А если отправляли туда, то это пять-семь лет...

І довго потім були в Казахстані?

В. Г. Точно я вам не скажу. Я знаю, что в [19]53-м они познакомились, а потом уже переехали сюда. Естественно, вместе с организацией. [...]

Ви кажете, що і на собі ви ще відчували це тавро «бандерівця», «западенця»? А чому? Ну, зник хтось із ваших дядьків, але ж вам не відомо було навіть, хто він був...

В. Г. Вы знаете, в то время на это не очень.... Родился на Западной, и все – однозначно «бандеровец». А еще когда мама репатриантка... Хотя мама имела награды, была депутатом и все прочее.

Депутатом чого?

В. Г. По-моему, нашего горсовета. Но вместе с тем была хорошо знакома с тетей Валею [не родичка]. Тетя Валя – это была секретарь Президиума Верховного Совета Украины. [...] Я ее фамилии не помню. Она жива до сих пор, такая интересная женщина. [Мешкає у Києві.] [...]

[Згадуючи дитинство, респондент перейшов на іншу тему.]

В. Г. Я был такой... очень шкодливый в школе. Учителя в очередь становились в понедельник за моим дневником.

У чому ваша шкода проявлялася?

В. Г. Меня заставит 20 минут посидеть на одном месте – это была проблема. Из садика я пришел – уже читал, писал, считал. И когда попадаешь в класс, в котором 46 человек, и начинается «АУ-УА»... А дальше рассказывать, наверное, не надо...

Хто вас учив рахувати? Хто з вами займався?

В. Г. У нас была очень интересная... Я ее не знаю, я ее не запомнил, как ее зовут... Даже во сне не приходит...

Вихователька ваша в садоч ку?

В. Г. Да... Были вещи, которые вот я хорошо помню, что мне не нравилось...

Що вам не подобалось?

В. Г. Я был непоседой. Допустим, что-то делать, сидя на одном месте, – вырезать, клеить из того, что она говорит, если мне хочется что-то свое делать... В принципе, меня и сейчас тяжело что-то заставить делать со стороны, если мне это не интересно. Это так и осталось. Даже в условиях армии. Я понимаю, что есть вещи, которые необходимо делать, это я понимаю. Но если есть вещи, которые... я считаю, что этого делать не надо, вы меня убейте – я этого делать не буду.

Звідки у вас ця риса?

В. Г. Трудно сказать однозначно, я не берусь... Я знаю, что родители достаточно организованный народ были, и мама, и папа...

Вони були саме організовані чи були добрі виконавці, більш слухняні? Як за вашим відчуттям?

В. Г. Знаете как... Есть определенные рамки общественные, придерживаться... Другое дело, когда есть у человека самодисциплина. Вот это было и у одного, и у другого.

Хто, як ви вважаєте, на вас найбільше вплинув у житті? На формування вас як особистості?

В. Г. Внешне, говорят, я очень похож на отца. Внешне... [Респондент замислился.] Мне тяжело так сказать, говорить однозначно, я не готов вам на это ответить. Я очень много времени был предоставлен сам себе. Родители работали, а бабушка у нас появилась... Мамина мама с нами немного жила. Для меня она была интересна в том, что она хорошо разбиралась в травах, она такая была своеобразная женщина... Но, опять-таки... В Днепропетровске мы жили возле 6-й больницы, когда 6-я больница еще была пустырем. [...] Мне интересно было ее [бабусю] послушать, но не более того.

Стосовно трав чи взагалі просто?

В. Г. Просто послушать – и все. То, что она травы... она пыталась меня научить... не мое. Абсолютно не мое. То, что касается земли... не дал

Бог. Хотя и мама, и отец... Они и с лошадьми, мама и отец, могли управляться, и к земле относились с уважением, мама и папа. У меня этого не было, и сейчас нет. К земле именно как к территории – да, к этому я отношусь...

З повагою?

В. Г. Да. Я понимаю, что она меня кормит, это я понимаю. Но что-то на ней делать...

А крім родичів хто на вас вплинув, якщо є такі люди? На формування вашого характеру, особистості, цінностей?

В. Г. А фактически больше некому было влиять. Очень много я был предоставлен сам себе. Очень много.

Ким ви хотіли бути в підлітковому віці? Тоді, коли ви вже почали себе осмислювати, усвідомлювати, що ви – це ви?

В. Г. Лет с десяти я хотел стать морским офицером. [...] Высшего образования военного я не получил. Я поступал в Севастопольское высшее военно-инженерное училище. Мандатную комиссию я не прошел. Объяснить не надо, почему. Я экзамены сдал, барокамеру прошел. Так же, как и Влад [Владислав Земляной, із яким В. Гула служив у 2015 р.], только с разницей почти в 30 лет, я закончил Днепропетровскую юношескую флотилию. Была у нас такая. Говорят, что остатки на Московской [сучасна вулиця Володимира Мономаха] еще остались. [...] У нас был один корабль, одно судно и плавбаза. Корабль был – большой морской охотник «Комсомольская правда», морской буксир «Александр Суворов» и плавбаза «Храбрый». Там я закончил два курса – рулевой и моторист-двигателест.

Чому вас тягло саме у військову сферу? Бо дід воював?

В. Г. Знаете, тогда я даже не знал, что дед воевал. О том, что дед воевал и отец в Корею воевал, я узнал уже... Об отце – это перед его смертью. Вообще то, что касается более поздней истории, это я уже узнавал, когда состоял из «мужчин» – из «мужа» и «чина». А до того, будем так говорить, до службы в армии, это была закрытая тема – кто были мои деды, об этом никто ничего не говорил.

«ЗАХОТЕЛОСЬ, ЧТОБЫ МОЙ ВНУК МОГ ГОВОРИТЬ И ДЕЛАТЬ ТО, ЧТО ОН СЧИТАЕТ НУЖНЫМ»

Підходячи трохи до наших сучасних подій... Майдан 2004-го, Євромайдан – як ви всередині це сприймали?

В. Г. 2004-го, сразу говорю, категорически был... Для меня это не очень приятно было. Так получилось, я просто немножко знал, кто такая Юлия Тимошенко. Я знал, что это за фирма ЕЭСУ, и чем это может кончиться, я себе представлял. Ну, в принципе, оно закончилось еще хуже, чем я представлял. [...] Так получилось, что один из моих знакомых был в ЕЭСУ четвертым или пятым человеком, и мне случилось несколько раз ее видеть, когда она еще была головой ЕЭСУ. [...]

А Євромайдан?

В. Г. Двумя руками за. Была одна проблема, что я туда не поехал – сын работал, а внук немного болел. Получалось так, что сын в командировках был (как раз на это время он ездил по командировкам), и нам с бабой приходилось...

Бажання поїхати було?

В. Г. Да.

Як ви для себе розуміли Євромайдан в плані цінностей? За що стояли люди?

В. Г. Знаете, вот определение ценностей для людей... в понятии самих людей... это для меня самый большой камень преткновения. Я вам говорил, что я достаточно закрытый человек. С кем попало и как попало я общаться не буду. Я могу умело поулыбаться, но не более того. Выражение моего лица абсолютно никогда, последнее время, не соответствует моим эмоциям – то, что там, внутри. Есть две причины – одна физиологическая, другая... Все ж таки немножко в разведке послужил.

В розвідці ви маєте на увазі оце вже зараз, у цій війні?

В. Г. Нет. И до того. У меня на лице много ожогов и пересажена кожа. У меня повреждены [показує на обличчі], если заметили...

Абсолютно нічого не видно...

В. Г. У меня полностью оторванный подбородок, вокруг рта точекек

очень много, и структура кожи здесь [показує] и в этом районе совсем разная. Это с разных мест меня и чужая кожа, но это к делу не относится. И кончик носа у меня нечувствительный вообще, поэтому я иногда вот так вот делаю [торкається носа], потому что иногда такое ощущение, что капля висит, даже летом. Что касается моей физиологии, ран у меня хватает. Я за свои ордена заплатил полностью.

І от про цінності.

В. Г. А вот по поводу Євромайдана... Знаете, я все ж таки солдатиком так, наверное, и остался. Начиная с [19]78 года... Когда «срочку» служил, наверное, больше был ребенок. Просто интересно, с технической точки зрения интересно... Железяки меня всегда интересовали, а в ракетных войсках железяк много, очень интересных железяк. А в [19]78-м я уже проходил спецкурс как разведчик, вернее, диверсант-разведчик, разведчик-диверсант. И очень хорошо стреляю я. И умею пользоваться взрывчатыми веществами. [...] Растяжки ставить – это одно дело, а другое дело – создать что-то интересное. [...]

Скажіть... А якщо використати ваші знання з хімії в мирних цілях? Наприклад, для демонстрації властивостей безпечних речовин перед дитячою аудиторією?

В. Г. [Сміється.] Как созидатель – нет. То, что касается военных этих самых... Ничего. Я работал на «Петровке» [металургійний завод], там – да. Железо у меня получалось. [Сміється.]

Щодо цінностей. Ви кажете, що ви – людина закрита, але якийсь відгук у душі вашій знайшли ці події Євромайдану. Що вас саме... Які ваші струнки зачепив Євромайдан?

В. Г. Наверное, таки захотелось, чтобы мой внук мог говорить и делать то, что он считает нужным и как считает нужным. Я понимаю, что мне это уже...

Внутрішня свобода, так?

В. Г. Ну, допустим, то, что касается меня... Может быть, где-то и есть там какая-то внутри эта самая... та, наверное, стерженек какой-то есть – я не давал никому на себя давить. Это я точно знаю. В условиях армии – да, я понимаю, что дисциплина должна быть осознанной, это я понимаю. Нет дисциплины – не будет армии. Это однозначно. Опять-таки, если я начну понимать, что любой приказ будет идти, допустим, вразрез с моими убеждениями или с какой-то доктриной, которую, допустим, я для себя на этот момент придумую, или, не при-

веди Господь, с людьми, с которыми... [несите угрозу] для людей, с которыми я [пліч-о-пліч] воюю... [...]

Я так розумію, якщо вам дають наказ, який, ви вважаєте, зашкодить людям, які поруч із вами, яких ви любите, якщо він не буде відповідати внутрішнім моральним настановам, ви не виконаєте цей наказ?

В. Г. Я сделаю все, чтобы этого не было. Я умею это делать. У меня достаточно приличный жизненный опыт, военный опыт – я придумаю, как это сделать. Даже если я не смогу, по какой-то причине, не смогу открыто это опротестовать, я смогу это сделать. Во всяком случае, мне часто приходилось делать, особенно в последнее время. Сказать, что это доведено до совершенства, – нет, но, во всяком случае, я это хорошо делаю.

А опротестовувати накази вам доводилося?

В. Г. Теоретически да.

Теоретично чи практично?

В. Г. Теоретически у меня есть такое право. Любой командир группы имеет право любой приказ опротестовать, даже боевой приказ опротестовать, но он обязан при этом аргументировано доказать...

Що він правий?

В. Г. Да. В разведке это есть. Это право есть у любого командира группы.

Ми не домовилися про Євромайдан...

В. Г. [...] Как человек, наверное, больше военный, мне... То, что они [мітингувальники] делали, это было на уровне глупости. Как обычный человек, будем так говорить, как гражданин я всеми конечностями за. Потому что вот это... то, что творилось, особенно начиная с 2008 года...

З того, що творилось, які моменти найбільше вас... не подобалися вам?

В. Г. Да практически вся политика, вся государственная политика... Можете в любую точку, что касается государственности, ткнуть. Как любое государство – территория, язык, армия, финансы... Это любая государственность. С территорией – границ не демаркировано, не определено. Так или нет? До сих пор не понятно, кто есть кто. До сих пор нет соглашения даже с Белоруссией. Хотя вроде официально гра-

ницы... они есть, юридически это не оформлено. [...] То, что касается армии, это меня больше всего... Будем так говорить, что больше всего возмущало, когда откровенно продается армия. Откровенно. Все продается в армии – должность, хозяйство, земля, техника, все.

Це ви вже про зараз кажете?

В. Г. Нет. Это я вам сказал с [200]8 года, все оно... Может быть, это и делалось до того, но, во всяком случае, не так открыто. Может быть, меньше сведений всплывало. [...]

«КОГДА ЭТИ ДЕТИ ИДУТ НА ВОЙНУ, Я СО СВОИМ ОПЫТОМ БУДУ СИДЕТЬ?!»

Я добровольцем пошел. Мне восстанавливали мое личное дело, по рапорту. Официально я уволен из рядов армии по возрасту, хотя это никак не соответствовало... [физическим возможностям]. В 1999 году, это официально [звільнений]. [...] Я служил вместе с сыном [у 2015–2016 рр.]. В одном подразделении, в одном взводе. [...] Сын мой тоже добровольцем пошел, но для меня это был шок. Если я там с мая месяца бегал, чтобы мне все это дело восстановили... с мая по февраль, пока не был официально поднят этот самый...

По февраль... Це якого року?

В. Г. [20]15-го. С 12 февраля [20]15 года.

Розкажіть, як ви прийняли це рішення – піти на фронт? Як це відбудеться? За яку подію зачепилися...

В. Г. В принципе, только первые эти самые... Еще в Крыму когда были первые... столкновения... Даже не столкновения... Когда вот эти непонятки... Командир любой части как командир гарнизона обязан защищать территорию своего гарнизона. Это устав требует. Всеми имеющимися у него средствами. В Крыму это не было сделано никем, ничем, кроме двух частей. Это на Донузлаве сторожевой катер, транспортное судно и корвет. И «Летуны» – воинская часть, которая вышла... которая даже пистолетов не имеет... вышла вместе со своим флагом. Решение, что в любом случае... будет конфликт – я пойду воевать... это было для меня однозначно. Потому что смотреть на эту армию мне было противно. И когда первые... По-моему, я случайно

Мітинг біля військомату, м. Дніпро, 2 березня 2014 р.

попал – возле облдминистрации был какой-то митинг. Но я еще толком не понимал, вернее, информации не было...

2 березня? Коли Крим забрали?

В. Г. Нет. Это было чуть-чуть попозже, когда уже назревали события на Донбассе. Кстати, Влад был на этом митинге, он там выступал, я его видел. И где-то есть у него запись... Получается, что снимали... Буквально, так вот я рукой мог достать этого репортера, который снимал. Я туда попал случайно, я не знал, что будет этот митинг, я не знал... Они потом хором пошли к военкомату, записались, и их призывали. А я-то официально был... Личное дело, именно мое личное дело, было уничтожено. Короче, когда пришел в военкомат, сказали: «Тебя нет как военнослужащего».

Чому? Тому що розвідка?

В. Г. Это я... Это сейчас я, допустим, прекрасно понимаю, что очень много личных дел уничтожались, в том плане, что были специалисты, которые... которых, будем говорить, нельзя... И сейчас меня не использовали по назначению в том виде, как меня могли бы использовать. Да, допустим, сейчас возраст, здоровье там... Все это ерунда. Я сейчас, будем говорить, я недоволен тем, что я ушел из армии, вернее, что меня уволили. Еще есть многое, чему я мог бы... отдать, научить, показать,

рассказать. Очень многое. Как сказать... Это обида? Нет. А вот неприязнь доктрины... Подождем до следующего Майдана. [Сміється.]

Дай Бог, щоб його не було.

В. Г. Вы знаете, возможно, я не прав, но, наверное, таки надо. И по-жестче. [...]

У меня брат двоюродный, он львовянин, он преподает в Львовской политехнике. Вот он ездил на Майдан. Он не агитировал своих студентов, чтобы они ездили, его два сына ездили на Майдан.

Всі живі?

В. Г. Да. Сестра двоюродная. Ну как... Она женщина... примерно... чуть-чуть моложе меня, ей тяжелей уже там было. Она, во всяком случае, есть привозила и кое-кого на день отмыть-отстирать забирала. Откормила, отмыла, отстирала... [і повертала на Майдан]. Это они делали. [...]

Отже, ви побачили, що в Криму починається нехороша ситуація...

В. Г. Да. Это было понятно уже даже с самого начала. Первое, по-моему, из того, что было озвучено... Тогда ж тоже информации было, по большому счету, не очень много, и преподносилась она очень интересно: непонятно, кто такие «зеленые человечки»... Я не поверю, что репортер не может узнать, что это солдат. Я в это не верю. Я понимаю, что тяжело репортеру определить, какое у него вооружение (тяжелое/легкое), кто он по специальности, этот солдат. Но то, что это солдат... Или специально так работали редакторы, чтобы это дело не было сразу очень...

Воно самоочевидно було...

В. Г. Очевидно для кого и очевидно что? Если рассчитывать... как... 1580 год... на быдло... На это рассчитывали?

Чому 1580-й?

В. Г. Украинцев поляки кем считали? Нечто недоразвитое, недочеловеки... что-то «не такое». Так? Вот та информация для таких людей, только просто уровень несколько иной, временной уровень.

То, что касается войны... Каждый обязан это делать. Почему это нигде никогда не звучало? Гарнизонов там хватало [у Криму]. Я уверен, что не было бы Крыма – не было бы Донбасса. Я в этом на сто процентов уверен. То, что касается Донбасса, – это отдельный разговор. Когда уже там началось, что делали в том районе... по численному составу

Розвідник 74-го ОРБ Владислав Земляний про зустріч військовослужбовців В. Гули й А. Гули:

«Вони призвалися з Андрієм одночасно, але Володимир Романович не знав про наміри Андрія і був ошелешений, коли його побачив у воєнкоматівському автобусі, що відвозив їх групу до частини. Це його шокувало. Спочатку навіть розсердився, але потім прийняв це. У сина характер теж батьківський, їм важко було разом...»

ВВ, МВД, СБУ... достаточно их там много... Что они делали? Ничего. В лучшем случае.

С другой стороны... Вот, если вы сколько-то Влада [Земляного] знаете, сколько у него военного опыта?

Взагалі немає. Він не служив срочної служби.

В. Г. Он не служил в армии. Это самый детородный период – ему 32–35. Он – ровесник моего сына. И вот когда... Сын тоже не воевал [не служив]... И вот когда эти дети идут на войну, я со своим опытом буду сидеть?!

Син пішов за вами чи ви..?

В. Г. За мной. Честно говоря, я этого не хотел. Очень не хотел. Да, из него получился хороший снайпер. Из него получился неплохой командир группы. Но опять-таки... Он достаточно неорганизованный человек. Армия – это не то, что ему надо. Ему надо еще... надо было бы очень и очень много работать.

А він хто за професією?

В. Г. Военная? Снайпер. Снайпер-разведчик.

У мирному житті?

В. Г. Он занимался... У него два незаконченных образования, высших. Металлург и инженер-метролог. А вообще занимался кондиционированием, системой искусственного климата. Обогрев, кондиционирование...

Він мав свій бізнес?

В. Г. У него какое-то небольшое время, именно перед тем, как он ушел, у него было ЧП. Я не думаю, что оно сказочно успешное...

Я звернула увагу на те, що серед добровольців досить багато людей зі свідомістю господаря, які мають якесь своє підприємство, щось уже зробили в житті своє, щось організували...

В. Г. Я – нет, Влад – нет, Андрей – да. У нас вообще первый состав взвода был очень интересный. Из людей, которые знали, что такое служба, было четыре человека. Всего. «Срочку» служили четыре человека. Что такое война, не знал никто. Кроме меня. Один приблизительно знал, что такое разведка. Это я имею в виду, кроме меня.

Хто вони за професіями були? За освітою?

В. Г. Один учитель, три водителя...

Приватники чи працювали на підприємстві?

В. Г. Один частник был, из водителей. А те на предприятии работали. Это водителя. Потом – три металлурга, один фермер, один мент. А, два... два фермера. Влад – айтишник, Костя – программист, два программиста. Один преподаватель... Два, получается: один – биологии и преподаватель физкультуры. [...] Учитель физкультуры – азербайджанец... [На прохання респондента його прізвища не називаємо, бо цей військовий продовжує службу.] Самый молодой, кстати, в подразделении. [...]

Інтелігентський склад. Як і сама розвідка, що потребує людей, здатних думати.

В. Г. Вы знаете, разведка – это не интеллигентное дело. Война – штука грязная, а разведка – самое грязное дело на войне. Поверьте на слово. Я понимаю, что можно делать это все аккуратно. Многое можно делать... Нас учили: там, где начинается стрельба, там заканчивается разведка. В наших условиях... вот именно в наших... мало и редко возможная вещь, но вместе с тем это возможно.

«Я НЕ ВСЕ МОГУ СКАЗАТЬ»

В и кажете: «Розвідка – брудна справа». Мене цікавлять цінності. От те, що в голову одразу приходить. Звідки можна брати інформацію? Розпитавши людей.

В. Г. Это, кстати, последнее – опрос. Почему? Я могу сразу сказать: все люди склонны врать. Все. Хотят они этого или не хотят. Другое дело, что есть ситуации, когда человек врет... Там, по-моему, семь или восемь уровней... разделяется правдивость источника... Низших два уровня – это патологический враль. Человек, который врет просто, чтоб его послушали. Я, наверное... я это не понимаю. Я вообще не люблю болтунов. А говорить ради того, чтобы сотрясать воздух... Я этого тоже не понимаю – почему я очень недолюбливаю политиков как таковых, вообще. Человек должен что-то делать. Клепать языком – это...

Я могу понять ложь, если она приносит какое-то благо. Бог с ним, пусть. Не мне лично. А вот так, ради... Для меня неприемлемо.

Так что, знайте: все, что касается разведки, извините... Я не все могу сказать.

Мене не методи цікавлять. Мене цікавить ваше сприйняття. Для вас важливим є поняття чесності в стосунках з людьми?

В. Г. Все ж таки... [...] Военное звание кое к чему обязывает. Я ж, наверное, для того и шел. Не для того, чтобы там... я пошел в Збройні сили України. Да, попал я... В роту 74-го разведбата я попал случайно. Не знаю, как это произошло, откуда ноги выросли.

Ви куди йшли? Вам же щось запропонували...

В. Г. Мне было, по большому счету, все равно. По большому счету. Изначально я курс молодого... [Сміється.] Курс молодого бойца я проходил как водитель. Да, подразделение у меня попало... Взвод был такой, очень интересный. В каком плане? Что достаточно дружный. Хотя никакой организации не было...

Це в 74-му [розвідбаті] вже?

В. Г. Нет, нет. [Респондент зрозумів запитання по-своєму.] Это в 2015-м. В [19]74-м [році], там уровень организации был такой, что дай Бог... Сейчас вот я иногда... Вот хлопцам рассказывал, что, допустим, чисто такой технический вопрос... Я в [19]81 году... У нас этот вопрос не возникал, когда в Афгане был. В [19]85-м возник вопрос... Оружие. Дают АК современный, его калибр – 5,45. Если из него стрелять через кусты – это в белый свет как в копеечку. У него очень много рикошета. Я могу объяснить почему, если вам это интересно...

Я в цьому зовсім не розбираюся.

В. Г. Добро. А 7,62, вот эти старые АКМСы... он через кусты пролетает. Мелкие преграды для него не это самое... Это специфика самой пули, патрона, пули, хотя заряд тот же самый и масса та же самая. И вот мы подняли кипиш. Ну как, подняли кипиш... Я взял автомат... Начальник артвооружения бригады... вот я его запустил в его стол, этот автомат. Потому что я должен знать на сто процентов, что если я стреляю, я прикрываю каких-то людей, это должен быть результат. А когда результата нет, а я точно знаю, что я должен их прикрыть... И вот отношение... Мне никто ничего не сказал, хотя в то время это уголовное... это военное преступление. Я в условиях боевых действий, во-первых, бросил оружие, во-вторых, оскорбил командира. На то время я еще не был офицером, я еще был старшим сержантом. Такая выходка... Ничего. На следующий выход мы все получили 7,62.

Вот я работал снайпером, мне нужен был другой прицел, не обычный ПСО, нужен был ПСП. Максимум три часа – и он у меня был. Мне нужно было что-то, сутки – это было. Это в Афганистане, это не на территории Союза. Это за сутки мне привозили. Авиацией... Меня это не волновало, мне для выполнения задачи нужно было такое-то и такое-то оборудование. Оно мне надо было. Все. Все остальное меня не волновало.

А если я выходил вот... Почти год я прослужил [у ЗСУ] в своих... Все, что на мне было, все было мое.

Самостійно куплене?

В. Г. Да. У меня был мой «Мультикам», было нательное белье. Все полностью. А, «канадки» [взуття з канадської допомоги] были и автомат. Патроны я тоже покупал. ПП у нас, допустим... Напрямую мы не... ПП – это повышенной пробиваемости патроны. Не поставляли. Это я выпрашивал у кого-то. Ну как, «покупал»... Ставил бутылку... Сыну целевые снайперские патроны я покупал в оружейных магазинах. Тот же Влад [отримав] волонтерский себе на автомат калиматорный прицел. И ходил он в своем «Мультикаме». И со своим рюкзаком... Сейчас почему-то об этом никто не говорит. [...]

Волонтерам хочется сказать большое спасибо. Много доставляли. И в том числе Андриюхе потом хороший прицел нашли, потому что я не потяну [купити таку дорогу річ]. Очень много вещей, которые просто... То, что мне надо, я обеспечивал себе практически сам. Инструмент. Ремонт аппаратуры, это все... Внутри быт на базе у себя... Все делалось за свои деньги. Хотя уже кричали, что денег выделяется... более чем.

Ви кажете, звання зобов'язує... Якщо не брати до уваги військового, а взагалі по життю... Часто, коли я з бійцями розмовляю, часто спливають такі характеристики: «справжня людина», «достойна людина». Яка це людина? Для вас достойна людина – яка це людина?

В. Г. Хм. То, что касается армии, или..?

Можна й армії, можна і по життю. Цінності цікавлять. Якості людські. Ознаки такої особистості.

В. Г. Знаете, наверное, в первую очередь... В первую очередь – честность. И ответственность. Это, по-моему, самое главное. Для меня, во всяком случае.

Відповідальність – це таке поняття, багато що в себе включає.

В. Г. Да, я розумію.

Перед ким відповідальність?

В. Г. Наверное, во всем спектре этого слова. И перед самим собой. И перед ближними. И перед будущим. Наверное, перед будущим больше всего.

А якщо говорити про антигероя? Яка людина, в житті чи на війні, у повсякденному житті, можливо, навіть більш цікаво, якщо говорити про майбутнє... Запитання, знову ж таки, про риси людини... «Неправильна», з вашої точки зору, – яка це людина?

В. Г. [Сміється.] Та любого политика нашего возьмите. Беспринципность.

Як ви розумієте це поняття – безпринципність?

В. Г. Когда для того, чтобы какие-то свои... не знаю... мелкие, не мелкие цели... человек любой ценой будет этого достигать. Для меня победа любой ценой – это только в войне. Все. По-другому – это для меня неприемлемо. Та даже на войне это не совсем хорошо.

Ви от коли сказали про перемогу на війні за всяку ціну, я подумала, що ви в першу чергу говорите про себе – що ви готові платити найвищу...

В. Г. Я готов платить. Я за это уже дорого заплатил. [...]

Самі ви під людей не підлаштовуєтеся?

В. Г. [Посміхається.] Нет. [Замислився.] Возможно, где-то кому-то я могу в чем-то уступить.

Але це як дар?

В. Г. Нет. Если я понимаю, что я неправ... Если я понимаю, я могу извиниться. Но если я уверен в своей правоте... [Заперечно хитає головою.] Я, возможно, не буду... Вот, допустим, человек, которого я не воспринимаю, не принимаю, – я не буду ему доказывать. Развернусь и уйду. А если человек чем-то мне близок, чем-то для меня ценен, я попытаюсь объяснить ему. Для меня важно, чтобы, допустим, то, что я делаю, или, допустим, что я говорю... чтобы меня понимали. Не слышали, а именно понимали. [...]

Ми говорили про гідні та негідні вчинки... Бувало у вас таке, що дії супротивника викликали у вас гнів?

В. Г. Противника в каком плане?

Ті, з ким ви воюєте. З того боку фронту. Бували ситуації, коли ви відчували не звичайний бойовий запал, а було відчуття, що навіть для супротивника він неправильно себе поводить?

В. Г. [Сміється.] Противник уже всегда неправильно делает. [Сміється.] Знаете, я не краснею. Это Юлий Цезарь набирал в армию людей... старался набирать, тех, кто краснеют. То бишь выброс адреналина. Я не краснею. Как вам сказать... Какая-то злость... до момента, до конфликта... какая-то злость, может, и есть. Все. Не более того. А дальше, во всяком случае, насколько я себя знаю, я всегда очень холодно оцениваю обстановку.

Тут мене цікавить психологічний момент. Можливо, це специфіка людей, які з мирного життя потрапляють на війну, без військового досвіду. Кілька разів мені розповідали про ситуації обстрілу мирного населення з боку супротивника, і це потім [російська пропаганда] представляли як обстріл людей з боку українських сил... Бійці розповідали, що їх просто «виносило» від цих ситуацій. У професійних військових була своя реакція, більш стримана.

В. Г. Кстати, профессиональных военных специально этому учат. Чтобы он, даже если краснел, то не прыгал. Чтобы он был не лесной обезьяной, а горной. Это одна из теорий физиологии: что одни люди произошли от горных обезьян, другие от лесных. От лесных – те, что отпрыгивают, а от горных – те, что замирают...

Контрольований/неконтрольований рефлекс?

В. Г. Совершенно верно. Пусть даже чуть замедленный, но контролируемый. Потому что когда человек не оценивает, что он делает, это не... Особенно вот в этой войне. Потому что там любой лишний выстрел... И там, и там люди, как бы...

Есть вещи, которые очень тяжело контролировать. Кстати, двуокись азота... это в состав порохов входит... там веселящий газ. Все наши пороха имеют в своем составе. Так что когда человек стреляет, появляется вот этот... Он немного его поглощает, но вот эта эйфория... У нас основная масса порохов на основе нитроцеллюлозы. [Посміхається.] Вам это ни о чем не говорит, но это есть. [...] Как на это дело человек реагирует... Каждый реагирует по-разному. Я не говорю, что я на это дело абсолютно не реагирую. Азарт появляется. Появляется, есть такое. Но, во всяком случае, пока я с этим справляюсь и справляюсь.

«В АФГАНЕ Я БЫЛ ТОЧНО ТАКОЙ ЖЕ НАЕМНИК»

Розкажіть про «ту сторону». Ви ж їх як розвідка, мабуть, найбільше спостерігали. Хто були ці люди, у гібридній армії?

В. Г. Из того, что я видел, что мне приходилось видеть... в таких контактах, как до угла комнаты... Нет, я – человек дистанции. Наблюдать – да, мне приходилось очень много. Больше, чем кому-либо. Я занимался организацией наблюдения и связи в роте. Хотя как стрелок, наверное, подготовлен намного лучше... Меня этому учили. У меня на это была практика.

А в основной массе своей это так... Как вам сказать... Люмпеном я не назову, отбросами тоже не назову. Затурканная масса. Причем затурканная в каком плане... У человека каких-то... вокруг него масса каких-то проблем, какая-то есть безысходность, а тут ему еще по ушам проехали хорошо поставленной пропагандой и чуть-чуть посветили какими-то благами.

Хотя были подразделения – откровенные наемники.

Як ви це визначали?

В. Г. В свое время я сам такой же самый был. В Афгане я был точно такой же наемник.

Тобто ви їх «нюхом» чуєте?

В. Г. Так, получается. Один в один. Да, просто немножко другие эти самые... лозунги, и все.

Тобто там – організація, оснащення, професіоналізм...

В. Г. Все это было. Что то экспансия, что это экспансия. Это сейчас я понимаю, а тогда, в [19]81-м, это мне 26 лет было... Тогда – элита... [Сміється невесело.] Вообще, очень грязно...

В Афганистане, знаете, как-то было немножко проще. Организация, все... Я не это имею в виду. Да, там мусульмане... Они как-то были... Даже если у него было плохое оружие, если он не умеет воевать, они больше были на солдат похожи. В этом плане как-то так... С одной стороны, чисто в моральном плане, это... [...] Я не знаю, как это все оценить. [...]

Але ви як людина з власною позицією, ви розуміли суть ворога? Як ви її для себе визначали? Ворог – він хто? І чому він ворог?

В. Г. Почему он враг? Я вам говорил, что в моем понимании есть государственность, ее основные... Если бы все это было... в чистом виде гражданская война это была бы, я бы с места не сдвинулся.

Звісно. Війни бувають двох видів – істинні та гібридні. Під час істинних війн люди керуються агресивними емоціями, стихійними масовими поривами, які йдуть ізсередини спільноти. Під час гібридних – деструктивні почуття в самій спільноті не такі потужні (і не спрямовані на конкретного адресата, є просто незадоволеність життям), але ці почуття штучно роздуваються (наприклад, пропагандою «русского міра»), культивується страх і ненависть до «ворога». І населення втягується в не потрібний йому конфлікт.

В. Г. Что касается эмоций. Я шел уже в возрасте, имея не очень хорошее здоровье. Имея старые ранения, я прекрасно понимал, на что я шел, куда я шел и для чего я шел. Грубо говоря, свою демографическую программу я выполнил. У меня есть семья, у меня есть дети. У меня есть ученики и там, и там. И даже если... ну, умру, погибну... после меня что-то есть. Что-то есть. Не пустое место. Но когда там идут пацаны, у которых дети малые дома, тот же Влад, тот же Андрей... И таких же у нас хватает, которые, не зная, куда идут, на что идут... И так все это делается...

«Я ГОТОВ СЕБЯ ОТДАТЬ ЭТОЙ СТРАНЕ ДО ПОСЛЕДНЕЙ КОСТОЧКИ, НО Я ХОЧУ ПОНИМАТЬ...»

Скажімо так, державність... Люди... Так чи інакше, їх обманули. Вони протизаконно взяли зброю, вони готові були шматок держави віддати іншій країні, яка потім, радісно проковтнувши один шматок, пішла би за іншим... Це мотивація, так?

В. Г. Когда-нибудь... в сторонку отойдем... Демографический состав вас когда-нибудь интересовал Донецкой и Луганской областей?

Я знаю, там досить великий відсоток росіян, які приїхали на Донбас в [19]20–[19]30-х, після [19]40-х. Там дуже багато репресо-

ваних, їхніх нащадків, які там живуть, які «радісно» забули, хто вони такі, тому що на час переселення небезпечно було мати таку пам'ять...

В. Г. Я считаю, что вот эта деградация, просто деградация... целой области... Кстати, в Днепропетровской области тоже этого хватает. Вон свежие эти самые... [про події в Дніпрі 9 травня 2017 року]. Деградация исторической памяти. Кто ты? Что ты? Для чего ты здесь? Вот это во времена Союза... А есть люди, которые еще от Союза не отошли. Да, я, допустим, с восторгом вспоминаю, насколько хорошо меня обеспечивали в Афгане, что практически любой мой каприз... Как хорошо меня учили в советской армии. Да, действительно, очень хорошо учили. Да, подбор был специально. Если в 1980-м в отдельный батальон изначально набрали 700 человек, из 700 человек попало в итоге в спецподразделение всего 40. Это об уровне отбора говорит? [...]

Вот это тоже один из анекдотов: официально я считаюсь механиком-водителем. Я никогда не сидел за рулем БМП. Сейчас у меня в военном билете, могу показать: «механик-водитель БМП», даже не БМП, а БРМ... Да, я хорошо знаю, как работает вот эта аппаратура, которая стоит внутри. Там специальные устройства стоят. Хорошо знаю. Но я не механик-водитель БРМ или БМП. БТРа – да, пожалуйста, я – специалист колесных машин. Как солдат. Как офицер [уточнення респондента: «бывший»] я – командир группы огневого прикрытия. Опять-таки, эта самая разведка. Я могу исполнять обязанности в ракетных войсках командира расчетов заправки. Меня этому учили. Меня действительно этому учили. У меня соответствующее образование. Но когда делают кашу из всего этого...

Я не знаю официально, кем Влад был по штату. Костя был... один из программистов, харьковчанин... он в штате стоял – «швец».

«Швец»? Шити?

В. Г. Да. Мой сын и еще один хлопец были «розвідник-санітар». Медицина – отрицательная величина. Это то, что касается распределения по штату. Так это ж все записывается в военном билете. Следующий человек, который, не зная... Пусть Андрей уже не будет воевать, но Сашка еще Зайченко может воевать... Потом возьмет [военком] его документы – «санітар». Его место?

Ну да, реальный потенциал людини...

В. Г. [...] Я, кроме своих... года, еще полгода как контрактник служил. Я многое в нашей армии не понимаю и не принимаю. Я говорю: я готов отдать себя до последней косточки этому государству, но, опять-таки, я хочу понимать, за что я иду.

Я понимаю, что с тем опытом, который у меня был до того в Афгане... Я, допустим, мог бы многому научить... Но когда это не востребовано, просто откровенно не востребовано... Я говорю, тому же Владу... Он очень многому научился, но он не военный человек, в смысле до того не военный. Хотя из него получится одуренный солдат, одуренный командир. Уровень... Из-за того, что у него уровень знаний немножко... как у военного невысокий, ему все это очень тяжело. Я понимаю, как это... Я почему и пошел – потому что я прекрасно понимал, насколько тяжело им все это дается. Вот эти все шишки, которые я уже давно съел, они только-только набивают.

Я сейчас не могу понять, почему людей вот таких, примерно моего возраста, когда только это все... эта возня началась... Мы подошли... Вернее, я подходил к своему военкомату, а там площадка (АНД военкомат)... Там такая площадка, вот она практически полностью заполнена людьми примерно моего возраста, плюс-минус. Это уже состоявшиеся люди, уже понимают, куда они идут и на что они идут, они знают, что делают, им не надо рассказывать, показывать. Это не Андрияха, не Влад, это не учитель, не... [нерозбірливо], которые люди оружия до этого не видели. Мне не надо было давать команду, что и как делать. Вот в этом плане...

Для того чтобы меня приняли на службу, мне какое-то время крови попили с этой беготней. То, что возраст не соответствует (мне уже больше, чем 55), личного дела нет, не имеют права принимать, надо восстанавливать, надо писать рапорт на имя министра... вернее, верховного главнокомандующего, который тоже на то время и. о.... это смешно. Идет война, и... таких людей [відсіювати через формалізм]... Он такой же специалист, как и я. Там одного или двух я видел в Шинданде, это в Афганистане. Ну как, «видел»... У меня очень плохая память на лица. Кстати, вот в наши подразделения снайперов специально отбирали с плохой памятью на лица. Нет лица – нет человека. Физиология. То бишь тебе человек уже не приснится, ты это легко переносишь.

Так вот. Даже в этом плане. В том же взводе второй снайпер был... Почему он стал снайпером, мне до сих пор непонятно. Хотя и снай-

пер из него никакой, и вообще вояка из него никакой. Мне многое непонятно в том, что происходит. И происходило, и происходит. В том, что, допустим, во взводе и в роте у нас практически нет потерь, это... я не знаю... это дар Божий. Да, легкораненые есть. Все они с нормальной трудоспособностью. Ну, кроме Андрея.

Що з Андрієм сталося? Він був поранений?

В. Г. Андрей – это отдельный разговор, лучше его не трогать.

У нас с мелкими осколками, все. И то, будем так говорить, чуть-чуть, на копейку, [більше] дисциплины – и этого б не было. Мне в этом плане очень повезло со взводом. Что я никого не хоронил.

Ви як розвідка всюди бували. З російськими формуваннями зустрічалися там чи з якимись слідами їхніми?

В. Г. Я – да.

Можете розказати? Як ви зрозуміли, що вони – росіяни?

В. Г. [...] Первое – это «шо» и «га»... Когда этого не звучит, это уже понятно что. Другое дело – просто как люди относятся к форме. Если у нас форма была... Наши каждый старается: лучше я поцарапаюсь сам, чем порву форму. То у них несколько по-другому.

Ох, нюанс цікавий...

В. Г. Вооружение... [Сміється.] Ну, для меня это на уровне инстинкта, будем так говорить, что я видел, что я понимал, что это – «сепар»... [Стає серйозним.] Вернее так, тут совру. Что «сепар» – нет. Но что русский [військовий] – да. У них уровень подготовки выше. И мне больше интересно было бы... больше подстреливать было именно их. [Іронічно.] Нехорошо, конечно, с моей стороны...

По-моєму, дуже хорошо. Чим менше їх туди попадає, тим краще. [...]

Знаєте, тут мені цікаво... Вам свою гіпотезу озвучу, а мені цікава ваша думка. У чому, мені здається, наш конфлікт із Росією і чим небезпечним був би їх прихід сюди. Дехто каже: «Та не треба було воювати, віддати їм... Ну, були би тут росіяни, командували, а ми жили би так само. Зате би люди не загинули...» І так далі. Мені здається, тут не враховується нюанс: у нас з ними є цивілізаційна розбіжність у світовідчутті.

В. Г. Ментальность, как сейчас говорят.

У ментальності. Для нас дуже властива оця риса – суб'єктність, те, про що ви говорили: якщо я знаю на сто відсотків, що так пра-

вильно, то я буду робити так, як я знаю, так, як воно правильно. Я не буду чекати, що за мене хтось вирішить і буде нести відповідальність, і віддасть мені команду... [...] І оця суб'єктність нам більшою мірою властива. І це навіть історично проявилось: те ж саме козацтво як самоорганізована структура, де, узагальнено кажучи, кожен сам знав, що він робить, а свого командира вони вибирали, отамана або гетьмана (в різний час). Але все одно це не була жорстка ієрархія, яка згори вниз усім цим процесом керує. Тобто для нас властива оця суб'єктність – коли ми не є об'єктом у чужих руках, а суб'єктом, який сам керує своєю долею. Для нас більше характерний горизонтальний колективізм – коли ми всі між собою рівні в праві на дію, і кожен робить свою справу. А високих начальників ми сприймаємо з дешицею іронії.

І для нас небезпека полягала не в тому, що нас би почали розстрілювати, бо ми українці, чи українську мову б заборонили. Для нас деструктивною була би взагалі ситуація життя під кимось, особливо враховуючи, що в українців потреба в індивідуальній самореалізації вища, ніж у поборників «руського міра». Можливо, в росіян вона так само присутня. Чому ж вони п'ють. І суїцидальні тенденції в російському суспільстві досить виражені, зважаючи на статистику. Це свідчить про те, що людина відчуває, що вона не може себе реалізувати, і вона себе просто знищує, бо як унікальна особистість вона не потрібна «руському міру» – лише деякі функції, які може з тим же успіхом виконати інший член суспільства. Мені здається, що справжня небезпека сконцентрована на більш тонких рівнях, які є не менш життєво важливими. Яка ваша думка?

В. Г. Знаете, первое, что меня удивило... то, что касается России... [...] В [19]78 году я в первый раз именно в глубинке в России побывал. Нас вывезли на два полигона. Тоцкий... Первую атомную бомбу в Советском Союзе испытывали не в Казахстане, а на Южном Урале, в Оренбургской области. И там вокруг – воинские части. Они и сейчас есть. И место испытания этой бомбы там именно на месте. Там в двух-трех километрах... Там дисциплинарный даже, по-моему, полк, а не батальон, там такое крупное это самое... В советское время самых отъявленных отправляли именно туда. И я был тихонько в шоке. Южная часть Оренбургской области, это времен [19]50-х... эти целинные земли... С одной стороны, что-то у них есть такое, что оно редкое по

качеству зерно дает. Я вам говорю, что я в сельском хозяйстве [стукае кулаком по столу]... Какие-то сорта зерна, пшеницы, редкие дают. С другой стороны, очень небольшие урожаи. И там вот четкое разграничение, что можно было сто процентов сказать, что это – выходцы с Украины, а там – выходцы с России или еще откуда-то.

Вот выходцы с Украины – аккуратненькие домики, аккуратненькие дворики, возле домика обязательно какой-то... Пусть нет возможности иметь огород, но какая-то клумбочка... Все это аккуратненько, и туалет, и не перекошенный сруб. Все более или менее аккуратно. Пусть и не такое шикарное, потому что там проблема есть со строительным материалом: дерево есть, глина, кирпич – с этим несколько проблемней.

И в Северном Казахстане... Это второй полигон, не основной... То ли случайно, то ли нечаянно... Короче, там, в районе Семиозерья точно такая же [картина]. Украинское село, если оно... его сразу можно отличить. Мы [сміється] были немножко в шоке от следующего. От Тургайских степей... то бишь это специально [освоения цілинного степу] делалось ... Тургайские степи – это между Южным Уралом там такая приличная площадь, и чем она знаменита – ветрами. Суховеи. В одном и том же направлении может в течение трех-четырёх-пяти дней с одной и той же силой дуть ветер. Чем он подлый – он абсолютно сухой. Даже при не очень высокой температуре, пусть там не 40 градусов, а 30 градусов, человек очень хорошо это начинает чувствовать. Там влажность до 20 % падает, хотя при 50 % человек себя уже не совсем комфортно чувствует. Если замечали когда-нибудь, что в более-менее хорошо оборудованных библиотеках 5–7 минут, 10 минут – и начинает горло немножко першить. Потому что они поддерживают влажность, желательна, ближе к 50 и ниже. При 55 % уже человек себя чувствует некомфортно, если какое-то время находится. А там падает до 10–20 %. В принципе, это один из видов подготовки, один из видов испытания: кто сколько будет воды пить, кто как себя чувствовать будет. И мы заехали в... забыл название поселка... Курманаевка. Там водоразборная колонка, там дают «добро» к этой колонке. И никто не подошел, потому что... А рота – все украинцы, все из Днепропетровской области, пару человек из Полтавской. Мы были в шоке, потому что... Идет семья: двое детей, папа, мама и, похоже, бабушка... И вот они идут, они... Кроме мата мы от них ничего не слышали. Мы стали, и никто не подошел к колонке. Мы были

просто в шоке, потому что для нас это было дико. Что и дети, и папа, и мама, и бабушка... [спілкувались між собою за допомогою нецензурних слів] [...]

Я тогда по Украине уже много поездил. Чтобы так ругались, тем более дети, со взрослыми рядом... Меня бы убили, если бы на улице... посторонние... услышали, чтобы я так матюгался. Это одно. А второе – видел такие села [українські], откровенно так небогатые, но, во всяком случае, хаты там, все это, хоть как-то смотрятся. Это в какой-то мере твое. Но когда... даже не в Оренбуржской, где-то по дороге, мы увидели... Это был вообще кошмар, когда полсела стоит... Видно, что у них когда-то был неплохой сруб, а там все перекошенное, чем-то подпертое. Это же твой дом!..

Це, напевно, обумовлено ще тим, чи людина вірить, що від її зусиль щось залежить...

В. Г. Да твой [інтонаційне виділення респондента] дом! В первую очередь – твое. Мы вот этого не... [не розуміли] вообще... Целые улицы такие. Не один-два дома. Целые улицы такие.

Буквально перед войной, в [20]13 году, я был на семинаре в Энгельсе, это Саратовская область... Фирма «Бош» устраивала этот семинар. И когда практически в центре Саратова я увидел эти бревенчатые перекошенные... И чтобы их никто не видел, фанерой сделаны заборы. Фанерой оббиты, чтобы не видно, что там стоит дом, он перекошен, и в нем живут люди [інтонаційне виділення респондента]!

У вас з мирними місцевими мешканцями на Донбасі якісь були контакти? Як вони вас сприймали? Якась взаємодія була?

В. Г. Знаете как... Сталкиваться сталкивались. Ну, я не знаю... [Замислився.] По отношению ко мне явного такого отторжения, неприятия... ни разу не было.

Вони знали, що ви – український військовий?

В. Г. Будем так говорить. За все время, что я служил, я одевал гражданку... Там ни разу не одевался я в гражданское. А вот когда приезжал сюда [у Дніпро], может, раза три или четыре. Все остальное в военной ходил форме.

Тобто було ясно, хто ви, і вони вас відповідно сприймали.

В. Г. Да. Без оружия я достаточно часто... И в Красноармейске, и в Димитрове, и в Попасной. Был без оружия. Вообще без оружия.

В Торечке, в пяти или шести городах... я... это самое... вообще без оружия. Хотя... подождите... Один раз было такое, в Красноармейске, в супермаркете [посміхається], кассирша, сволочь... В основной массе наличка не нужна [військовому на фронті]: нечего покупать, нечего продавать. А когда в город попадали, там уже была проблема: где-то что-то на базаре покупаешь... Пользуемся в основном карточками. Это нехорошо, конечно, что бывало такое – кому-то дают пачку карточек [щоби купив потрібні товари]. То, что непонятки, то, что ошибаются, там... проблемы... Таким как Влад потом разбираться со всем этим... У нас получилось так, что в магазин я зашел, и она видит, что у меня денег явно не хватает. Я даю карточку. Она: «Терминал не работает». Хотя за человека перед этим...

Працював.

В. Г. Я говорю: «А у меня денег нет». Говорит: «Как? Вы ж только что показывали...» Я говорю: «А там всего 6 гривен, это мелкие купюры». И все. То бишь все, что я взял, ей надо оформлять как возврат. Это ей по-любому достанется. Видели сами процедуру возврата всего этого. Короче, она... такая ситуация... Крутилась-вертелась... Она таки оформила возврат. Пыхтела, кряхтела. Выслушивала неприятности от этих самих [покупців, які стояли в черзі]. А там еще следом за мной такая интересная бабушка была... На нее говорит: «Лахудра. Только что ж отпустила, – говорит, – а тут у тебя терминал не работает?» Вот это все.

А больше у меня... Может быть, из-за того, что внешне выглядел так – возраст. Правда, у меня зубы тогда еще все были, это сейчас у меня мало осталось. Я там все время почти был с бородой. Так что выглядел... немножко постарше.

Насправді багато хто з моїх респондентів ділився позитивними враженнями від контактів з місцевим населенням.

В. Г. Первый, самый первый день, когда приехал в этот, в Красноармейск... Нет, Красноармейск мы просто проехали, в Димитрове мы остановились. И первое, что... Я был в шоке... Я слез с БТРа, и... Мы возле магазина остановились. Но, опять-таки, культурно, дабы эта громадина... такая приличная, мешает движению – и все. Мы стали так, чтобы движению не мешать, задницей заехали, чтобы никому ничего. И... Я понимаю, что я иду в магазин, оружие передал. Вот мы втроем или вчетвером проходили, там отделение какого-то банка, и... [посміхається спогадам] пацаненок, лет восемь, может быть, девять,

подходит и – нам по конфете. А мы... на БТРе проедешь – чистым не будешь... грязные. Мы были просто в шоке. Естественно... Он отошел... с мамой он был... отошел, и что-то они потихоньку движутся дальше. Мы подошли в супермаркет, сразу отдел, взяли две больших, вот таких вот [показує руками], коробки конфет. Принесли этому [хлопчині] – вот такие вот [здивовані] глаза были. Такой порыв был... До этого мне просто не приходилось напрямую сталкиваться в том районе [на Донбасі]. До войны – да. А во время войны не приходилось. И очень много... И по селам... Мы на броне очень много ездили... Там проезжаешь, там и дети рукой машут, и встречные машины – или посигналят, или... Достаточно много такого было. А вот такого, чтоб явного неприятия, отторжения, кроме вот этой кассирши... [Хитає головою.] Во всяком случае, по отношению ко мне.

І це ж уже такий час, Красноармійськ давно звільнений.

В. Г. Это не только Красноармейск. Я же был не только в Красноармейске. Я ж от Марьинки и до Попасной, и я там не одни штаны стер, хоть я вроде как и достаточно мирный человек. Видеть приходилось многое. Сразу вам говорю: я не боюсь нажать на курок. Я прекрасно понимал, где я и что я. Меня не будут волновать последствия – я на войне. Я это прекрасно понимал. Так что любую агрессию... я знаю, как это остановить. Я это знаю. Я это умею. Может быть, люди тоже это чувствовали, может быть. Я не буду это утверждать, не берусь утверждать. [...]

В Авдеевке там вообще красота была. [...] [Респондент розповідає історію будинку з умовою не уточнювати місце його розташування, бо там досі живуть люди.] Там кое-где живут люди, на обстреливаемой стороне. Для меня это был шок. С детьми живут. Мы там кое-где подключали, воду сделали. Они жили без отопления, без воды – вода то есть, то нет. Там это больше местные уже власти дурью маялись. [...] Из-за того, что просто по схеме неразумно все это сделано, подключено, если где-то что-то испортилось – то все, весь стояк, все без воды. Весь подъезд без воды. А то, что там около [...] семей живут... всем начхать.

А мы – люди балованные [сміється], мы привыкли жить комфортно. [...] И вот мы сделали себе на [розташованому вище] этаже и теплую воду (это в январе месяце), и отопление, и обычную воду, потом и ка-

нализацию. Потому что... Если нет отопления, канализация ж тоже, понимаете... Мы себе все сделали. Ну, соответственно, как я себе сделаю на своем [поверсі]... воду, если не сделаю до..?

І жили разом...

В. Г. Официально там комендант дома, первый, был... Тоже такое какое-то у меня к нему отношение было: елки-палки, вы ж тоже здесь живете, в этом доме, ну почему нельзя, чтоб все это было?

Скажіть, чи були у вас на війні якісь ритуали, якісь прикмети, щось таке... забобони, може, якісь? Щось, що повинно було вас ввести в гармонію з навколишнім світом і захистити?

В. Г. Лично у меня – нет. Потому что у меня понятие такое, что что-то там... понедельник, суббота, пятница... этого не существовало. Просто не существовало. Хотя... Да, наверное, в пятницу мы никогда не выходили.

А чому?

В. Г. Не знаю. Хотя... С одной стороны, можно понять. В пятницу всегда по рокадным дорогам перемещение больше было.

Тобто це об'єктивними причинами зумовлено було?

В. Г. Да. Меньше светиться. В субботу, в воскресенье там только вот на эти самые... временные пункты, временного пропуска, там вот эти дороги были... А все вот эти вдоль... обычно пустые. Если на двух БТРах ехать, они... Тем более, у нас наваренные эти экраны [захисні] – такое неуклюжее создание... Пусть достаточно быстрое, но дорогу он... мешает на дороге. А так, других объяснений я не могу...

Кто-то не брился. Но я не брился, уже когда вышел [на завдання], потому что у меня часто, если нет гигиенических условий, раздражение. Если у меня сразу не пройдет, там получается такое на теле... напухает сильно. Оно проходит потом, но... Да, на базе, если я, допустим, точно знаю, что завтра выход, сегодня я мог побриться. [...]

На выходах никогда не брились, потому что вода – это ценность номер 1. Ни патроны, ничего, а именно вода. [...]

«ТО, ЧТО НЕ СДЕЛАЮ Я, ПРИДЕТСЯ ДЕЛАТЬ ЛЮДЯМ, ЗА КОТОРЫХ Я БОЮСЬ»

В и кажете, що «бронік» не вдягали. А які у вас взагалі стосунки зі страхом? У вас є якісь свої рецепти боротьби з ним?

В. Г. Знаете, когда понимаешь, чем это все может закончиться, то понятие такое – «страх» – как-то так... нивелируется. Вернее, когда понимаешь до того, как что-то делаешь, когда «шкодничаешь» обдуманно. Сейчас, извините... [Розмову перервали.]

Ми говорили про страх, що коли йдеш усвідомлено...

В. Г. Вы знаете, я за всех не буду говорить, я только за себя могу сказать... Есть такое вот... Назвать «азарт»... Я не скажу, что это азарт в чистом виде... А может быть, и азарт. Как вам сказать... Не знаю... Сказать, что вообще его нет... Я этого не скажу. Вообще, как-то так вот, инстинкт самосохранения притупляется, сильно притупляется... Может быть, просто у меня... Я за эту войну скажу... Из-за того, что, допустим, я чего-то не сделаю... вернее, то, что не сделаю я [інтонаційне виділення респондента]... что из-за этого придется делать людям, за которых я боюсь. Было это в большей мере. Потому что... Вот, кстати, Влад и Андрей... Это была самая активная группа, пока Влад служил. А потом уже Андрей и его подразделение, это была самая активная группа. Если где-то что-то я сделаю не так или недоделаю, то это в первую очередь ляжет, будем так говорить... ляжет на них. Скорее, наверное, в этом плане. Я не скажу, что это страх... Я не смогу это объяснить. [...]

Еще одно, что меня... Знаете, страх был в каком плане? У нас, по сути дела, не было офицеров. Во всяком случае, в нашем... достойных офицеров... в нашем подразделении. Пойти в разведку с которыми не жалко, не стыдно... Чтобы смело с ним бы пошел... ну, не было. У нас был небольшое время один хлопчик, молодой, он после училища, с тем – да, с тем бы я в разведку ходил, но он только после училища. Он еще ребенок. Страшно было за них. Действительно, страшно.

А так... Я на войне. Причем я сам на нее пошел.

Тобто для подолання страху важливе прийняття рішення, чим ти готовий платити...

В. Г. Опять я скажу только за себя. Если я шел, то я понимал, чем это может для меня кончиться. Я и тогда понимал, и сейчас понимаю, что я мог оттуда не вернуться. Да, вот ситуаций таких, чтобы напрямую, допустим, участвовал в огневом контакте, было немного. Именно за себя. На меня другая была функция возложена, я старался выполнять ее честно. Когда была возможность у меня там «нашкодничать», я старался никого не подставлять, тихонько, сам. Один-два человека со мной шли, которые знали, куда я иду, знали, на что я иду, на что я способен, чего я не могу сделать, – они уже знали. Которые, будем так говорить... не сказать, что слепо... обдуманно доверяли. Знали, что я их не брошу. Я их не подставляю.

Вот это вот [показує фото], на фотографії хлопець в белій одежді, вот это – один из них. Это уже последние с ним два-три месяца, с ним мы были. Он тоже не вояка – специалист по телекоммуникациям. И вместе с тем... [...]

Скажіть, ви як людина бувала... Цікаво почути вашу відповідь... Чи були ви свідком героїчного вчинку?

В. Г. [Респондент скептично поставився до цього запитання.] Я бы этого не говорил. Так я не могу сказать. Мы работали. Все.

Розкажіть якийсь веселий, смішний епізод. Як я спостерігаю, гумор на війні – дуже цінна річ, яка допомагає вихлюпувати напруження. Часом після стресових ситуацій, люди розповідають, ішла розрядка через сміх. Можливо, одну чи кілька веселих історій, смішних?

В. Г. Вы знаете, так чтобы действительно... так, чтобы явно смешных... У меня больше трагические. Нет. То, что без чувства юмора там делать нечего... У меня немножко с юмором похуже. Когда дело касается дела, у меня чувство юмора пропадает. Я не вспомню такую, чтобы действительно юморная ситуация...

Я нещодавно таку цікаву фразу почула, що «військові – як лікарі, або з гумором, або п'ють». Це правда?

В. Г. Насчет пить – да. Этого там хватало. Допустим... Я – непьющий, я не пью вообще. И тем, кто рядом со мной, свободы им на этот счет не давал. Бывало, что выпивали. Бывало такое, что у нас был небольшой промежуток времени, что... сколько нас... семь человек были представлены сами себе. Была возможность... В достаточно мирной обстановке, два магазина рядом, можно было на рыбалку сходить.

Можно было поспать. Можно было поменяться в караулах, можно было себе это позволить. Пару раз мы так... но, опять-таки, втихаря.

Не зловживаючи.

В. Г. Да, это было. Хотя пьянки там хватает. Там это достаточно большее зло. Именно зло.

Ви як людина з досвідом скажіть: як із цим злом боротися?

В. Г. Первое, перед тем, как... Это уже недоработка, наверное, на уровне военкоматов. Людей, склонных к этому делу... Лучше, чтобы они туда не попадали. Почему-то многие считают, что один из выходов из положения – это напиться и забыться. Это не выход, это я сразу говорю. Это так – отложить на завтра. А завтра будет еще хуже, это точно я говорю. На себе не пробовал, но со стороны... рядышком... насмотрелся этого более чем достаточно. Так что к этому... Это вещь нетерпимая, абсолютно нетерпимая. А тем более в условиях, когда лег спать, а через полчаса тебя могут поднять – и опять: «Вперед!» Достаточно часто у нас бывало.

Я эти вещи не понимаю и не приветствую. Вообще не понимаю. Хотя говорю, что такое бывало. Ну как... командование разрешало. После выходов там нам какое-то время давали, день-два, привести себя в порядок. И мы знали точно, что «выходов» не будет, позволяли, опять-таки, за пределами базы, пойти пивка попить потихоньку – не буянить, ничего, своими ногами... Даже если ты пришел немножко под хмелем, лег спать, тебя никто трогать не будет. Опять-таки, за пределами части, тихо-мирно.

В принципе я – противник и этого. Если сегодня тебе разрешат там, завтра ты уже захочешь где угодно. Поэтому я старался в эти дела...

По поводу, там, после «выходов» пошутить-похохмить – пожалуйста, сколько хочешь. [...] Если они между собой где-то что-то... Лишь бы шума много не создавали, себя не открывали – и все.

Знову-таки запитання до вас як до людини з досвідом. Я розмовляла з різними бійцями ЗСУ, особливо хто був мобілізований, навіть хто добровольцем пішов. Це були представники різних професій – і програмісти, й економісти тощо. Вони кажуть: найнегативніше на війні – це п'янка, мародьорка, якщо стикались, і деградація.

В. Г. Деградация – это как следствие пьянки, чаще всего.

Ні, мені якраз люди розповідали, які явно до цього діла не схильні.

В. Г. Есть еще такое – переоценка, будем говорить, на бытовом уровне, переоценка ценностей. Если я, допустим, в Днепропетровске не позволю себе руками что-то есть...

То на війні куди ж діватись – не завжди є ложки.

В. Г. Нет, ложка и нож у разведчика всегда должны быть при себе. Есть десять вещей, которые разведчик всегда носит с собой. Всегда. Так что в этом плане... Там бывали ситуации, когда я, допустим, по неделе не мылся. Здесь я себе это не представляю вообще. [...] У нас не было такого, чтобы мы постоянно сидели на одном месте. Специфика была такая, что какое-то перемещение есть. А вот особенно тех, кто на «опорниках» сидел, там в какой-то мере, да... Когда одна и та же информация, а еще, чаще всего, «сепар-ТВ»... это в лучшем случае. А так... Ну, опять-таки, радиоприемник есть в мобилке, опять-таки, «сепарское» радио, ничего больше. [...]

Наприклад, людина каже... Десантник, до речі, він в усяких «перedelках» побував. Йому сама ідея військової справи подобається, але йому недостатньо внутрішнього розвитку.

В. Г. А это уже от него зависит. Может быть, очень многим недостаток информации... Информационное голодание очень на многих действует, особенно на молодых хлопцев. На молодых в основном. Что он в каких-то жестких определенных рамках, территориальных и прочих рамках заперт и ничего кроме стрельбы не видит, не слышит... действует нехорошо. Что потом из этого состояния что-то надо придумывать, чтобы он не заикливался на этом. Если это считать деградацией, то иногда бывало... Нам в этом плане легче – мы ж птички перелетные.

І все ж таки у вас більше інтелектуальної роботи.

В. Г. Намного. Общаемся и с теми, и с теми... А когда, допустим, на любом «опорнике», там [...] человек, он ничего не видит, ничего не слышит, обстрелы чуть ли не по расписанию... Даже привыкали... В Авдеевке, я заметил, в 17.45 – начало обстрела. Если нет начала обстрела, там 10 минут туда-сюда, значит, что-то не так [смiється], что-то не происходит. Что-то ненормально.

Війна – як вона на вас вплинула, на вашу особистість, і чи вплинула? Уже ж не перша...

В. Г. Сама война никак, абсолютно никак. А вот, честно говоря, мне очень не понравилось вот отношение [...] в госпитале [уточнення]

респондента: «окружном»] в нашем. Мне есть с чем сравнивать – в больнице Мечникова, в госпитале ветеранов войны. И наш госпиталь в этом отношении... [Хитає головою.] Есть там, допустим [сердечні люди]... но общий фон нашего госпиталя [на вул. Старокозацькій, 63] намного проигрывает Мечникова и госпиталю ветеранов войны.

Як за вашими спостереженнями, де більше молодших за віком працівників – у госпіталі чи в лікарні Мечнікова?

В. Г. В госпитале медперсонала молодых не очень много.

Можливо, віковий фактор впливає?

В. Г. Может быть. [...]

Я скажу зі свого досвіду. Після цієї війни в мене кардинально змінилося ставлення до військових. Якщо раніше для мене військовий – найнепрестижніша професія... Це було щось чуже, дуже далеко й не викликало поваги. А зараз... для мене людина в формі – це людина в формі. Повага з'явилася.

В. Г. Знаете, я сейчас к человеку в форме отношусь, будем так говорить, очень осторожно. В каком плане осторожно... Случалось видеть и свиней, случалось видеть и мародеров, и сейчас часто и густо люди одевают форму, хотя к форме не имеют никакого отношения. Риторический вопрос «А ты там был?» иногда всплывает. [...]

Ще таке запитання. Чи було у вас сформоване до війни і чи змінилося після війни ваше ставлення до націоналістів, ОУН, С. Бандери?

В. Г. [...] Меня интересует, интересовало это в том плане, что... Вот тетя Стефа... Она уже покойная, это отца старшая сестра. Она два раза заканчивала Львовский университет.

За різними спеціальностями?

В. Г. Нет. По одной и той же специальности. Последний курс она один раз заканчивала при немцах, один раз при... в советское время, ее заставили последний курс перезакончить. Вот она как раз по распределению попала в село, которое до [19]51 года было «бендеровским». Вот она попала туда учительницей. Вот она... Ее везут на подводе [нерозбірливо] – карты, все, как положено учителю, она везет. Вот ее остановили. Она прекрасно понимала, чем это для нее... Она уже себя морально похоронила. [Уточнення респондента: мається на увазі – подумки, внутрішньо приготувалася до смерті.] И кто-то из

этих «бендеровцев» увидел карту. И взял карту Советского Союза... достаточно точно карту Украины отчертил, границы Украины, отчертил, говорит: «Рассказывай про нее». И ее отпустили. Вот она мне этот эпизод рассказала. Мне интересно было.

А потом в селе был завклубом, такой очень интересный человек. [...] Как-то сидели, общались... Не я общался, отец с ним что-то сидел, общался, а у него такой интеллектуальный уровень – ой-ой-ой... Мне была интересна не тема – о чем они говорили, а вот именно язык, каким они общались. Потому что по языку можно понять уровень человека. И вот его [завклубом] считали и тем, и другим. И «бендеровцем», и КГБистом, и кем только не считали. Но это я малый был. А потом, через некоторое время... Бывает, вспоминается какая-то ситуация, отца спрашиваю: «А... кем он был?» Он говорит: «Никто толком не знает. Он сам не знает, кем он был». [...] Он закончил в Кракове... лицей, по-моему, исторический лицей в Кракове закончил, это при университете краковском. И что-то еще. [...] Хорошо знает историю Европы. Он действительно хорошо учился. Дал ему Бог память хорошую. [...] И вот (это с его слов) он говорил, что среди вот... УПА... Он говорит: «Забудь за Бандеру... Не называй УПА “бендеровцами”, потому что они не имеют никакого отношения...» И вот мне было интересно. В том плане... как это так? А потом, я не помню, случайно где-то мне попала литература... Оказывается, с [19]41-го по [19]44-й Бандера где был? Его не было на Украине. Он был в Германии, сначала в концлагере, а потом в тюрьме. Это исторический факт, его никто не может опровергнуть. Какое он имеет отношение к дивизии «Галичина», к батальону «Нахтигаль», вообще к УПА, УНА-УНСО? Да никакого. Вывеска, флаг, не более того. Так, получается?

А ваше ставлення?

В. Г. Да, это очень интересный человек, в плане... как лидер, но не более того. Да. Он поднял это все. Но не более того. А все остальное... Очень там о Романа Шухевиче... Мне почему, допустим... Я могу об этом говорить, имею моральное право? Потому что я общался с людьми, которые его знали лично. До войны, во время войны и после войны.

Шухевича? Головнокомандувача УПА?

В. Г. Да. Романа Шухевича. Что не такая это и порядочная, красивая, легендарная личность. Да, он неплохой организатор. Неплохой, не

более того. Скорее всего, основная масса того, что там происходило, именно происходило от того, что он чуть-чуть корректировал, потому что были люди, которые эмоционально, внутренне настроены на эту борьбу. Вот, как вы говорите, горизонтальная связь была. Они сами себя организовывали. [...]

Там, на війні, ви виконували певну місію. Коли ви повернулися сюди, чи якимось ви продовжуєте цю місію? Я маю на увазі не відстрілювати ворогів у практичному плані, а боротьбу саму за нашу свободу, за нашу гідність, за право самостійно, не за чиєюсь вказівкою, творити своє майбутнє?

В. Г. Практически нет. Я говорю: практически нет. Теоретически я, может быть... то, что там, внутри, в принципе... Нет, практически нет.

Хтось там зустрічі влаштовує в школах, хтось...

В. Г. Сразу говорю. Я вам говорил, что я не публичный человек. Я не люблю этих вещей, тем более, что у нас часто и густо каждая публичная встреча заканчивается или возле пивбара, или где-нибудь... часто и густо. Я не сторонник этих вещей. Мы там с ребятами иногда встречаемся, опять-таки, без спиртного и без пива. Кофе – пожалуйста. Приезжают, я не говорю, что все, но там из Харькова ребята приезжают, из... Тернополя. [...] По телефону общаемся, да, хотя я телефон очень не люблю. Где-то так. [...]

Хтось із корупцією бореться. Люди знаходять цікаві напрямки...

В. Г. Знаете, желание такое есть. Есть желание. Но у меня уже немножко со здоровьем не очень хорошо. [...]

От ви про вік нагадали. Скажіть свою думку, як свідок радянської епохи. Я зустрічала дослідження, наприклад, Центру українознавства КНУ ім. Т. Шевченка, спостереження психологів, які звертали увагу на занижену самооцінку в людей, які були сформовані радянською системою.¹

В. Г. У тех, кто рядом, допустим, людей очень часто это было.

Занижена?

В. Г. Да. [...] Я не всегда себя оценивал абсолютно однозначно, скорее всего, всегда неоднозначно, потому что лучше себя оценивать со сто-

1 Обушний М. Голодомор 1932–1933 рр. у політико-психологічному ракурсі / Михайло Обушний, Тетяна Воропаєва // Українське слово. – 2009. – Ч. 17–21, 29 квітня – 2 червня. – Режим доступу: <http://bezt taboo.narod.ru/aspecty.html>

роны, а не сам себя. Я не знаю, у меня не получается самому себя оценивать. Видел... моего возраста, чуть-чуть постарше людей, которые, действительно... Он себя не представляет... Хотя достаточно такие, состоявшиеся личности...

Не уявляє себе як самостійну особистість поза системою?

В. Г. Да. У него на уровне фобии... И когда его... Он намного ярче становится, когда он один... чем внутри этой кучи [людей], намного ярче, намного светлее человек. Это видно. Он все равно боится, просто боится.

«Не висовуйся» – оця установка?

В. Г. Да, сделать шаг в сторону... На него это давит. Понять, насколько, допустим, ты ценен, насколько твой потенциал, вот это вот... средний уровень... Ему просто страшно его показывать [свій потенціал]. С этим я сталкивался, и не один раз. [...]

І зараз це також іноді відчувається, у нащадків.

В. Г. Меня как-то возмутило... У Андрея [сина респондента] была одна преподавательница, я ее не мог понять как человека. Вроде как более-менее приличный преподаватель по уровню знания, все, но иногда ей что-то в голову... «Планка падала» – и полкласса двоек. Что там происходило, на уроке... не присутствовал. [...] За что-то гонял его [сина] по успеваемости, а он говорит: «А у нас у всех двойки, полкласса двойки». Я говорю: «А меня не волнуют все. У меня ты есть, конкретно ты. Почему ты двойку получил?» [...]

Я позже уже узнал, что это специфика этого преподавателя. А на Андрее я попался на том, что... средний уровень, «серая масса». Меня это так возмутило... [...] Понятие «серых мышей» для меня такое, немножко болезненное... Юлька – нет, дочка, а Андрей – бывало...

А хто старший?

В. Г. Андрей.

Якого він року?

В. Г. [19]81-го. [...]

Розмову провела Ірина Рева

11.05.2017

Командир 43-го ОМПБ Олександр Водолазький,
командир взводу 43-го ОМПБ Юрій Фоменко,
командир 13-го ОМПБ Анатолій Родіонов

«ВІН МЕНІ ПОТІМ ПРИЗНАВСЯ: ВІН МЕНІ НЕ ДОВІРЯВ, ТОМУ ЩО Я З ДОНЕЦЬКА»

Інтерв'ю з командиром 13-го ОМПБ
Анатолієм Родіоновим

Пане Анатолію, розкажіть про своїх предків.

А. Р. Батько мій, Родіонов Миколай Іванович, 1926 року народження, народився і ріс в селі Храпово Тамбовської області. Мама його померла рано, а батько, Родіонов Іван Олексійович, був військовим. В сім'ї було три сина, з яких мій батько був середнім. Ми жили в Білій Церкві, і дід також жив у цьому місті. Але я не дуже хотів ходити саме до цього діда в гості.

Він не жив із вами?

А. Р. Він жив окремо. Хоча ми були в одному місті, але ходили до нього рідко. Я більше часу, навіть можна сказати, що весь вільний час, проводив з батьками мами в селі Томиловка під Білою Церквою. Я дуже любив свого діда зі сторони мами, проводив дуже багато часу з ним. Він був... якесь божество для мене. Дід також приділяв мені багато уваги. Було таке, що коли я приїздив, він міг кинути всю роботу і займатися онуком. Коли було багато роботи по господарству, я завжди ходив за ним хвостом. Він мене брав скрізь і навчав всьому. Так само я намагаюся робити зараз зі своїм онуком, хоча Люші всього три рочки. [...]

«ДІД ДЛЯ МЕНЕ... ЦЕ ЯКЕСЬ БОЖЕСТВО БУЛО»

Давайте на цьому зупинимося... У мене в опитувальнику є запитання про людину, яка вплинула на вас як на особистість, на формування вашої особистості. Я так розумію, що...

А. Р. Це мій дід.

Розкажіть, який він був, дід, що в ньому було таке. Може, якісь були особливі ситуації, коли ви відчули, що сприймаєте його всією душею...

А. Р. Я не знаю, не пам'ятаю, як я відчув.... У мене, напевне, щось клацнуло тоді, коли я почав щось там бекати [перші слова вимовляти]. Мені розказували таку ситуацію. Після мого народження два роки ми з мамою і татом жили в батьків мами в Томиловці. На звичайному старому ліжку була сітка металева з пружинами і огорожа. Я любив, коли вже встав на ноги, в ліжку стрибати. В цю кімнату були двері з

Дід, Іван Тимофійович Линник

маленькими віконцями. Дід з бабою жили в добротній сільській хаті, бо він був майстром на всі руки і все всім по селу робив. Я міг стрибати. Коли стрибав, то був лицем до стіни – в протилежну сторону від дверей...

Вибачте, я переб'ю. Хто він був за професією, дід?

А. Р. Я навіть не знаю, хто він був за професією, у нього, наскільки я пам'ятаю, не було ніякої спеціальної професійної підготовки. Але він сам робив столярку... Він настільки був, скажем так, розумною і технічно грамотною – без

освіти – людиною, що дерев'яні вироби виробляв майстерно. «Бив» масло з насіння, але як він «бив»? Люди до нього звозили насіння соняшникове, а в діда була саморобна маслобойка. Всю цю «апаратуру» і техніку, щоб бити масло, він зробив своїми руками. Майже всі деталі були з дерева: там, обдирачка, віялка та інше. За це він трошки заробляв олії: в залежності, скільки насіння привезуть, залишали йому одну або декілька трилітрових банки олії. Взагалі у нас завжди були свої натуральні продукти. У діда була маленька пасіка з семи вуликів. Мед якісний, і тому колгоспний пасічник приходив і брав у діда іноді для своєї сім'ї мед. Коли 200 вуликів, то і догляд був не такий якісний. Для пасіки на нашому подвір'ї розташування було майже ідеальне. Хата стояла на початку вулиці, і з одної сторони були поля, а з іншої ліс. На полях було коли овес, коли гречка... а в лісі завжди купа польових та лісових квітів. Крім того, дід клав печі, мурував стіни. Міг з нуля зробити хату, зайти і жити там. Все те, що умів, показував мені і вчив, як робити. Брав мене з собою косити траву для худоби. В нього була велика коса, а для мене, ще малого, була маленька. Я тією косою косив по кущах, а він на галявинах.

Це був дід – мами батько?

А. Р. Мама. Линник Іван Тимофійович.

Він де цього навчився – майструвати? Відомо?

А. Р. [Хитає головою.] Не відомо.

Він школу закінчував?

А. Р. Закінчив чи то п'ять, чи сім класів, і всьо.

Якого він року народження був?

А. Р. [19]17-го [...] А! Я не договорив... Я вибачаюсь... [Розмову перервали відвідувачі.] Були такі випадки, коли я [дворічною дитиною] тримаюсь за огорожу в ліжку і стрибаю... Міг пів дня стрибати... Мати казала: «Як у тебе, – каже, – голова не крутилась, я не розумію». Але коли дід підходив і тихенько заглядував із великої кімнати в ту кімнату, спальню, де був я, через оце віконце маленьке, каже [мати], миттєво реагував, повертався і кричав: «Дед!» Отаке в мене було...

Це якийсь зв'язок був із ним?

А. Р. Так. Мій онук і я маємо зараз також дуже міцний зв'язок. Малий просипається вдень чи після ночі, коли ми знаходимося в селі у прабаби, питає зразу, де дід. Коли я на винограднику чи в городі, вибігає на ганок і кричить: «Де-ед!»

Скільки дід прожив?

А. Р. Значить, він помер... Зараз скажу, коли... [19]17-го року народження, а... а... в [19]87 році помер, тобто 70 років... [прожив].

Звідки родом сам дід?

А. Р. А місцеві, це Київська область. [...]

Ваш дід був така багатогранна й обдарована особистість. Те, що я зауважила, – це майстерність, здатність його щось творити, так? Оце вас в ньому захоплювало?

А. Р. В ньому мене захоплювало те, що, по-перше, він ніколи мені нічого не забороняв. Я пам'ятаю, що він тільки підтримував. Наприклад. Виходять на кіноекрани фільми про індейців – ми починаєм грати в індейців. Я приїжджаю до діда, школа закінчилася... Коли старший був, то ходив в село пішки з Білої Церкви до Томиловки, там було сім кілометрів навпрошки.

Томиловка? Це там, де дід жив?

А. Р. Так. Йшов я в Томиловку і всі вихідні був з дідом та бабою. До того, що я вже почав... Про індейців. Приходжу і кажу: «Дід, будем грати в індейців – мені треба лук». Він, так, раз: «Зажди». Щось там попорав... «Ідьом!» Ми йдемо через дорогу в ліс. Він знаходить ліщину, вирізає... В мене завжди були самі круті хлопчачі самороб-

ні іграшки. Дід був творчою людиною. Ось яке його було ставлення навіть до занять чи гри з онуком. Звідки він міг знати, що лук може складатися не з однієї палки? Брав дві стеблини підходящі, скручував по кінцях, а в середину вставляв розпорку. Натягував тятиву, я стрілу вставляв між палками і клав на розпорку. Таким чином він зразу давав стрілі направлення. Мало того. У нас було таке подвір'я, що було місце як площадка, в кінці якої стояла повітка для худоби з маленькими дверцятами на горище. На цих дверцятах він, залазив [залазячи] по драбині, малював мішень, в яку ми тренувалися стріляти. Стріли були також... не просто вирізана різка. Він їх робив з штапіка. З однієї сторони вставляв цвяха, а з іншої вставляв перо з курки. З такою стрілою можна було вже і на полювання ходити. Так от, дід якщо щось робив, то робив це майже професійно і якісно, навіть іграшки дітям. Дід був з почуттям гумору і трошки кумедний. Наприклад, ми граємося біля купи картоплі і кидаємо її хто далі. Він побачив, підійшов. Діти принишкли. Подивився... і не насварив, а каже: «А я далі всіх кину, а потом Толю навчу. А ви так не кинете». А вони: «А як? Дід Вареник, а як?» Його в селі називали Вареником.

А чому його так називали?

А. Р. Я не знаю. Він казав, що, може, вареники любив. Таке в нього було прізвисько. Коли мене перехожі на вулиці питали, чий я, завжди казав: «Діда Івана Вареника онук». Ще я його називав «Чубатий», тому що батьковий батько був лисий (брив голову) і аж рижий, а мамин – чубатий... Так і розрізняв змалку. От дід підійшов, подивився, взяв якусь різочку, натинає на неї картоплину і жбурляє. Вийшов важіль, і картопля летить набагато далше, ніж кинуть рукою. Ми так: «О-о!!!» Ми давай розкидать ту картоплю з дідом. Баба виходить: «Що ви робите?! Старий?.. Малі – дурні, а старий... Збирайте картоплю бігом!» Він каже: «Вони все зараз позбирають...» Але ж та картопля вже прошторкнута...

Тоді фільми про війну... Ми з молодшим братом і пацанами з кутка починаємо грати у війну. А я кажу діду: «Дід, розкажи, що таке там землянка, що таке бліндаж...» Він каже: «Нащо розказувать?» А картоплю вже убрали, це уже десь вересень або жовтень. «Пішли по лопати». Короче, ми викопали на городі, з дідом і з пацанами, повнопрофільну землянку, перекрили її соняшниками, накрили брезентом, поставили туди стільчики і взяли лампу ночну – «летучую мышь», і оце в нас була така землянка. Ми їдемо на навчання – дід розкидає це все, закопує. [...]

Скажіть іще по характеристиках свого діда. Насправді такий архетипний попався чоловік... Тут я бачу – повага до дитини, так?

А. Р. Да... Я вам скажу коротко... Він відносився до мене як до повноцінної маленької людини. Він ніколи не ображав мене, він ніколи не піднімав на мене руку, він ніколи не казав «ні» [без того], щоб не пояснити, чому «ні».

І відкритість до нової інформації теж у нього була, я так розумію. Те, що, там, з вами, з дітьми, легко знаходив спільну мову...

А. Р. Я ріс, і його... Скажем так, іграшки у нас були спільні з ним. Наприклад... [...] Я був восьмий-дев'ятий клас, у нас був «Юный техник» [журнал], там – аеросані... Я приїхав, кажу: «Дід, отаке...» Він з січкарні знімає «дизельок», і ми починаємо робити аеросані. І зробили майже аеросані, тележку таку, все нормально, почали вирізати гвинт... Ну, я був постарше, готувався уже до вступу, менше став спілкуватися, і дід приболів... [...]

Ваш дід... Його предки, я так розумію, у цьому селі Томилівка і жили. Вони не були переселені?

А. Р. Дід сам з села Ясинівка, також Київської області. Не можу точно сказати, коли, але вони перебралися в Томиловку, коли дід був вже дорослий. В Томиловці була прадідова хата, де жили двоюрідні матеріні сестри. Коли почалася Друга світова війна і дії [воєнні] були вже на території Союзу, дід пішов в [19]41-му на війну. Не знаю, чи то за призовом, чи добровольцем. Бабуся була вагітна мамою, і вони переїхали в Воронежську область в евакуацію, де і народилася моя мати. Після війни повернулися в Томиловку.

За Голодомор, репресії, «громадянську війну» щось розповідали?

А. Р. Щодо Голодомору, «громадянської війни» ніхто мені не розповідав. Я думаю, що це було обумовлено так... Наприклад, щодо Голодомору. Дід міг все зробити і заробити. Тому я вважаю, що... сім'я і він...

Вижили завдяки цьому... Він же вигадливий надзвичайно...

А. Р. Да. Він вигадливий дуже... У нього не таке велике подвір'я [щоб вважатися багатієм]. [...] Я вважаю, що в зв'язку з тим, що він народився в [19]17 році, він не встиг...

...набути статків.

А. Р. Набути, да. А так би був він однозначно десь в лагерьх, тому що хазайство він... вмів. Любив і міг господарювати.

Про прадіда щось відомо?

А. Р. Нещодавно я питав у мами про прадіда. Якраз у цій Ясинівці прадід був якоюсь значною людиною, з авторитетом, але я... Зараз не могу згадати, чим це було обумовлено. [...]

«БАТЬКО В 16 РОКІВ ВТІК З ДОМУ... НАЙШОВ БРАТА НА ФРОНТІ»

А по лінії батька? Чи були там репресовані?

А. Р. Ні, не було. У діда зі сторони батька в сім'ї були сестри. Коли дід помер, вони приїздили на похорон і про то нічого не розказували. Дід і батько також нічого про репресії не говорили. В них була типова російська сім'я, з специфічним говором. Я думаю, що ця халепа їх оминула, тому що дід був військовий. Закінчив службу після війни заступником командира полку з тилу в Білій Церкві. Батько також після війни ще служив і звільнився чи то в [19]49, чи то в [19]52 році.

У батька було два брати, він з них середній. Після смерті дружини дід одружився, але я не могу сказати, до чи після війни. З бабою Леною (також була чиста росіянка на прізвище Бараненко) особливих контактів не підтримували. Я пам'ятаю, вона працювала в краєзнавчому музеї в Білій Церкві. Але про неї залишилися приємні спогади. Коли мене з класом приймали в піонери, це відбувалося в музеї. Коли все закінчилося і нам пов'язали галстуки, вона мені дозволила залізити на тачанку і сісти за кулемет. Весь клас мені тоді заздрив.

Ці два брати батькові, вони були до війни живі. Нормально вони до війни жили, один працював, інший був ще малий. Обидва загинули. Один брат пішов... якраз в честь кого мене назвали Толя... Він пішов в [19]41 році на війну. Батько в 16 років втік з дому, знайшов в [19]42 році брата на фронті. І якраз у нього не було другого номера на кулеметі «Максим» – батько мій, малолетка, став у нього другим номером. Вони до [19]44 року провоювали, і в [19]44 році дядько загинув. Батько став першим номером, йому дали підручного, другого номера. Він

десь на початку [19]45-го закінчив війну, в Польщі, вернувся... Що у діда, що у батька за війну є ордени, медалі. У батька була [нагорода] «Орден Слави». Ті всі медалі я витаскав дитиною, десь погубив. А після війни, по-моєму, в [19]47 році, чи [19]48-му, чи в [19]46-му, молодший [брат батька] пас корову в лісі, знайшов гранату й підірвався, разом з коровою. Батько лишився один. [...]

Ким працював батько?

А. Р. Після війни батько залишився служити. Дід домовився, і його взяли в комендантську роту при політвідділі Київського округу (він тоді був не в Києві поки ще). Батько був старшим сержантом і возив «деда» – так він називав генерала, начальника політвідділу округу. Розказував смішні історії, що траплялися з ним тоді. А була одна і не дуже смішна, але закінчилася нормально. Якось водії комендантської роти на обідній перерві розташувалися в центрі міста на газоні і розклали тормозки. Підійшов патруль на чолі з молодесеньким молодшим лейтенантом і почав їм претензії пред'являти. Його попросили дати спокій, а він почав хвататися за зброю. Розумієте... Молоде і зелене, не нюхало пороху – і за зброю проти фронтовиків... Батько забрав у нього «ТТ», а патрульних нагнали. Коли поїхали до штабу, той пістолет він викинув в клумбу біля міськвиконкому. Дуже рано наступного дня їх підняли з ліжок смершівці – і на допит. Потім поїхали шукати пістолет. Знайшли, і він тільки гауптвахтою відбувся. Напевне і «дід» (генерал) ще доклав руку. Одного разу батькові довелося везти Жукова на навчаннях. Після демобілізації батько пішов працювати на Білоцерківський завод сільгоспмашин ім. 1 Травня. На тому заводі він пропрацював до пенсії, і там же зустрілися вони з мамою. Батько прийшов налаштовувати станка, а там молоденька... дівочка в порівнянні з ним. Між батьком і мамою різниця у віці – 15 років.

А хто була ваша мама?

А. Р. Після школи мама поступила в інститут, заочно, і працювала на заводі. Не можу сказати, в якому інституті вона вчилася, але покинула через те, що появилася сім'я. Мама активно приймала участь в міському народному ансамблі. Була солісткою і танцювала добре народні танці.

У нас була... цікава така подія, випадок такий трапився. Ми їхали з мамою з Білої Церкви на електричці до Києва, і на якійсь станції за-

ходить в електричку, в вагон Солов'яненко¹. І сів рядом з нами. Ну, вони говорили-говорили... [...] Почали потім співати. Вона співала з Солов'яненком в електричці...

У діда в родині співати любили?

А. Р. В сім'ї діда по матері було багато дітей. Напевне, дев'ятеро. Було багато сестер. Але мама в сім'ї була одна, було багато двоюрідних (може, тому, що у бабусі та діда були багатодітні сім'ї й вони «найлися» того щастя, переживши голод). Коли збиралися родичі, то було схоже на маленьке весілля. Дуже гарно співали, дуже. Була купа дітлахів мого віку – троюрідних братів та сестер, і знаходили чим себе зайняти. І доте-пер у мене з троюрідними лишилися добрі зв'язки та відносини.

«Я НИКОЛИ НЕ ХОВАВСЯ ВІД НАЧАЛЬСТВА»

Ким ви мріяли бути в підлітковому віці?

А. Р. В школі, починаючи десь з сьомого класу, я приймав дуже активну участь у всіляких військово-спортивних іграх: «Орлюнок», «Зарніца» та інше. Не просто приймав участь, а був командиром взводу, класу... Я вважаю, що спрацювали гени, тому що дід був військовий. Крім того в нас був військовий керівник, підполковник Нечаєв Микола Петрович, якого я дуже поважав, і ми з ним дуже добре порозумілися. Він служив в авіації, але в непростому підрозділі. Я думаю, що було таке... на кшталт спецпризначенців або підрозділу антитерору. Підготовка в них була потужна, навіть у льотчиків. Одного разу, коли хлопці-школярі в якості допризовників проходили збори на полігоні, він показував, як можна стріляти з АК-47 однією рукою, що була витягнута вперед. Стріляв і точно попадав по мішеням. Учився я з 1982 по 1986 роки в Рязанському вищому військовому командному училищі зв'язку. Але був прийнятий в десантну групу (в нас на кожному курсі була одна навчальна група, що йшла по окремій програмі і випускалася з направленням у ВДВ).

Все своє життя я ніколи не ховався від начальства. В армії існує така поговорка – «Далі від начальства, ближче до кухні». То не про мене. Я навмисно не ліз у очі, але коли мій путь перетинався з начальством,

1 А. Б. Солов'яненко (1932–1999) – всесвітньовідомий український співак.

не тікав в сторону, а поведив себе нормально. В мене не було такого мандражу чи раболепія, як у інших. Якщо мені треба було в училищі йти на КПП, а назустріч ішли генерали з комісії (якоїсь), я спокійно переходив на стрийовий крок, віддавав честь і йшов собі далі, всі остальні тікали з дороги, щоб не попадатися на очі.

Командиром нашого учбового батальйону була унікальна людина – підполковник Еренгіс Антонас-Альджус Петрович. Він був дуже специфічним, але і дуже розумним. З ним можна було розмовляти не як з тупим служачою, а як з толковою людиною. За батальйон він стояв горою, і кривднику його «синів» (так він нас називав) було дуже несолодко. А в мене з ним був дуже добрий контакт, тому що я завжди виконував його доручення. Думав і виконував, так сказати, «проявляв смікалку». Коли я навчався, дуже агітували в партію вступати. Я також пішов. Комбат мені давав рекомендацію в кандидати. Коли комісія подивилися, хто дав рекомендацію, сказали, що коли так, то питань не може бути. Потім вже, коли я трошки почав замислюватися над питаннями партії і нашого життя, дуже сильно не хотів з кандидата ставати комуністом. Але... така позиція була – не комуніст, то не будеш командиром роти. Я був кар'єрист, в хорошому смислі, і в мене получалося. Фактично я вступив у партію під тиском.

Тобто з часом ви змінили своє ставлення?

А. Р. Десь вже відчував бредовість цієї ідеї. Крім того стався один випадок з моїм другом (він потім став моїм кумом). Друг навчався у Віницькому медінституті. Одного разу, коли вони вивчали якусь політичну дисципліну (чи то марксистсько-ленінська філософія, чи щось ще), він досконально законспектував Леніна. Наступного дня його визвав декан і залишив на бесіду з КДБшником. Той дуже прискіпливо до-

Командир взводу навчального батальйону 95-ї ОАеМБр капітан А. Родіонов

«Я та мій взвод зв'язку 2-го парашутно-десантного батальйону 345-го полку»

питувався, хто хлопця навчив конспектувати і цитувати саме ті моменти з трудів вождя. Йшлося про цитати щодо колективізації за допомогою «красного террора». Товариш був відмінником і сказав, що виконував завдання викладача – і не більше. Його тоді попередили, що якщо він не буде як усі («Можеш хоть “Мурзилку” переписувать» – слова КДБшника), то вилетить з інституту. В училищі ми кожного року здавали цю байду – ту філософію, що вже казав, науковий комунізм, політекономію та інше. Я того нічого не здавав. Коли починалася підготовка до цих іспитів, я брав туш, ватман і йшов на кафедру. Там спочатку трошки нагло пропонував свої послуги з написання наглядної агітації, а потім вони до того звикли, що Родіонов таким чином здає іспити. Під час, коли всі готувалися, я писав плакати і тишком-нишком гуляв у місті.

Щодо мого кар'єризму... Я в хорошому сенсі... Не ліз через голови, а піднімався по службових сходинках завдяки тяжкій праці. Чомусь так завжди траплялося, що я по службі зав'язував контакти з начальством, і не ближньої, а вищої ланки, яке потім, знаючи мої ділові якості, просувало мене вище в кар'єрі військового. В 27 років я був на підполковничій посаді. Коли підійшла черга і мені запропонували посаду командира роти – запропонували з умовою, що я стану членом партії. Прийшлося погодитися. Погодився тому, що я знав служ-

бу, цей підрозділ, вони мене також вже знали і десь поважали.

Ви відчували, що зможете на цьому місці адекватно діяти...

А. Р. Я знав, що я можу з ними більше зробити, ніж попередній [...] командир роти, якому та рота взагалі ніколи не була потрібна. Чомусь так завжди траплялося, що мене на новій посаді спочатку «кидали під танк». [...]

[Респондент повертається до подій 1986 року.] Випустившись з училища, я попав служити молодим лейтенантом – командиром взводу у Псковську десантну дивізію. Прослужив я там до червня 1997 року. Так як я був не такий, як усі... Не стукач, не блюдолиз, поважав солдат і добивався з ними добром того, що не могли добитися інші... Вступав в конфлікти з командуванням, відстоюючи правду, свою і солдатську... Командир роти, що був «дубовий» в спеціальності, тиран і патологічний самодур, одного разу мене підставив. І мені сказали: «Лейтенант, або зірочку знімаємо, або їдеш в Афганістан». Мій однокласник по училищу, що також служив у цій роті, скажімо так, просік «політику партії» і нормально служив в тих умовах, і в Афган не попав.

Так ви, виходить, потрапили в Афган?

А. Р. Так. Створили для мене ситуацію. Попав у знаменитий гвардійський 345-й окремих парашутно-десантний полк. Був в Афганістані, служив до виводу, до лютого [19]89 року. 11 лютого у мене день виводу...

«Я НЕ РОЗУМІВ, ТОМУ ЩО НАВКОЛО НАС ХОДИЛИ РОСІЙСЬКОМОВНІ ЛЮДИ І “СПАСІБО” КАЗАЛИ НАМ»

Знову ж таки. Мені дуже везло завжди з керівниками: в училищі, в школі. В 345-му полку Востротін Валерій Олександрович – легенда, Герой Радянського Союзу. В Афгані і в подальшій службі його [призначено] командиром полку, колектив його майже боготворив. Він... був дуже сильна особистість і дуже правильний. Ми його любили і поважали. Також вплинуло так на мене [як зразок], який має бути командир. Героя йому дали за те, що зміг організувати бойові дії так, що в полку були мінімальні втрати, на фоні інших, менших частин та підрозділів.

З Афгана наш полк вивели в Кіровабад, що в Азербайджані. Пізніше його перейменували в Гянджу. Ми тоді не розуміли, а в них вже тоді почалася декомунізація. Увійшли ми з полком в склад 104-ї повітряно-десантної дивізії. Тоді активізувалися бойові дії між Азербайджаном та Armenією. У квітні 1989 року нас кинули маршем, колоною бронетехніки, на Тбілісі. В цей час там була перша стадія антирадянської революції. Кого «на усмірение»? Самий бойовий 345-й полк. Ми не розуміли тоді і виконували наказ. Але хочу сказати (оправдатися трошки): наші хлопці зразу дистанціювалися від радикальних дій щодо населення [протестувальників]. Грузини також добре розуміли, що наражатися на конфлікт з бійцями, що тільки вийшли з Афганістану, дуже небезпечно. Там ще один полк наш був – 37-й. Плюс ще там були Кемеровська школа міліції... Короче, з усього Союзу нагнали туди військові часті та міліцію.

А як ви це сприймали, цю грузинську революцію?

А. Р. Я не розумів. Я не розумів, тому що навколо нас ходили російськомовні люди і «Спасібо» казали нам... Точно так же, як і зараз на Донбасі. [...] Але ми там недовго були, і тому вони не зрозуміли, до чого це може призвести. Ми були там всього лиш 9 днів. Наш полк, і нас, як якихось крадіїв, тишком-нишком погрузили на ешелон – і повністю полк, дві колони нашої бронетехніки забрали і вивезли звідти... Досі пам'ятаю те відчуття – саме як крадіїв якихось забрали...

Щоби не було відомо про присутність російських військ?

А. Р. Так. Може, того, що піднявся міжнародний резонанс. Під час служби в Азербайджані вже почав замислюватися, тому що бачив із середини афганські події, події в Грузії та Азербайджані з Armenією. Не тільки один я, а й інші офіцери підтримували думку про недоцільність присутності союзних військ в Афгані, а потім і в Тбілісі. З часом нас почали висувати в зону конфлікту, типу миротворців між воюючими сторонами. Ми побачили нестиковку політики підтримки Armenії Росією вже після 1991 року. Грузинська нація – це дуже розумна нація, інтелігентна нація. Якщо азербайджанці кидалися на нас, були такі випадки, коли намагалися забирати зброю, техніку, були випадки вбивства військових... Зараз-то я розумію, чому це відбувалося, – тому що не могло бути Росії на території Armenії, яка започаткувала цей конфлікт, і тут в тилу в них, в Азербайджані, стояли ворожі військові частини. Пізніше нас звідти майже викинули, з Азербайджану, – як почалися такі, дуже масштабні військові дії.

Афганістан, 1988 р., старший лейтенант та... 82 міліметровий міномет

Тобто російські військові частини потім прибрали?

А. Р. Фактично там, де стояли російські війська, це були військові бази. Тим більше десантна дивізія стоїть – це ж сила. Ми ходили рейдами між селами на кордоні між державами, бачили, як жили люди до війни. Спільні сім'ї між армянами та азербайджанцями, дуже працелюбні народи... ВОНО [гібридна війна] почалося, і ми бачили, до чого це призводить, бачили нестиковки між тим, що говорять політики, і реальністю. Я почав фільтрувати – керівництво і народ. Народ скрізь однаковий – прості люди скрізь однакові. В мене добрі друзі лишилися як в Афганістані, так і в Азербайджані.

Серед місцевого населення?

А. Р. Так, серед місцевого населення. В Азербайджані, а пізніше і в Абхазії. Це при тому, що ми були там в непонятному статусі. Жили зі зброєю, спали і їли на зброї.

Що означає вираз «в непонятному статусі»?

А. Р. Після путчу та розвалу Союзу ми стали російськими збройними силами. У [19]91-му путч – і бац, немає Союзу. Хлопці інших націй, національностей – білоруси, українці... солдати починають відкрито

від'їжджати і тікають з частин. Нічого їм за це не було. Мало того, їх викликає Україна, викликає солдат... Українців було дуже багато, як солдат, так і офіцерів. [...] Крім того, який був кадровий склад, військовий склад, наприклад, нашої десантної дивізії? Туда ж дуже мало брали «восточних ребят», із-за Урала та [з] південних республік. У ВДВ в основному... 80 % було – росіянин, українець, білорус.

І так як я був командиром роти зв'язку парашутно-десантного полку, то мені і командиру розвідроти було дано привілейоване право на вибір молоді серед прибулих, молодих солдат, молодого поповнення. Що я робив? Я вже за досвідом своїм знаю, що з росіянами, тим більше міськими пацанами, зв'язуватися нема толку – це одні понти, «москвічі», «Рязань», «Пітер»... «Пітер» ще... класні хлопці були в мене. [...] Ми з командиром розвідроти приходили в актовий зал, де були зібрані прибулі молоді, та відбирали собі людей. Наші підрозділи в першу чергу.

Хто приїхав? Механіки і механіки-водітелі... Водітелі колісної техніки і механіки-водітелі гусеничної техніки. Я перше задавав питання: «С України есть?» – «Есть». – «Встать!» Вони вставали... Я рахував, скільки мені треба, забирав – і все, остальні мене не цікавили. Я ніколи не був в програті від цього... В мене був механік-водітель, такий Кодак,

з Західної України. Він облаштував свою БМД... Так облаштував свою БМД, що довів до істерики перевіряючого, начальника бронетанкової служби дивізії. Той як заліз, подивився... що в нього... фіранки висять там, фотографії, іконка... маленьку хатинку зробив собі. [Імітує волення перевіряючого.] «А-а-а! Що ти?!» А він [водій БМД] такий обіжений стоїть... Я кажу: «Не хвилюйся...» [...] Хлопці з України завжди були справжні. На них можна було покласти в будь-якій справі. З Білорусії також хороші пацани були.

[Повертається до теми.] Оці ж азербайджано-армянські події...

Пане Анатолію, а як ви їх, ті події, сприймаєте? Уже ж в ключі цих подій на Донбасі... те, що ми зараз переживаємо... Як воно там було? Теж якась зовнішня інспірація?

А. Р. Коли був путч, дивізію посадили на казарменій стан. Ми жили в казармах в готовності погрузитися на літаки – і на Москву, для придушення «путчу», так скажемо. Сиділи ми якось біля фонтану перед штабом і... Не пам'ятаю хто, але хтось з офіцерів почав хаяти комуністичну партію. На подив, всі підтримали його. Далі сталося взагалі дивне. Ми, як по команді, почали витягати партійні квитки, рвати і кидати в басейн [фонтану]. Уся купа офіцерів оті всі нікчемні бумажки розірвала, кинула в фонтан. Замполіт був в шоці, але нічого вдіяти не міг. І отак ми... Отак я вийшов із партії, кардинально, разом з усіма...

І вас же могли відправити на придушення отого т. зв. «путчу»...

А. Р. Могли. Але я тоді більш за все переймався своїми бійцями у зв'язку з нашими рейдами. Щоб всі були живі. Багато чого відбувалося, все перекрутилося так швидко, що не встигали розуміти. Досвід Афганістану сформував в мені таку позицію – перш за все люди (підлеглі) мають бути забезпечені і живі. Друге – до місцевого населення ми ставилися дуже добре і чемно. Ділилися усім з тими, хто внаслідок війни попав у скрутне становище. Завжди роздавали їжу дітям. Це була позиція спочатку командирів полку, а тоді і остальных. 345-й міг віддати майже все продовольство місцевим в кішлаки. Від такого відношення і до нас ставилися краще. В полку завжди було дуже мало людських втрат. В основному коли відкрите протистояння було, боїове. Конфліктів з місцевими було дуже мало. Наші медики завжди мирних лічили, ділилися медикаментами. За півтора року в Афгані у мене було лише двоє поранених. Хоча те, що я робив з хлопцями своїми і з розвідкою... Я ж не разведчик, я... Але те, що я робив з групами

там, в Афганістані, то в деяких на голову не налазило. Мене з трьома бойцями могли в горах шукати чотири-п'ять днів – я не виходив на зв'язок. І я розумів, що треба те зробити так, щоб вернутися самому і повернути всіх трьох пацанів-кулеметників додому живими. В частину. Я на свій розсуд виконував бойові накази, для мене мав бути результат, а не те, щоб їх виконати як наказали. І з-за цього, може, в мене і були з нерозумними командирами конфлікти. З тупими солдафонами у мене завжди були конфлікти. [...]

[19]92 рік. Наш полк підняли по тривозі, за тиждень погрузили на транспортні літаки і перекинули в Абхазію. З серпня 1992 року я в Абхазії, в Гудауті. І тут – чітко... пішла нестиковочка. Легенда була така, що абхази піднялися, значить, на боротьбу з грузинами і пограбували та знищили техніку військової частини ПВО. Там був полк ПВО, була авіація, там були радіоперехват, локаторщики, радіорозвідка, в Гудауті, аеродром великий, військовий. Десять на протязі півроку нас там «не було» де-юре. До того моменту, як постановою кабміну Росії не було прийнято рішення про статус миротворчих сил. А до того нас там «не було». Коли я виходив у [19]96 році на пенсію, мені довелося оспорювати мою вислугу, щоб врахували той термін, що я був в Абхазії, як рік за три... як зона бойових дій.

«Я СКАЗАВ, ЩО Я ВИВЕДУ СІМ'Ю НА ДОРОГУ ПЕРЕД КОЛОНОЮ І ЛЯЖУ ПІД ГУСЕНИЦЯМИ...»

і там почалися нестиковки?

А. Р. І от там у мене чітко пішла нестиковка: тому що я вже там був командиром роти, потім став начальником зв'язі полку, цього ж парашутно-десантного, і почав стикатися з тими маневрами і фінансовими потоками, які йшли через начальство. Я побачив, як на війні заробляють гроші. [...] Тому що там ішла відкрита торгівля зброєю, там ішла відкрита торгівля засобами зв'язку, там ішло нагале пограбування не тільки тої військової частини... Хоча ту військову частину ПВО пограбували самі військові Російської Федерації, що в ній і служили. Вони колонами вивозили мотлох, барахло і техніку, по домам, по Росії розвозили. А все списали на абхазів. Війна все спише. Офіцери нашого полку не були виключенням [з] того.

Коли я приймав посаду начальника зв'язку полку, я доповів командирі полку про нестачу, якої не могло бути в Азербайджані (нас же перекинули з Гянджі, а там на пункті постійної дислокації все було в наявності). А в Гудауті за декілька місяців [...] нестача. Наприклад, в одному взводі зв'язку 1-го батальйону [нестача] сягала декількох мільйонів рублів. По засобам тільки зв'язку. А скільки продавали зброї! Зброя ешелонами приходила з Адлера та Сочі. Ми ці ешелони супроводжували. Перший ешелон прийшов, ми його навіть розвантажували. Скидали нам ці боєприпаси в ангари для літаків на аеродромі. А коли побачили, що то за боєприпаси там були, – ті боєприпаси, що ми взагалі не використовуємо...

Афганістан, 1987 р.

В якому смислі «не використовували»?

А. Р. Танкові снаряди, наприклад, 100 мм – це танк Т52... У нас взагалі танків в ВДВ не було. Нащо нам танкові снаряди? Нащо нам 7,62, вінтовка Мосіна, патрони до вінтовки Мосіна? Не треба. Вони... ящики в руках розсипалися у солдат в труху... 40–50 років були на храненні. Тобто озброювали абхазьку цю «самооборону» таким чином – всім непотребом, як і сюда гонять весь непотріб, вигрібають на Донбас. Тому і благо... Тому що з пакета реактивних снарядів розривається 60–65 %, а 35–40 % не розриваються, лишаються трубами.

Так оті снаряди, які привозили, вам...

А. Р. Не потрібні тоді. З цих ангарів абхази перегружали, машинами возили до себе. Командир полку сказав: «Знаєте, що? Тепер вони нехай розгружають ешелони, ми тільки будем супроводжувати, і нехай возьмуть самі собі. Тому що я тут... я тут до чого?» Так далі і було. Ми

супроводжували, щоб грузини не відбили, а вони розгружали, возили до себе боеприпаси. Торгували зброєю, засобами зв'язку – всім, чим можна. ГСМ торгували... Десятками тонн, сотнями тисяч, мільйонами рублів російських... був оборот. Але це не стільки на мене вплинуло, більше вплинув наступний факт. Я як начальник зв'язку полку забезпечував фактично всі переговори... Тоді, в ті часи, там ще проводилися в Гудауті... На той час самопроголошеною республікою Абхазія керував такий собі Ардзінба. Проводилися переговори між Єльциним, Шеварднадзе та Ардзінбою, які, як я вже казав, ми забезпечували. На переговорах приймалися різні рішення, і одне з таких, про яке хочу розповісти, показує нутро російської політики.

Наприклад. За день до переговорів вище керівництво дає команду нашому артилерійському дивізіону вийти на лінію зіткнення, що проходила по річці Гуміста, та обстріляти Сухумі з витратою боеприпасів – два боекомплекти. В ніч наш дивізіон САУ 122 мм «НОНА» виходить і «рівняє» мирне місто. Наступного дня на переговорах вирішується питання надання Грузії від Росії 500 мільйонів доларів гуманітарної допомоги. Отже, самі зробили гуманітарну катастрофу, самі і дали грошей на боротьбу з наслідками. Я вже тоді зрозумів, що ті гроші не підуть за призначенням, а це просто відкупна уряду Шеварднадзе.

І зараз те ж саме на Донбасі. «Гуманітарні конвої»...

А. Р. Так воює Московія – інакше я не можу називати зараз цю бандитську країну. Так було в Абхазії, так було в Чечні з Грозним, так вони творять і в нас – розстрілюють прямою наводкою з танків багатопверхові будинки та «Градами» і «Ураганами» міста – Маріуполь, Авдіївку, Краматорськ. Так само вони вели себе і в Афганістані, і в Сирії.

Воювати абхазі не вміють – що там за самооборона? Грузини більш були організованіші – їм було за що воювати. Так, як і зараз відбувається. І вони тих абхазів... чехостили конкретно. Коли назріла така ситуація, що могли нас кинути у пряме зіткнення... Вже отримували завдання на вихід на передову, тобто щоб наш полк пішов на захват Сухумі... Я капітан був ще тоді. Тут генерали сидять... Куратор у нас був генерал-полковник, по-моєму, тоді, чи генерал-лейтенант Сігуткин, заступник командуючого ВДВ Росії. Там з командування ВДВ генерали були кураторами, в Абхазії... І на цьому совещанні я встав і сказав... Не пам'ятаю, як це точно відбулося... Я сказав, що я виведу сім'ї (а ми з сім'ями жили в військовому містечку, в льотчиків жили)... Я

виведу сім'ї на дорогу перед колоною і ляжу під гусеницями, але туди полк не піде. І майже всі офіцери полку мене підтримали. І вони [військове керівництво РФ] зрозуміли, що таке поки що не вийде. Пізніше наш 345-й ОПДП розформували, ще до відкритої війни проти Грузії. Я зараз думаю, що керівництво боялося нашого полку. Полку, що стояв дев'ять років в Афганістані і мав свої певні традиції. Традиції не карателів, а професіональних вояків.

Дивно, що вас не заарештували.

А. Р. ...Може, не було такої конкретики... Якби була чітко конкретика, мене б заарештували і все, просто-напросто. Я маю на увазі те, що вони просто випробували полк – піде чи не піде. Щодо мене... Підбурювання до невиконання наказу... Звісно, могли бути великі неприємності. Багато офіцерів пройшло Афган, ми всі були... в нашому розумінні – побратими. Одного б офіцера закрить не получилось б, а в полку, який має традиції, озброєний... а тут зона бойових дій... Не відомо, як полк зреагував би. [...]

І після того випадку ви вирішили піти з російської армії?

А. Р. Я все більше розумів, що з того не буде нічого нормального. Крім того, відбулася певна подія, що спрацювала як кнопка «старт» для мого переведу в Україну. Я з моїм малим сином Андрюшкою попали в Гудауті (в самому містечку) під грузинські штурмовики, які провели бомбо-штурмовий удар (так це називається у військових). Ми були у мого доброго знайомого, вірменина, вдома, а будинок був недалеко від будівлі, де знаходилося керівництво абхазів. Налетіли штурмовики СУ-25 і відпрацювали бомбами. Тоді я навіть не ховався, а кинувся шукати сина. Була одна думка – тільки б малий не заховався у будинку, щоб його часом не завалило. Але мій хлопчик виявився розумником: він пам'ятав батькові інструкції і забився під бетонний цоколь цегляного забору зі сторони будинку, а не вулиці. Я його схопив, на велосипед і кинувся до аеродрому, де розташувався полк. Андрію було тоді три рочки. Тоді я вирішив: досить воювати. Так сталося, що всі чоловіки нашого роду пройшли через війну, а тепер ще і Андрійко побачив, що воно таке. Я зателефонував своїм товаришам у Житомир, що перевелися раніше, і мені дали відношення з 95-ї аеромобільної бригади. Весною 1993 року я перевівся в Житомир. Я начебто знав, що ця армія... ця держава ніколи...

...не припинить воювати.

А. Р. Не припинить воювати. [...] Я ж там був не просто начальник зв'язку полку, я був там начальник зв'язку «групировки российских войск в Абхазии». [...]

Мені абхази подарили машину, «ВАЗ-2106», за те, що я їх добре... я як інструктор там виступав... що я добре їх навчав. Єстественно, трофейну машину подарили. Зробили вони на ту трофейну машину дублікат технічного паспорту і подарили мені цю машину. На мене зробили документи.

«...І МИ ПОЇХАЛИ В УКРАЇНУ. НО ТОДІ МИ ЇХАЛИ НА УКРАЇНУ»

Я не відмовився. А не відмовився тому, що бачив, як навколо всі просто грабують. І перше це мій досвід був, коли я стикнувся з «кадировцями» (вони потом стали «кадировцями», а Кадиров ще тоді був ніхто) – з «чеченами». «Кадировці» у всіх війнах роблять тільки одне – грабують місцеве населення, базари, «облагають данью». «Отжим»... транспортні засоби і заробіток коштів. [...]

Ми, продовжуючи традиції нашого полку... 345-й афганський... Ми, як в Азербайджані, так і в Абхазії, завжди захищали місцеве населення, всіма засобами. Наприклад, в Абхазії до нас дуже часто зверталися... Ці ж «чечени» пограбують, до нас звертаються [місцеві] – ми знаходимо, просимо віддати. Так дуже скромно, тихо просимо віддати. І вони [віддавали, бо] побоювалися, знали прекрасно... І в Азербайджані побоювалися наш полк. [...]

І ось... Із сім'єю на «жигулях-2106», з щенком, котиком... абхази мені принесли 50-літрову бочку вина, в багажник загрузили – і ми поїхали в Україну. Но тоді ми їхали *на* [інтонаційне виділення респондента] Україну. [...]

Приїхав я в Житомир, в 95-ту аеромобільну бригаду. На декількох посадах був: і командир взводу в учебному батальйоні, і комвзвода в роті зв'язку, і виконував обов'язки помічника начальника зв'язку бригади по радіо. Я фактично пішов із підполковничої посади на капітанську спочатку, а коли батальйон, учбовий батальйон, в Житомирі в 95-й бригаді розформували, то я лишився на старшелейтенантській. І почав же ж підраховувати свою вислугу на пенсію. У мене в неповний

Ваза з ворожої міни, знайденої в полях Донбасу

31 рік віку після 13 з половиною календарних років служби льотної вислуги було 23 роки і 11 місяців. І я звільнився. Все ж таки звільнився. За рік до звільнення побачив, як почали нищити... Чого я почав звільнитись? Того що побачив, що фактично нищать українську армію.

Коли тільки-тільки сформована 95-та аеромобільна бригада, центрального підпорядкування і швидкого реагування (вважалася такою), два роки стоїть з сухими баками... Взагалі не було [пального]. Навіть на командирський УАЗік виділялося 20 літрів чи 40 літрів палива на тиждень. Це був нонсенс, який я ніяк не міг зрозуміти. Я побачив, що при такому ставленні до війська з того нічого не вийде. Я не міг просто далі в такій армії служити. Роки мої проходять просто так, в нікуди... У мене був хист. Я ще в Азербайджані... Оце ж я написав там [про своє захоплення в анкеті]: «дерев'яні вироби»... Ще в Азербайджані купив маленький станочок по дереву. [...] У мене були добрі зв'язки з столярками всілякими, з каменярами там, в Абха... в Азербайджані, в Гянджі. І станочок цей був якраз куплений задля того, щоб привести в порядок вузол зв'язку [який респондент на той час очолював]. Зробити його фактично домом. Ну, *Домом* [інтонаційне виділення респондента]. [...]

«БУЛА У МЕНЕ СВОЯ СПРАВА. Я ВЛАЗИВ В КРЕДИТИ. БУЛИ Й БАНДИТИ...»

В Житомирській 95-й аеромобільній бригаді... частково я трошки був на посаді заступника начальника зв'язку, почав приймати екзамени по тим нормативам, що повинні були зв'язківці знати, – наші, спеціальні нормативи. Жоден офіцер-зв'язківець з батальйонів 95-ї бригади тоді мені норматив навіть на трійку не здав. Я почав бити в усі «колокола»... Але зрозумів, що то нікому не треба. Палива нема... Спеціальна підготовка нікому не потрібна. [...]

[19]93 рік – я перевівся з Абхазії. До [19]96-го, чи трошки більше, [три] з половиною років, служив у 95-й аеромобільній бригаді, але до армії ставилися як до непотребу. Затримка грошей, немає пального, дебілкувати піхотні начальники... Тоді десантників підпорядкували танковому корпусу. ДЕСАНТНИКІВ!!! Танкістам! Бред.

Військовому заборонено займатися підприємницькою діяльністю. [...] Я жив в гуртожитку, в гуртожитку заводу «Промавтоматика». Тоді в мене вже появилася інша сім'я... [Розмову перервав телефонний дзвінок.]

В тому гуртожитку я влаштувався на роботу на пів ставки плотником за рік до дембеля. [...] Затримка на три-чотири місяці виплати зарплати – це ж неможливо. А як сім'ю кормити? Пішов я на пів ставки плотником в гуртожиток. Дали мені кімнату під майстерню. Я в цій майстерні поробив собі станочки – токарний, циркулярку, фрезер. Працював плотником і робив на продаж всілякі вироби. Робив підсвічники, підвазонники, підставки різні... коротше – робив гарні дерев'яні речі. Продавав їх своїм сослуживцям в полку. Дуже багато замовляли жінки, дружини військових, підставок під вазони. Якщо у мене була заробітна платня 700–800 купонів, то виробів я продавав в місяць на 1200, 1500. Крім того я на машині їздив додому, в Білу Церкву, і мені теща давала на продаж шини з Білоцерківського шинного заводу. Вона їх отримувала замість зарплати. Я привозив ті шини в Житомир і ставав на автобазарі – торгувати колесами.

Одного разу мене там побачив наш замкомбрига підполковник Чабаненко Віктор Григорович. «Родіонов, – каже, – а ти знаєш, що військовому заборонено займатися підприємницькою діяльністю?» Кажу: «Знаю, Віктор Григорович...» У нас з ним ще з Гянджі були дуже хо-

роші стосунки, він там був у нас начальником штабу 345-го полку. Я кажу: «Товарищ підполковник, я одне тільки знаю: що не можна державну людину, якою є офіцер української армії, тримати на голодному пайку. Мені треба сім'ю кормить... Що хочте робить». Ніхто мені за те не міг нічого зробити. Точніше, могли, але не зробили. Я потім на його «москвич» ще допоміг запчастини на тому базарі знайти. Виїжджав в суботу-неділю і торгував – заробляв на життя. Було таке, що в мене менти забирали резину, коли ставав торгувати поза межами базару. Потім віддавали. Коли я пішов і напямку з начальником цієї ж... економічної злочинності [відділу боротьби з економічною злочинністю]... говорить... Він побачив мою «колодку» з цими блямбами... [з нагородами]... Ну, просто, я думаю, що він був нормальною людиною, не зміг мені [не] віддати ту резину. Отак я заробляв – і резиною, і подсвешніками.

Майстерня в мене була в підвалі гуртожитку. Там не було витяжки і було як в сюрреалістичній кімнаті. По стінам та зі стелі звисало павутиння, на яке сідав порох з деревини. Було таке враження, що в печері висять сталактити. Звісно, я прибирався, але іноді було так, бо за роботою не доходили руки. В 1996 році звільнився і заглибився у деревообробку. Міг піти в майстерню в 7 годин ранку, а зайти додому аж о 23-й, навіть без обіду. Такий собі трудоголік.

Пізніше, коли директор «Промавтоматики» вже знав, що я роблю, і бачив мої вироби... А я вже робив і вікна, і двері, і балкони. Запропонував мені взяти в оренду заводський столярний цех. Це завод, який робив телекомунікаційну апаратуру і на оборонку, і на ЖД, і на атомну електростанцію... Він мені сказав, що «в нас пустує цех, столярний цех... Там один робітник, начальник цеху, лишився... Може, ти його візьмеш в оренду?» Я кажу: «Ну, страшнувато. А скільки платити?» – «Візьми. Тільки щоб... приведи в порядок станки там... Домовимся». І я оце з цієї майстерні маленької пішов в такі круті підприємцелі – взяв 200 «квадратів» цього цеха в оренду, там і складське приміщення, і цех, самі станки.

Станки... Станки на той момент були старші [за] мене. Мені прийшлося тим всім станкам зробити капітальний ремонт. Додати до них щось. [...] Я погодився і почав працювати легально приватним підприємцем в орендованому цеху.

Ще коли служив в бригаді і довго не давали грошей, я почав ходити на меблевий комбінат. Прийшов... Як «прийшов»... Перелазив через

забор. Прийшов в один з цехів, побачив, як працює старенький токар по дереву, мені сподобалося. Я до нього, познайомився. Він здивувався від того, що я в формі. Я попросив його навчити мене працювати з деревом на токарному станку. Він погодився, але спочатку завів мене до начальника і спросив дозволу поставити мене до станка. Той дозволив, але сказав: «Під твою відповідальність». Отак дядя Саша – Олександр Маркович – став моїм наставником в токарному ділі. В мене добре виходило, бо я міг бачити виріб вже в заготовці і мав трошки художнього хисту.

Орендував я той цех вісім років. [...] Дійшло до того, що всі мої конкуренти прислали своїх заказчиків по меблям з якимись «мухами» в голові... і по дверям, і по вікнам. «Їдьте на «Промавтоматику», там Родіонов, він... що намалюєте, то й зробе». [...] Я ж малюю... Я запропоную людині краще так зробити, я йому намалюю, він подивиться: «Да, так класно!» Я потім стаю [до станка], сам учуся те робити, що намалював, тоді вчу бригаду, а потім ми робимо. Я будь-якого столяра... на будь-якому станку міг замінити. [...] Була у мене своя справа. Я влазив в кредити. Були й бандити, яких прислав кредитор, що спочатку був типу компаньйоном. Потім було непереливки моєму кредитору, який перевищив, скажем так, свої договірні повноваження. [...]

Пане Анатолію, а як ви стали адвокатом?

А. Р. Коли я був приватним підприємцем і орендував столярний цех... [був] директор такого собі невеличкого приватного підприємства... якось зателефонував куму. Не пам'ятаю, в кого з нас виникла думка про навчання, але ми вирішили разом подати документи в Львівський університет ім. І. Франка на юрфак. «Куме, а [чи] не стать нам юристами?» – «А чому не стать? Стать». Він – лікар-травматолог з Радехового (райцентр на Львівщині), я – «отставной кози барабанщик» і столяр, приватний підприємець, поїхали і поступили. [...] Я їздив спочатку з Житомира, а потім, коли переїхали в Красноармійськ, звідти до Львова на сесії. Навчалися на правничому факультеті знаменитого вузу. Як тільки я поступив до Львівського університету, я почав практикувати, представником ходити по судах. Для того небагато треба – закон передбачає, щоб ти був повнолітня та дієздатна особа. Ходив представником по судах, і коли я вже їздив на сесії, мені було з викладачами про що говорити. Я конкретно знав, для чого це мені треба. [...] У 2010 році я закінчив університет, отримав диплом. Через два роки я здав іспит і отримав свідоцтво на право зайняття

адвокатською діяльністю. У мене на цей час був офіс в Донецьку, де надалі я працював як донецький адвокат. [...]

В 2008 році я переїхав за сімейними обставинами в Красноармійськ Донецької області з Житомира.

Чому саме в Красноармійськ?

А. Р. Під Красноармійськом таке село Рівне, звідти родом моя дружина Лариса. [...]

«ДУЖЕ СКЛАДНО Я СЕБЕ СТРИМАВ, ЩОБИ НЕ ПРИЇХАТИ В КИЇВ ЗІ ЗБРОЄЮ»

Розкажіть, як ви 2004 рік пережили.

А. Р. Ми якраз возили заклади на Київ. І ми поїхали... Я пам'ятаю Майдан, я там не приймав участь...

Як ви до нього ставилися?

А. Р. Супер. Ми прям були в захваті, і я, і напарниця моя, Світлана, ми були в захваті. Ми в якісь, помню... в якісь намети кошти давали... Атмосфера, все – класно, супер! Суперово... Потім я подивився-подивився, що тюття цей нічого не зробить, і так воно і сталося. [...]

А далі? 2013 рік?

А. Р. [...] Прийшов 2013 рік. Дуже складно я пережив, дуже складно я себе стримав, щоби не приїхати в Київ зі зброєю... В мене дві дочки, і я так подумав, що треба мені якось поберегтися для дітей, тому що після того, як побили студентів, я вже... Це була остання крапля того режиму для мене. Навіть не те, що в Європу там той дубоголовий не підписав, а це було так, ніби тебе без згоди тягнуть назад до совка. Тому що я коли працюю з людьми, [як] адвокат, я бачу тут людей перед собою, через себе пропускаю біль цієї людини, той беспредел, що у нас твориться в... Чого я пішов в Донецьк? Тому що Красноармійськ – кумовський город, там в суді майже не можна нічого добитися було, майже не можна. А в Донецьку більше місто, населення, більше можливостей... Мільйонник город, і там таких зв'язків не те що немає – там воно якось розріджене було, хоч щось можна було добитися в суді. Улюблені мої справи – це проти податкової інспекції, пенсійного фонду, я їх чехвощу і чехвостив, як ото ворогів народу.

А вони і є вороги народу в тому вигляді, як є зараз. [...]

А тоді, в січні [2014-го], дивлюсь – у мене така велика «дірка» між засіданнями в судах. Я кажу своїм: «Я їду на Майдан». – «Їдь».

А жінка нормально, спокійно це сприйняла?

А. Р. Отак [показує великий палець], і діти, і жінка. «Їдь, тільки бережися». Я збираюся, їду на Майдан. Вступаю там у Афганську сотню, і дуже дивуюся: по-перше, я дуже дивуюся з того, що багато приїхало хлопців із бойовим досвідом і бувших офіцерів – і немає нормальної організації. З Данилюком ходили, захоплювали Міністерство енергетики. Потом нас... Вони там щось домовилися. Ми не розуміли того: чого дали команду піти звідти? Далі... патрулювали, палили шини, я весь провонявся, весь я за ці тижні... весь в тій сажі. Ми усі чорні там були. Чорні і раді. Коли ми тих, беркутню, виводили... Це була друга половина січня. Я пам'ятаю, ранком нас підняли, з Афганської сотні всіх афганців, виключно афганців, визвали до Парубія. Парубій ставив завдання: Український дом. Ми, афганці, мали захищати четвертий поверх Українського дому, бо там находився музей. Я так думаю, нас поставили, щоб не допустити мародерства. Вони, тварюки, вороги нашого народу і держави, облаштували в Українському домі снайперські позиції. Ми знайшли там з хлопцями упаковки від боеприпасів, де було облаштовано «льожку» – снайперську позицію.

«МЕНЕ БІЛЬШЕ ВСЬОГО ВРАЗИЛО... ВІДБИТОК ЧОБОТА НА ЦІЙ ПЛИТІ»

Снайперська позиція?

А. Р. А ложка снайпера якраз на Українському домі була, в спину барикаді на Інститутській. Знаходили візитки баскетболістів з клубів спортивних, що тітушньою були. Здавали ж туда, в управу, в управління до керівництва здавали. Чергували ночами...

Я зайшов у той музей, де були українські хоругви часів Богдана Хмельницького, де були... де було приладдя, яке використовувалося при... я так називаю... при коронації князів українських. Мене вразило те, що вони витаскали, беркутня... витаскали з цих... там, де кімнатки, [у яких] воно було на сохрнаності... плити кам'яні. Ті

плити знайшли на розкопках, плити XII сторіччя, там письмо було українською мовою... Мене вразило те, що ці плити використовувалися як каміння, скидалися з «Українського дому» на... повстанців, скажем так. Мене більше всього вразило... відбиток чобота якогось рахіта на цій плиті. [...]

Ми ходили на патрулювання. Значит, молоді пацани, чоловік двадцять, молоденький поставлений хлопчик командіром цього підрозділу, пару таких, може, молодших трошки, а може, старших, як я, і я. Ми виходим на патрулювання. Ідем до Національного банку, а Національний банк жорстко охоранявся, і це... не та будівля, яку в будь-який час віддадуть. Там є державна охорона, і вони озброєні. А цей молодий хлопчик веде, і навпроти цього КАМАЗу чи УРАЛу з охоронцями ми йдем з щитами, з палками... У кого були каски, у кого ні, у мене така льотна куртка ще з Афганістана, написано «345 ОПДП» (окремий парашутно-десантний полк), ручкою, ще тою, що не відстріується жодним чином, шариковою ручкою написано. На цеґейке. Така добротна куртка... Я і спав в ній у ній... І ми йдем наверх. «Будинок з хімерами», а ми навпроти цього будинку. Тоді цей пацан-командир розвертає... а дорога там широка... Я дивлюсь: державна охорона на УРАЛі повставали і вже тягнуться по зброю. Ну, йде стрій – «банда» озброєна, а у них чітко команда. Це – Банк національний. І повертаємо так демонстративно перед ними...

То я витримав. Спустилися метрів сто, я кажу: «Чуєш, командир, а ну постій...» Він командує: «Стой!» – і повертає. Я виходжу і кажу: «Знаєте, хлопці, з мене того досить. Тепер буде не так. Хочете – це розумійте, хочете – не розумійте. Хто не хоче, того не робить. Ідете до інших... Хто хоче тут, з нами лишитися... Я хочу вам дещо показати, розказати в якості інструктора. Про себе декілька слів: я – офіцер запасу, бойовий опит такий-то... Питання є? Хто хоче, виходьте» [щоб перейти до інших підрозділів]. Не вийшли.

Я кажу: «А тепер дивіться. Що зараз ми зробили? Це ми зробили грубу провокацію. Там державна охорона. А якщо б вони зараз відкрили стрільбу? Вони це зобов'язані робити під час нападу. І спишуть на те, що був захват. Ти думаєш головою своєю, командир, про своїх людей думаєш?» Кажу: «У мене за шість років [Афганістан, Азербайджан, Абхазія] жодного “двохсотого” і два “трьохсотих”...» [Розмову перервав телефонний дзвінок.]

І я почав їх учити. Я почав учити, як прочісувати місто. Я почав

учити фактично до бойових дій у місті. Отакі [показує] глаза. Вони зранку тільки-тільки поїли: «Ніколаєвич! Ідьом...» І я їх десь тиждень водив, водив з тиждень оцих двадцять людей за собою... Якщо зробили б хоча б десяток інструкторів, не було б тих жертв на Майдані, і не кидались би пацани з дерев'яними щитами на кулі... Там би була зовсім інша тактика... Чисельна перевага була на нас, треба було просто... включити голову... Там з підручних засобів можна було наробити стільки холодної зброї і такої, штурмувальної, зброї, що... І тактика мала бути вироблена. Але чомусь того не треба було там нікому.

Я зараз відчуваю, що... прогавили Майдан на самому Майдані. Всі наші реформи прогавили на самому Майдані. І це почалося з відсутності нормальної організації, відсутності... Так, багато тих сотень... Хто вчив людей? Чому? Хто?

Хто що вмів, те і робив.

А. Р. Я тиждень з цими... малятами походив. Потім – поїхав. Поїхав тому, що мені треба кормить сім'ю якось... і перед людьми [відповідальність]. Якщо б не було засідань [судових], я б не поїхав. [...] Зараз я себе звинувачую в тому, що якщо б я поїхав туди, хтось би з тих, що загинув на Майдані, були б живі. [...]

Коли почалася ця стрілянина... [20]14 рік... Все ж вроді вже, погнали [Януковича та інших], все нормально, все нормально. Я дивлюсь і не розумію: що там робиться? Далі? Де далі? Де продовження? Де чистка зразу? Де? Чому беркутню не в клітки, а відпускають із миром? Чому? Там же половина росіян було, там половина спецназу російського було. [...]

Про російський спецназ звідки інформація?

А. Р. А почерк, поведінка, тактика ведення вуличних боїв? Я ж то знаю все. [...] Літаками і зброєю, і боеприпаси, і люди, літаками з Москви, трьома поставками... [Розмову перервав телефонний дзвінок.]

І далі – як ви потрапили на фронт? Це ж почався Крим, ці всі події...

А. Р. Я скажу зараз те, що може багатьом не сподобатись. [...] Крим стався, тому що військовослужбовці на рівні військових частин в Криму не виконали статут... «Статут гарнизонної і караульної служби». [...] Якщо би часові й вартові діяли так, як діяли у Маріуполі, коли постріляли цих нападників, а тоді міліція їх доганяла по всьому мі-

сту, вони розсіялися... Того б не було Криму... Там треба було єдине – блокування Севастополя. Все. Військових частин Севастополя. [...] Вони всі – злочинці. Вони не виконали закони України військові, цим наразили життя від п'яти до восьми мільйонів осіб на небезпеку. Я вважаю так. [...]

Я кажу, якщо б... У нас в Красноармійську [нині м. Покровськ Донецької області], де також потім почалося: ментов захватили, туди-сюди – і вони всі потікали (міліція)... Начальник міського відділку тікав з другого поверха по дахах.

О! Розкажіть, як це почалося у вас в Красноармійську. Ви ж цю ситуацію зсередини бачили.

А. Р. Як це починалося? Починали спочатку збиратися мітинги. Я почав виходити й дивитися: а що ж то таке? У нас зразу сплотилася така група людей...

Як було з самого початку? Коли вони почали збиратися у вас, можете приблизно пригадати?

А. Р. Після Криму. Зразу, як пішло в Криму... березень-квітень... Почали ж ці... триколори сюди приносити, якись оці ганчірки ДНРівські почали вже десь проявлятися, стрічки оці. Мітинги, все... Я виходжу на мітинг... А була певна група патріотично настроєних людей, яка складалася з таких, як я. Шахтарі були також. Багато було молодих хлопчиків, доволі молодих. Це...

Вболівальники футболі?

А. Р. Так, фанати.

Я спілкувалась із ними, у вас там, у Покровську, тоді ще Красноармійську.

А. Р. Ці хлопці, фанати, порозвішували по всіх... це тоді, у квітні – в травні [20]14 року... на дев'ятиповерхівках українські прапори. Їх знімали, вони знову ставили. Розмальовували все [наприклад, стовпи жовто-блакитною фарбою та українською символікою]. Але тоді ще не було військ.

Наших військ?

А. Р. Так. Діло в тому, що я дуже добре товаришую з нашим начальником СБУ району. [...] І тоді ми почали щільніше спілкуватися. Мітинги почалися. Я почав виходити на мітинги і відмічав таку картину: активісти на мітингах – моя «клієнтура». Дві-три «ходки»,

Блокпост ЗСУ на дорозі до м. Покровська Донецької області. З архіву І. Рєви

судимості, вбивства та інше... Якось зачепилися ми після мітингу з тою братією...

Мітинги ДНРівські?

А. Р. Так. Якось зачепилися ми... Вони мітинг «відпрацювали», всю наглядну агітацію від міськвиконкому прибрали. І тут ми стоїмо з хлопцями. Валік Писаренко, який з [20]14 року пішов в «Дніпро» [«Дніпро-1»], батальйон... Ми стоїмо, і почав він з кимось там розмовляти. І тут почали підтягуватися ці ж, блатні. Я кажу: «От дивіться, на чому ви заробляєте?» [Вони:] «Шо? Мы там за идею!» Я кажу: «Хлопці, давайте не будем... От я отак от навскідку бачу: серед вас (їх четверо стоїть) три моїх “клієнта”». Вони: «В смысле?» Я кажу: «Я – адвокат». Вони: «А-а!» Так раз-раз глазки... А я ж їх вичисляю зразу. [...]

В нас були побоювання, тому що «сепарня» («тітушня») застосовують дуже грубі і жорстокі методи. Мер Покровська Требушкін Руслан під час Майдану був мером Димитрова, це його «тітушня» та бойовики захоували міськвідділ міліції Красноармійська. Може, і добрий господарник, але цілі автобусні колони пакував на Київ, на Майдан «тітушні» проплаченої. Що дивно для мене стало тоді... А потім я більш ближче познайомився з хлопцями-СБУшниками нашими... Дуже великий район, в штаті сім чоловік – це взагалі нічого. До речі, нормальні хлопці були.

Міліціонери?

А. Р. СБУшники. Що ж робити далі? Менти всі потікали. Начальник міліції тікав по дахам, з другого поверху тікав по дахам приватних бу-

динків. СБУшники нікуди не пішли... [Розмову перервав телефонний дзвінок.] Наші СБУшники, місцеві... Да, дійсно, зброю вони передали, щоб вона не потрапила, під любим соусом, навіть з жертвами, до ДНРівців. У них на третьому поверсі окрема половина поверху, двері з кодованим замком. [...] [Представник СБУ] вийшов, подивився: стоїть якесь чмо з автоматом. Він відкрив двері: «Шо надо?» Той щось там му-му... «Тут відділ СБУ. Щось треба? Зброї немає». Все, до побачення. І закрив двері... Він [озброєний ДНРівець], а тут – раз: його ніхто не боїться. І ще СБУ, він, напевне, побоявся... Совдепія, вона в крові довго ще буде. На цьому зіграли.

Вони захопили буквально там на декілька днів...

«МІЛІЦІЇ НЕМАЄ. МИ ВИХОДИЛИ НА ПАТРУЛЮВАННЯ»

Захопили що?

А. Р. Міськвідділ міліції. Красноармійський. Декілька днів, і тут... Голосування! Референдум! Вибори! «Сепари» поставили на дніпропетровську трасу, виїзд з Красноармійська, блокпост. Я беру... Якраз дзвонив [по телефону] оцей завідуючий жіночою консультацією мені, Сергій Прискуров, він в нашій групі також був.

У вас уже своя була група протидії?

А. Р. Ми вже організували свою групу протидії, яка нараховувала активних членів десь до сорока осіб. [...]

«Референдум»... Ну, інформація пройшла тоді, що повилучали ж там ці пачки з «галочками», бюлетенів. Це ж в Красноармійську...

Як люди взагалі на «референдум» реагували? Явка якась була?

А. Р. По-різному. Да, була явка. Але...

Надзвичайного нічого не було?

А. Р. Нічого не було. Це радувало. Тим більше молодь... нормальна. [...]

Ви сказали, у вашій групі були і шахтарі?

А. Р. Були, були... І пенсіонери-шахтарі були, і працюючі хлопці були. І якраз на цей «референдум» заскочив, на приватбанківських «буси-

ках», заскочив батальйон «Дніпро». Зразу викинули цю шушеру з відділу міліції. Оцепили. Зразу почистили оті всі машини, з агітацією та заповненими бюлетенями... Ще в новинах показували... Зразу цю всю банду розігнали. [...]

І от після цього «референдума»... якийсь мітинг самоорганізувався біля міської ради. А при цьому в міськвиконкомі хлопці з «Дніпра» зі зброєю, у формі. Я взяв одного хлопчика, Сашу [із групи протидії], з собою... І ми так трошки окремо від цієї толпи стали під університетом і дивимося, що як там буде, що люди збираються. Тому що ми контролювали всі ці сходки, все дивилися, фільмували... Тоді вони почали нагліти, оці ж, трошки підвипивші, почали лізти на хлопців зі зброєю. Пацани почали стрілять в воздух. Я кажу: «Саша, давай ідьом за інститут, за рогом станемо, тому що... 5,45 – такий боеприпас, що куля летить невідомо куди, коли буде рикошет». Я його заховав, так виглядаю, і ми спостерігаємо. Дійшло до того, що один з мужичків почав так буром перти на чоловіка у військовому... і намагався в нього... хватається за автомат і відьоргує автомат... [Розмову перервали.]

Коли військового почали дьоргати за автомат, логічна реакція на видирання зброї – постріл. Постріл по ногам. Який результат цього пострілу? І знову ж таки, це небезпечна дуже зброя, 5,45 калібр. Йому [чоловіку, який зброєю видирав] в лікарні відрізали ногу. Поранений впав зразу ж. І якісь... [кілька активістів] р'яних ще щось намагалися кинутися. Було ще один чи два постріли. Два «двохсотих», один «трехсотий». Три особи – ось результат. [...] І знаєте, після цього як бабка пошептала на ті мітинги.

Міліції немає. Ми виходили на патрулювання, з пацанами. Їздили з Валіком Писаренком на його машині. Збирали кошти, збирали їжу, готували млинці цілими каструлями, готували борщі. Вчитель один зі школи збирав двічі чи тричі повну машину консервації на блокпости...

На армійські? Наші?

А. Р. Так. Вже тоді стало шість блокпостів [навколо м. Красноармійська]. Серед тих блокпостів був і Олег [Репан, офіцер 93 ОМБр], там ми з ним познайомились. Він у мене в телефоні записаний «Олег замполіт» – так, як він мені і представився. Я почав знайомитися... спершу – з донецького напрямку... почав знайомитися з мужиками [військовими ЗСУ]... Я з Сергієм їздив, з цим же, завідуючим жіночою консультацією. [...] Вони [військові] досить напружено і досить

так обачно з нами спочатку, а коли ввійшов в довіру до них, вони вже знали мене. Валік поїхав в... Куча пацанів наших поїхала в «Дніпро» [«Дніпро-1»], батальйон.

На службу?

А. Р. Так, на службу. Ми фактично перебравши на себе забезпечення тих блокпостів. Почали їх кормити, поїти, якусь одежу привозити. Я почав бити тривогу за їхнє забезпечення. На 25 чоловік на блокпосту чотири бронезилета... Як фахівець зв'язку я питаю: «У вас тут шість блокпостів, ви знаєте?» – «Смутно». Я говорю: «Як? А зв'язок? Між вами там три-чотири кілометри. Коли вас будуть тут різати... А як ви будете, якщо напад на вас?» – «Ми виходимо на своє начальство, а...» І всі різні: з різних бригад, спецназ, десантура, 95-та бригада була там, хлопці були... мої однополчани...

Житомирської бригади?

А. Р. Так, житомирської бригади. Були з 52-ї бригади. Якась розвідка була. «Ми виходимо на наше керівництво, вони на Київ, там – знову туди, і вони...»

Скільки годин пройде, поки це все...

А. Р. Я кажу: «Ребята, та ви тут всі будете... всі трупи будете. Що це таке діється?» Що я поробив: я їм роздрукував на великих форматах карти з «Гуглу», знайшов більш-менш нові на сайті... Здогадайтеся з першого разу, на яких сайтах я знайшов ці карти.

На «сепарських»?

А. Р. На російських. На «.ru» я знайшов... Територія от наша... Взагалі там свіже все в них. Я почав роздруковувати, почав наносити блокпости, почав давати їм позивні, почав зав'язувати в телефонному режимі...

Контакти між ними налагоджувати.

А. Р. Контакти між ними. Я це їм організував все. [...] Короче, я в них був... між військами, СБУ і городом я був...

Зв'язковим.

А. Р. Смішно.

Страшно.

А. Р. Потом помінялися хлопці, але вже вони передали, що єсть такий, їздить... [...] Учив пацанів на блокпостах... У них якась спецура позні-мала... [розтяжки]. До блокпоста підібралися якісь профі (це ж мінне

поле), познімали вночі. І в «секреті» хлопець лежав, і чув тільки, як працює затвор, а звук як хлопущка. Зброя була якісна, з якісними глушаками була зброя. Їм познімали розтяжки. Женя [Євген Межевікін, тоді – командир блокпосту, зараз – заступник командира 1-ї танкової бригади, Герой України] дзвонить. [...] Він мені спочатку ні грама не довіряв, якимось так холодно. А потім, коли познімали... мінне поле йому зняли, він звонить до мене і каже: «Ніколаєвіч, можете допомогти?» Я кажу: «Що треба?» Він каже: «Треба бензопили, і нам треба зрізати “зельонку”». Я кажу: «Я тобі зразу казав, що треба “зельонку” зрізати». [Женя:] «Ну ми ж думали, ми тут... Ну, местность... хозяева не ми». [...] Я беру мужика з бензопилою, його заправляєм, все, де сказали, порізав [дерева лісосмуги, яка підходила до блокпосту]. [...] Серьога [Проскуров] вигрузив з машини продукти. Я кажу: «А тепер так. Хто в тебе зацікавляється інженерним обладнанням... вашого блокпосту? Зви його». Він позвав. І я почав їх учини ставити міні-ловущки, міні-«секрети», «розтяжки» – ті, що не знімаються... Вони подивилися. «Ну дивіться, – кажу, – тільки акуратно, сильно не експериментуйте». – «Все, понятно». Я поїхав. Їжджу туди-сюда, а тут же колотить мене... Там – Карловка... Цей Сеня-дурачок... [командир батальйону «Донбас» у 2014 р. Семен Семенченко] [...]

І ви вирішили піти добровольцем?

А. Р. До Красноармійська приїхали народні депутати. Приїздив Єгор Фірсов, він тоді в УДАРі був. Позвали мене на зустріч на місцевий телеканал «Капрі». Приїжджає і говорить: так і так звать мене... І каже: «Анатолій Ніколаєвіч, мені сказали, що... у вас єсть колектив, ви керуєте...» Я кажу: «[...] Да, я якимось керую. Коли Валік [Писаренко] пішов, ми підхватили, ми з ним разом були. Він пішов, і я лишився [координатором групи протидії]». [...] [Фірсов:] «Єсть така пропозиція, щоби на базі Красноармійська зробити батальйон ТРО. [...] Зберіть своїх людей». [...] Ми зібралися, десь до сорока осіб було, і Єгор питає у людей... Так і так, я такий-то, такий-то, народний депутат, єсть така думка, що зробити на базі Красноармійська батальйон ТРО. [Фірсов:] «Ви не проти, якщо будемо пропонувати Анатолія Миколайовича як командіра?» – «Не проти!» [...]

На той час воєнкомом у Красноармійську був такий полковник Паша. Ми з ним з одного училища, тільки [він] раніше мене випустився. Я декілька разів з ним побалакав, і у мене чомусь було таке відчуття, що він робить бізнес на службі. Він в [20]14 році вів два зо-

шити, в які записував тих, хто приходив записуватися як добровольці. Тих, що патріоти, в українську армію – в один зошит, а тих, хто в ДНР – в інший. Тобто Паша нікуди не збирався діватись, якщо би була окупація.

Так він вербував?

А. Р. Він записував, хто звертався. Добровольці. [...]

Коли Фірсов поговорив з нами... Мені кажуть: «Значить, давай завтра, не гай часу, їдь до Коломойського». Я збираюсь і їду до Коломойського. Мене зустрічає Юра Бутусов внизу, в обласній адміністрації, проводить мене. Ми чекаємо, Коломойського немає. Єсть Борис Філатов, Юра Бутусов, була Настя Береза, журналіст, там сиділа працювала також в них. [...] І Корбан... Геннадій Олегович. [...]

Я кажу: «Мені б до бази воєнкоматівської добратись, я би набрав собі з бувших учасників бойових дій нормальних офіцерів, поговорив би з ними. Набрал би собі замів, костяк набрав би, штаб набрав би, командирів подразделеній набрав би. А тоді б вони набрали, знову ж по цій базі, собі бойцов». [...] «Так. Стоп, – Борис каже. – А что, если сделать тебя военкомом?» Я кажу: «Борис, от місяць раніше, а би не погодився, бо я – бойовий офіцер. А так, як я буду знати, що я там побуду місяць, наберу собі батальйон і... хай собі працюють даліше воєнкоматівські... Я звільнюся». [Філатов:] «Нормально, да». Корбан послухав, каже: «Так. На прийом до Хомчака». [...]

Прийхав [до командувача військ оперативного командування «Південь» Р. Хомчака] з тими картами, що я робив для армії. [...] Три питання [були принциповими для респондента]. Перше: я повинен чітко знати, хто мене забезпечує... Це буде Міністерство оборони чи Міністерство внутрішніх справ? Це перше. Зброя. Одежа. Продовольство. Фінанси... Техніка. Все. Друге: я сам виберу місце для бази. Це друге. І третє: ні один політичний ніс не залізе в мої справи. Все зрозуміло? Я це сказав Корбану, і це сказав Хомчаку. Хомчак...

На той час, в [20]14 році, вже був закон, за яким мене можна було... за яким зараз призивають пенсіонерів, по барабану, ти капітан чи полковник. На той час уже закон цей був. І мене елементарно могли взяти на контракт. Тоді б я, не розриваючи контракт, через місяць після набору батальйону просто перевівся б на іншу посаду або взагалі розірвав би... Я генералу розказав про те, що я робив. Командуючий [...] почав на мене кричати: «Якийсь цивільний суне нося куде не слід!»

Я йому відповів достойно. Коли він подивився мій послужний список, тон змінив. Питання постає: а чи потрібно Хомчаку було... такий комбат, що має свою думку та позицію? Знайшли одмазку, щоб зі мною не укласти контракт. [...]

Короче, я поїхав від Хомчака...

«ВІН НАЗИВАВ МЕНЕ “ОСНОВНОЙ ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЙ ФАКТОР В БАТАЛЬОНЕ”»

Так ви до чогось із ним домовилися, з Хомчаком?

А. Р. Ні. Це був липень. Я... Мене... «загрузили», що не можна мене... [закон не дозволяє призвати на службу]. Я тоді не мав часу подивитися щільно законодавство військовоє, і так воно затихло. Я дивлюсь, що з цього не получиться нічого. Я собі поставив таке завдання... Зараз молодшу доньку відправляю [вчитися]... Бо ми жили на той момент у Красноармійську вдвох з донькою. Вона закінчила школу якраз і поступала в одеський університет. Дитинка сама два роки останні взялася за голову, в школі підготувалася, сама здала ЗНО, сама подала документи, пролізла сама на бюджет в Одесу і поїхала вчитися на бюджет...

Я поїхав в облвоєнкомат в Дніпропетровськ. Приїхав. Там набирався... По рекламі побачив: там набирається 43-й батальйон ТРО, я поїхав. Приїхав: «Яку посаду запропонуєте мені?» Мені запропонували посаду «начальник зв'язку батальйону», тире – «командир взводу зв'язку». Я погодився, сказав: «Тільки я приїду (все, оформився, пройшов комісію)... тільки я приїду 27 числа, коли моя доня поїде в Одесу». Я 26-го провів Марину і поїхав... Діти мої знали, куда я їду, дружина знала, куда я їду... Я сказав, що я їду, тому що не можу на це дивитись. Це перше. І друге – мій досвід... Я впевнений, що мій досвід збереже життя багатьом людям. І я поїхав.

Приїхав в 43-й батальйон, сюди, в Дніпро приїхав. Потім поїхав в Хашове, ми там формувалися, в 43-му батальйоні... Ну, почав... керувати ж підрозділом. Зразу вроді зв'язок з людьми знайшов. Ну, це вже мені було нескладно – я багато керував людьми. Тим більше військовими. Я зразу сказав, що «ребята, буде непросто». Я зразу почав їх учити не тільки зв'язку, а і тактиці... Рили [окопи] ми в лісі і в полі

Нагородження 43-го ОМПБ цінними подарунками до дня ЗСУ

– стільки рили там, що ніхто стільки не рив. І в АТО ніхто не рив стільки, скільки мої рили. Ми завжди були в землі. І жили в землі. [...] Всіх «аватарів» [алкоголиків] позбавився... На першому етапі, в Хащовому, майже всіх позбавився...

А як ви їх? Ви їх відправили...

А. Р. Я намагався... З комбатом відправляли їх як непридатних на військкомат, за порушення, в основному за зловживання спиртними напоями. Але там було мало таких. Це ж третя «хвиля» [мобілізації] була, мало таких «аватарів» було...

Пане Анатолію, а можна вас по Красноармійську... Мене насправді цікавить такий момент... Я вже кілька думок з цього приводу вислухала від місцевих військових та волонтерів, але мене цікавить ваша також. По тому, скільки... на око, приблизно... людей брало участь в тому «референдумі». Коли в квітні 2014 року КМІС проводив соціологічне опитування, вони там таку статистику по Донбасу загалом давали. Запитали: «Чи готові ви вийти на мітинги за приєднання до Росії?» Там 25 % сказало, що готові мітингувати. При цьому 29 % сказало, що хочуть такого приєднання, хоча більшість висловилися за те, щоб залишитися в складі України. І запитання цікаве було: чи готові ви, якщо там, наприклад, з Києва рушать загони «бандерівців», приєднатись до російської армії, щоби взяти участь в збройному протисто-

янні? Там десь менше 6 %, п'ять з чимось було, які заявили про свою готовність. Мені цікаві ваші спостереження конкретно по Красноармійську.

А. Р. По мітингам... В центрі Красноармійська мітинги були... Ну, десь чоловік по двісті, максимум. Чоловік по двісті, отак було. І контингент, я ж кажу... Було таких [із кримінальним досвідом] достатньо людей. І на «референдум» вийшли, я думаю, десь... Я не оцінював так, вони [місця проведення] були в декількох [локаціях]... і в школі там були, і в центрі були...

Може, по своєму району?

А. Р. Там не можна так. Там Красноармійськ – як район в Дніпрі. Ну, десь, може, тисячі до півтори, отак от, я так думаю. Не більше... По тим масам, що я можу оцінювати. Я згадую свій батальйон [...], який збирався там на якійсь ділянці... Тисячі півтори, максимум дві, з того дорослого населення. Якщо брать, що воно [доросле населення] складає десь відсотків 70, це не дуже багато. Якщо п'ятдесятитисячне місто, це не дуже багато. Я скажу так.

Іще запитання щодо проукраїнськи налаштованих хлопців. Мабуть, вони з вами і взаємодіяли – з тих, що графіті малювали на стінах проукраїнські, і так далі. Разом з СБУшниками там когось, по-моєму, заарештовували. То вони казали, що на мітингах проросійських чи ДНРівських там серед перевдягнених (в масках) активістів «багато було наших, тому що ми там знімали на відео»...

А. Р. Так. Вони ходили. Там подивися, хто знімає... Знімали менти, знімали СБУшники, ми ходили знімали ж, оце хлопці знімали... багато хто знімав. Бомонд такий собі вийшов позніматися, селфі зробити. Знімали спеціально. Валік Писаренко знімав багато, тому що... І всі ці [матеріали] були передані [до СБУ]... У СБУ нашому дуже багато інформації щодо цих, хто там... активістів... Але доки в нас такі суди, нічого з того не вийде. Коли навіть явних коригувальників, явних «сепарів»... вже докази сто відсотків... відпускають у залі суду...

Дякую. Давайте повернемося до вашої служби в ЗСУ. От ви стали командиром... взводу спочатку?

А. Р. Так. Спочатку дуже складні відносини з комбатом Водолазьким Олександром Миколайовичам були в нас, тому що... я вважав [інтонаційне виділення респондента], що більше за нього знав, як то має бути... Я боровся з тим, з чим боровся тут, в Красноармійську, – від-

сутністю забезпечення [блокування ЗСУ, які стояли навколо міста]. Тобто броніків не було, касок не було. Я визивав з Дніпра, визивав з Києва... [телеканал] «1+1». Казав: «Я буду давати інтерв'ю. Якщо касок і броніків не буде на той момент, моє інтерв'ю викладайте в інтернет, телебачення... Бо забезпечення людей немає». Перш за все – це люди. Далі... Контри такі були з комбатом, жосткі контри, і в нього було, я так розумію... дwoяке таке ставлення до мене. З одної сторони, він називав мене основною дестабілізуючою силою в батальйоні («основной дестабилизирующий фактор в батальоне», – це мені Олександр Миколайович Водолазький казав, підполковник). А з іншої сторони, він бачив, що я роблю. Десь у нього не стикувалося...

Когнітивний дисонанс.

А. Р. Так. [...] Короче, привезли нам каски, бронежилети, оділи, все, дали БМПшки. Через пень-колоду, але ми вийшли [під Горловку, на Зайцеве Донецької області]. Була заборона від Олександра Миколаєвича взагалі мені залишати розміщення батальйону, управління батальйону, бо він не знав, де я сутки «тинявся»... А почалося з того, як ми з Хащового [виїжджали]. Колона йшла в Артёмовськ, наш начальник разведки, «піджак», завів нас... 17 годин йшла колона. Я зразу казав комбату: «Олександр Миколайович, траса... 180 км до цього, до Красноармійська, перед Красноармійськом, щоб не заходить в город, обходим його через... тут, і виходим на Артёмівськ...» Траса нормальна, шикарна траса, более-менее для техніки нашої військової, класна траса. [...] Він мені потім признався, що не довіряв мені, тому що я з Донецька. Все в секреті, все... А він від мене не міг тримати це в секреті, тому що я начальник зв'язку...

Коли виходили в поля між Артёмовськом та Горлівкою, я перевіз, дуже організовано, все своє [майно підрозділу], зняв, перевіз. Мало того, ми ще на тій танковій базі, ремонтній базі, прибрали після себе все: під наметами весь мотлох, сміття, бумажки – все позабирали, викинули, спалили. Я вигрібав якісь дошки там, забирав. Багато хто все покидали там, воїнство це наше, друзі підрозділи покидали. Підставки опці, піддони покидали. Я все позабирав, я все загрузив, пацани знали своє завдання. [...] У мене такі молодці хлопці – вообще. Де вони пошуквалися в мене? Оце старшина дзвонив, він тут у мене в КП «Січ»... Вони всі в мене, в мене сім чоловік, ми працюємо... [разом після демобілізації].

[...] Він [Водолазький] дивиться, як я працюю.... [...] Я йому доказу-

вав місяць в Хащовому, що не треба нам ті машини зв'язку. Я насилу відкараскався від того мотлоху совдеповського, що нам давали... армія Советського Союзу. Оці громадні радіостанції – машини... це... це – мішені! Їх вираховують і зразу «давлять». І зразу міни прилітають. [...] Я своє робив. І через десь місяць-півтора ми вже майже зарилися там, на тому Зайцевому, верхньому Зайцевому, із взводом. Тоді він до мене вже підходить, вже не так як раніше, й каже: «Анатолій Николаевич, будете в Артемовске... (щось треба зробити)».

Волонтьори забезпечували. Волонтьори привезли мені з Артёмовська ванну сталю, залізну. Взагалі нашим волонтьорам, що були з добровольцями, треба в ноги вклонитися. Наші «мамки» були Юля Дмитрова і Даша Андрусенко-Якотюк. Дуже добре мені поміг з ремонтом техніки взводу Юра Мисягін в Дніпрі.

А місцеві, артемівські волонтери?

А. Р. Допомогали і місцеві. Познайомився зразу в Артёмівську з патріотично настроєними бізнесменами. Один з бізнесменів, Ніколаєвіч, старше мене, йому шістьдесят десь три-чотири роки, він – власник... перевізник пасажирський. Втратив бізнес в Донецьку, Горловці. Вони тоді, коли все почалося з захватами міст «сепарами», він і ще один перевізник, готові були... вже стояла колона маршруток... готові були нормальних людей з Артёмівська, коли там штурмували

базу МО БТ [база бронетанкової техніки Міністерства оборони], вивозити з Артёмовска. Але коли в них [пізніше уточнення респондента: «у російських посіпак, які штурмували базу»] тут не получилося, а потім підійшли війська [українські], вони всі вернулися і стали нормально організовувати життя вже більш-менш так, біля фронту.

Тобто місцеві бізнесмени вам допомагали?

А. Р. Так. На його [Ніколаєвіча] автомайстерні броня, бронеколісна техніка – це БТри, БРДМи – ремонтувалися, машини наші колісні ремонтувалися. Люди робили безплатно нам це все. [...]

В нашому батальйоні було цікаво сформовано командирський склад. Підполковник був на капітанській посаді – ротним, майори взводами командували, полковник на майорській посаді. Офіцери погоджувалися, тільки аби йти захищати Україну. Воєнкомати дивно працювали. Підхід був такий – набрати абикого на будь-які посади, щоб тільки якось укомплектувати батальйони.

Ротним був підполковник міліції, мабуть?

А. Р. Ні, розвідки – командиром піхотної роти, а в той же час старший лейтенант-«піджак» був поставлений на посаду начальника розвідки... Такі і результати роботи розвідки. При цьому майора – командира батальйону глибинної розвідки, з досвідом Французького легіону – поставили психологом батальйону.

Мабуть, він же на це погодився?

А. Р. Він хотів хоч якось попасти. Сам він з Петриківки родом, наскільки я пам'ятаю. У нього був бізнес в Києві, солідна фірма, а він пішов на війну. Подивився як спец на цей бред, що нас укомплектували, домовився з комбатом, зібрав групу хлопців досвідчених, з бойовим досвідом, і почав всю роботу робити за розвідку. «Француз» – це його позивний, а «в миру» – Юрій Петрович Говоруха. Хлопців своїх за свій рахунок забезпечив всім необхідним, від форми до прицілів. На Горлівку дивилися зблизька, на Гольмовський, де була сильна групівка «сепарів». Трошки чистили опорники «іхтамнетов». Результатами його розвідки користувався весь сектор. Потім його в сектор і забрали, куратором розвідки. Ми також в батальйоні організували і радіорозвідку, а аналіз я відсилав «Французу»... Мої хлопці по голосу вже знали, хто виходить [на зв'язок]... Чи то Дрьомов [ватажок російських гібридних військ] виходить, чи ще хтось там. Чи Ходаковський. Вони виходили на зв'язок під різними позивними, міняли періодично...

Так його, «Француза», потім перевели в розвідку?

А. Р. Ні, він так психологом в батальйоні і числився.

Ви кажете, по голосу впізнавали... Зв'язок був такої якості, що можна було по голосу...?

А. Р. Так. Там не тільки по якості голосу, там... Ну, як музикант чує, так і зв'язківці, що з досвідом, вони чують... на слух вже знають, хто це говорить. [...]

Були такі випадки, що ми перехват робили... Приїхали спецназовці – і до нас... Попросили дати їм провідника. З ними пішов боець з групи «Француза» «Мірон» (Євген Мироненко). Мої хлопці перехватили переговори «сепарів», ми за змістом зробили висновок, що цю групу [українських спецназівців] відсліджують дозори з тієї сторони. Я повідомив «Мірону», він прийняв це до уваги, перейшов в режим радіомовчання та продовжив виконувати завдання. Пізніше, коли вони повернулися, він розказав: «Ти мені по рації говориш про те, що нас, ймовірно, засікли. Специ це почули і намилилися повернутися. Напевне, трохи злякалися, бо серед них не було обстріляних. Я сказав, що про повернення мови не буде і треба виконати те, для чого ви приїхали». Фактично сержант очолив офіцерську групу і довів діло до кінця.

Ми батальйоном тримали ділянку [між трасами «Артемівськ – Горлівка», «Артемівськ – Дебальцево», приблизно 32 км]... по фронту стали... яку вже в [20]15 році, коли я був в 13-му батальйоні, займали майже півтори бригади. А ми двома ротами і підтримкою артилерійською. [...] У нас було п'ять стволів САУ, самоходна установка артилерійська. А в [20]15 році у нас був уже, стояв за спинами, артилерійський дивізіон 152-го калібра. Це вже зовсім не те. Стояли дві батареї САУшок. Різний калібр, різні дистанції... Видно розвиток армії. [...] Тобто коли мене питають: «Бачиш ти якісь здвиги чи ще щось?», – я приводжу цей приклад. [...]

З тих інтерв'ю, що я записувала в 2014 році, я так бачу, що на початку війни армія значною мірою «вирудила» за рахунок витримки та ініціативи свідомих людей, які пішли служити.

А. Р. Це так. Але були різні. Були випадки, коли один одному заважали за відсутністю нормальної координації. У мене був такий порядок – я не відправляю на невідому територію [своїх бійців] без того, щоб або самому все пройти, або мати впевненість і декілька планів по тій

Бійці «Старшина» та «Дед» демонструють «трюхлінійку» («гвинтівку Мосіна») та кулемет «Максим» 1939 року випуску, які отримали зі складів довгострокового зберігання зброї

території. В зоні відповідальності батальйону і перед ним я мав знати все, і знав майже все. У мене були декілька хлопців, з якими ми виходили там скрізь. Дивна ситуація, коли є свої розвідники [у батальйоні], а комбат ходить [розвідувати]. Станом на [20]15 рік в батальйоні фактично розвідка не виконувала свої функції. Після того як вони не виконали декілька моїх приказів і я їх на цьому підловив, я зрозумів, що з ними кашу не зварюш. Одні понти. Я спочатку з хлопцями заїжджав в село, спілкувався нормально з місцевими, потім допомагали їм [місцевим мешканцям] з забезпеченням, поновлювали електромережі, допомагали пенсіонерам отримувати в Артемівську пенсії. Потихеньку люди розуміли, що українці їх виручають, а москалі обстрілюють. Так получилось з Дачним, Гладосовим, частиною нижнього Зайцевого. Я тиждень чи два виїздив сам по всьому Зайцевому. Налагодив контакти з місцевими, почали допомагати забезпеченню магазинів. Люди мені вже давали цінну інформацію. Домовився людей вивозити за пенсією... [І раптом] на голову звалився молодий ротний з 34-го ОМПБ. Я так зрозумів, що зіграло чисто пацаняче – як комбат 13-го їздить по селу, на окраїні якого ми стоїмо? А чого не ми? І вони зайшли туди з шумом, по-дурному. Одразу прийшла відповідь від «сепарів». Наразили на небезпеку своїх хлопців і місцевих. У них там були втрати людські. Через декілька ночей посередині села, на школі, вже був опорник «сепарів». І далі з тої школи почала їм... «пілюля» летіть. [...]

Поділіться: на чому ви врешті-решт порозумілися з комбатом, з Водолазьким?

А. Р. Короче кажучи, з комбатом ми нашли спільну мову. Забезпечення... Як зробити, щоби людям було жити нормально? [...] Побут повинен бути нормальний. Яка різниця, де ти [в окопі чи в казармі]? Але ти маєш жити як людина. Я сказав хлопцям, що... «Хлопці, в мене такі плани: вирити тут і тут...» Вибрав якраз холмік такий, закопалися ми під холмік. З тої сторони – Горловка, тут – холм, щоб прямого попадання не було... [Розмову перервали відвідувачі.]

«МОЇ ПАЦАНИ ЖИЛИ НА БІЛИХ ПРОСТИНЯХ»

Тут був у нас туалет під землею... [Показує на фото облаштування бліндажів.] Це все перекрито було, отак от ходи... 15 метрів ходу. І вони [бійці по тривозі] вискакували... Хтось вискакував до мого бліндажу, хтось через верхню половину туалету на інший бік, якщо що. Сюди, в бліндаж оцей [показує на малюнку], заходила машина звязна висотою 3,20 [м].

Ого! Круто.

А. Р. [...] Ми рили ями отакого профілю: тут було 5,5 [ширина], тут було 7,5 [довжина], а висотою було 3,5 [м]. У мене ще глибше було. [...] Це все перекривалося, засипалося... Хід між бліндажами був весь перекритий. Тут стояв бачок на 100 л... З цього бачка шланг – в умивальник «мойдодир», тут стояв кран. Бачок. Машина заїжджає на бліндаж, зливає воду в бачок [у столітровий бак], з бочки трьохсотлітрової. Вони одкривають краник – налився бачок, закрили краник. Расход... економія, супер.

Тут нари. У мене було пару мужиків вище 1 м 90 см, їм зробили в кінці нари по 2 м 10 см. Ті, хто були такі, як «Дед» [невисокі на зріст], їм зробили нари по 1 м 75 см, вони маленькі. Там був «Сатурн» («Сатурну больше не наливать»). Чоловік прийшов – «синяк» кончений. Прийшов і каже: «Не виганяйте мене з взводу (доброволець), я буду служити... Потримайте тільки мене трошки, я вийду з штопору, і все буде нормально». Став... і взагалі не бухав... Став кращим АГСником (це зв'язіст!), став кращим АГСником батальйона.

Тут була маленька столова... Тут була моя кімната, тут у мене було ліжечко, тут тумбочка, тут шкафчик... Тут жила в мене кішка Муська. Тут коридорчик, тут вход, тут сауна.

Ви оце розповідаєте, а я згадую легенди про підземні ходи, вириті гайдамаками в Холодному Яру. Але ж то легенди, а тут – з фотографіями...

А. Р. Коридорчик, тут вход, тут стояла ванна, тут стояв бак 150 л, тут стояв бак 200 л. В бак 150 л вставили тен, гріли – бойлер, короче. Тут стояв смеситель. Хлопці приходили з посту – купались. Гаряча, холодна вода. Сауна. Сніг – вийшли, викупались в снігу після сауни.

До мене Юркіна група, «Француза», приходила митися. Коли приїхав начальник сектора чи командуючий АТО, Водолазький повів до мене. [...]

Тут закопана була бочка з ванни (ванну залізну привезла одна адвокат з Артемівська), йшла труба, все як положено – каналізація. Тут була пральна машинка-автомат, на машинці-автомат 125-літровий бак. Сидить боець контролюючий, з тих, хто стірається. Він чує, що включається насос, – відкриває краник. З бочки туди, де засипають порошок, вставлений шланг. Машинка закачалась – виключається насос, він перекриває краник... Стірали машинкою-автоматом. Хлопці були чисті, помиті і спали на білих простинях.

Сауна зв'язківців 43-го бат у етапі будівництва

Сауна на глибині 3 м під землею. Почергували на морозі – можна погрітись

Тут була каналізація, під полом і на глибині 3,5 йшла ще вниз бочка, в яку зливалася вода. Потом, хто помився-покупався... Відро стояло – витягли воду, повиливали в поле.

У нас в бліндажах був Wi-Fi, хлопці могли з рідними по скайпу спілкуватися. Інтернет брали, де тільки могли. Домовлялися з провайдером. Я навіть потім, в 13-му [батальйоні], купив потужну інтернетівську антену-гарілку. Забрав з собою після дембеля, а потім віддав через волонтерів в 43-й батальйон Кості «Пікселю» (зв'язківцем), і вони також там мають інтернет. Все, у що мене вділи волонтери, коли я йшов в АТО (бронік, каску та інше), залишив комбату і хлопцям.

Мати мені ніколи не вірила, як я там жив, що у мене був інтернет. Кішка ходила по бліндажу. Одного разу (отут на підлозі у мене комп'ютер стояв) включила мені Челентано. Муська моя.

Спочатку бійці мене трошки не розуміли. Але я «включив» командіра і наполог, щоб викопати [створити підземну інфраструктуру]. Після того як вони пожили отут в нормальних умовах, вони без мене вирили фактично двокімнатну квартиру на іншому місці розташування, але вже без мене. Сподобалось жити по-людськи. Умови у моїх бійців відрізнялися від інших підрозділів. [...]

Пане Анатолію, розкажіть, де ви діставали матеріали на облаштування бліндажів?

А. Р. Звідки це все взялося? Я з мужиками своїми, з Олегом і з Чабаном, з іншими хлопцями взводу збирали металобрухт і цветмет в Артьомовському районі, де тільки знаходили. Чого тільки не повикидають.... Поназбирали скрізь, де могли. Поздавали. Купили QSB, а половину цього QSB і ДСП нам так давали підприємці.

Боєць «Шершень» у бліндажі спілкується з рідними через інтернет

Місцеві?

А. Р. Місцеві ж, артьомівські підприємці. Так давали. «Оце можеш забирать... оце в довесок тобі... Бухта фольгоізола? Іще на тобі бухту». Короче, таке. Пацани сміялися. Інші сміялися: «Нащо тобі ванна?» Я кажу: «Побачите, нащо нам ванна». Коли ми поставили ванну, і вони могли нормально помитися... [...]

Мені розповідали й інші військові: багато що залежить від вибірки людей, із яких сформований підрозділ, але найбільше залежить від командира. І не кожен командир особисто виїжджає на місцевість, перш ніж розташувати там своїх людей: у посадових обов'язках це не прописано...

А. Р. Коли ми виходили з Артьомовська, перед тим як вийти, Юра «Француз» туди вийшов... «опорник» перший робить. Я визиваю Ігоря, товариша по красноармійській, скажем так, обороні. Кажу: «Ігор, ти мені потрібен... Забери Ларису, мою дружину...» Я Ларисі дзвоню: «Треба, щоб ти приїхала...» А Костя «Піксель»... він – горловський пацан. Йому його тєсть... давав нам координати, де артилерія їхня [ворожа] виходить. Айтїшник крутий. Ким він став? Він став справжнім чоловіком, зв'язківцем, снайпером: він з нашою нещасною оптикою, з нашою СВД, з колїна... на 600 м... попадав у консервну банку.

Костя передївається в «гражданку», я передїваюсь в «гражданку»... І ми їдемо... Приїжджає Ігор з Ларисою, ми сідаємо на його «опель омегу» і їдемо за Артьомовськ в напрямленї Горловка – Курдюмовка – Зайцево... Тому що я знаю: перед тим як вийти туди людям, треба приїхати подивитися. Ми в «гражданке», в мене легенда: я – адвокат, у мене папочка, в папці договір на юридичку... правову допомогу Костіку. Костя – горлівський. Типу ми їдемо в Горловку, заблукалися.

А дружину ви собі взяли для прикриття.

А. Р. Так, коли жінка в машині, не так достібуються, її присутність заспокоює. Ми проїхали повністю всі села, все подивилися на предмет наявності військових чи слідів від військових, виїжджаємо на Світлодарську ТЕС і на Юру.

А пацани з Хащового мене ж знають в лице, і Костю знають в лице. Коли я виходжу з машини, вони: «Стой!» – як положено. Це перший наш «опорник» там. Потом я кажу: «Свої! Юра, – кажу. – Моя дружина». Він мені потім каже: «Только, блин, ты мог взять семью и поехать на разведку... Семейо как прикрытие...» Я говорю: «Юра, так тут же ж легенда какая...» [...] Я – донецький адвокат. Реально, я – донецький адвокат. Донецька «ксіва» у мене, що я адвокат донецький. У Кості паспорт, прописка – «Горлівка». Він «ботан» такий був на перший вигляд. Це зараз він став матурий, після двох контрактів і батальйона. [...]

«БУЛО ТАКЕ, ЩО ВОНИ СТАВАЛИ... НАВКОЛО МЕНЕ, ОКРУЖАЛИ... ЦЕ Я ВЖЕ ПРОХОДИВ В ДЕСАНТНИХ ВОЙСКАХ»

Про 13-й [батальйон]. Якось одного дня... Я ще сплю, мені комбат 43-го дзвонить... Це вже після того, як наші стосунки налагодилися. Олександр Миколайович каже: «Анатолій Миколайович... Тут на мене вийшло командування сектора, і я дав вашу кандидатуру на командира 13-го батальйону. Я вважаю, що від нашого батальйону ви – достойний, в смислі ви підготовлений для цього». Я кажу: «Скільки в мене є часу?» Він каже: «15 хвилин». На прийняття рішення. [...]

Я погодився. Оказалось, що я вже п'ятий кандидат – четверо не погодились. Ну, «алкобат»! В березні-квітні [2015 року] їх не звільняли, після того як вийшли з Угледорська... Там було в них 17 людей «двохсотими», і це тільки тому... що не було нормальних командирів. Якщо б вони в Угледорську зайняли нормально правильну оборону... [...] Короче, там жестяк. [...]

Не звільняють, значить, другу «волну»... чи першу «волну»... з 13-го батальйона... А вони тут настільки розслабилися – все уже, комбат

Двокімнатна квартира під землею своїми руками

самоусунувся. Він звільнився. «Передав» майору-«піджаку» ЗНШ [заступнику начальника штабу] за один день батальйон. Бійці – забастовку, все тут, бунт...

А їх уже повинні були звільняти? Вони вже рік тут простояли?

А. Р. Так. І якраз з інспекцією якоюсь приїхав начальник сухопутних військ, генерал-полковник... покойний, в минулому році помер... В сектор – і... «Я с ними поговорю...» Приїхав цей командуючий, вони його роззброїли, в яму посадили і сказали: «Будеш тут сидіть, поки ми не звільнимось». Все. Отакий батальйон я прийняв.

А було таке, що вони ставали... навколо мене, оточували... Це я вже проходив в десантних військах, там це практикували з молодими лейтенантами – на «слабо» перевіряли... Але ж там були «срочники», а я ж юний був, і ще спортом зацікавився... А тут же ж уже вроді як 50 років, і вони ж не «срочники» – там уже такі дядьки є, що «мама не горюй». Вони мене обступали, висловлювали жорстоко недовіру і так далі... Але через місяць і тиждень цей «алкобат» вже був на «передку». Ми такі там... «опорники» построїли...

А! Як починалося... Я віддав наказ молодому тоді командирі 1-ї роти, капітану Косенку Сергію, про висунення роти на «передок». Тоді в 13-

Місія українського солдата – захистити свою домівку.
На фото – боєць Володимир Любчик

му баті я їздив на «мітсубіші пажеро» старенькому.

Якась «віджата» машина?

А. Р. [Здивовано.] Не, волонтьорський. Волонтьорський. І ми... а... виїздили там, обходили, оббігали, обнюхали там все, ходили втрюх. Тому що я сказав хлопцям: «Я маю сам пройти там, де мають мої люди знаходитися, і всі небезпеки я маю їм розповісти і вказати». Рекогносцировку зробив. Розвідку зробили, все. Як казав вже, розвідка була ніяка. Я тих, хто влітку [20]15-го не дембельнувся, порозганяв потім і набрав нових [розвідку]. Ні... дав можливість новому командирі самому собі набрати таких, які підійдуть.

Я як адвокат включив юридичні знання свої, подивися законодавство і тримав через гроші людей більш-менш в чорному тілі у відношенні бухалова. Жорстко знімав гроші. Це дієво, дуже дієво. Коли він отримує чи 6 тисяч, чи 1,5 тисячі – це дієво.

Як ви це робили? Які там є можливості для цього?

А. Р. [Витягає товстий зошит.] Як ви скажете, як це називається?

Щоденник, мабуть.

А. Р. В батальйоні 13-му це називалось «Книга судьбы». Я вам покажу, що це за книга. Все починається... 3.05 [20]15 року – це я став комбатом. Спочатку в. о., я два місяці виконував обов'язки комбата, командував батальйоном за старшелейтенантскую зарплату, а був командиром взводу в 43-му батальйоні. Ніяк мене не хотів командуючий одного з ОК віддавати в інше ОК, «Північ». [...] [Гортає сторінки зошита.] Це я не з вами спілкуватися, це в мене і зараз щоденник... Ось зірочки [намальовані]: «Майор... Догана за підряд декілька порушень». Майори! Отак от голови відкручував. У мене три «зама» було. Начальник штаба, замкомбата і «замполіт», усі підполковники, а я – майор. Я їм також спуску не давав, але батальйон ми зробили бойовий. [...] Мені повезло з начальником штабу. Був такий підполковник, Олег Миколайович, з ним ми зразу знайшли спільну мову. А з замкомбата були проблеми, пізніше його від мене прибрали, бо він зміг і вищому начальству показати свою некомпетентність.

Ви почали розповідати, як отримали наказ висуватися на позиції.

А. Р. З часом ротний мені доповів, що рота відмовляється виходити. Я поїхав в підрозділ (на опорник) і побачив «розвалену» і напів'яну роту. Зі строю до мене звернулися з питанням: «А яка буде наша мотивація?» Я сказав: «Я не знаю, яка у вас мотивація і чого ви взагалі прийшли, якщо задаєте таке питання, але я скажу, яка в мене мотивація! У мене в Красноармійську родина і домівка. Якщо я піду звідси, з напрямку Артемівськ – Горлівка, то хтось з тих, хто там стоїть, між Донецьком і моїм містом, також може піти або не витримати! Оце така в мене мотивація!»

Тоді я взяв двох своїх довірених хлопців, ротного 1-ї роти і виїхав на місце майбутнього ВОПу [взводний опорний пункт]. Ми стали і вдовбали перші два окопи для стрільби, стоячи в сланці (!), і повернулися. Тільки одне я сказав ротному: «Серьожа, розкажи бойцям і приймай рішення на виход. Скажи, що якщо вони і зараз не вийдуть, то я їх за людей рахувати не буду». Буквально через десять хвилин розпочалася сильна злива. Чесно кажучи, я через це був пригнічений. Яке ж моє було здивування, коли по рації вийшов на мене ротний і попросив дозволу колоні на рух. Вони... Ці золоті хлопці-українці погрузилися під зливою і виїхали на ВОП, де крім двох окопів більше нічого не було. Я тоді зрозумів, що це вже мій батальйон, мої діти, яких я за вісім місяців усіх, крім одного, зберіг. Оце і є мотивація. За-

Перекриття сполучних ходів між бліндажами

ради правди – ще було троє «двохсотих» (не по п'яні), але вони самі до того йшли, і від мене нічого не залежало. Були «трьохсоті», але легкі.

Коли я прийняв бат, першою ротою командував такий собі капітан-непорозуміння Браславський. Втратив дев'ять одиниць зброї, і в мене були мотивовані підозри, що їх не загубили, а продали. Я тоді досить потрудився, щоб військова прокуратура відкрила кримінальне провадження, і мені так здається, що його вже засудили.

Я ініціював кримінальну справу, я ініціював конкретні обвинувачення... щоб не замилили, не заховали... Дійшло до того, що на того Браславського мені, коли мене більш-менш народ узнав в 13-му батальйоні, бійці мені казали: «Командир, если вы не уберете Браславского, у вас будет еще один "двухсотый"». Отак от. [...] Я його відсторонив від роти. Прийшов нормальний, на цю роту прийшов Серьожа Косенко. До речі, він зараз також... Я тільки нещодавно взнав, що він на контракті. Це командир роти, який у мене вивчений з нуля як бойовий офіцер. Він був прикордонником, командиром застави... кадровий військовий. Він розумів трошки більше, ніж інші, що з ним прийшли після інститутів. Його одразу прийняли хлопці, тому що він не «піджак», він толковий.

Але ж я, знову ж таки, щоб так спілкуватися з людьми, щоб вимагати від них виконання наказів (чисто по-людськи), я ж не почав з пре-

сінга... Я що зробив? Я зробив нормальні санітарні умови скрізь, де був мій батальйон. Я заставив їх зробити нормальні столові, заставив умивальники нормальні зробити, туалети зробити нормальні. Мийку для посуду. Одноразовий посуд нам волонтьори возили. Нормальну столову в наметі, куди заходили і в дощ... А так вони з поддонов зложили собі такі столики і стояли біля кухні їли, хто як їли там, на грязюці їли... Я приїхав, подивився: «Бред якийсь. Сумашествіє сплюшне в 13-му батальйоні».

«МИ ТІ ЯМИ... КАЙЛУВАЛИ ТАК, ЩО КИРКА ЗАВЕРТАЛАСЯ БУБЛИКОМ»

В тому районі, де ми стояли і з 43-м, і з 13-м [батальйонами], були проблеми з інженерним облаштуванням позицій. Глиняний важкий ґрунт зі сланцем...

Камені?

А. Р. Так, камені. Такий сланец, було, що... знімав дьорн екскаватор, а на сланці ламав «зуби». Екскаватор на базі КРАЗу їхав: «Я не буду тут копати». Ми ті ями, ото що я вам малював, коли розказував за 43-й бат, кайлували так, що кирка заверталася бубликом. Ми її обрізали, заточували і далі кайлували. Від 1 м 70 см до 2 м сланец. Коли офіцери приїхали з штаба сектора, подивились, де ми вирили, на срезі, вони фотографували більше той срез, ніж інше. І [запитували]: «Чим ви рили тут?» Я кажу: «Осьо, подивіться на кирки». А там кирки – отакі пиндики пооставались.

Одним словом, ви з 13-м батом знайшли спільну мову?

А. Р. В 43-му була група «Француза», а це в нас була група комбата, «Медведя». Я, Серьожка, Вовка «Сенатор», «Вовк» Володя, і старшина роти був Саша, прапорщик, оце в нас була група... Володя, оцей, що... позивний «Вовк», який питав мене...

Про мотивацію?

А. Р. Так. Головний старшина роти. Після оказалось – нормальний мужик. [...] І оце ми облазили... Ми вкрали у «сепарів» трактор гусеничний (без мене, правда). Ми розвідали... А так як я в очереті дуже сильно впав і наштрикнувся на свій же ж автомат... думав, що ребра

поламав... то я тоді з ними не поїхав. Але ж треба було тил прикривати, вони когось взяли іншого. [...]

Випадок [схожий] був на Салангі (перевал), в Афганістані. Я з своїм бійцем... Там замело... заметіль була, і замело мотострілків. Вони стали і не могли проїхати. [...] Я пішов, розвідав, з моїм бійцем з одним, який мені був трошки зобов'язаний, того що я йому повірив і захистив від взвода, щоб його там не порішили, бо щось вкрав у хлопців. Він (його звали Вадік) пішов зі мною. Ми тоді у «духів» вкрали трактор, розчистили віраж траси на перевалі Саланг, коли війська вже йшли на вивод, і пропустили колону. Вночі. Заметіль на висоті десь 2,500 – 2,700 [км] над рівнем моря. В горах. Ми в кішлаку знайшли трактори... вкрали трактор фактично...

Вирішили тут повторити афганський досвід?

А. Р. Ми надибали трактор... І я подумав: а чого би і ні? Хлопці [під час] наступного виходу взяли з собою акумулятор...

Там уже не було жителів? Тобто це був трактор уже нічийний?

А. Р. Його хтось заховав. А ми забрали його на позиції. Той трактор рив у нас «опорники». А потім попав під обстріл, його покалічило осколками, і так він там, в Зайцевому тому, лишився. [...]

«САМЕ ГОЛОВНЕ – ЦЕ ЗАКОПАТИ ЛЮДЕЙ. ВОНИ ДУЖЕ СИЛЬНО УПИРАЛИСЯ»

Я по всьому Артёмовську, по всім стройкам закинутим позбирав плити. На мене Реві [мер Артемівська] пожалувалися, що краде плити комбат. Мене визвали. Я сказав: «Я зберу все... що познаходжу безхозне. У мене бліндажі повинні бути з надійним перекриттям». Я кажу: «Давайте я вас вивезу... до мене на... 212,9 висоту... і покажу...» А там отак плити... Ну, вони ж невеличкі, плити перекриття... Там, на тих плитах, після обстрілу по дві-три дірки, по дві, по три дірки, а це бліндаж. І «касетами» нас накривали! Касетними боеприпасами. Скоріше за все, «Ураганамі». [...]

Це вже в [20]15-му році? Були вже «Мінські домовленості»?

А. Р. Аякже, були. Це вони в них були, і нас паркетні генерали давили. [...] 13-й батальйон... Ми тут також «заробляли»... Здали металолом.

Солдат живе на війні, і для повноцінного життя йому потрібен надійний дім

[...] Я тільки в серпні 2015 року запчастин на технічну службу купив за кошти, власні кошти батальйону із металолому... на 37 тисяч. Тільки в серпні. І в мене досі єсть ті квитанції й чеки. У мене досі документація [зберігається]. [...]

У мене робоче місце кожного дня було на околиці Артёмівська в побитому реактивними снарядами п'ятиповерховому зданні якогось училища. Ми його зашили фанерой, трошки посклили, лівньовки поробили... там же все вирізали бомжі. Всього, це був у нас... пункт, де штаб і тил. А так все було в полях на «опорниках»...

Кожен день десь годині о восьмій – пів на дев'яту я сідаю з своїми хлопцями, з Серьогой і з Володею, і виїжджаю на 212,9...

Що це таке – 212,9?

А. Р. Це висота, де в нас передовий «опорник» був. Напротів – Гольмовській. [...] Ми там облаштували КНП комбата. А як робили... Треба ж бистро це робити. Я заявку даю в інженерно-саперний бат на екскаватор. Приходить екскаватор. Коли дивляться ці ж... старші, хто прийшов... де їм треба рити... «А там що? А це «сепари»? Я рити не буду». Я кажу: «Я не зрозумів: ти УБД маєш? Маєш. Ти бачиш, ми ходим з тобою нормально? Будеш рити». Сперечалися, сперечалися... Я кажу: «Що тобі треба? Давай я буду рядом з ковшом стояти, а ти

рий». І от вони рили. Рили, поки я стояв біля ковша. Як тільки я десь їхав по своїх справах, вони тікали. Тут я був для них як гарантія, що не підстрелять. [...] Чого вони так рішили?..

Тобто цей «опорник» у вас повністю під землею був?

А. Р. Тут у мене закопані були протівотанкісти двох видів. Там бани [лазні] у них також були... А це ж війна. Тут вони відпочивають, а тут... На кожній вогневій позиції... Наприклад [малює на аркуші], тут ДШК, тут ДШК, тут ПТУР... Були бліндажники малі, там зміна могла жити, в бліндажі, поряд з вогневою точкою. Їм три свистка – вони вискакують на позицію і давай воювати. [...]

А тут був кар'єр [з другого боку від позиції супротивника]. Отут гора, а тут кар'єр...

Так це ви прямо в горі закопались?

А. Р. Закопались. А склад боєприпасів у нас був отут, в кар'єрі, нижче ще метрів на вісім від рівня... [Малює.] Горлівка тут, Гольмовський тут. Попадає сюда... і воно ніяк не влучає [у склад боєприпасів]. Навіть нависом з крутим кутом міною – і то проблематично попасти.

Але якщо кар'єр?.. Якщо в кар'єр попадає? Там же віддача від стін, від каменю...

А. Р. Та не, там глина, воно осколки, все поглинає... Там не кам'яний кар'єр, там глиняний кар'єр. Осколки від міни, основний веєр при кутовому падінні більше направлений в сторону польоту. Небезпека є, але дуже невелика. [...]

На передку я ще робив так... Якщо в розрізі дивиться, ось... Де зенітки жили в мене... [...] В'язали колоди щитом і клали зі сторони противника, між ними слої глини та каміння, декілька таких накатів. Навіть якщо фугасний попаде, щоб не завдав значної шкоди. Пряме попаданіє з танку витримувало добре. Там хитрощів таких було...

Але саме головне – це закопати людей. Вони дуже сильно упиралися, особливо 13-й батальйон, дуже сильно... не хотіли копати. Кричали і сперечалися спочатку – мол, нехай нам інженери копають! Але коли на 212,9 перший раз по ним попрацював 88-міліметровий міномет, це пройшло. І копали, і рили. [...] Оці траншеї, що я показував, всі ходи, я заставив рить глибиною не менше двох метрів. Я сказав: «У мене ні одна людина на “опорніке” не вийде на поверхню». Все як було в Афгані, в камнях. Казав пацанам: «В Афгані в камінцях виривали, а ви

тут в глині не можете вирить?» Тобто я заставляв всіх екскаваторщиків рить не те, що їх учили в інженерних академіях... а так, як я хочу, як треба в даній ситуації. І перекривав тоді – деревом, плитами перекривав ці ходи. [...] В 13-му батальйоні у мене був один «двохсотий», бойовий. [...]

«Я ДУЖЕ-ДУЖЕ ЖАЛКУЮ, ЩО ПОРЯД З МОЇМ ЖИТЛОМ БЛИЗЬКО НЕМА... ДИКОГО ЛІСУ»

У мене в опитувальнику є запитання про достойну людину, яке я ставлю всім своїм респондентам. Як ви вважаєте, носія яких людських якостей можна вважати достойною людиною?

А. Р. Я – реаліст. І я розумію, що нікого в світі немає ідеального, чистого, білого і пухнастого. Крім того, цей... «совок» на генному рівні в нас є.

А в чому він виражається?

А. Р. «Совок» на генному рівні – це перше, перше і саме головне. Якщо ми його позбудемося... Я його позбувся, цієї риси... Якщо ми подолаємо в нас раба, то ми будемо щасливі. Тому що люди повинні зрозуміти: не громадяни для держави, а держава для людей. Це ми їх наймаємо на роботу, а не вони нас, і це вони повинні виконувати свою роботу і звітувати нам. Ми їм нічим не зобов'язані, це вони нам зобов'язані. [...] Оце мій принцип. Я не буду ніколи чекати, коли службовець, який зобов'язаний в робочий час прийняти мене, сидить і п'є каву. Я відкрию двері, і кава буде на ньому. [...]

Отже, риси достойної людини: перебороти раба...

А. Р. Перше – перебороти раба, і друге – відчуття власного достоїнства...

Гідності.

А. Р. Власної гідності. [...] А це ж, відчуття власної гідності, стосується усього. І не тільки до зовнішніх якихось впливів ти відчуваєш це, а важливіше відчувати це до себе. Чи ні? Я от можу тут обманути, я можу Віту [показує на співробітницю] обманути, Віта може мене обманути. [...] А себе ж не обманеш. [...]

А під землею вирує солдатське життя.
Бліндаж взводу зв'язку 43-го ОМПБ. 2015 р.

Тобто для вас важливо бути чесним із собою? Бути НАСПРАВДІ тим, ким ви себе відчуваєте?

А. Р. Я, наприклад, в Фейсбуці з одного моменту почав спілкуватися взагалі без російської мови. Українська мова – і тільки. [...] Якимось у мене стрельнуло так... «Чекай. Я українець. Зараз не те що там якийсь рух чи ще щось. Я можу нормально спілкуватися і ідентифікувати себе мовою як українець. Чому я маю піддаштовуватися на території держави України під когось? Це вони повинні прилаштовуватися до українця». І перетинаючи кордон... «...интеллигентные люди, образованные люди... переходят при пересечении границы на язык того государства...» Це я запам'ятав колись давно, ще в совдеповському фільмі...

Пане Анатолію, а от ви цікаву штуку сказали, що «себе не обдуриш». Це для того, щоби зберегти внутрішню цілісність, бути собою?

А. Р. Ви правильно сказали. Бути собою. По життю у мене таке прави-

ло: мені цікаві інші люди, мені цікаві вислови, думки і все таке інше, але рішення приймаю я сам. Я цікавлюся думками розумних людей, авторитетних людей, тих, про кого кажуть, що вони «авторитетні». Єсть беззаперечні авторитети, наприклад, той же самий Гузар. Хоча я – атеїст. Зразу признаюся: я – жорсткий атеїст. Мені важлива думка ближніх і думка друзів, думка тих людей, кого я знаю і поважаю, думка спеціаліста. [...] Але, знову ж таки, коли приймаю рішення, я беру свої доводи, її доводи [іншої людини] і – що переважить. Здоровий глузд переважає. І самопочуття, що ти чиниш правильно [теж є важливим]. Намагаюся так робити, але, знову ж таки, я – нормальна, не ідеальна людина.

Це не якась... «Я так сказав, і так буде!» [...] Якщо ти знаєш, що ти вчинив неправильно, то відкрито, одразу, як ти зрозумів, відкрито скажи людині, з ким ти вчинив неправильно. [...] Я в Азербайджані строїв роту, виходив і казав: «Вийти сюди!» – солдатака, сročника, йому 19 років... Я його виводив і казав: «Рота, я вчора на вечірній повірці перед вами сказав то-то і то-то, не перевірили. Я... Вибачте мене, я не подумавши брякнув, не ображайтеся, я беру свої [слова] назад, вибачайте...» Перед усіма отак от. Завжди так робив. [...] Останній раз на полігоні під Харковом построїв батальйон і запитав: «Чи я когось дарма наказав? Якщо так, то підніміть руки». Не підняв ніхто, і я далекий від думки, що побоялися.

Якщо ти не будеш поважати себе, в тебе не буде відповідальності за свої вчинки, ти не будеш поважати тих людей... хто поряд з тобою – як ти будеш жити? Як я буду жити? Я змінився після всіх цих моїх війн. Може, я від цього з рослинами почав розмовляти. Розмовляю з деревами, з виноградом я розмовляю. Це виноград... це лоза життя. [...]

В мене таке кредо в житті... Людина – думаюча людина, человек разумний... І не буває такого, що [думаюча людина] не може щось зробити. Треба просто задатися цілком, взяти навчитися, подивитися, як інші роблять, поспробувати, помилитися, а потім зробити...

Тобто ви живете в гармонії зі світом?

А. Р. Я – лісова людина. Я коли з Азербайджана у відпустку приїжджав у Білу Церкву, я їхав до... діда вже не було... бабуля жила. До речі, вона навчила мене збирати гриби і відрізняти нормальні від ненормальних. Я міг взяти якийсь там шмат сала, часничину, хліба і піти на двоє, на троє діб у ліс і без нічого прожити в лісі. Просто так

А. Родіонов: «Це виноград... це лоза життя»

от, в гармонії. [...] Для мене це так. І я дуже-дуже жалкую, що поряд з моїм житлом близько там нема лісу. Я дуже жалкую. Такого дикого лісу... [...]

Пане Анатолію, я вам дуже вдячна за таку відверту розмову... Хочу вам запропонувати іще одне запитання: як ви бачите свою місію захисника після демобілізації? Як захищаєте цінності, за які воювали?

А. Р. Місія захисника після повернення з фронту... По-перше, я як адвокат займаюся... Це боротьба з місцевою владою Покровська, прокуратурою, поліцією, адміністрацією ЦРЛ (лікарні) Покровської за нормальних людей. Я борюся не на життя, а на смерть за них. І я... кистьми ляжу, якщо воно так не буде, як воно повинно бути. [...] Як боєць я там. І їм, друзям, також складно зі мною, тому що я вимагаю виконувати те, що я кажу: ви повинні це зробити, щоб нам зробити потім благо. [...]

Мені розповідали, що ви плануєте також працювати з молоддю. Чого ви їх будете навчати?

А. Р. [...] У нас буде колишній табір «Орлятко»... в нашому віданні, підприємства. Там ліс сосновий. [...] Будем збори проводить і людей навчати... як виживати на війні. [...] Не дай Бог що – вони будуть уже обучені, і вони по певним напрямкам будуть [готові діяти]... Оце я хочу робити. [...]

Розмову провела Ірина Рева

05.07.2017

Інтерв'ю подається з виправленнями респондента

Наукове видання

ІРИНА РЕВА

ВОЇНИ ДНІПРА: ЦІННОСТІ, МОТИВАЦІЇ, СМИСЛИ

Відповідальний редактор: Тетяна Ковтунович

Редактор: Тетяна Небесна

Дизайн, верстка: Володимир Даниленко

Фото на обкладинці: Ірина Цвіла

Український інститут національної пам'яті

01021, м. Київ, вул. Липська, 16

www.memory.gov.ua

uinp@memory.gov.ua

Видавництво «К.І.С.»

04080 Київ-80, а/с 1, тел. (044) 462 5269, 462 5270, kis.prom.ua

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК №6522 від 06.12.2018 р.

Підписано до друку: 11.11.2020 р.

Формат 70x100/16. Ум. друк. арк.: 29

Друк: офсетний. Гарнітура: Bandera Text, ZionTrain

Наклад: 800 прим. Замовлення:

Друк:

Printed in Ukraine